Эдуард Михайлович Загорульский

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В I – НАЧАЛЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ

Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Э. М. Загорульского

Минск, 6–7 декабря 2018 г.

МИНСК
БГУ
2018

УДК 39(476)(06)
ББК 63.5(4Беи)я431
Э92

Редакционная коллегия:
А. А. Егорейченко (науч. ред.), П. С. Курлович,
В. Г. Белевец, В. М. Сидорович, В. В. Гриб

Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале
Э92 II тысячелетия нашей эры : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию проф. Э. М. Загорульского, Минск, 6–7 декабря 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. А. Егорейченко (науч. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – 211 с. : ил.
ISBN 978-985-566-669-2.

Издание посвящено 90-летию выдающегося белорусского археолога, доктора исторических наук, профессора Э. М. Загорульского. Включены статьи юбиляра, его коллег и учеников из Беларуси, России и Украины. Рассматриваются различные аспекты этнокультурной ситуации на территории современной Беларуси и близлежащих земель в железном веке и Средневековье. В научный оборот вводятся новые материалы.

Адресуется археологам, историкам, краеведам, музейным работникам.

УДК 39(476)(06)
ББК 63.5(4Беи)я431

ISBN 978-985-566-669-2

© БГУ, 2018

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИППЗ –	Археология и история Пскова и Псковской земли
АО –	Археологические открытия
АСГЭ –	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГУ (БДУ) –	Белорусский государственный университет (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)
БСЭ –	Беларуская савецкая энцыклапедыя
ГАЗ –	Гістарычна-археалагічны зборнік
ГИМ –	Государственный исторический музей
ИА РАН –	Институт археологии Российской академии наук
ИЮМ –	Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской
КМИД –	Киевский музей исторических драгоценностей
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК –	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАБ –	Матэрыялы па археалогіі Беларусі
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР
МКАС –	Международный конгресс археологов-славистов
НА ІАНАНУ –	Науковий архів Інститута археології Національної академії наук України
ПГКБ –	Помнікі гісторыі і культуры Беларусі
ПВЛ –	Повесть временных лет
ПСРЛ –	Полное собрание русских летописей
СА –	Советская археология
ТАС –	Тверской археологический сборник
ЦНА НАН Беларусі –	Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
ФАНД –	Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі

КАРОТКІ НАРЫС НАВУКОВАЙ, НАВУКОВА-АРГАНІЗАЦЫЙНАЙ, ПЕДАГАГІЧНАЙ, ГРАМАДСКАЙ ДЗЕЙНАСЦІ ПРАФЕСАРА Э. М. ЗАГАРУЛЬСКАГА

***А. А. Егарэйчанка*[1)], *В. Л. Ліпніцкая*[1)], *В. У. Мядзведзева*[2)]**

[1)]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,* [2)]*Інстытут гісторыі НАН Беларусі, г. Мінск, Беларусь*

Загарульскі Эдуард Міхайлавіч – выдатны беларускі археолаг і гісторык, імя якога шырока вядома не толькі ў Беларусі, але і далёка па-за яе межамі. Ён нарадзіўся 18 снежня 1928 года ў горадзе Тула (Расія). Кандыдат гістарычных навук (1962), доктар гістарычных навук (1984), прафесар (1986).

Кандыдацкая дысертацыя абаронена ім па тэме: «Древний Минск (Историко-археологический очерк)», доктарская дысертацыя – «Древняя история Белоруссии».

У 1953 годзе ён скончыў гістарычны факультэт Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава, а ў 1957 годзе – аспірантуру Інстытута гісторыі АН БССР па спецыяльнасці «археалогія».

У 1957–1961 гадах Э. М. Загарульскі працаваў навуковым супрацоўнікам у Інстытуце гісторыі АН БССР, у 1962–2015 гг. – выкладаў археалогію на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. У 1973 г. па яго ініцыятыве на гістфаку БДУ была адкрыта кафедра археалогіі, этнаграфіі і дапаможных гістарычных дысцыплін, якую ён паспяхова ўзначальваў 24 гады. У 1986–1991 гг. Эдуард Міхайлавіч з’яўляўся дэканам гістарычнага факультэта БДУ.

Станаўленне Э. М. Загарульскага як навукоўца адносіцца да гадоў аспіранцкай юнацкасці. Першыя свае самастойныя археалагічныя даследаванні ён правёў у 1957 г. Гэта былі раскопкі сярэдневяковага курганнага могільгіку каля г. п. Заслаўе Мінскага р-на Мінскай вобл. У 1957–1961 гг. Э. М. Загарульскі ўзначаліў археалагічнае вывучэнне Мінска. Актыўныя палявыя даследаванні завяршыліся бліскучымі навуковымі вынікамі, якія былі абагульнены ім спачатку ў кандыдацкай дысертацыі, а потым у навукова-папулярнай кнізе «Древний Минск» (1963). Аднак гэта тэма і потым працягвала цікавіць даследчыка і пасля дадатковых палявых і тэарэтычных пошукаў была рэалізавана ў капітальнай працы «Возникновение Минска» (1982). Абапіраючыся на археалагічныя і гістарычныя дадзеныя, Эдуард Міхайлавіч аргументавана адстойвае ідэю пра ўзнікненне Менска на Свіслачы, а не на Менцы, як гэта мяркуюць некаторыя даследчыкі. Ім пераканаўча перагледжаны асноўныя палажэнні В. Р. Тарасенка, які займаўся вывучэннем Менска ў канцы 1940-х – пачатку 1950-х гадоў, пра шляхі ўзнікнення горада і яго першапачатковай тэрыторыі. Як паказаў Э. М. Загарульскі, узнікненне горада звязана з крэпасцю, а дзядзінец займаў значна большую тэрыторыю, у параўнанні з той, якую адводзіў яму В. Р. Тарасенка. Манаграфія даследчыка «Возникновение Минска» дагэтуль застаецца адным з найлепшых узораў крыніцазнаўчага аналізу старажытнарускага горада.

Пачынаючы з канца 1960-х гадоў, у сферу навуковых інтарэсаў даследчыка актыўна ўваходзіць адна з найважнейшых тэм айчыннай археалагічнай навукі – праблема паходжання і ранняй гісторыі славян, над рашэннем якой працуе ўжо не адно пакаленне навукоўцаў рознага профілю. Кропку адліку славянскага этнагенезу Э. М. Загарульскі пачынае з адной з самых выбітных культур Цэнтральнай Еўропы эпохі ранняй бронзы – культуры шарападобных амфар. Разглядаючы пазнейшае славянскае рассяленне, ён мяркуе, што каланізацыя славянамі тэрыторыі Беларусі адбывалася павольна і канчаткова завяршылася толькі да канца I тыс. н. э. Вузлавыя моманты гэтай канцэпцыі былі ім выкладзены ў манаграфіі «Древняя история Белоруссии. Очерк этнической истории и материальной

культуры до IX в.» (1977), доктарскай дысертацыі, абароненай у МДУ ў 1984 г., у манаграфіях «Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси» (2013) і «Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века» (2013 і перавыданне яе з дапаўненнямі ў 2014 годзе), а таксама ў цэлым шэрагу артыкулаў.

У манаграфіі «Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси», комплексна прааналізаваўшы пісьмовыя, археалагічныя, этнаграфічныя і антрапалагічныя крыніцы, Э. М. Загарульскі ахарактарызаваў асноўныя этапы этнічнай гісторыі славян, час і накірункі іх міграцый у месцы, дзе іх застала пісьмовая гісторыя. Ім распрацавана арыгінальная гіпотэза, паводле якой першай славянскай культурай была культура шарападобных амфар, распаўсюджаная ў Цэнтральнай Еўропе ў III тыс. да н. э. Аўтар паслядоўна прасачыў сувязі носьбітаў гэтай агульнасці з наступнымі культурамі ажно да з'яўлення летапісных славян. Эдуард Міхайлавіч быў і застаецца прыхільнікам існавання старажытнарускай народнасці, якая з'яўлялася асновай для фарміравання беларусаў, рускіх і ўкраінцаў.

У манаграфіі «Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века» даследчыкам пададзена характарыстыка этнічнай гісторыі з моманту з'яўлення ўсходніх славян і да татара-мангольскага нашэсця. У ёй аналізуюцца такія складаныя праблемы як фарміраванне мовы мясцовага насельніцтва, этнічнай самасвядомасці, культурнай самаідэнтыфікацыі. Шмат увагі ў працы нададзена эканамічнаму і духоўнаму жыццю насельніцтва беларускіх земляў. Адмысловая частка прысвечана хрысціянізацыі і звязанай з ёй мураванай архітэктурай Белай Русі. І ў гэтай частцы ў аўтара маюцца свае арыгінальныя погляды, перш за ўсё на датаванне асобных царкоўных пабудоў.

Фундаментальныя працы Э. М. Загарульскага маюць не толькі важнае навуковае значэнне, яны таксама служаць мэтам патрыятычнага і духоўнага выхавання грамадзян Беларусі.

Прадметам навуковых пошукаў даследчыка, як і раней, застаюцца старажытныя гарады на тэрыторыі Беларусі: іх паходжанне, матэрыяльная і духоўная культура, побыт і заняткі гараджан.

Э. М. Загарульскі на археалагічных раскопках у Мінску, 1959 г.

На гарадзішчы ў Свіслачы (Асіповіцкі раён), 1973

Распрацоўка тэарэтычных палажэнняў і пэўных навуковых высноў Э. М. Загарульскага шмат у чым грунтуецца на выніках уласных палявых пошукаў, якімі ён займаўся на працягу звыш 30 гадоў. Пад яго кіраўніцтвам ажыццяўляліся самыя буйныя на тэрыторыі Беларусі раскопкі раннесярэдневяковага горада – Мінска. Шмат гадоў ён прысвяціў даследаванню падняпроўскіх гарадоў і замкаў: Гарадзішча, Копысі, Свіслачы, Стрэшына, Рагачова і інш. Сярод гэтых прац адмысловай увагі заслугоўваюць раскопкі Вішчынскага замку XII–XIII стст., якія вяліся на працягу 1976–1985 гг. Падчас гэтых палявых даследаванняў стала магчымым ахарактарызаваць абарончыя збудаванні, планіроўку і забудову, матэрыяльную культуру яго насельнікаў. Сенсацыйным адкрыццём на гэтым помніку стала выяўленне ўнікальнага па сваім складзе і навуковай значнасці грашова-рэчавага скарбу, у склад якога ўваходзілі высокамастацкія срэбныя ўпрыгожванні старажытнарускай пары і грашовыя зліткі-грыўны розных тыпаў. Вынікі гэтай крапатлівай працы падведзены навукоўцам у капітальнай манаграфіі «Вищинский замок» (2004).

На раскопках курганоў у в. Сенніца Мінскага раёна (у цэнтры Э. М. Загарульскі), 1974 г.

Адначасова з вывучэннем гарадскіх паселішчаў Э. М. Загарульскі праводзіў раскопкі пахавальных помнікаў усходніх славян – курганоў каля Заслаўя, Навасадаў, Сенніцы і іншых месцаў. У сувязі з распрацоўкай этнічных працэсаў даследчык шмат увагі надаваў і вывучэнню больш ранніх помнікаў. Ім праведзены раскопкі гарадзішчаў жалезнага веку: Гарадзішча Мядзельскага раёна і Малышкі Вілейскага раёна Мінскай вобласці, а таксама Кісцяні Рагачоўскага раёна Гомельскай вобласці.

Эдуард Міхайлавіч – прызнаны палявы даследчык, якога заўсёды характарызаваў наватарскі падыход. У яго экспедыцыях прайшлі палявую практыку шматлікія археолагі Беларусі, якія складаюць цяпер аснову нацыянальных археалагічных кадраў.

Асаблівай увагі заслугоўвае навукова-педагагічная дзейнасць даследчыка. Яго заўсёды адрознівалі строга вывераныя і ў той жа час яркія па майстэрстве выкладу лекцыі, якія суправаджаліся слайдамі, а пазней кіна- і відэастужкамі, падрыхтаванымі ім самім. Раскрываючы гэты бок працы, амаль заўсёды хочацца дадаць слова – ўпершыню. Задоўга да пераходу на новую сістэму падрыхтоўкі спецыялістаў Э. М. Загарульскі ўжо ўжываў модульна-рэйтынгавую сістэму. Упершыню на гістарычным факультэце ён увёў у практыку тэставанне студэнтаў спачатку на машынах КІСІ-5, а пасля на кампутарах. Э. М. Загарульскі – аўтар першага і пакуль адзінага падручніка па беларускай археалогіі – «Археология Белоруссии» (1965), які да гэтага часу з'яўляецца настольнай кнігай для археолагаў. Па яго ініцыятыве і пры непасрэдным удзеле супрацоўнікамі кафедры археалогіі, этнаграфіі і дапаможных гістарычных дысцыплін створаны падручнік «Историческое краеведение Белоруссии» (1980), па якім працягваюць вучыцца і цяперашнія студэнты. Істотнай дапамогай для студэнтаў гістарычных факультэтаў стаў навучальны дапаможнік «Заходняя Русь IX–XIII стст.» (1998).

Трэба адзначыць, што Эдуард Міхайлавіч на працягу шматлікіх дзесяцігоддзяў з'яўляецца актыўным папулярызатарам гістарычнай і археалагічнай навукі. Шмат матэрыялаў было апублікавана ім у разнастайных навукова-папулярных выданнях – «Маладосць», «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», «Нёман», «Спадчына» і інш., а таксама ў шматлікіх энцыклапедыях – «Беларуская энцыклапедыя», «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі», «Зборы помнікаў гісторыі і культуры Беларусі», «Археалогія і нумізматыка Беларусі», «Археалогія Беларусі» і інш.

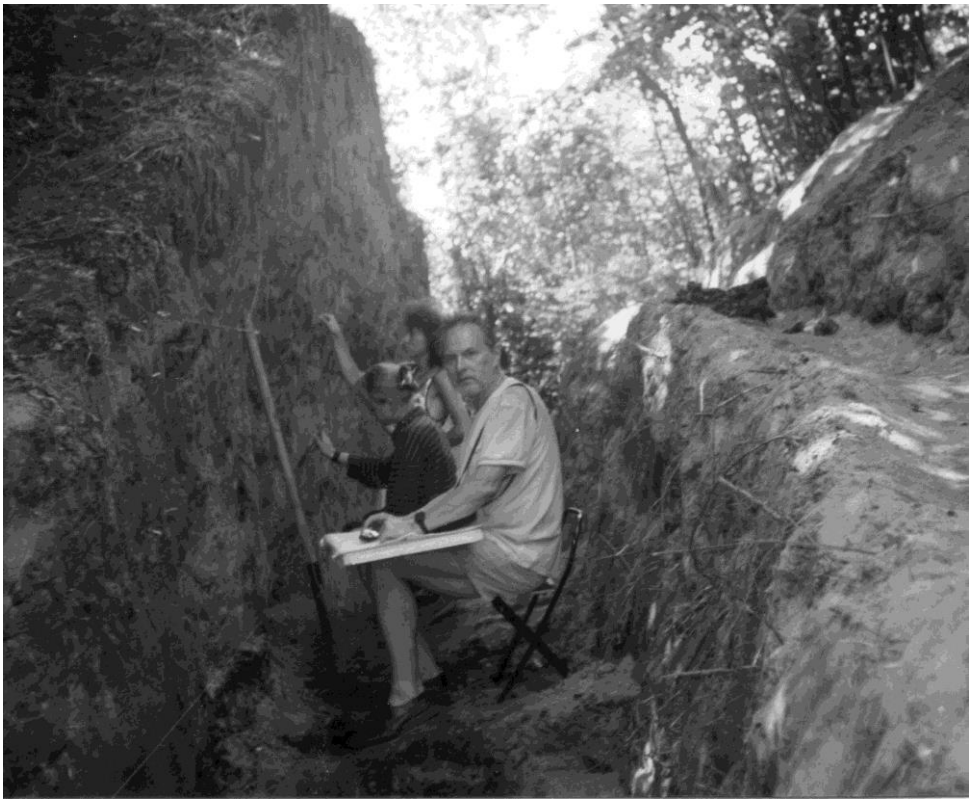
Варта адзначыць і плённую шматгадовую грамадскую працу Эдуарда Міхайлавіча. Ён доўгі час з'яўляўся актыўным членам беларускага таварыства «Веды» (1950-я – 1990-я гг.). У 1970-х – 1990-х гг. – ён член прэзідыума дабраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры пры Савеце Міністраў БССР, адначасова паспяхова ўзначальваў Мінскае гарадское таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры. Вельмі актыўна навуковец працаваў і на пасадзе старшыні секцыі гістарычных навук Міністэрства вышэйшай і сярэдняй адукацыі БССР (1970-я – 1990-я гг.).

Шмат увагі надае Эдуард Міхайлавіч падрыхтоўцы падручнікаў для сярэдняй школы. Ён з'яўляўся адным з аўтараў «Истории БССР» (1984) і «Гісторыі БССР» (на бел. і рус. мовах, 1989), а таксама двух атласаў для школ. Ім асабіста былі напісаны падручнікі па «Гісторыі Беларусі» для 4-х (2001), 5-х (1998) і 6-х (1999) класаў. Для ўсіх, хто цікавіцца гісторыяй нашай краіны, Э. М. Загарульскі напісаў «Историю Беларуси в кратком изложении» (2002). Трэба адзначыць і ўдзелы навукоўца ў падрыхтоўцы шэрагу абагульняючых прац: «История Белорусской ССР» (1961), «Гісторыя Беларускай ССР» (1972) і «Гісторыя сялянства Беларусі» (1997). Усяго ім апублікавана 10 аўтарскіх манаграфій і брашур, акрамя таго, некалькі вучэбных дапаможнікаў і падручнікаў для ВНУ і школ, шматлікія навучальныя праграмы і метадычныя рэкамендацыі для студэнтаў, а таксама звыш 120 артыкулаў у розных навуковых, навукова-папулярных і энцыклапедычных выданнях.

Э. М. Загарульскі з'яўляецца сапраўдным членам Беларускай акадэміі адукацыі (з 1996 года). Ён узнагароджаны нагрудным знакам Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР «За отличные успехи в работе», Ганаровай граматай Вярхоўнага Савета БССР, Ганаровай

граматай Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Ганаровай граматай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь, а таксама шматлікімі граматамі і падзякамі Міністэрства вышэйшай і сярэдняй адукацыі і рэктарата БДУ. За вялікія заслугі ў сферы навучання і адукацыі яму былі прысвоены ганаровая званні – «Заслуженный работник образования Республики Беларусь» (1996) і «Заслуженный работник Белорусского государственного университета» (2010).

Праца з археалагічнымі знаходкамі на кафедры



Э. М. Загарульскі на раскопках, 1981 г.

Э. М. Загарульскі, Б. А. Рыбакоў, Л. Д. Побаль. Чарнігаў, 1956 г.

Э. М. Загарульскі з К. Гадлоўскім. Сандамір, 1990 г.

АСНОЎНЫЯ ДАТЫ ЖЫЦЦЯ І ДЗЕЙНАСЦІ Э. М. ЗАГАРУЛЬСКАГА

18.12.1928 – нарадзіўся ў г. Тула (Расія).

1953 г. – скончыў гістарычны факультэт Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава.

1957 г. – скончыў аспірантуру Інстытута гісторыі АН БССР па спецыяльнасці «археалогія».

1957–1962 гг. – працаваў навуковым супрацоўнікам у Інстытуце гісторыі АН БССР.

1957 г. – першыя самастойныя раскопкі курганоў каля г. п. Заслаўе Мінскага р-на Мінскай вобл.

1957–1961 гг. – праводзіў археалагічныя раскопкі на тэрыторыі г. Мінска.

1962 г. – абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму: «Древний Минск (Историко-археологический очерк)».

1962–1994 гг. – праводзіў актыўныя археалагічныя даследаванні на тэрыторыях Мінскай, Магілёўскай, Гомельскай і Віцебскай абласцей.

1962–2015 гг. – выкладаў археалогію на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

1963 г. – выйшла манаграфія «Древний Минск».

1965 г. – выдаў першы падручнік па археалогіі Беларусі «Археология Белоруссии: учебное пособие для исторических факультетов вузов БССР».

1967 г. – узнагароджаны граматай Прэзідыума праўлення таварыства «Веды».

1973 г. – па яго ініцыятыве на гістфаку БДУ была адкрыта кафедра археалогіі, этнаграфіі і дапаможных гістарычных дысцыплін, якую ён узначальваў 24 гады.

1976–1985 гг. – узначальваў раскопкі Вішчынскага замка (XII–XIII стст.).

1977 г. – выйшла манаграфія «Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.)».

1970-я гг. – узнагароджаны нагрудным знакам Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР «За отличные успехи в работе».

1970-я – 2000-я гг. – узнагароджаны граматамі Міністэрства вышэйшай і сярэдняй адукацыі.

1970-я – 2000-я гг. – узнагароджаны шматлікімі граматамі і падзякамі рэктарата БДУ.

1980 г. – у сааўтарстве і пад яго рэдакцыяй выйшаў дапаможнік «Историческое краеведение Белоруссии: учебное пособие».

Сектар археалогіі, май 1960 г.

Кафедра археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін, май 2013 г.

1982 г. – выйшла манаграфія «Возникновение Минска».

1984 г. – абараніў доктарскую дысертацыю на тэму: «Древняя история Белоруссии».

1986 г. – атрымаў званне прафесара.

1986–1991 гг. – з'яўляўся дэканам гістарычнага факультэта БДУ.

1989 г. – выйшлі падручнікі для школы на беларускай і рускай мовах «Гісторыя БССР: падручнік для 8–9-х класаў сярэдняй школы».

1990 г. – узнагароджаны Ганаровай граматай Вярхоўнага Савета БССР.

1994 г. – выйшла брашура «Генеалогия полоцких князей Изяславичей».

1996 г. – выйшла кніга «Начало формирования населения Белоруссии (дославянский период)».

1996 г. – выбраны сапраўдным членам Беларускай акадэміі адукацыі.

1996 г. – прысвоена ганаровае званне «Заслуженный работник образования Республики Беларусь».

1998 г. – узнагароджаны Ганаровай граматай Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь.

1998 г. – выйшаў вучэбны дапаможнік «Заходняя Русь IX–XIII стст.: Вучэбны дапаможнік для студэнтаў гістарычных факультэтаў ВНУ».

1998 г. – выйшаў падручнік «Гісторыя Беларусі са старажытнейшых часоў да сярэдзіны I тысячагоддзя н. э.: Падручнік для 5 класа агульнаадукацыйнай школы».

2001 г. – выйшаў падручнік «Гісторыя Беларусі са старажытнейшых часоў да сярэдзіны I тысячагоддзя нашай эры: Вучэбны дапаможнік для 4-га кл. агульнаадукацыйнай школы з беларускай і рускай мовамі навучання»

2002 г. – выйшла кніга «История Беларуси в кратком изложении» у серыі «Вокруг света».

2003 г. – узнагароджаны Ганаровай граматай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь.

2004 г. – выйшла манаграфія «Вищинский замок XII–XIII вв.».

2010 г. – прысвоена ганаровае званне «Заслуженный работник Белорусского государственного университета».

2012 г. – выйшла манаграфія «Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси».

2013, 2014 гг. – выйшлі два выданні манаграфіі «Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века».

ЛІТАРАТУРА АБ ЖЫЦЦІ І ДЗЕЙНАСЦІ ПРАФЕСАРА Э. М. ЗАГАРУЛЬСКАГА

1985

1. Загарульскі Эдуард Міхайлавіч // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. – Мінск, 1985. – Т. 2. – С. 472.

1993

2. Загарульскі Эдуард Міхайлавіч // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя / Рэдкал.: В. В. Гетаў і інш. – Мінск, 1993. – С. 258.

1996

3. Загарульскі Эдуард Міхайлавіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. – Мінск, 1996. – Т. 3. – С. 394.

1998

4. Загарульскі Эдуард Міхайлавіч // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. – Мінск, 1998. – Т. 6. – С. 496.

5. Егорейченко, А. А. К 70-летию Эдуарда Михайловича Загорульского / А. А. Егорейченко // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). – Минск, 1998. – С. 4–5.

6. Список основных печатных работ Э. М. Загорульского // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). – Минск, 1998. – С. 6–9.

1999

7. Егорейченко, А. А. Эдуард Михайлович Загорульский / А. А. Егорейченко // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – Мінск, 1999. – Серыя 3. – № 1. – С. 79.

2001

8. Загорульский Эдуард Михайлович // Прафесары і дактары навук Беларускага Дзяржаўнага Універсітэта / Склад. А. А. Яноўскі. – Мінск, 2001. – С. 100–101.

2003

9. Егорейченко, А. А. Эдуард Михайлович Загорульский / А. А. Егорейченко // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. – Мінск, 2003. – Серыя 3. – № 3. – С. 116–117.

2004

10. Загарульскі Эдуард Міхайлавіч // Гістарычны факультэт. Да 70-годдзя заснавання. – Мінск, 2004. – С. 55.

11. Егарэйчанка, А. А. Чалавек энцыклапедычных ведаў і надзвычайнай працавітасці: Да 75-годдзя Эдуарда Міхайлавіча Загарульскага / А. А. Егарэйчанка // Беларускі гістарычны часопіс. – Мінск, 2004. – № 1. – С. 43–44.

12. Егорейченко, А. А. К 75-летию Эдуарда Михайловича Загорульского / А. А. Егорейченко // Восточная Европа в древности и средневековье: Докл. Межд. науч. конф., посвящ. 75-летию проф. Э. М. Загорульского. – Минск, 2004. – С. 3–4.

2005

13. Егорейченко, А. А. К 75-летию Эдуарда Михайловича Загорульского / А. А. Егорейченко // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. – Мінск, 2005. – Вып. 2. – С. 42–46.

2006

14. Ваганова, А. Н. Эдуард Михайлович Загорульский / А. Н. Ваганова, А. А. Егорейченко, В. А. Теплова // Працы гістарычнага факультэта БДУ. – Мінск, 2006. – Вып. 1. – С. 290–293.

2007

15. Загарульскі Эдуард Міхайлавіч // Корзенко Г. В. Историки Беларуси в начале XXI столетия: биобиблиогр. справ. – Минск, 2007. – С. 129.

2008

16. Загорульский Эдуард Михайлович // Институт истории Национальной академии наук Беларуси в лицах (1929–2008 гг.): биобиблиогр. справ. / Корзенко Г. В. [и др.]. – Минск, 2008. – С. 179.

17. Стрелец, М. Эдуард Михайлович Загорульский: портрет ученого и педагога / М. Стрелец // Гісторыя: праблемы выкладання. – Мінск, 2008. – № 11. – С. 61–62.

2009

18. Егарэйчанка, А. А. Загарульскі Эдуард Міхайлавіч / А. А. Егарэйчанка // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя. У 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2009. – Т. 1. – С. 348.

19. Егорейченко, А. А. К 80-летию Эдуарда Михайловича Загорульского / А. А. Егорейченко // Древняя история Восточной Европы: сб. науч. ст., посвящ. 80-летию проф. Э. М. Загорульского. – Минск, 2009. – С. 3–5.

20. Егорейченко, А. А. Эдуард Михайлович Загорульский / А. А. Егорейченко // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. – Мінск, 2009. – Серыя 3. – № 1. – С. 131–132.

2012

21. Егорейченко, А. А. Загорульский Эдуард Михайлович / А. А. Егорейченко // Регионы Беларуси: энциклопедия. В 7 т. – Минск, 2012. – Т. 3. Гомельская область. В 2 кн. – Кн. 1. – С. 276.

2013

22. Егарэйчанка, А. А. Загарульскі Эдуард Міхайлавіч / А. А. Егарэйчанка // Культура Беларусі: энцыклапедыя / Рэдкал.: У. Ю. Аляксандраў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2013. – Т. 4. – С. 11–12.

2014

23. Ваганова, А. Н. Эдуард Михайлович Загорульский / А. Н. Ваганова, А. А. Егорейченко // Веснік БДУ. – Мінск, 2014. – Серыя 3. – № 1. – С. 88–89.

БІБЛІЯГРАФІЧНЫ ПАКАЗАЛЬНІК

І. СПІС АРХІЎНЫХ МАТЭРЫЯЛАЎ Э. М. ЗАГАРУЛЬСКАГА

1. **Загорульский, Э. М.** Древний Минск (по материалам археологических раскопок 1945–1951 гг., 1957–1959 гг.) / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 117. – 236 с.

Рукапіс у машынапісу. 1960 г.

2. **Загорульский, Э. М.** Об обследовании неолитических шахт в Красном Селе в 1955 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 142. – 3 с.

Абследаванне неалітычных крамянёвых шахт каля в. Краснае Сяло Ваўкавыскага раёна Гродзенскай вобласці.

3. **Загорульский, Э. М.** Отчет о раскопках курганов в районе Заславля Минской области в 1957 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 363. – 12 с.

Археалагічныя раскопкі курганоў каля г. Заслаўя Мінскага раёна Мінскай вобласці.

4. **Загорульский, Э. М.** Полевые дневники раскопа I Минской археологической экспедиции 1958 г. Минское Замчище / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 1282. – 2 тетради.

Археалагічныя раскопкі на тэрыторыі Замчышча г. Мінска.

5. **Загорульский, Э. М.** Полевой дневник раскопа II Минской археологической экспедиции 1958 г. Минское Замчище. Коллекционные описи за 1959 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 1283. – 2 тетради.

Археалагічныя раскопкі на тэрыторыі Замчышча г. Мінска.

6. **Загорульский, Э. М.** Коллекционная опись предметов, найденных при раскопках Минского Замчища в 1958 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 1292, 1292а. – 4 тетради.

Археалагічныя раскопкі на тэрыторыі Замчышча г. Мінска.

7. **Загорульский, Э. М.** Опись индивидуальных предметов, найденных при раскопках Минского Замчища в 1959 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 1264. – 116 с., 37 илл., 1 с. докладная В. Р. Тарасенко, 2 журнала учета фотоснимков за 1946 и 1949 гг., 3 с. план.

8. **Загорульский, Э. М.** Отчет о работе Минской археологической экспедиции Ин-та истории АН БССР в 1960 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 101. – 12 с.

Археалагічныя раскопкі на тэрыторыі старажытнага дзядзінца г. Мінска.

9. **Загорульский, Э. М.** Краткая информация о полевых работах Минского отряда археологической экспедиции Института истории АН БССР в 1962 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 143. – 4 с.

Археалагічнае абследаванне гарадзішча ў г. Дзяржынску Мінскай вобласці. Археалагічныя раскопкі гарадзішча XI–XIV стст. каля в. Свіслач Асіповіцкага раёна Магілёўскай вобласці, гарадзішча каля г. Заслаўя Мінскага раёна Мінскай вобласці.

10. **Загорульский Э. М.** Отчет о полевых работах Минского отряда археологической экспедиции Института истории АН БССР в 1962 году / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 165. – 16 с.

Археалагічнае абследаванне гарадзішча ў г. Дзяржынску Мінскай вобласці. Археалагічныя разведкі на тэрыторыі ніжняга цячэння р. Свіслач (ад Асіповіцкага водазбору да р. Бярэзіны). Археалагічныя раскопкі гарадзішча каля г. Заслаўя Мінскага раёна Мінскай вобласці.

11. **Загорульский, Э. М.** Отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции Белгосуниверситета им. В. И. Ленина в 1963 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 220. – 18 с., 12 с. колл. оп., 22 с. фото.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча ў г. Дзяржынску, курганоў каля Лысай Гары, гарадзішча і селішча каля в. Жужлянка, гарадзішча каля в. Гарадзішча Мінскага раёна Мінскай вобласці.

12. **Загорульский, Э. М.** Отчет об археологических исследованиях экспедиции Белгосуниверситета им. В. И. Ленина в 1964 году / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 250. – 13 с., 3 с. рис.

Археалагічныя разведкі на тэрыторыі Мінскай вобласці (раён р. Вячы ад вусця да вярхоўя). Археалагічныя раскопкі гарадзішча каля в. Гарадзішча Мінскага раёна Мінскай вобласці. Археалагічныя шурфоўкі каля в. Зборск Бабруйскага раёна Магілёўскай вобласці.

13. **Загорульский Э. М.** Отчет Минского отряда археологической экспедиции Белгосуниверситета им. В. И. Ленина о полевых исследованиях в 1965 году / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 271, 271а (альбом). – 11 с., 3 с. колл. оп., 18 с. ил.

Археалагічныя разведкі на тэрыторыі Маладзечанскага раёна Мінскай вобласці (г. п. Гарадок), Мінскага раёна. Археалагічныя шурфоўкі на тэрыторыі замка ў г. Лагойску Мінскай вобласці. Археалагічныя раскопкі курганоў каля г. Заслаўя Мінскага раёна Мінскай вобласці.

14. **Загорульский, Э. М.** Отчет о полевых исследованиях стрешинского отряда археологической экспедиции Белгосуниверситета им. В. И. Ленина в 1966 году / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 289, 289а (альбом). – 18 с., 32 ил.

Археалагічныя раскопкі на тэрыторыі сярэднявечнага гарадзішча каля г. п. Стрэшын Жлобінскага раёна Гомельскай вобласці.

15. **Загорульский, Э. М.** Отчет о полевых исследованиях Минского отряда археологической экспедиции Белгосуниверситета им. В. И. Ленина в 1967 году / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 306. – 21 с., 14 ил.

Археалагічныя раскопкі на тэрыторыі сярэднявечнага Строчыцкага гарадзішча Мінскага раёна Мінскай вобласці.

16. **Загорульский, Э. М.** Отчет о полевых исследованиях Минского отряда археологической экспедиции Белгосуниверситета им. В. И. Ленина в 1968 году / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 318. – 15 с., 27 ил.

Археалагічныя раскопкі і шурфоўкі селішча, раскопкі курганнага могільніка каля в. Ашмянцы і даследаванне валоў каля в. Гарадзішча, а таксама абследаванне гарадзішча каля Сёмкава Гарадка Мінскага раёна Мінскай вобласці.

17. **Загорульский, Э. М.** Отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции Белгосуниверситета им. В. И. Ленина в 1969 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 345. – 15 с., 28 ил.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча каля в. Свіслач Асіповіцкага раёна Магілёўскай вобласці.

18. **Загорульский, Э. М.** Отчет о полевых исследованиях археологической эскпедиции БГУ им. В. И. Ленина в 1970 году / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 372. – 11 с., 27 ил.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча каля в. Свіслач Асіповіцкага раёна Магілёўскай вобласці.

19. **Загорульский, Э. М.** Отчет о работе археологической экспедиции Белгосуниверситета им. В. И. Ленина в 1971 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 388. – 16 с., 32 ил.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча каля в. Свіслач Асіповіцкага раёна Магілёўскай вобласці.

20. **Загорульский, Э. М.** Отчет о работах археологической экспедиции Белгосуниверситета им. В. И. Ленина в 1972 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 411. – 17 с., 29 ил.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча каля г. п. Копысь Аршанскага раёна Віцебскай вобласці.

21. **Загорульский, Э. М.** Отчет об археологических исследованиях экспедиции Белгосуниверситета им. В. И. Ленина в 1973 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 450. – 17 с., 28 ил.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча XI–XVIII стст. на тэрыторыі г. Рагачова Гомельскай вобласці.

22. **Загорульский, Э. М.** Отчет об археологических исследованиях экспедиции Белгосуниверситета им. В. И. Ленина в 1975 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 523. – 15 с., 27 ил.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча XI–XIII стст. на тэрыторыі г. Рагачова, а таксама гарадзішча каля в. Кісцяні Рагачоўскага раёна Гомельскай вобласці.

23. **Загорульский, Э. М.** Отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции БГУ им. В. И. Ленина в 1976 году / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 545. – 15 с., 7 ил.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча XI–XIII стст. на тэрыторыі г. Рагачова, а таксама гарадзішча каля в. Кісцяні Рагачоўскага раёна Гомельскай вобласці.

24. **Загорульский, Э. М.** Отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции БГУ им. В. И. Ленина в 1977 году / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 566. – 17 с., 17 ил.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча XI–XIII стст. каля в. Вішчын і курганоў XI–XII стст. каля в. Мадора Рагачоўскага раёна Гомельскай вобласці.

25. **Загорульский, Э. М.** Отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции БГУ им. В. И. Ленина в 1978 году / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 603. – 15 с., 23 ил.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча XI–XIII стст. каля в. Вішчын Рагачоўскага раёна Гомельскай вобласці.

26. **Загорульский, Э. М.** Отчет об археологических исследованиях экспедиции Белгосуниверситета им. В. И. Ленина в 1979 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 634. – 15 с., 18 ил.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча XI–XIII стст. каля в. Вішчын і курганоў XI–XII стст. каля в. Мадора Рагачоўскага раёна Гомельскай вобласці.

27. **Загорульский, Э. М.** Отчет об археологических исследованиях Вищинского городища экспедицией БГУ им. В. И. Ленина в 1980 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 702. – 10 с., 2 с. список, 23 ил.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча XI–XIII стст. каля в. Вішчын Рагачоўскага раёна Гомельскай вобласці.

28. **Загорульский, Э. М.** Отчет об археологических исследованиях на Вищинском городище экспедицией БГУ им. В. И. Ленина в 1981 году / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 777. – 10 с., 18 с. колл. оп., 26 рис.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча XI–XIII стст. каля в. Вішчын Рагачоўскага раёна Гомельскай вобласці.

29. **Загорульский, Э. М.** Отчет об археологических исследованиях на Вищинском городище экспедицией БГУ им. В. И. Ленина в 1982 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 798. – 10 с., 19 ил.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча XI–XIII стст. каля в. Вішчын Рагачоўскага раёна Гомельскай вобласці.

30. **Загорульский, Э. М.** Отчет о работах Вищинского отряда археологической экспедиции БГУ им. В. И. Ленина в 1983 году / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 837. – 11 с., 25 ил.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча XI–XIII стст. каля в. Вішчын Рагачоўскага раёна Гомельскай вобласці.

31. **Загорульский, Э. М.** Отчет о полевых исследованиях Вищинского отряда археологической экспедиции БГУ им. В. И. Ленина в 1984 году / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 889. – 11 с., 24 ил.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча XI–XIII стст. каля в. Вішчын Рагачоўскага раёна Гомельскай вобласці.

32. **Загорульский, Э. М.** Отчет о работах Вищинского отряда археологической экспедиции БГУ им. В. И. Ленина в 1985 году / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 933. – 11 с., 22 ил.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча XI–XIII стст. каля в. Вішчын Рагачоўскага раёна Гомельскай вобласці.

33. **Загорульский, Э. М.** Отчет о полевых исследованиях археологического отряда исторического факультета Белгосуниверситета им. В. И. Ленина городища около деревни Городище Мядельского р-на в 1986 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 1184. – 7 с., 14 с. илл., 2 с. колл. оп.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча жалезнага веку і ранняга сярэднявечча (сярэдзіна I тысячагоддзя да н. э. – VIII ст. н. э.) каля в. Гарадзішча Мядзельскага раёна Мінскай вобласці. Археалагічныя матэрыялы захоўваюцца ў вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта БДУ.

34. **Загорульский, Э. М.** Отчет о полевых исследованиях археологического отряда Белгосуниверситета им. В. И. Ленина в 1990 г. в дер. Малышки / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 1244. – 7 с., 10 илл., 8 с. колл. оп.

Археалагічныя раскопкі гарадзішча жалезнага веку (I–V стст. н. э.) каля в. Малышкі Вілейскага раёна Мінскай вобласці. Археалагічныя матэрыялы захоўваюцца ў вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта БДУ.

35. **Загорульский, Э. М.** Научный отчет о полевых исследованиях Малышкинского отряда археологической экспедиции Белгосуниверситета в 1991 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 1395. – 11 с., 3 с. колл. оп., 17 илл.

Археалагічныя раскопкі на гарадзішчы жалезнага веку культуры штрыхаванай керамікі каля в. Малышкі Вілейскага раёна Мінскай вобласці. Археалагічныя матэрыялы захоўваюцца ў вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта БДУ.

36. **Загорульский, Э. М.** Отчет о полевых исследованиях городища Малышки Вилейского района Минской области в 1992 году / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 1442. – 15 с., 1 список, 2 с. колл. оп., 1 справка, 16 илл., 1 с. усл. обозн., 2 с. замеч.

Археалагічныя раскопкі на гарадзішчы жалезнага веку культуры штрыхаванай керамікі каля в. Малышкі Вілейскага раёна Мінскай вобласці. Археалагічныя матэрыялы захоўваюцца ў вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта БДУ.

37. **Загорульский, Э. М.** Отчет об археологических исследованиях отряда БГУ на городище Малышки в 1993 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 1501. – 17 с., 6 с. колл. оп., 1 с. список, 24 илл., 1 с. усл. обозн., 2 с. замеч.

Археалагічныя раскопкі на гарадзішчы жалезнага веку культуры штрыхаванай керамікі каля в. Малышкі Вілейскага раёна Мінскай вобласці. Археалагічныя матэрыялы захоўваюцца ў вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта БДУ.

38. **Загорульский, Э. М.** Отчет о полевых исследованиях экспедиции БГУ на городище Малышки в 1994 / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 1539. – 15 с., 2 с. колл. оп., 1 с. список, 13 илл.

Археалагічныя раскопкі на гарадзішчы жалезнага веку культуры штрыхаванай керамікі каля в. Малышкі Вілейскага раёна Мінскай вобласці. Археалагічныя матэрыялы захоўваюцца ў вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта БДУ.

II. ХРАНАЛАГІЧНЫ ПАКАЗАЛЬНІК НАВУКОВЫХ, ВУЧЭБНЫХ, НАВУКОВА-ПАПУЛЯРНЫХ І ЭНЦЫКЛАПЕДЫЧНЫХ ПРАЦ Э. М. ЗАГАРУЛЬСКАГА

Аўтар звыш 150 публікацый, у т. л. 10 кніг і брашур, 5 падручнікаў для школ і 5 падручнікаў для ВНУ.

Адзін з аўтараў кніг «История Белорусской ССР» (1961), «Гісторыі Беларускай ССР» (Т. 1, 1972), «Гісторыя сялянства Беларусі» (Т. 1, 1997), а таксама падручнікаў для ВНУ «История Белорусской ССР» (1961), «Историческое краеведение Белоруссии» (1980), «История БССР» (1981) і асабістых «Археология Белоруссии» (1965) і «Заходняя Русь IX–XIII стст.» (1998).

1. Манаграфічныя выданні, брашуры, аўтарэфераты

1962

1. Загорульский, Э. М. Древний Минск (Историко-археологический очерк) / Э. М. Загорульский / АН Белорусской ССР, Институт истории, Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Автореф. дисс. … канд. ист. наук. – Минск, 1962. – 20 с.

1963

2. Загорульский, Э. М. Древний Минск / Э. М. Загорульский. – Минск: Госиздат БССР, 1963. – 119 с.

1977

3. Загорульский, Э. М. Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.) / Э. М. Загорульский. – Минск: Изд-во БГУ, 1977. – 136 с., ил.

1982

4. Загорульский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорульский. – Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1982. – 358 с., ил.

1983

5. Загорульский, Э. М. Древняя история Белоруссии / Э. М. Загорульский / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – М., 1983. – 43 с.

1993

6. Загорульский, Э. М. Древнейший храм Минска. К 200-летию Минской епархии / Э. М. Загорульский. – Минск: Изд-ние Бел. православной церкви, 1993. – 7 с.

1994

7. Загорульский, Э. М. Генеалогия полоцких князей Изяславичей / Э. М. Загорульский. – Минск: Изд-во «ВУЗ-ЮНИТИ», 1994. – 31 с.

1996

8. Загорульский, Э. М. Начало формирования населения Белоруссии (дославянский период) / Э. М. Загорульский. – Минск: РИВШиГО, 1996. – 46 с.

2002

9. Загорульский, Э. М. История Беларуси в кратком изложении / Э. М. Загорульский. – Минск: ООО «Юнипресс», 2002. – 143 с. – (Серия «Вокруг света»).

2004

10. Загорульский, Э. М. Вищинский замок XII–XIII вв. / Э. М. Загорульский. – Минск: БГУ, 2004. – 159 с.: ил.

2012

11. Загорульский, Э. М. Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси / Э. М. Загорульский. – Минск: БГУ, 2012. – 367 с.: ил., карты.

2013

12. Загорульский, Э. М. Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века / Э. М. Загорульский. – Минск: Издательство «Четыре четверти», 2013. – 528, [1] с.: ил., цв. ил.

2014

13. Загорульский, Э. М. Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века / Э. М. Загорульский; вступ. ст. В. А. Тепловой. – Минск: Издательство «Четыре четверти», 2014. – Изд. второе, доп. – 530 с., ил.

2. Калектыўныя працы

1961

14. История Белорусской ССР. В 2 т. / АН БССР, Ин-т истории. – Минск, 1961. – Т. 1. – С. 32–36, 43–44, 48–54, 54–59, 74–78.

1972

15. Гісторыя Беларускай ССР: [у 5 т.] / Акадэмія навук БССР, Інстытут гісторыі; галоўная рэдкалегія: І. М. Ігнаценка (старшыня) і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972. – Т. 1. – Раздз. V. – С. 87–94 (сааўт. В. Р. Тарасенка).

1997

16. Гісторыя сялянства Беларусі: У 3 т. / Гал. рэдкал.: М. П. Касцюк (старшыня) і інш.; Нац. АН Беларусі. Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларуская навука, 1997. – Т. 1. Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г. – С. 19–27.

3. Вучэбныя падручнікі і дапаможнікі

1960

17. Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. – М., 1960. – Документы 32–36.

1961

18. История Белорусской ССР: учебное пособие для ВУЗов БССР / А. П. Игнатенко, В. В. Чепко, Э. М. Загорульский. – Минск, 1961.

1965

19. Загорульский, Э. М. Археология Белоруссии: [учеб. пособие для ист. фак. вузов БССР] / Э. М. Загорульский / Под ред. Б. А. Рыбакова. – Минск: Высшая школа, 1965. – 227 с.

1979

20. Загорульский, Э. М. Методические указания к практическим занятиям в классе КИСИ-5 по разделу «Каменный век» / Э. М. Загорульский. – Ротапринт БГУ. – Минск, 1979. – 6 с.

21. Загорульский, Э. М. Методические указания по проведению экскурсий в зале археологии исторического музея БГУ им. В. И. Ленина / Э. М. Загорульский, А. Н. Ваганова, В. С. Космылев. – Ротапринт БГУ. – Минск, 1979. – 6 с.

1980

22. Историческое краеведение Белоруссии: Учебное пособие / А. Н. Ваганова, Э. М. Загорульский, В. С. Космылев и др. / Под ред. Э. М. Загорульского. – Минск: Изд-во БГУ, 1980. – 264 с., ил.

23. Загорульский, Э. М. Программа учебной археологической практики студентов 1 курса исторического факультета БГУ им. В. И. Ленина / Э. М. Загорульский. – Ротапринт БГУ. – Минск, 1980. – 4 с.

1981

24. История БССР: [учеб. пособие для ист. фак. республики: в 2 ч.] / Э. М. Загорульский, Н. Г. Гневка, А. П. Игнатенко. – Ч. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – Минск: Изд-во БГУ, 1981. – 328 с.

1982

25. Загорульский, Э. М. Методические указания к практическим занятиям в классе КИСИ-5 по разделу «Бронзовый век» / Э. М. Загорульский. – Ротапринт БГУ. – Минск, 1982. – 10 с.

26. Загорульский, Э. М. Программа спецкурса «Методы археологических исследований» / Э. М. Загорульский. – Ротапринт БГУ. – Минск, 1982. – 6 с.

1985

27. Загорульский, Э. М. Программа спецкурса «Археология Белоруссии» / Э. М. Загорульский. – Ротапринт БГУ. – Минск, 1985. – 6 с.

1989

28. Гісторыя БССР: падручнік для 8–9-х кл. сярэд. шк. / М. П. Баранава, Э. М. Загарульскі, Н. Г. Паўлава; Пад рэд. Э. М. Загарульскага. – Мінск: Народная асвета, 1989. – 238 с.: іл.

29. История БССР: Учебник для 8–9-х кл. сред. шк. / М. П. Баранова, Э. М. Загорульский, Н. Г. Павлова; Под ред. Э. М. Загорульского. – Минск: Народная асвета, 1989. – 238 с.: ил.

1992

30. Диафильм по истории Беларуси «Першабытнаабшчынны лад на тэрыторыі Беларусі». – Беларусьфильм (автор-составитель).

1994

31. Загарульскі, Э. М. Праграма курса «Археалогія Беларусі» для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў Рэспублікі Беларусь / Э. М. Загарульскі. – Ратапрынт БДУ. – Мінск, 1994. – 10 с.

1996

32. Загарульскі, Э. М. Археалогія. – Праграма курса для студэнтаў ВНУ РБ / Э. М. Загарульскі. – Ратапрынт БДУ. – Мінск, 1996. – 8 с.

33. Загорульский, Э. М. Этническая история Белоруссии. – Программа спецкурса для студентов ВУЗов РБ / Э. М. Загорульский. – Ротапринт БГУ. – Мінск, 1996. – 6 с.

34. Загарульскі, Э. М. Археалогія Беларусі. – Праграма курса для студэнтаў ВНУ РБ / Э. М. Загарульскі. – Ратапрынт БДУ. – Мінск, 1996. – 11 с.

1998

35. Загарульскі, Э. М. Гісторыя Беларусі са старажытнейшых часоў да сярэдзіны І тысячагоддзя н. э.: Падручнік для 5 класа агульнаадукацыйнай школы / Э. М. Загарульскі. – Мінск: Народная асвета, 1998. – 103 с., іл.

36. Загорульский, Э. М. Заходняя Русь IX–XIII стст.: Вучэбны дапаможнік для студэнтаў гіст. фак-таў ВНУ / Э. М. Загорульский. – Мінск: Універсітэцкае, 1998. – 239, [1] с.: іл.

1999

37. Загарульскі, Э. М. Гісторыя Беларусі з сярэдзіны І тысячагоддзя да Люблінскай уніі 1569 г. Падручнік для 6 класа агульнаадукацыйнай школы з беларускай і рускай мовамі навучання / Э. М. Загарульскі. – Мінск: Народная асвета, 1999. – 197 с., іл.

2001

38. Атлас па гісторыі Беларусі: гісторыя Беларусі старажытных часоў: вучэбны дапаможнік для 5 класа агульнаадукацыйнай школы / Складальнікі: Э. М. Загарульскі, А. В. Перзашкевіч, І. А. Аўдзееў; пад агульн. рэд. Э. М. Загарульскага. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2001. – [14] с.: іл.

39. Загарульскі, Э. М. Гісторыя Беларусі са старажытнейшых часоў да сярэдзіны І тысячагоддзя нашай эры: Вучэбны дапаможнік для 4-га кл. агульнаадукац. шк. з бел. і рус. мовамі навучання / Э. М. Загарульскі. – Мінск: Народная асвета, 2001. – 94 с.: іл.

2004

40. Загорульский, Э. М. Основы идеологии белорусского государства: учебное пособие для слушателей системы повышения квалификации руководящих кадров, преподавателей и специалистов системы образования / Г. А. Василевич, Э. М. Загорульский [и др.]; под общ. ред. Г. А. Василевича, Я. С. Яскевич. – Минск: РИВШ, 2004. – 476, [1] с.

41. Гісторыя Беларусі ў сярэднія вякі: Атлас. Вучэбны дапаможнік для 6 класа ўстаноў, якія забяспечваюць атрыманне агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай і рускай мовамі навучання / Складальнікі: І. А. Аўдзееў, Э. М. Загарульскі, А. В. Перзашкевіч. – Мінск, 2004. – 24 с.

2005

42. Гісторыя Беларусі ў сярэднія вякі: Атлас. Вучэбны дапаможнік для 6 класа ўстаноў, якія забяспечваюць атрыманне агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай і рускай мовамі навучання / Складальнікі: І. А. Аўдзееў, Э. М. Загарульскі, А. В. Перзашкевіч. – Мінск, 2005. – 24 с.

2008

43. Загарульскі, Э. М. Тыпавая вучэбная праграма для вышэйшых навучальных устаноў па спецыяльнасці 1-21 03 01 Гісторыя (па накірунках) «АРХЕАЛОГІЯ № ТД-D.078/тип.» / Э. М. Загарульскі. – Мінск, 2008. – 22 с. (у сааўт.).

2009

44. Загорульский, Э. М. Типовая учебная программа для высших учебных заведений по специальности 1-21 03 01 История (по направлениям). Направление специальности 1-21 03 01-02 История (археология) «ИСТОРИОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИИ БЕЛАРУСИ. № ТД-D.083/тип.» / Э. М. Загорульский. – Минск, 2009. – 11 с.

4. Навуковыя, навукова-папулярныя і энцыклапедычныя артыкулы і дапаможнікі

1958

45. Загорульский, Э. М. К вопросу о территории древнего Минска / Э. М. Загорульский // Материалы конференции молодых ученых АН БССР. – Минск, 1958. – С. 5–18.

46. Загорульский, Э. М. Общая планировка и застройка раннефеодального города на территории БССР по археологическим данным / Э. М. Загорульский // Труды Института истории АН БССР. – Минск, 1958. – Вып. 3. – С. 3–14.

47. Загарульскі, Э. М. Старажытны Мінск / Э. М. Загарульскі // Маладосць. – Мінск, 1958. – № 9. – С. 151–153.

1960

48. Загарульскі, Э. М. Археалагічнае вывучэнне дзяцінца старажытнага Мінска / Э. М. Загарульскі // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – Мінск, 1960. – № 4. – С. 51–61.

1965

49. Загорульский, Э. М. Искоростень / Э. М. Загорульский // Советская историческая энциклопедия. – М., 1965. – Т. 6. – С. 328.

1966

50. Загорульский, Э. М. Некоторые итоги археологического изучения белорусских городов / Э. М. Загорульский // Пленум Института археологии АН СССР. 1966 г. Секция «Славяно-русская археология»: тез. докл. – М., 1966. – Ч. 1. – С. 14.

1968

51. Загорульский, Э. М. Хронология возникновения белорусских городов (на французском языке) / Э. М. Загорульский // I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej. Warszawa, 14–18.IX.1965. – Wroclaw–Warszawa–Kraków, 1968. – T. III. – S. 24–28.

52. Загорульский, Э. М. Итоги археологического изучения Минска (на французском языке) / Э. М. Загорульский // I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej. Warszawa, 14–18.IX.1965. – Wroclaw–Warszawa–Kraków, 1968. – T. IV. – S. 435–446.

1969

53. Загорульский, Э. М. Опыт использования обучающей машины «Ласточка» в преподавании основ археологии / Э. М. Загорульский // Тезисы докладов республиканской научно-методической конференции по педагогике и методике преподавания гуманитарных дисциплин (дек. 1969 г.). – Гродно, 1969. – С. 25–26.

1970

54. Загарульскі, Э. М. Мінскі замак / Э. М. Загарульскі // ПГКБ. – Мінск, 1970. – № 2. – С. 22–27.

1971

55. Загарульскі, Э. М. Замчышча / Э. М. Загарульскі // БСЭ. – Мінск, 1971. – Т. 4. – С. 490.

1972

56. Загарульскі, Э. М. Курган (у археалогіі) / Э. М. Загарульскі // БСЭ. – Мінск, 1972. – Т. 6. – С. 210–211.

57. Загарульскі, Э. М. Літва / Э. М. Загарульскі // БСЭ. – Мінск, 1972. – Т. 6. – С. 395.

1973

58. Загарульскі, Э. М. Мінск (археалогія) / Э. М. Загарульскі // БСЭ. – Мінск, 1973. – Т. 7. – С. 214–221 (у сааўт.).

59. Загарульскі, Э. М. Мінскае княства / Э. М. Загарульскі // БСЭ. – Мінск, 1973. – Т. 7. – С. 224.

60. Загарульскі, Э. М. Мінскі замак / Э. М. Загарульскі // БСЭ. – Мінск, 1973. – Т. 7. – С. 242–243.

61. Загарульскі, Э. М. Могільнік / Э. М. Загарульскі // БСЭ. – Мінск, 1973. –Т. 7. – С. 286.

62. Загарульскі, Э. М. Няміга / Э. М. Загарульскі // БСЭ. – Мінск, 1973. – Т. 7. – С. 553.

63. Загарульскі, Э. М. Нямізская бітва / Э. М. Загарульскі // БСЭ. – Т. 7. – С. 553–554.

64. Загарульскі, Э. М. Свіслачскае княства / Э. М. Загарульскі // БСЭ. – Мінск, 1973. – Т. 9. – С. 446.

65. Загарульскі, Э. М. Свіслач / Э. М. Загарульскі, А. М. Сівакоў // БСЭ. – Мінск, 1973. – Т. 9. – С. 447.

66. Загорульский, Э. М. Открытия в Копыси / Э. М. Загорульский // Неман. – Минск, 1973. – № 1. – С. 190–191.

67. Загорульский, Э. М. Раскопки в Копыси / Э. М. Загорульский // АО 1972 года. – М., 1973. – С. 358–360.

1974

68. Загорульский, Э. М. Раскопки в Рогачеве / Э. М. Загорульский // АО 1973 года. – М., 1974. – С. 371–372.

1975

69. Загорульский, Э. М. О начальном этапе формирования славян / Э. М. Загорульский // Вестник БГУ. – Минск, 1975. – Сер. III. – № 2. – С. 24–28.

70. Загарульскі, Э. М. Палі пахаванняў / Э. М. Загарульскі // БСЭ. – Мінск, 1975. – Т. 8. – С. 51.

71. Загорульский, Э. М. Раскопки в Минске / Э. М. Загорульский // АО 1974 года. – М., 1975. – С. 385.

1977

72. Загорульский, Э. М. Технические средства обучения на историческом факультете БГУ / Э. М. Загорульский, Н. А. Гусакова, И. О. Царюк // Вопросы истории: Межвуз. сб. – Минск, 1977. – Вып. 3. – С. 145–147.

73. Загорульский, Э. М. Об укреплениях Городищенского замка / Э. М. Загорульский // Вопросы истории: Межвуз. сб. – Минск, 1977. – Вып. 4. – С. 89–99.

1978

74. Загорульский, Э. М. Историческая наука в Белгосуниверситете / Э. М. Загорульский // Вестник БГУ. – Минск, 1978. – Сер. III. – № 3. – С. 39–43.

1979

75. Загарульскі, Э. М. Замчышча / Э. М. Загарульскі // Археалогія, нумізматыка і геральдыка Беларусі. – Мінск, 1979. – С. 84.

76. Загарульскі, Э. М. Курган / Э. М. Загарульскі // Археалогія, нумізматыка і геральдыка Беларусі. – Мінск, 1979. – С. 105–106.

77. Загарульскі, Э. М. Літва / Э. М. Загарульскі // Археалогія, нумізматыка і геральдыка Беларусі. – Мінск, 1979. – С. 110.

78. Загарульскі, Э. М. Мінскі замак / Э. М. Загарульскі // Археалогія, нумізматыка і геральдыка Беларусі. – Мінск, 1979. – С. 121–122.

79. Загарульскі, Э. М. Палі пахаванняў / Э. М. Загарульскі // Археалогія, нумізматыка і геральдыка Беларусі. – Мінск, 1979. – С. 137.

80. Загарульскі, Э. М. Свіслач / Э. М. Загарульскі // Археалогія, нумізматыка і геральдыка Беларусі. – Мінск, 1979. – С. 156.

81. Загорульский, Э. М. Возникновение городов в Белоруссии (на немецком языке) / Э. М. Загорульский // Европейская история городов в средние века и новое время. – Веймар, 1979. – С. 22–41.

82. Загорульский, Э. М. [Рецензия] Д. А. Авдусин «Археология СССР» / Э. М. Загорульский // Веснік БДУ. – Мінск, 1979. – Сер. III. – № 2. – С. 85–86.

1981

83. Загарульскі, Э. М. Мінск (гісторыя) / Э. М. Загарульскі // Гарады і гарадскія пасёлкі Беларусі. – Мінск, 1981. – С. 153–157.

84. Загарульскі, Э. М. Стрэшын / Э. М. Загарульскі // Гарады і гарадскія пасёлкі Беларусі. – Мінск, 1981. – С. 228.

85. Загорульский, Э. М. К проблеме происхождения западных балтов / Э. М. Загорульский // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов: Тез. докл. – Вильнюс, 1981. – С. 21–24.

1983

86. Загорульский, Э. М. Исследования Вищинского замка / Э. М. Загорульский // Древнерусское государство и славяне. – Минск, 1983. – С. 86–90.

87. Загорульский, Э. М. Милоградская и зарубинецкая культуры / Э. М. Загорульский // Вестник БГУ. – Минск, 1983. – Сер. III. – № 2. – С. 17–22.

1984

88. Загорульский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорульский // Научно-реферативный бюллетень (отечественная литература). – Минск, 1984. – Сер. 2. – № 63.

1985

89. Загорульский, Э. М. «Слово…» и западные земли Руси / Э. М. Загорульский // Неман. – Минск, 1985. – № 8. – С. 157–165.

90. Загорульский, Э. М. Об одном полоцком сюжете в «Слове о полку Игореве» / Э. М. Загорульский // Вестник БГУ. – Минск, 1985. – Сер. III. – № 3. – С. 75–77.

91. Загарульскі, Э. М. Вішчын (гарадзішча) / Э. М. Загарульскі // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць. – Мінск, 1985. – С. 293.

92. Загарульскі, Э. М. Стрэшын / Э. М. Загарульскі // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць. – Мінск, 1985. – С. 182–183 (сааўт. А. Ю. Пятросава).

93. Загарульскі, Э. М. Няміга (вуліца) / Э. М. Загарульскі // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. – Мінск, 1985. – Т. 4. – С. 95–96.

1987

94. Загорульский, Э. М. О чём поведали летописи / Э. М. Загорульский // Вечерний Минск. – Минск, 1987. – 6 июня.

95. Загорульский, Э. М. Происхождение славян и их прародина: Отчет о НИР (заключительный). ГР01780003590 / Э. М. Загорульский // Сборник рефератов НИР. – Минск, 1987. – № 1. – Деп. № 02860049509.

1988

96. Загорульский, Э. М. Всесоюзный форум славистов / Э. М. Загорульский, Д. Б. Мельцер, С. В. Позняк // Вестник БГУ. – Минск, 1988. – Сер. III. – № 2. – С. 72–73.

97. Загорульский, Э. М. Великий Октябрь и зарубежные славянские страны / Э. М. Загорульский, Д. Б. Мельцер, С. В. Позняк // Советское славяноведение. – Минск, 1988. – Сер. III. – № 2. – С. 255–256.

1989

98. Загарульскі, Э. М. Краязнаўства ўчора і сёння / Э. М. Загарульскі // Спадчына. – Мінск, 1989. – № 2. – С. 11–13.

1990

99. Загарульскі, Э. М. Да чытача // На скрыжаванні думак: Вучоныя аб «белых плямах» гісторыі Беларусі / Э. Загарульскі, В. Круталевіч, А. Хацкевіч. – Мінск, 1990. – С. 3–11.

1991

100. Загорульский, Э. М. Из истории возникновения древнерусской народности / Э. М. Загорульский // Вестник БГУ. – Минск, 1991. – Сер. III. – № 2. – С. 16–20.

101. Загорульский, Э. М. Расселение славян в Белоруссии / Э. М. Загорульский // Человек. Экология: тез. докл. межд. науч. конф. – Минск, 1991. – С. 16–20.

1992

102. Загорульский, Э. М. О летописных «племенах» восточных славян / Э. М. Загорульский // Веснік БДУ. – Мінск, 1992. – Сер. III. – № 3. – С. 10–15.

103. Загорульский, Э. М. Полоцкая земля и русские княжества / Э. М. Загорульский // Тэзісы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 1000-годдзю Полацкай епархіі і праваслаўнай царквы на Беларусі. – Мінск, 1992. – С. 45–46.

1993

104. Загорульский, Э. М. Проверка одной из гипотез начала славян / Э. М. Загорульский // Веснік БДУ. – Мінск, 1993. – Сер. III. – № 3. – С. 12–15.

105. Загарульскі, Э. М. Стрэшын / Э. М. Загарульскі // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя. – Мінск, 1993. – С. 592.

1994

106. Загарульскі, Э. М. Даследаванні Вішчынскага замка / Э. М. Загарульскі // Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Рагачоўскага раёна. – Мінск, 1994. – С. 46–47.

107. Загорульский, Э. М. Древнейший минский храм / Э. М. Загорульский // Веснік Беларускага экзархата. – Мінск, 1994. – № 10–11, 1/93–1/94. – С. 47–57.

108. Загорульский, Э. М. Исторические связи Западной Руси со Скандинавией / Э. М. Загорульский // Веснік БДУ. – Мінск, 1994. – Сер. III. – № 3. – С. 8–11.

1996

109. Загорульский, Э. М. Использование компьютера при изучении цикла археологических дисциплин / Э. М. Загорульский // Новые информационные технологии в образовании / Труды второй международной конференции. – Минск, 1996. – Т. III. Историческая информатика. – С. 16–18.

110. Загорульский, Э. М. Этническая атрибуция памятников второй половины I тысячелетия н. э. на территории Беларуси / Э. М. Загорульский // Веснік БДУ. – Мінск, 1996. – Сер. III. – № 3. – С. 24–30.

1997

111. Загорульский, Э. М. Использование компьютера при тестировании студентов по курсу «Археология» / Э. М. Загорульский // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». – № 21 – март. – Спец. вып. бюллетеня «Тезисы докладов и сообщений V Конференции ассоциации «История и компьютер». – Звенигород 28–30 марта 1997 г. – Минск, 1997. – С. 157–159.

112. Загарульскі, Э. М. Кісцяні / Э. М. Загарульскі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. – Мінск, 1997. – Т. 4. – С. 185.

113. Загорульский, Э. М. Новое в истории восточных славян / Э. М. Загорульский // Гісторыя: праблемы выкладання. – Мінск, 1997. – Вып. 3. – С. 108–116.

114. Загорульский, Э. М. Роль церкви в утверждении этнического самосознания в Древней Руси / Э. М. Загорульский // Материалы научно-богословской конференции, посвященной памяти преподобномученика Афанасия, игумена Брестского и 400-летию Брестских церковных соборов. – Брест, 16–19 сентября 1996 г. – Минск, 1997. – С. 58–61.

2000

115. Загарульскі, Э. М. Мінскае княства / Э. М. Загарульскі // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. – Мінск, 2000. – Т. 10. – С. 412.

116. Загарульскі, Э. М. Няміга / Э. М. Загарульскі // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. – Мінск, 2000. – Т. 11. – С. 409–410.

117. Загорульский, Э. М. О призвании варягов на Русь / Э. М. Загорульский // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў: Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 65-годдзю заснавання гістарычнага факультэта Белдзяржуніверсітэта (Мінск, 26 лістапада 1999 г.). – Мінск, 2000. – С. 171–174.

2001

118. Загорульский, Э. М. В поисках славянской прородины / Э. М. Загорульский // Выбраныя навуковыя працы БДУ. – Мінск, 2001. – С. 28–35.

119. Загорульский, Э. М. Два городища около деревни Кистени / Э. М. Загорульский // Материалы науч.-практ. конф. Белорусского добровольного общ-ва охраны памятников истории и культуры. – Минск, 2001. – С. 80–84.

120. Загорульский, Э. М. О времени и условиях формирования древнерусской народности / Э. М. Загорульский // Український історичний журнал. – Київ, 2001. – № 3. – С. 24–29.

121. Загарульскі, Э. М. Старажытныя пабудовы і двары / Э. М. Загарульскі // Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска. У 4 кн. – Мінск, 2001. – Кн. 1. – С. 107–109.

122. Загарульскі, Э. М. Бортніцтва / Э. М. Загарульскі // Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска. У 4 кн. – Мінск, 2001. – Кн. 1. – С. 125.

123. Загарульскі, Э. М. Касцюм менчука / Э. М. Загарульскі // Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска. У 4 кн. – Мінск, 2001. – Кн. 1. – С. 128.

124. Загарульскі, Э. М. Вопратка і ўпрыгожанні жанчын / Э. М. Загарульскі // Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска. У 4 кн. – Мінск, 2001. – Кн. 1. – С. 130.

2002

125. Загорульский, Э. М. О времени и условиях формирования древнерусской народности / Э. М. Загорульский // Ruthenica. – 2002. – Т. I. – № 8. – С. 105–111.

2003

126. Загорульский, Э. М. [Научное рецензирование] Трещенок Я. И. История Беларуси: Учебное пособие для студентов вузов Беларуси. – Т. 1. – Могилев, 2003. – 174 с.

2004

127. Загорульский, Э. М. Древнерусская народность – общая этническая основа восточнославянских народов / Э. М. Загорульский // Россия и Беларусь: от века XIX к веку XXI. – Сб. материалов республиканских научных чтений, посвященных памяти И. В. Оржеховского, 27 мая 2003 г. – Брест, 2004. – С. 28–35.

128. Загорульский, Э. М. Происхождение и основные этапы этнического развития белорусского народа / Э. М. Загорульский // Основы идеологии Белорусского государства. Учебное пособие. – Минск, 2004. – Гл. 5. – С. 91–108.

2005

129. Загорульский, Э. М. Из ранней истории Туровской епархии / Э. М. Загорульский // Вестник Белорусского Экзархата. – Минск, 2005. – Т. 4. – С. 35–39.

130. Загорульский, Э. М. [Научное рецензирование] Материалы X международных Кирилло-Мефодиевских чтений, посвященных дням славянской письменности и культуры. Сб. статей. – Минск, 2005. – Ч. 1. – 254 с.

131. Загорульский, Э. М. [Научное рецензирование] Материалы X международных Кирилло-Мефодиевских чтений, посвященных дням славянской письменности и культуры. Сб. статей. – Минск, 2005. – Ч. 2. – 254 с.

2006

132. Загорульский, Э. М. Общие этнические корни белорусов, русских и украинцев / Э. М. Загорульский // Криштапович Л. Е. Беларусь и Россия: историософское и цивилизационное единство. – Минск, 2006. – С. 88–93.

133. Загорульский, Э. М. «О светло-светлая и красно украшенная…» (Об одном историческом феномене) / Э. М. Загорульский // Директор. – Минск, 2006. – № 8 (86). – С. 92–93.

134. Загорульский, Э. М. Проблема датирования начала славянского этногенеза / Э. М. Загорульский // Працы гістарычнага факультэта БДУ. – Мінск, 2006. – Вып. 1. – С. 153–168.

135. Загорульский, Э. М. [Научное рецензирование] Левко О. Н. Практическая археология. – Могилев, 2006. – 256 с.

2008

136. Загорульский, Э. М. О местонахождении древнего Минска / Э. М. Загорульский // Мінск і мінчане. Дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 940-годдзя горада): матэр. міжнар. навук.-практ. канф. – Мінск, 2008. – С. 17–23.

2009

137. Загарульскі, Э. М. Пераадоленне язычніцтва падчас хрысціянізацыі заходніх зямель Русі / Э. М. Загарульскі // Беларускі гістарычны часопіс. – Мінск, 2009. – № 8. – С. 31–36.

138. Загорульский, Э. М. Распространение христианства в западных землях Руси (по археологическим данным) / Э. М. Загорульский // Материалы международной научной конференции НАН Беларуси и Белорусского Экзархата. – Минск, 2009.

2013

139. Загорульский, Э. М. Храмовое строительство в Западной Руси в контексте развития древнерусской архитектуры / Э. М. Загорульский // Крещение Руси в судьбах народов Беларуси, России и Украины: выбор цивилизационного пути. Материалы Междун. науч. конф. – Минск, 2013. – С. 85–91.

2014

140. Загорульский, Э. М. Место носителей культуры длинных курганов в славянском этногенезе / Э. М. Загорульский // Российские и славянские исследования: науч. сб. – Минск, 2014. – Вып. 9. – С. 15–27.

5. Выданні, якія выйшлі пад рэдакцыяй прафесара Э. М. Загарульскага

1979

1. Коробушкина, Т. Н. Земледелие на территории Белоруссии в X–XIII вв. / Т. Н. Коробушкина; Науч. ред. Э. М. Загорульский. – Минск: Наука и техника, 1979. – 120 с., ил.

1980

2. Историческое краеведение Белоруссии: Учебное пособие / А. Н. Ваганова, Э. М. Загорульский, В. С. Космылев и др. / Под ред. Э. М. Загорульского. – Минск: Изд-во БГУ, 1980. – 264 с., ил.

1989

3. История БССР: Учебник для 8–9-х кл. сред. шк. / М. П. Баранова, Э. М. Загорульский, Н. Г. Павлова; Под ред. Э. М. Загорульского. – Минск: Народная асвета, 1989. – 238 с.: ил.

4. Гісторыя БССР: падручнік для 8–9-х кл. сярэд. шк. / М. П. Баранава, Э.М.Загарульскі, Н. Г. Паўлава; Пад рэд. Э. М. Загарульскага. – Мінск: Народная асвета, 1989. – 238 с.: іл.

1993

5. Коробушкина, Т. Н. Курганы Белорусского Побужья. X–XIII вв. / Т. Н. Коробушкина; Под ред. Э. М. Загорульского. – Минск: Навука і тэхніка, 1993. – 133 с.: ил.

1996

6. Атлас па гісторыі Беларусі: гісторыя Беларусі старажытных часоў: вучэбны дапаможнік для 5 класа агульнаадукацыйнай школы / Складальнікі: Э. М. Загарульскі, А. В. Перзашкевіч, І. А. Аўдзееў; пад агульн. рэд. Э. М. Загарульскага. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2001. – [14] с.: іл.

2011

7. История Беларуси с древнейших времен до середины XIII в. [Карты]: атлас: учебное пособие для 6-го класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения / составлен и подготовлен к печати Республиканским унитарным предприятием «Белкартография» в 2011 г.; Науч. ред.: П. Ф. Дмитрачков, Э. М. Загорульский; ред. А. С. Малышева; специальное содержание разработали: И. А. Авдеев, О. В. Перзашкевич. – Минск: Белкартография, 2011 (сор. 2012). – 1 атлас (19, [1] с.).

ПАДРЫХТОЎКА НАВУКОВЫХ КАДРАЎ

I. КАНДЫДАЦКІЯ ДЫСЕРТАЦЫІ, АБАРОНЕНЫЯ ПАД НАВУКОВЫМ КІРАЎНІЦТВАМ ПРАФЕСАРА Э. М. ЗАГАРУЛЬСКАГА

1. Коробушкина, Т. Н. Земледелие на территории Белоруссии в X–XIII вв. / Т. Н. Коробушкина / АН ЛитССР, Институт истории. – Автореф. дисс. … канд. ист. наук. – Вильнюс, 1977. – 22 с.

2. Ваганова, А. Н. Древнерусский феодальный замок XI–XIII вв. / А. Н. Ваганова / АН Литовской ССР, Институт истории. – Автореф. дисс. … канд. ист. наук. – Вильнюс, 1985. – 16 с.

II. ДОКТАРСКІЯ ДЫСЕРТАЦЫІ, ДЗЕ ПРАФЕСАР Э. М. ЗАГАРУЛЬСКІ З'ЯЎЛЯЎСЯ АФІЦЫЙНЫМ АПАНЕНТАМ

1. Ксензов, В. П. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья / В. П. Ксензов / АН Беларуси, Институт истории. – Автореф. дисс. … докт. ист. наук. – Минск, 1994. – 34 с.

2. Калечиц, Е. Г. Экосоциальные системы каменного века Восточной Беларуси / Е. Г. Калечиц / АН Беларуси, Институт истории. – Автореф. дисс. … докт. ист. наук. – Минск, 1995. – 34 с.

Э. М. Загарульскі, В. В. Сядоў, 1982 г.

Э. М. Загарульскі на пасяджэнні Вучонага Савета гістарычнага факультэта БДУ

БРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

В. А. Теплова

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Историческая наука в последние десятилетия переживает не лучшие времена. Псевдоисторическая продукция заполнила прилавки книжных магазинов. Неряшливое обращение с источником, а иногда и его искажение стали обычным явлением подобного рода литературы. Читатель зачастую с трудом может отличить мифологему от истины.

В тоже время в трудах лучших представителей наукизаметно проникновение в те области исторических знаний, которые в силу разных причин долгие десятилетия замалчивались или являлись предметом острых, не всегда научных дискуссий. Именно к этой категории исследований относятся вышедшие одна за другой две монографии известного белорусского историка и археолога Эдуарда Михайловича Загорульского: «Славяне. Происхождение и расселение на территории Беларуси» [1]; «Белая Русь. Середина I тыс. – середина XIII в.» [2]. Обе работы связаны общей тематикой, решают одну из актуальнейших задач современной историографии – этногенез белорусов в контексте этнической истории славян в целом. В тоже время новые публикации генетически связаны с предыдущими трудами историка: «Древний Минск» [3], «Археология Белоруссии» [4], «Древняя история Белоруссии» [5], «Возникновение Минска» [6], «Заходняя Русь IX–XIII стст.» [7], «Вищинский замок XII–XIII вв.» [8], археологический материал которых подтверждает авторскую концепцию.

По масштабности взгляда на историческое прошлое славян, по объему привлеченного источникового материала только что вышедшие книги отличаются от предыдущих изданий своей фундаментальностью и завершенностью. Позиция автора в них изложена логично и убедительно, однако она существенно отличается от утвердившейся в отечественной и зарубежной историографии. Поэтому концепция этногенеза славян и происхождения белорусов, предложенная Э. М. Загорульским, заслуживает отдельного рассмотрения.

С точки зрения исследователя, реконструкция древнейшего периода славян, выявление их прародины и путей расселения невозможны без решения вопросов происхождения других индоевропейских народов, в первую очередь, балтов и германцев, имеет непосредственное отношение к общей индоевропейской проблеме. Автор осуществляет историческую реконструкцию многопланового процесса славянского этногенеза и аргументировано доказывает, что в этом сложном процессе приняли участие и другие, неславянские народы, которые с полным правом могут рассматриваться в качестве предков современных славян. По мнению историка, славяне как самостоятельный этнос сформировались в центре Европы, между Эльбой и Вислой. Здесь они оставались до середины I тысячелетия н.э., когда приняли участие в «великом переселении народов» и, выйдя за пределы своей прародины, заселили Балканский полуостров, Южную Беларусь и Северную Украину.

Значительно увеличив территорию своего обитания и смешавшись с местными народами, единый до этого славянский народ в силу известных законов этногенеза к концу I тысячелетия разделился на три ветви: южных, западных и восточных славян.

Дальнейшая история восточных славян связана с возникновением у них на обширных пространствах Восточной Европы первого государственного объединения с центром в Киеве. Возникнув на относительно небольшой территории в Среднем Поднепровье, северные границы которого проходили по белорусскому Полесью, государственное объединение восточных славян стало местом формирования единого (древнерусского) народа, называвшего себя «русскими людьми», реже – «русичами» и «русинами». Существование этой на-

родности доказывается Э. М. Загорульским всеми имеющимися источниками: историческими, лингвистическими, археологическими.

Расселение Руси на просторах Восточной Европы вплоть до Ладожского озера на севере, Азовского и Черного морей на юге, Волги на востоке, где проживали балты, финно-угры и другие народы, с которыми Русь вступила в процесс активного этнического взаимодействия, позволило не только увеличить территорию государства, но и славянизировать местные народы, распространить свой язык, культуру и славянское этническое самосознание. Однако большая территория и сложный этнический фон, с которым столкнулись восточные славяне, привели к появлению внутри единого этноса локальных территориальных групп: кривичей, дреговичей, радимичей и др., которые принадлежали к общей древнерусской народности и, по заключению автора, уже не могли быть ни племенами, ни союзами племен.

Как и почему восточные славяне смогли одержать этническую победу и не раствориться в иноязычной среде, а напротив, сохранили единое этническое самосознание, передали его вместе со своим именем другим народам?

Ответ на этот вопрос ученый видит в анализе признаков народности, среди которых особое значение имеет этническая идентификация, т.е. вопрос о том, как и кем осознает себя этнос. Историк считает, что немаловажную роль в становлении единого самосознания на Руси сыграла церковь. Приняв в 988 г. христианство, славяне стали распространителями новой религии среди местного неславянского населения, которое до этого было языческим. Общая религия духовно объединяла людей. Одна из замечательных особенностей Руси состояла в том, что церковная служба в стране велась на славянском языке, на котором также писалась и переписывалась духовная и светская литература. Вместе с христианством распространялись славянский (древнерусский) язык и грамотность. Хорошо известно, что по уровню грамотности Русь занимала одно из самых высоких мест в тогдашней Европе. Прекрасной иллюстрацией этому являются находки бытовых писем, т.н. берестяных грамот. Найдены они и на территории Беларуси (Витебск, Мстиславль). В монастырях писались летописи, в которых год за годом записывались наиболее важные события, сопровождающиеся личными размышлениями летописцев на различные темы (исторические, религиозно-философские, бытовые и пр.). В сознании людей религиозная принадлежность переплеталась с этнической идентификацией и нередко заменяла ее. Поскольку население называло себя по имени страны «русскими», а свой язык «русским», то и православную веру называли «русской». Таким образом, восточные славяне расселялись уже как один народ с одной сложившейся материальной и духовной культурой.

Заселение восточными славянами основной территории Беларуси, согласно археологическим данным, приведенным и в «Белой Руси…», и «Славянах…», произошло поздно, во второй половине X века. Поэтому Э. М. Загорульский под сомнение ставит и вопрос о приглашении славянами Рюрика и его братьев, имевшее место в IX веке.

В условиях слабых внутриэтнических контактов и отсутствия средств коммуникации, что было присуще древнему и средневековому периодам в истории всех народов, неизбежно возникают местные особенности внутри этноса, расселившегося на большой территории, особенно в языке и культуре. Автор называет их.

1. В языке – важнейшем признаке этноса – это появление диалектов, которые, по мере их развития, могут все дальше отходить от начального общего языка и превратиться в группу родственных самостоятельных языков. Такое произошло со всеми индоевропейскими языками, в том числе и со славянскими. После выхода ранних славян за пределы своей прародины некогда единый общеславянский язык сначала разделился на три: западнославянский (полабский), южнославянский (церковнославянский) и восточнославянский (древнерусский). В последующее время каждый из них, в свою очередь, распался на современные языки. На общей языковой основе – древнерусском языке – развились современный русский, белорусский и украинский языки.

2. Причиной разделения могут стать так называемые «этнические субстраты»: антропологические характеристики, обычаи, религия народов, на территорию которых расселился новый этнос. При дальнейших взаимодействиях с местными группами предшествовавших этносов (при смешении, ассимиляции) некоторые местные культурные и языковые черты могут быть заимствованы народом-победителем. А поскольку таких местных субстратов было несколько, и они отличались друг от друга, то эти различия могут сказаться и на этносе-победителе и нарушить его прежнее единство.

3. Одной из важных причин разделения этноса могут стать исторические процессы, приведшие к его территориальному разделению, и вхождению его отдельных частей в состав различных государств.

Все эти процессы пережила древнерусская народность, что в итоге и привело к появлению трех народов: белорусов, украинцев и русских. Поэтому начало формирования белорусского этноса, с точки зрения Э. М. Загорульского, может быть отнесено только к последревнерусскому периоду, а его становление, в силу крайней медленности этнических изменений, заняло несколько веков. В современной науке принято датировать процесс формирования белорусов XIV–XVI вв., хотя в реальности он продолжался более длительное время.

Дольше всего у всех восточных славян сохранялся один из важнейших признаков этноса – общее этническое самосознание. Почти до конца XIX в. население белорусских земель считало себя, свой язык и веру «русскими».

В конце XIX и XX вв., особенно после образования БССР и Республики Беларусь, в связи с развитием национальной литературы, всеобщей грамотности и государственной политики в области языка и национальной культуры окончательно утвердилась этническая идентификация белорусов как особого восточнославянского народа. Это означало завершение процесса формирования белорусского этноса.

Принято считать, что при тесных взаимодействиях различных этносов победу одерживает тот, который лучше организован и обладает более высокой культурой, включающей и экономический уровень. Вот почему в монографиях Э. М. Загорульского подробно представлена социально-экономическая, политическая и конфессиональная история Белой Руси. У славян белорусского ареала было развитое пашенное земледелие, оснащенное самыми совершенными по тем временам пахотными орудиями и орудиями уборки и обработки урожая. Со славянами связано появление и распространение городов, служивших мощными политическими, военными, культурно-религиозными и экономическими центрами. Интенсивно развивались ремесло и торговля, что вело к установлению более тесных связей внутри страны. Автор уделяет большое внимание особенностям различных типов поселений: сельских, городских, владельческих замков, времени и обстоятельствам их возникновения, планировке и застройке, системе укреплений, раскопки которых были осуществлены под руководством этого ученого. Становится понятным, что социально-политическая, экономическая и конфессиональная история Белой Руси еще долгие годы будет служить объектом пристального внимания не только историков и археологов, но и лингвистов, и антропологов, и этнографов.

Концепция Э. М. Загорульского, возможно, вызовет полемику, как в профессиональной среде, так и в широком читающем сообществе, иначе оценивающим проблемы этногенеза славян. Однако, несомненно, то, что желающему вступить в дискуссию с автором, придется проделать, как минимум, столь же грандиозный исследовательский труд, продемонстрировав все аргументы научной аналитики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Загорульский Э. М. Славяне. Происхождение и расселение на территории Беларуси. Минск: БГУ, 2012.

2. Загорульский Э. М. Белая Русь. Середина I тыс. – середина XIII в. Минск: «Четыре четверти», 2013.

3. Загорульский Э. М. Древний Минск. Минск: Гос. изд-во БССР, 1963.

4. Загорульский Э. М. Археология Белоруссии. Минск: Высшая школа, 1965.

5. Загорульский Э. М. Древняя история Белоруссии. Минск: БГУ, 1977.

6. Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Минск: БГУ, 1982.

7. Загарульскі Э. М. Заходняя Русь IX–XIII стст. Мінск: Універсітэцкае, 1998.

8. Загорульский Э. М. Вищинский замок XII–XIII вв. Минск: БГУ, 2004.

ДРУГОГО МИНСКА НЕ БЫЛО

Э. М. Загорульский

г. Минск, Беларусь

Многие годы мне довелось заниматься древней историей Минска, руководить самыми крупными раскопками города, которые сделали меня археологом. Возникновению Минска я посвятил немало работ, в том числе монографических [1; 2]. Обратиться к нему снова, меня побудило то обстоятельство, что, к сожалению, в юбилейный для Минска год, когда отмечалось его 950- летие, в эфире и в печати снова проигрывается заезженная пластинка о том, что наш Минск первоначально возник в другом месте и был перенесен на берега Свислочи только в XII в [3].

Минск не рядовое поселение, это столица нашей страны, и к его многовековой истории следует относиться с трепетной осторожностью. Здесь в полной мере пригоден принцип: семь раз отмерь, один раз отрежь, и всякие фантазии требуют тщательной перепроверки. Научные гипотезы тоже должны быть надежно обоснованы.

Напомню, что идея о переносе города появилась тогда, когда о Минске мы знали только по нескольким, хотя и регулярным, но крайне отрывочным упоминаниям о нем в летописи (1067, 1085, 1105, 1116, 1119 гг. и др.). Ни о каких переносах города в них, ни прямо, ни косвенно, не говорится.

Недостача источников порождает легенды. В 20–30-х гг. прошлого столетия профессор БГУ А. Н. Ясинский первый сформулировал мысль о переносе Минска. Он пришел к правильному объяснению происхождения названия Минска от названия реки, на которой он возник и которой в современном Минске нет. Это, как он полагал, указывает на то, что город первоначально находился в другом месте.

Свой вывод он подкрепил остроумным толкованием летописной записи под 1067 г. с первым упоминанием о Минске, в которой говорится, как выступившие против полоцкого князя Всеслава за разорение им Новгорода южнорусские князья захватили Минск, а потом «пошли к Немизе». Такое изложение событий, в его понимании, тоже может свидетельствовать, что Минск тогда не стоял на р. Немиге, когда-то протекавшей в городе. Значит Минск нужно искать в другом месте, на реке с корнем «мен» в ее названии. Он же и указал на городище, находящееся в 15 км к западу от центра современного Минска около д. Городище и Строчицы. Под этими двумя названиями оно известно в археологической литературе. Возле городища протекает небольшой ручей Менка. Казалось бы, все очень логично, и его идея приобрела сторонников.

В небольшой статье о Минске в Малой Советской энциклопеди, он написал, что город возник на р. Менке в 1066 г., был разрушен киевскими князьями и в XII в. перенесен на берега Свислочи.

Подробно свою идею он обосновал в статье, которая, как считали, была утерена. Сохранилось только краткое резюме ее рукописного текста, сделанное К. М. Поликарповичем. Похоже, однако, что спустя два года после смерти Ясинского статья все же была опубликована в газете «Звязда», но под именами А. Н. Лявданского и А. Д. Ковалени без упоминания Ясинского [4]. Сравнивая резюме Поликарповича с газетной статьей, можно убедиться, что мы имеем пример откровенного нарушения научной этики. Авторы статьи присвоили себе то, что принадлежит А. Н. Ясинскому.

Предложенная гипотеза интересна, но не безупречна. Ясинский не знал, что по данным древней минской топонимики, в городе была речка Мень, при впадении которой в Свислочь возник Минск, от которой он действительно получил свое название [5]. Умолчал

он, как и другие сторонники переноса Минска, о том, что в знаменитом летописном «Списке русских городов дальних и ближних» между городами Оршей и Друцком назван город Немиза [6, с. 95]. Так что, куда направились князья после взятия Минска, можно спорить до хрипоты и бесконечно.

В защиту Ясинского скажем, что, когда он разрабатывал свою гипотезу, археологических раскопок в Минске не производилось. Было известно лишь, что в городе имеется древнее городище под названием Минского замчища, которое долгое время являлось историческим центром города [7].

Огорчают довоенные белорусские археологи, в целом большие труженники и много сделавшие в изучении древностей Беларуси в рамках тех ничтожных денежных средств, которые отпускались на полевые исследования. У них не было опыта проведения городских раскопок большими площадями, и они ограничивались небольшими шурфами и траншеями, в какой-то мере пригодными для археологических разведок. Делать исторические заключения на таких полевых исследованиях ненадежно и опасно. В названной статье о Минске они сослались на будто бы имеющиеся исторические примеры переносов городов, назвав Рязань и Смоленск. Примеры неудачные и отвергнутые наукой. Ни Рязань, ни Смоленск никогда не переносились, и сама идея переносов городов считается ошибочной, о чем пишут даже современные учебники по археологии [8, с. 257–258].

Из газетной статьи не ясно, какие конкретно исследования были проделаны посетившими городище ее авторами. Похоже, что они ограничились простым осмотром памятника и сбором небольшого пакетика черепков, который хранился в секторе археологии белорусской Академии наук. В статье они полностью воспроизвели то, что опубликовал о Минске Ясинский в Малой Советской энциклопедии, вплоть до предложенной им даты переноса Минска с Менки на берега Свислочи в XII веке.

Откуда взялась такая дата? Ведь керамика, какую они собрали, датируется не XII, а X – началом XI в., и, будучи хорошо знакомы с курганным материалом этого времени, они не могли не знать этого. Видимо, для подтверждения этой даты переноса города они сообщают, что исследования в Минске на Замковой горе показали, что Минск возник здесь именно в XII в. О каких исследованиях Минска идет речь? Кто и когда их здесь проводил? Где находятся эти материалы, отчеты, публикации, хотя бы какая-нибудь краткая информация в газете? Ничего этого нет. Ни в музеях, ни в архивах сектора археологии и Института истории АН БССР не имеется на этот счет никаких материалов. Не знал об этом и начавший в 1946 г. раскопки в Минске В. Р. Тарасенко, который непременно упомянул бы о них в своих работах о древнем Минске и истории его изучения. Чтобы определить дату возникновения поселения в Минске, нужно было бы пройти 6–8-метровую толщу культурного слоя на Минском замчище, да не шурфом или траншеей, а большим раскопом. Никто этого тогда не делал. Кое-что о культурном слое в Минске стало известно в 20-х гг. прошлого столетия, когда велись земляные работы на ул. Немиге в связи с сооружением коллектора и за пределами древнейшей части города – Минского замчища. Они не могли дать ответа на вопрос, когда возник Минск на Свислочи.

Поразительно, что у посетивших городище на Менке опытных археологов Лявданского и Ковалени даже не возникло вопроса о времени сооружения городищенского вала. Они сразу же приняли его за вал начального Минска.

Кроме древнерусской керамики, на городище можно было собрать и предметы, относящиеся к позднесредневековому замковому строительству. Не обратили они внимания и на специфику плана и системы укреплений этого объекта, совсем нехарактерных для Древней Руси, а полностью аналогичных замковым укреплениям позднего средневековья.

В конце концов, можно было бы заложить небольшую траншею у подножья вала, и она, несомненно, показала бы, что вал не относится к древнерусскому периоду и не может отожествляться с укреплениями древнего Минска. Ничего этого они не сделали. И самое главное, в чем следует упрекнуть довоенных археологов: им было хорошо известно, что в

Минске имеется древнее городище – Минское замчище. Как можно быо говорить о каком-то переносе города, не проведя раскопок в самом Минске и не познакомившись с его культурным слоем, артефактами, хронологий и историей появления Минска на берегах Свислочи? Как это ни прискорбно сознавать, газетная статья Лявданского и Ковалени о местонахождении первоначального Минска – натуральная туфта. Уважаемые археологи только подкрепили своими авторитетными именами легенду Ясинского, не предприняв никаких усилий для выяснения вопроса о начале Минска.

Удивляет позиция первого руководителя минских раскопок В. Р. Тарасенко. В коллективной работе «История Минска», обобщая результаты многолетних раскопок на Минском замчище со ссылкой на исследования А. Г. Митрофанова в 1954 г. на Менке, писал, что поселение у д. Городище носит черты феодального замка и может быть датировано XII—XIII вв. и, поскольку, продолжает он, культурные слои городища оказались более поздними, чем в самом Минске, городище не может рассматриваться в качестве места первоначального Минска [9, с. 10]. Позже, когда республика торжественно отмечала 900-летие Минска, он напишет, что новыми раскопками на городище «неожиданно были найдены обломки глиняных сосудов архаичного типа, которые можно датировать десятым – началом одиннадцатого века», и, следовательно, гипотеза А. Н. Ясинского о существовании здесь Минска «не может считаться отвергнутой» [10].

Как легко и быстро, однако, без серьезных на то оснований можно жонглировать своими убеждениями. Ведь такая «архаичная» керамика» была известна и раньше в сборах А. Н. Лявданского (1935 г.).

Совершенно очевидно, что наличие на городище керамики X–XI вв. означает только то, что здесь было, как и во многих других местах, поселение этого времени, но совсем не доказывает, что это поселение было древним Минском.

Завершив пятилетние раскопки Минска, я решил проверить гипотезу Ясинского и в течении четырех раскопочных сезонов (1963, 1964, 1967, 1968 гг.) я провел очень крупные раскопки на Строчицком городище, которые убедили меня, что никакого отношения к первоначальному Минску оно не имеет [2, с. 30–63]. Но это не убедило моего оппонента, сторонника переноса Минска, Г. В. Штыхова. С упорством, достойным лучшего применения, он тоже принялся за раскопки поселения на Менке, и посвятил несколько работ этой теме.

Последний итоговый результат своих многолетних раскопок поселения на Менке он изложил на 11-ти страницах в третьем томе «Археалогія Беларусі», отведя археологии Минска на Свислочи только 7 страниц [11, с. 181–182].

Рассмотрим предлагаемые Штыховым исторические выводы и систему доказательств о том, где располагался летописный Минск.

Поселение на Менке Г. В. Штыхов относит к особой категории т. н. прагородов, утверждая, что на его примере можно наблюдать эволюцию поселка в город.

Все выводы Штыхова о Менке и переносе Минска повторила в 950-летний юбилейный год города ведущий археолог Института истории НАН Беларуси О. Н. Левко в интервью академической газете «Наука», добавив при этом, что на Свислочи Минск появился не ранее 70-х гг. XI в. [3], Откуда она взяла эту дату, Левко не сочла нужным объяснить.

Что такое прагород и в чем состояла его эволюция в настоящий город, не объяснено и не показано. Насколько мы понимаем в археологии, весь вещевой материал, добытый раскопками на Менке, в том числе и Штыховым, свидетельствует о сельском характере поселка, хозяйства и занятиях его обитателей. Никаких признаков становления ремесла как одного из важнейших показателей города мы здесь не видим. В комплексе находок отсутствуют типичные для городских женщин украшения, практически отсутствует импорт (амфоры) и набор предметов, присущих феодалам: различные виды оружия и оснащения конного воина и боевого коня, шпоры, стремена и т. д. Этой категории лиц в составе населения поселка вообще не было. А ведь древнерусский город, по выражению академика Б. А. Рыбакова, представлял «коллективный замок феодалов».

В качестве доказательства присутствия в составе населения знати, Штыхов указывает на находки нескольких обломков днищ глиняных горшков с отпечатками на них трезубца. Но такие знаки встречаются и на сосудах в деревенских курганах, а интерпретация типов клейм в научной литературе далеко не однозначна. Интересно, что в действительно княжеском, населенном феодалами городе Минске на Свислочи, такой керамики нет.

При больших масштабах многолетних раскопок на Менке так и не удалось выявить системы застройки поселка, характерной для города уличной планировки, изолированных городских дворов-усадеб. В коллекции найденных вещей нет даже предметов христианского культа.

Города не может быть без укреплений. Их исследования могут показать, возникает ли поселение сразу же как укрепленный пункт или ему предшествовало неукрепленное поселение. В этом случае под валом должен быть культурный слой, отложившийся в период функционирования неукрепленного поселка, который никак не мог быть городом. Когда поселение становится городом, нараставший культурный слой будет одновременно откладываться на нижней части склона вала. Все это можно проследить при специальной прорезке вала. Именно с этой целью, начав исследования поселения на Менке, я проделал прорезку вала, врезку в него и обнажение части склона вала в одном из раскопов, прилегавших к валу. Во всех случаях я получил один и тот же результат: вал был насыпан поверх культурного слоя, существовавшего до этого неукрепленного древнерусского селища. Древнерусский культурный слой нигде, ни в одном случае, не отложился на склонах вала. Зато его пятна с находками древнерусского времени постоянно встречались в насыпе вала. Это ничто иное, как часть древнего культурного слоя, которая пошла на насыпь вала. Следовательно, существовавшее до возведения вала поселение не имело укреплений и не могло быть городом. Летопись рассказывает, что при подходе южнорусских князей к Минску в 1067 г. «меняне» (минчане) укрылись в «граде», т. е. за городскими укреплениями. На поселении на Менке тогда не было вала, не было «града». Уже один этот факт доказывает, что Минска здесь не было.

Все профиля моих исследований вала и анализ результатов опубликованы [2, с. 30–63]. Казалось бы, все ясно.

Но Г. В. Штыхов в своих работах, посвященных поселению на Менке, отмахнулся. Молчит и О. Н. Левко. Вместо комментариев результатов прорезки мною вала, Г. В. Штыхов ограничился упреком меня, что я в своих прорезках вала оставил перемычки. Однако современная методика изучения укреплений предполагает и практикует оставление таких перемычек, чтобы сохранить его от последующего разрушения и восстановить прежний вид вала.

Обязательным признаком раннефеодального города было наличие в нем укреплений. Г. В. Штыхов, как и его предшественники, с самого начала связывал имеющийся на Менке мощнейший вал с древнерусским периодом. Штыхов предпочел не прикасаться к основному валу на плато, а сослаться на результаты зачистки окончания вала в южном проходе замка, проделанной М. А. Ткачевым [12].

Штыхову важно было привести подсказанное им же явно ошибочное заключение М. А. Ткачева о времени возведения вала «большого городища», о чем я писал в специальной статье [13].

Для исследования оборонительных сооружений Ткачевым, которого консультировал Штыхов, было выбрано наиболее доступное, но далеко не лучшее место – проход, имеющийся на южной стороне замкового вала. Была проведена не прорезка вала, а зачистка одной из стенок прохода. При сооружении здесь въездных ворот, несомненно, были повреждены культурные напластования, отложившиеся до сооружения земляных укреплений, нарушена стерильность слоев самой насыпи возможным сползанием грунта в последующее время.

Тем не менее и на опубликованном Ткачевым стратиграфическом разрезе прекрасно видно, что весь культурный слой, отложившийся в период функционирования древнерусского селища X – начала XI вв., как и в моих профилях, находится под насыпью вала. Это указывает на то, что вал не связян с древнерусским селищем, а был насыпан в позднейшее время как укрепления позднесредневекового замка.

Удовлетворенный заключением Ткачева Штыхов сосредоточил свое внимание на той части вала, которая находится в пойме речки Менки. Здесь, в сырой и постоянно заливаемой водой узкой прибрежной полоске земли люди никогда не жили. В ней, естественно, отсутствует культурный слой, который можно было бы сопоставить с насыпью вала и стратиграфически установить его дату.

В проходе этой пойменной части замка еще в 60-х гг. прошлого века стоял кирпичный столб от ворот позднесредневекового замка. В земле возле западного края прохода сохранились намокшие бревна, использовавшиеся, по-видимому, в качестве лежней под кирпичными столбами ворот. Такой технический прием укрепления грунта деревянными лежнями под фундаментами кирпичных построек был широко распространен в позднесредневековом городском строительстве.

Вал в пойме Менки был естественным продолжением вала на плато и, несомненно, датируется тем же временем. Кстати в насыпи и этой пойменной части вала Штыхов обнаруживал прослойки культурного слоя с древними черепками, которые попали сюда с плато, откуда бралась земля на вал.

Таким образом, исследование укреплений показало, что они были возведены много веков спустя, после прекращения жизни на раннем древнерусском поселении. Оно не имело укреплений и не могло быть городом. Это было поселение деревенского типа.

В споре о начальном Минске немалую роль играет хронология. Очень важно точно знать, что было с поселением на Менке в 1067 г., когда летопись впервые упомянула о Минске: было ли оно здесь в это время и что с ним стало после. Если принимать концепцию Ясинского, то следует предполагать, что оно должно было прекратить свое существование в этом же году после того, как южнорусские князья захватили город, перебили мужчин, а женщин с детьми увели в плен. Правда, сам Ясинский, а вслед за ним Лявданский и Коваленя относили перенос города почему-то к XII веку.

Стороннику этой концепции Штыхову нужно было убедить читателя в том, что археологические материалы обнаруживают именно такую картину. Ему нужно было «дотянуть» жизнь городища до 1067 года.

Его хронологический экскурс в последней работе довольно эклектичен. С одной стороны, он соглашается с тем, что основной керамический комплекс из его раскопок на Менке относится к X – началу XI в., с другой, уделяет немало места описанию найденных здесь отдельных находок, в том числе, и керамических типов, XII и даже XIII вв. Например, по его подсчетам, 14 % посуды датируется XII–XIII вв. [11, с. 190]. Непосвященному читателю трудно понять, когда же прекратилась жизнь на Менке, и состоялся пресловутый перенос города.

В конце концов, он датирует поселок X–XI вв. [11, с. 182]. По форме эта дата вроде бы правильная, но по существу – скрытая мистификация, потому что поселение на Менке не функционировало в течение всего XI века и не дожило до событий 1067 года.

Одних хронологических разысканий было бы достаточно, чтобы утверждать, что никакого другого Минска на Менке не было.

И все-таки лед тронулся, и надо отдать должное Г. В. Штыхову. В своей последней работе он уже не пишет о разорении поселения на Менке киевскими князьями и не связывает его ни с какими другими последующими летописными известиями о Минске, которые могли бы стать причиной переноса Минска с Менки на Свислочь.

Очень симптоматично звучит его заключительная фраза о первоначальном Минске в его последней обобщающей работе по рассмотренной нами проблеме. «Очень возможно», –

пишет он, – «что это (поселение на Менке – *Э. З.*) был известный по летописи Меньск. Во второй половине XI в. поселение на Менке (и не только здесь) приходит в упадок. В это время возникает новый крупный населенный пункт в другом месте, на р. Свислочь» [11, с. 192]. Как видим, о переносе уже не говорится. Более того, прямо указывается на сосуществование поселения на Менке и Минска на Свислочи.

Завершая тему о датировке древнерусского поселка на Менке, приведу очень выразительный факт.

Люди не могли жить без огня. В рассматриваемое время спичек не было и огонь получали высеканием искры из кремня железным кресалом. Кресала, как и все вещи, изменяли свои формы. Их хронология хорошо разработана. В конце X – начале XI в. использовались калачевидные кресала с язычком. Их сменили калачевидные кресала без язычка. В конце XI в. и позже распространились удлиненные двусторонние кресала. За все годы раскопок на Менке найдено 8 кресал, и все они калачевидные с язычком. Одних кресал достаточно, чтобы сделать вывод, что древнерусское поселение на Менке прекратило свое существование в начале XI в. Как свидетельствуют раскопки, оно сгорело. Когда в 1067 г. южнорусские войска штурмовали Минск, этой деревни давно уже не было.

Даже одного из приведенных положений достаточно, чтобы утверждать, что поселение на Менке никогда не было Минском. Никакого другого Минска не было.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Загорульский Э. М. Древний Минск. Минск: Госиздат БССР, 1963.
2. Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Минск: БГУ, 1982.
3. Левко О. Н. От Менки до Свислочи // Навука. 2017. № 12 (2635).
4. Ляўданскі А. М., Каваленя А. Д. Дзе знаходзіўся першапачаткова Менск? // Звязда. 27 мая 1935. № 119.
5. Жучкевіч В. Адкуль імя тваё, сталіца? // Беларусь. 1967. № 4.
6. Тихомиров, М. Н. Русское летописание. Москва: Наука, 1979.
7. Загарульскі Э. М. Мінскі замак // ПГКБ. 1970. № 2.
8. Авдусин Д. А. Основы археологии: учебник для ВУЗов. Москва: Высшая школа, 1989.
9. История Минска / Гл. ред: И. С. Кравченко. Минск: Изд-во АН БССР, 1957.
10. Тарасенко В. Р. Адкуль прыйшоу Мінск // Маладосць. 1967. № 1.
11. Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 3: Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.) / Навук. рэд. П. Ф. Лысенка. Мінск: Беларуская навука, 2000.
12. Ткачев М. А. Прорезка вала на городище на р. Менке // Тез. докл. к конф. по археологии Белоруссии. Минск, 1969.
13. Загорульский Э. М. Об укреплениях Городищенского замка // Вопросы истории. 1977. Вып. 4.

ПОЛОЦКИЙ КНЯЗЬ БОРИС ВСЕСЛАВИЧ

Э. М. Загорульский

г. Минск, Беларусь

Князю Борису Всеславичу не очень повезло с источниками. Оригинальные полоцкие летописи, которые когда-то довелось держать в своих руках Татищеву, бесследно исчезли, а в сохранившемся базовом источнике по истории древней Руси «Повести временных лет» он упомянут только два раза: первый раз при перечислении сыновей Всеслава Брячиславича, второй – в сообщении о его кончине в 1128 г. [1, с. 186; 2]. Упоминание о нем имеется у В. В. Татищева [3, с. 123] и в «Житии преподобной Евфросинии» [4, с. 3], а также в достаточно путанных поздних русско-литовских летописях [5, с. 19]. Память о нем запечатлена в знаменитых «Борисовых камнях» [6].

Говорят, о человеке судят по его делам и по тому, как он повел себя в той или иной ситуации. Учитывая крайнюю скудость сведений о Борисе в источниках, попробуем воссоздать его исторический образ на основании анализа тех событий, участником которых он был.

В списке сыновей Всеслава, содержащем семь имен, Борис поставлен первым, что дает право считать его старшим сыном. На это же указывает и то, что именно Борис становится полоцким князем после смерти Всеслава в 1101 г. Борис, к чему я пришел и о чем писал, имел еще и второе имя Рогволод, что было обычно для русских князей. Поэтому у Всеслава было не семь, а шесть сыновей: Борис (он же Рогволод), Глеб, Давыд, Роман, Ростислав и Святослав (он же Георгий) [7, с. 5].

Говоря о жизни и деятельности Бориса Всеславича, мы не можем и не должны ограничиваться одним только сведением Татищева об успешном походе Бориса против ятвягов в 1102 году и основании им в честь победы над ними нового города на Березине – Борисова [3, с. 199].

В детстве жизнь преподнесла Борису жестокий урок, который не мог пройти бесследно и не сказаться на характере будущего полоцкого князя.

В 1066–1067 годах произошли драматические события в истории Руси, горьким эхом отозвавшимися в сердцах и памяти русских людей. Полоцкий князь Всеслав, как с горечью отметил летописец, начал междоусобную войну. Он неожиданно напал на Новгород, пожег город и снял колокола со святой Софии. За этим последовал почти немедленный поход против Полоцка коалиции южнорусских князей – трех сыновей Ярослава Мудрого – Изяслава, Святослава и Всеволода. Они взяли Минск и 3 марта 1067 г. разбили войско Всеслава у Немизы [1, с. 312]. Однако им не удалось захватить Всеслава, и эта кара им показалась недостаточной. Неудовлетворенные результатами своего зимнего похода южнорусские князья летом того же года организуют новый поход в Полоцкую землю.

В этот тяжелый момент, предвещавший новое большое сражение, Всеслав берет с собой двух своих тогда еще малолетних сыновей. Несомненно, то были Борис и Глеб. В ожидании сражения противники расположились под Оршей на противоположных берегах Днепра.

Далее предоставим слово летописцу (лучше не скажешь): «Затем 10 июля Изяслав, Святослав и Всеволод, поцеловав крест честной Всеславу, предложили ему: «Приходи к нам, не сделаем тебе зла». Он же, положившись на их крестоцелование, переехал к ним в ладье через Днепр. Когда же Изяслав, идя впереди, вел его к себе в шатер, тут схватили Всеслава, на Рши у Смоленска, нарушив крестоцелование. Изяслав же, приведя Всеслава в Киев, посадил его в темницу вместе с двумя его сыновьями» [6, с. 312].

Составитель Радзивилловской летописи, украсивший свой труд великолепными цветными миниатюрами, не прошел мимо этого сюжета. Он изобразил лодку с Всеславом и его сыновьями. Он, как и я, представлял их еще детьми.

В темнице, вместе с отцом, Борис и Глеб пробыли 14 месяцев до 30 сентября следующего года, когда восставшие киевские низы, возмущенные нежеланием киевского князя Изяслава выдать им оружие для сражения с подошедшими к городу половцами, освободили Всеслава и, вопреки принятому на Руси порядку, провозгласили его новым киевским князем.

2 мая 1069 г. при подходе к Киеву Изяслава с польским войском Всеслав оставил киевское войско и бежал в Полоцк [1, с. 185]. Однако скоро он лишился и Полоцка, в котором Изяслав посадил своих сыновей, сначала Мстислава, а потом Святополка.

В 1071 г. Всеслав был снова разбит Изяславом под Голотическом и бежал на север к финскому племени. Вполне вероятно, что все это происходило на глазах юного Бориса. Не может быть сомнений, что эти драматические события не могли пройти бесследно для Бориса и не нанести ему тяжелой психологической травмы, которая сказалась на его формирующемся характере и поведении.

Эпизод 1067 г. важен и тем, что позволяет установить приблизительную дату рождения Бориса. Известно, что князья рано готовили из своих детей будущих воинов и приобщали их к военному делу и управлению своими вотчинами. В 5-6 лет мальчика сажали на коня и он должен был кинуть копье через голову коня. Нередко еще детьми их сажали на княжеский престол. Так, Ярослав (прозванный впоследствии «Мудрым») стал ростовским князем в возрасте 9 лет.

Думается, что в 1067 г. дети Всеслава еще не стали воинами, и младшему Глебу было где-то около 10, а старшему Борису – 12 лет. В таком случае можно предположить, что Борис родился около 1055 г. Умер же он, по летописи, в самом начале 1128 г., то есть, в возрасте приблизительно 73 лет. Полоцким князем он пробыл почти 30 лет.

Странно, что в годы его долгого правления, в течение которых в Полоцкой земле произошел целый ряд важных политических событий, его имя даже не упомянуто в основных русских летописях. Как будто его не существовало.

Первые годы его правления были отмечены рядом событий, ставших трудным испытанием для нового правителя большого княжества. Так, в 1105 г. против его брата, минского князя Глеба, был совершен поход киевского войска, к которому почему-то присоединился один из Всеславичей – Давыд. О реакции Бориса на это событие в летописи ничего не сказано. Как повел себя Борис в этой ситуации, почему он не выступил в защиту своего младшего брата – неизвестно. Думается, ему было очень непросто принять решение. Очевидно, живы были еще в памяти результаты конфликтов его отца с Киевом.

Затем через год – новое испытание. Поздние исторические источники рассказывают, что в свое время племена восточной Прибалтики платили дань русским, скорее всего полоцким князьям, особенно заинтересованным в безопасном судоходстве по Западной Двине с выходом в Западную Европу. Возможно, воспользовавшись военными неудачами Всеслава и слабостью его преемников, прибалтийские племена отказались платить дань или стали угрожать судоходству. Чтобы восстановить свои права, новый полоцкий князь Борис организовал в 1106 г. военный поход, завершившийся жестоким поражением объединенного войска полоцких князей от латышского племени земгалов. Полочане потеряли 9 тысяч своих воинов [1, с. 186]. Это, очевидно, сказалось на дальнейшей внешнеполитической активности Бориса.

В 1116 г. минский князь Глеб развязал войну с «дреговичами», захватил и пожег Слуцк. А дальше произошло то, что должно было произойти. Новый киевский князь Владимир Мономах подошел к Минску и в течение двух месяцев осаждал город, пока Глеб не запросил мира и не пообещал во всем слушаться Владимира. Но слова не сдержал, продолжал в чем-то укорять киевского князя [1, с. 403]. В результате, в 1118 г. Мономах снова по-

дошел к Минску, взял город, а Глеба увел в Киев, где тот вскоре умер. Минское княжество было выведено из состава Полоцкой земли и передано в подчинение туровскому князю [2, стб. 285].

Как и в 1105, и в 1116 гг., Борис не поддержал брата. Как объяснить такое поведение Бориса, нерешительностью, трусостью или трезвой оценкой соотношения сил и своих возможностей, нежеланием безрассудного кровопролития, исход которого мог быть далеко не в пользу полоцкого князя?

К сожалению, многое в политическом устройстве Руси, правах и обязанностях князей в отношениях друг к другу нам далеко не все ясно. Разговоры о полной политической независимости Полоцкой земли – не более чем желания некоторых историков так думать.

Очевидно, Борис хорошо помнил последствия неудачных войн своего отца с Киевом и почти полтора года, проведенные вместе с ним и братом в киевской тюрьме. Горький опыт отца научил его не просто осмотрительности. Он убедил его в бессмысленности междоусобиц, и, ради сохранения мира, он пожертвовал своим братом. За время своего долгого правления он никогда не выступал против киевского князя и, несомненно, признавал его верховенство. Хорошая иллюстрация того места, которое занимало Полоцкое княжество в государственной системе древней Руси.

Такие мысли приходят в голову, когда пытаешься понять и объяснить поведение Бориса.

Обратимся, однако, к русско-литовским летописям, в которых дается наиболее развернутая характеристика Бориса и его деятельности. К сожалению, эти летописи как источник достаточно проблематичны, путаны и потому требуют очень осторожного использования. Они, по-существу, лишены хронологической канвы, тенденциозны, имеют нескрываемую цель прославить литовских правителей, обосновать их историческое право на княжения в русских областях и, даже, представить их прямую генетическую связь с Рюриковичами. В летописях много того, что не подтверждается либо опровергается другими источниками. Нередко события занимают не то логическое место, что в других летописях, а их субъектами выступают совсем другие персонажи.

Тем не менее мы должны допустить, что в них могли быть представлены и некоторые реальные события и факты, сохранившиеся в устной традиции или восходящие к утраченному местному летописанию. Об этом следует постоянно помнить и сделать все возможное, чтобы отделить правду или вероятность правды от искажений или прямого вымысла.

Вот что говорится о Борисе в одном из известных летописных списков, так называемой «Хронике Быховца». Отец Бориса, которого «Хроника» называет Юрием, «правил немного времени и умер. А после себя оставил в Полоцке сына своего Бориса, и тот князь Борис создал город по своему имени на реке Березине, и назвал его Борисов. И будучи русским, был очень набожным, и создал в Полоцке церковь каменную святую Софию, а другую – святого Спаса и девичий монастырь вверх по реке Полоте за полмили от города, третью церковь святых Бориса и Глеба – в монастыре в Бельчицах.

И, правя в Полоцке, был ласков со своими подданными и дал им, своим подданным, вольности и право собирать вече и звонить в колокол и обсуждать дела, как в Великом Новгороде и Пскове, а потом князь Борис Полоцкий умер.

А после себя оставил в Полоцке сына своего Рогволода, называемого Василием» [5, с. 19].

В этом отрывке далеко не все верно. Поэтому попробуем отделить верное или вероятное от явно придуманного или сильно искаженного и опровергаемого другими, более надежными источниками.

Начнем с того, что чуть раньше приведенной характеристике Бориса предшествует чудовищно извращенная его родословная. Его отцом назван не Всеслав, а литовец Гинвил, принявший после крещения имя Юрий. Дедом назван не Брячислав, а литовский князь Мингайло и т.д. Мы могли бы предположить, что Всеслав (и, конечно, не Гинвил) мог

иметь, как это было принято, два имени: Всеслав и христианское Юрий, подобно тому, как сам Борис имел второе имя Рогволод, а его сын, тоже Рогволод, имел христианское имя Василий, что правильно отметила и «Хроника». Но дальше в «Хронике» идут две подряд ошибки: говорится, что у Юрия (т.е. Всеслава) было два сына, и что он правил недолго. Между тем, у Всеслава было не менее 6 сыновей, а пробыл он на полоцком столе дольше всех других князей – 57 лет.

Интересно, что, упомянув об основании города Борисова, «Хроника» не отметила, в честь какого события был основан город. Заметим, что ни в каких других источниках, кроме «Истории» Татищева, о победе Бориса над ятвягами в 1102 г. не говорится. Неизвестно, откуда получил такую информацию Татищев. Возможно, она недостоверна. Думается, составители русско-литовских списков, столь благожелательно оценивавших деятельность Бориса, не преминули бы отметить этот факт.

Быховец приписывает Борису строительство полоцкого Софийского собора. Но это тоже не так. Собор был построен при Всеславе, по моим подсчетам, около 1055 года [8, с. 359-360]. Вспомним знаменитые строки из «Слова о полку Игореве»: «Ему (Всеславу) в Полоцке рано прозвонили в колокола заутреню у святой Софии, а он звон (тот) услышал в Киеве» [9, с. 28].

Но, как нам стало теперь известно из археологических раскопок в Полоцке, скорее всего, именно при князе Борисе к Софийской церкви был пристроен комплекс погребальных сооружений, где, вероятно, он и был похоронен [10]. В исторической памяти эта достройка могла ассоциироваться с завершением строительства Софийского храма в целом. Поскольку действительный год возведения церкви в «Начальном своде» не отмечен или выпал, а «Слова о полку Игореве» составители русско-литовских летописей могли и не знать, все строительство могли связать с именем Бориса.

Нет оснований сомневаться в глубокой набожности Бориса, с именем которого связаны постройки Борисоглебского храма и, возможно, Четвертой церкви-триконха в Бельчицком монастыре, а также открытой археологами неизвестной ранее церкви на полоцком детинце [8, с. 393].

Заслуживает внимания сообщение «Хроники» о том, что Борис предоставил полочанам право созывать вече и звонить в колокол. Мы не знаем, насколько значительна была роль полоцкого веча в решении государственных дел и как часто Борис советовался с ним. Но мы точно знаем, что вечевой колокол давал о себе знать. Он звучал в наиболее ответственных случаях, когда решалась судьба княжества. О созывах в Полоцке веча в 50-х гг. XII в. есть сведения в Лаврентьевской и Ипатьевской летописи. В них подробно рассказывается, как полочане изгнали Рогволода и пригласили на княжение минского князя Ростислава, а потом, спустя несколько лет, выразили ему недоверие и снова приняли Рогволода [2, стб. 494-496].

Можно предполагать, что и в 1128 г. именно полоцкое вече низложило Давыда и избрало полоцким князем сына Бориса Рогволода.

Нельзя не согласиться с замечанием «Хроники» об отношении к Борису полочан. Показатели их высокого уважения к князю проявились в событиях, развернувшихся вскоре после его смерти, которые вошли в историю не совсем правильно под названием «похода русских князей в Полоцкую землю», представляемого иногда чуть ли ни как попытку завоевать Полоцкую землю. В действительности же все обстояло иначе. А именно, в начале 1128 г. умер Борис, и на полоцкий стол, по существовавшей тогда традиции, сел его младший брат Давыд Всеславич. Но полочане не захотели его. Они очень уважали Бориса и предпочли иметь своим князем его сына Рогволода и изгнали Давыда. Началась междоусобица, в которую для разрешения конфликта вмешался киевский князь Мстислав. Он направил в Полоцкую землю отряды из Новгорода, Смоленска, Курска, Чернигова, Киева, Клецка и Гродно. Полочане убедили Мстислава поддержать их выбор и утвердить полоцким князем Рогволода, что он и сделал [2, стб. 292-296].

Эти события, как и вся эпоха Бориса, убедительно говорят о том, что Полоцкая земля составляла неразрывную часть Руси. Другие русские земли не были безразличны к тому, что происходило в Полоцком княжестве, и все их правители, как и полоцкие, признавали верховенство киевского князя.

О любви полочан к Борису свидетельствуют знаменитые «Борисовы камни» с надписью «Господи помози рабу своему Борису» [6; 11, с. 176-178].

Существует несколько различных объяснений назначения этих камней. Отметим, однако, что ни один из полоцких князей не был удостоен чести быть прославленным в таких своеобразных памятниках.

К существующим версиям появления Борисовых камней я бы добавил еще одну. Надписи на камне «Господи, помоги рабу своему…» могли быть высечены только при жизни Бориса. Это не посмертный памятник усопшему. Поэтому я допускаю, что Борис тяжело заболел и надолго. Он был уже в достаточно преклонном возрасте, особенно по меркам того времени. Может быть, в связи с этим возник вопрос о передаче престола одному из здравствующих братьев или сыну, что было не принято делать. Мог возникнуть конфликт, борьба за власть при живом, но недееспособном князе. Не по этой ли причине в 1121 г. в Смоленск приезжал киевский князь Владимир Мономах «для усмирения (по словам Татищева) полоцких князей»? [3, с. 134]. О том, что какие-то проблемы с полоцким наследием действительно возникали, можно судить по тем событиям, которые произошли там после кончины Бориса в 1128 г., о чем мы говорили раньше.

Жизнь Бориса с самого детства была наполнена печальными, порой трагическими событиями, которые не могли пройти бесследно и не сказаться на его формирующемся характере. Он стал свидетелем нескольких жестоких военных поражений своего отца, малолетним пленником киевского князя и бесконечно долгим по детским меркам заключенным киевской темницы.

В период его княжения Полоцкая земля пережила серию неурожайных, голодных лет.

Первая и единственная предпринятая им военная кампания – поход в Прибалтику в 1106 г. закончилась поражением. Он был беспомощным свидетелем пленения и гибели своего брата в 1118 г., с которым провел 14 месяцев в киевском «порубе».

Горький опыт авантюрных поступков отца сделала его сдержанным и крайне осторожным в политике и в отношениях с Киевом. Он ни разу, даже в самые отчаянные времена, не позволил себе выступить против киевского князя и безропотно признавал его верховенство. В период его правления Полоцкая земля оставалась органической частью Руси.

Он был противником внутрирусских конфликтов и во имя мира шел на тяжелые жертвы. Жизнь сделала его особенно глубоко религиозным человеком, и он много времени и средств отдал храмовому строительству, принесшему славу полоцкому зодчеству. Борис не прославил свое имя громкими военными победами и стремился сохранять мир и спокойствие в стране, чем заслужил почтение своих подданных и благодарную память потомков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. ПВЛ / Подгот. текста Д. С. Лихачева. Москва-Ленинград, 1950.

2. ПСРЛ. Т. 2 : Ипатьевская летопись. Москва, 1962.

3. Татищев В. Н. История Российская в 7 томах: Т. 2. Москва-Ленинград: Академия Наук СССР, 1963.

4. Житие преподобной Ефросинии, Игумении Полоцкой, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Санкт-Петербург, 1992.

5. Хроника Быховца: Памятники средневековой истории народов Центр. и Вост. Европы / гл. ред.: М. Н.Тихомиров. Москва, 1966.

6. Таранович В. П. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР // СА. 1946. № VIII.

7. Загорульский Э. М. Генеалогия полоцких князей Изяславичей. Минск: ВУЗ-ЮНИТИ, 1994.

8. Загорульский Э. М. Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века. Минск: «Четыре четверти», 2013.

9. Слово о полку Игореве / Вступит. статья, ред. текста, прозаич. перевод и примеч. Н. К. Гудзия; поэтич. перевод и примеч. к нему В. И. Стеллецкого. Москва, 1955.

10. Булкин В. А. Проблемы изучения полоцкого Софийского собора // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.

11. Загорульский Э. М. Археология Белоруссии. Минск: Высшая школа, 1965.

ЗНАХОДКІ ФІБУЛ ТЫПУ ГРУДЭК-47: ДА ПЫТАННЯ АБ ВЕРХНЯЙ ХРАНАЛАГІЧНАЙ МЯЖЫ ПОМНІКАЎ ВЕЛЬБАРСКАЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ[1]

В. Г. Белявец

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, г. Мінск, Беларусь

У сваёй бліскучай, больш чым 60-гадовай навуковай кар'еры, шаноўны юбіляр здзейсніў нямала адкрыццяў. Працы Эдуарда Міхайлавіча вызначаюцца шырокім даляглядам, і ён нязменна знаходзіцца на вастрыі дыскусіі. Але варта згадаць і аб тым, што некаторыя з крокаў, зробленых ім на навуковым шляху, таксама патрабавалі бескампраміснасці, а часам – асабістай мужнасці. Менавіта Эдуард Міхайлавіч упершыню ў айчыннай і адным з першых ва усходнееўрапейскай археалогіі, у 1965 г., выказаў меркаванне аб старажытнагерманскай – *готска-гепідскай* – прыналежнасці носьбітаў вельбарскай культуры [1, с. 105–106]. Гэтае смелае этнічнае вызначэнне было зроблена ў часы, калі яшчэ краваточылі раны ІІ Сусветнай, на піке напружання знаходзілася Халодная вайна, і не магло не мець наступстваў для кар'еры[2], у чым Эдуард Міхайлавіч быў абсалютна свядомы.

З 1960-х гг. у даследаванні помнікаў вельбарскай культуры пройдзены доўгі шлях. Але сучасны стан іх вывучэння ў Беларусі ўсё яшчэ пакідае нямала пытанняў. Перадусім, канчаткова не акрэслены арэал рассялення носьбітаў гэтай культуры, што звязана з павольнымі тэмпамі палявых работ: да сёння практычна не абследаванымі застаюцца многія з рэгіёнаў Паўднёвай і Заходняй Беларусі. Помнікі вельбарскай культуры вядомыя ў двух з іх: Пабужжы і Цэнтральным Палессі. Адкрыццё ў 1990-2000-я гг. на поўдні Беларусі некалькіх новых гарызонтаў помнікаў I–V стст. – постзарубінецкага, кола кіеўскай культуры і ранніх помнікаў пражскай культуры (фазы "0" і "0/1") – паставіла перад даследчыкамі таксама праблему аналізу хранала гічных суадносін і інтэрпрэтацыі кантактаў гістарычных готаў з мясцовым насельніцтвам кола культур усходнееўрапейскай лясной зоны [гл.: 3; 4]. У гэтай сітуацыі важна выяўляць і ўводзіць у навуковы зварот матэрыялы, якія даюць нам як хранала гічныя рэперы, так і падставы для прагназавання варыянтаў развіцця гісторыка-культурнай сітуацыі на поўдні і захадзе Беларусі ў рымскі час і эпоху Вялікага перасялення народаў.

Калі перыяд рассялення носьбітаў вельбарскай культуры на ўсход ад Заходняга Бугу не выклікае істотных пытанняў, то час, абставіны і гістарычны кантэкст схілу гэтай культуры на землях Беларусі застаюцца шмат у чым незразумелыя [4, с. 392–396]. Уласна, праблема тычыцца ўсяго арэалу вельбарскай культуры – ад паўднёвага ўзбярэжжа Балтыкі да ўкраінскай Валыні, – і звязаная з нераспрацаванасцю для яе хранала гічных індыкатараў познерымскага часу і пачатку эпохі Вялікага перасялення народаў [гл.: 5; 6, s. 234–235; 7, s. 304–308; 8; 9; 10]. Таму да нядаўняга часу немагчыма было вызначаць фінальны гарызонт вельбарскіх помнікаў у Беларусі часам больш дакладным, чым фазы C_3–D, прычым у разлік прымаўся толькі пераходны (C_3-D_1) альбо пачатковы этап эпохі Вялікага перасялення народаў (D_1) [11, с. 333; 4, с. 413–415]. У апошнія гады сітуацыя пачала змяняцца. Дзякуючы шырокай публікацыі і аналітычнай апрацоўцы матэрыялаў, паступова вылучаюцца індыкатары фінальных адрэзкаў вельбарскай культуры. Так, у якасці маркёра фаз C_3 і D

[1] Публікацыя падрыхтаваная ў рамках даследчага праекту, фінансаванага Нацыянальным Навуковым Цэнтрам Рэспублікі Польшча (Narodowe Centrum Nauki) № DEC –2014/12/S/HS3/00202.

[2] Гл.: [2].

(у тым ліку развітага этапу апошняй) разглядаецца шэраг варыяцый арбалетападобных засцежак з пласцінкавымі падвязкамі тыпу 172 О. Альмгрэна[3] [гл.: 13, s. 22–23; 14, S. 331–332; 15]. І вельмі істотна, што быў вылучаны спецыфічны для вельбарскай культуры маркёр фазы D эпохі Вялікага перасялення народаў – засцежкі тыпу Грудэк-47 [16, s. 156, 160, Karte 6; 5, s. 375, 385–386, Мара 6; 17].

Упершыню як асобны тып яны былі апісаныя А. Какоўскім пры аналізе матэрыялаў масламенцкай групы, і атрымалі назву па комплексе пахавання 47 могільніка Грудэк Надбужны: фібулы тыпу Грудэк-47, альбо ў скарачэнні – ZG.47 [18, s. 14, Ryc. 2: o; 19, s. 723–724, 823, Abb. 54]. Гэта двухчасткавыя фібулы арбалетападобнай канструкцыі 2-й серыі VI групы О. Альмгрэна. Яны маюць літы корпус з кароткім цэльным прыёмнікам і выступ альбо маленькую пляцоўку-шчыток на галоўцы, што дазваляе разглядаць іх у рамках вялікага сямейства «фібул з кнопкамі» (ням. «Bügelknopffibel»). На фоне апошніх спецыфічнай рысай фібул Грудэк-47 з'яўляюцца пляцоўкі на вяршыні спінкі і канцы ножкі, часта таксама – выразна акрэсленыя метопкі на заканчэннях спінкі і ў аснаванні ножкі. А. Какоўскі прапанаваў разглядаць гэтыя засцежкі як вядучую форму фазы "F" масламенцкай групы, сінхронную агульнаеўрапейскай C_3 [18, s. 24, 49; 19, s. 687, 699 Abb. 40]. У пазнейшым аналізы, прадстаўленым Я. Анджэёўскім, Р. Праховічам і Т. Ракоўскім, было пераканаўча паказана, што засцежкі ZG.47, хаця і маглі з'явіцца ў фінале познерымскага часу, шырока распаўсюдзіліся з фазы D – пачатку эпохі Вялікага перасялення народаў, і заставаліся ў карыстанні да з'яўлення фібул з зоркападобнымі ножкамі і ранніх пальчатых [17, p. 49–51].

На 2008 г. былі ўлічаныя 33 фібулы гэтага тыпу і 13 блізкіх да іх па тых ці іншых прыкметах. Картаграфаванне выдатна ілюструе тэзіс аб спецыфічнасці засцежак Грудэк-47 для вельбарскай культуры і масламенцкай групы: па-за іх арэаламі такія знаходкі рэдкія. Падзел жа на тры варыянты (I «Скорбічы», II «Грудэк», III «Новы Тарг») дазволіў прасачыць не толькі спецыфіку распаўсюджання розных варыяцый гэтых фібул у межах вельбарскай культуры і масламенцкай групы, але таксама накірункі сувязяў розных груп «готаў» з суседнімі народамі – роднасным германскім насельніцтвам Скандынавіі (в. Барнхольм) і іншаэтнічнымі, заходнебалцкімі жыхарамі Самбіі [17, p. 42–44, Fig. 9] (гл. Карту 1: а, б, в).

У гэтым артыкуле я хацеў бы дапоўніць картаграфію фібул Грудэк-47 і набліжаных да іх, прадстаўленую варшаўскімі калегамі [17, Fig. 9, p. 51–58], знаходкамі з-за Заходняга Буга і Нёмана: пераважна з тэрыторыі Беларусі, але таксама Літвы і Украіны. Гаворка ідзе аб 9-ці фібулах і іх фрагментах, а таксама 1 засцежцы блізкай да ZG.47.

Усе знаходкі фібул гэтага тыпу на тэрыторыі Беларусі, з'яўляюцца выпадковымі. Пры гэтым большая іх частка стала вядомая цягам апошніх 10 год, усе захоўваюцца сёння ў музейных фондах ды зборах навукова-даследчых устаноў[4]. Паходзяць яны з шасці пунктаў, размешчаных у трох рэгіёнах Беларусі: Пабужжы, Загароддзі і Панямонні (Карта 1: 1–6).

Найбольш старая і знаная з іх паходзіць з Пабужжа – засцежка была знойдзеная ў 1880 г. на плошчы могільніка вельбарскай культуры каля вёскі Скорбічы (сёння – в. Дружба) на р. Лясной (Карта 1: 1). Гэта масіўная двухчасткавая фібула з кароткім нізкім цэльным прыёмнікам (Мал. 1/А: 1). Спінка дугападобная, з папярочным сячэннем блізкім да квадратнага. Прамавугольныя пляцоўкі на спінцы і канцы ножкі ўпрыгожаныя тонкімі лініямі, якія ўтвараюць шчыльную касую сетку. Галоўка закончваецца шыпам. Спружына ніжняя сіметрычная 10-вітковая. Упершыню гэтая фібула была апублікаваная ў канцы XIX ст. і неаднаразова згадвалася пазней [20, s. 102; 21, с. 20, Таб. 45,46; 22, с. 84–85, Рис. 52; 23, s. 25, Tabl. 4: n; 11, с. 305, Рис. 1/В: 7]. Добры стан захавання і яркія прыкметы паслужылі таму, што яна была прынятая ў якасці ўзору аднаго з трох варыянтаў фібул тыпу

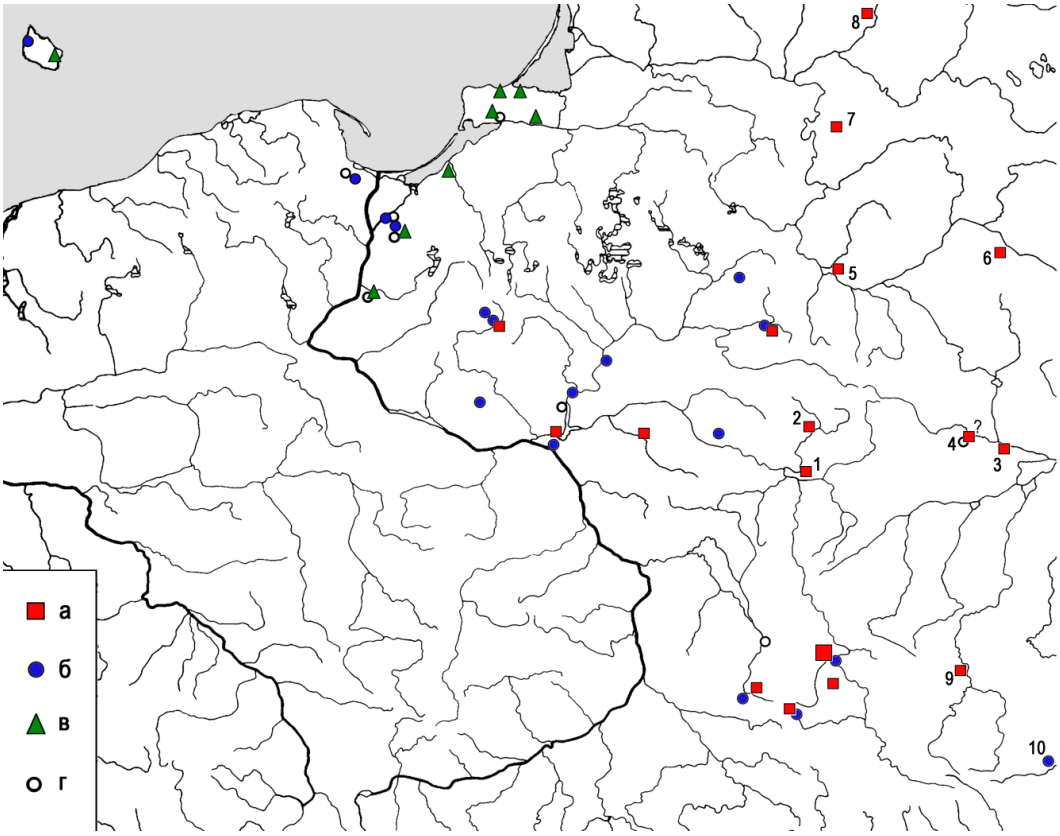
[3] Далей па тэксце спасылкі на тыпалогію О. Альмгрэна [12] даюцца ў скарачэнні, напр. А.172.

[4] Звесткі аб гэтых знаходках зведзены ў каталог – гл. у канцы артыкула.

Грудэк-47 – I «Скорбічы». Рысамі, якія вылучаюць засцежкі апошняга сярод іншых, з'яўляюцца: блізкае да квадратнага сячэнне спінкі, квадратная альбо прамавугольная форма пляцовак на вяршыні спінкі ды канцы ножкі і іх характэрная арнаментацыя – касой сеткай, шчыльнымі нахіленымі лініямі, альбо касым, «Андрэеўскім» крыжам [17, s. 39, Fig. 1].

У 2014 г. амаль аналагічная, меншых памераў фібула была знойдзена ўверх па плыні той жа р. Лясная – на поўнач ад в. Ступічава (Карта 1: 2; Мал. 1/А: 2). Месцазнаходжанне не абследавалася, але каля 1–1,5 км ад яго – на поўдзень ад гэтай вёскі, – па выпадковых знаходках і выніках разведкі вядомы помнік, магчыма, могільнік вельбарскай культуры з выразнымі матэрыяламі позняга, фінальнага этапу познерымскага часу і пачатку Вялікага перасялення народаў [24, с. 63–64, Рис. 3/А].

Дзве наступныя засцежкі паходзяць з усходняга ўскрайку Загароддзя. Адна з іх знойдзена каля в. Мерчыцы, што ў Пінскім раёне (Карта 1: 3). Гэта фібула вельмі блізкая да прадстаўленых вышэй, адрозніваецца ад іх толькі дзвюмя дробнымі дэталямі: штыр на канцы яе галоўкі мае далікатнае круглае патаўшчэнне, а на шчытках не прасочваецца арнаментацыі (Мал. 1/Б: 1). Засцежка паходзіць са шматслойнага паселішча Мерчыцы-2, якое было адкрыта В. С. Вяргей у 1980 г. падчас разведак у нізоўях Ясельды. Помнік месціцца на заходнім краі вёскі на дастаткова высокай тэрасе яе правага берагу. У 2011 г. у зборы вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта[5] перададзена каля 30 рэчаў розным эпох – ад жалезнага веку да



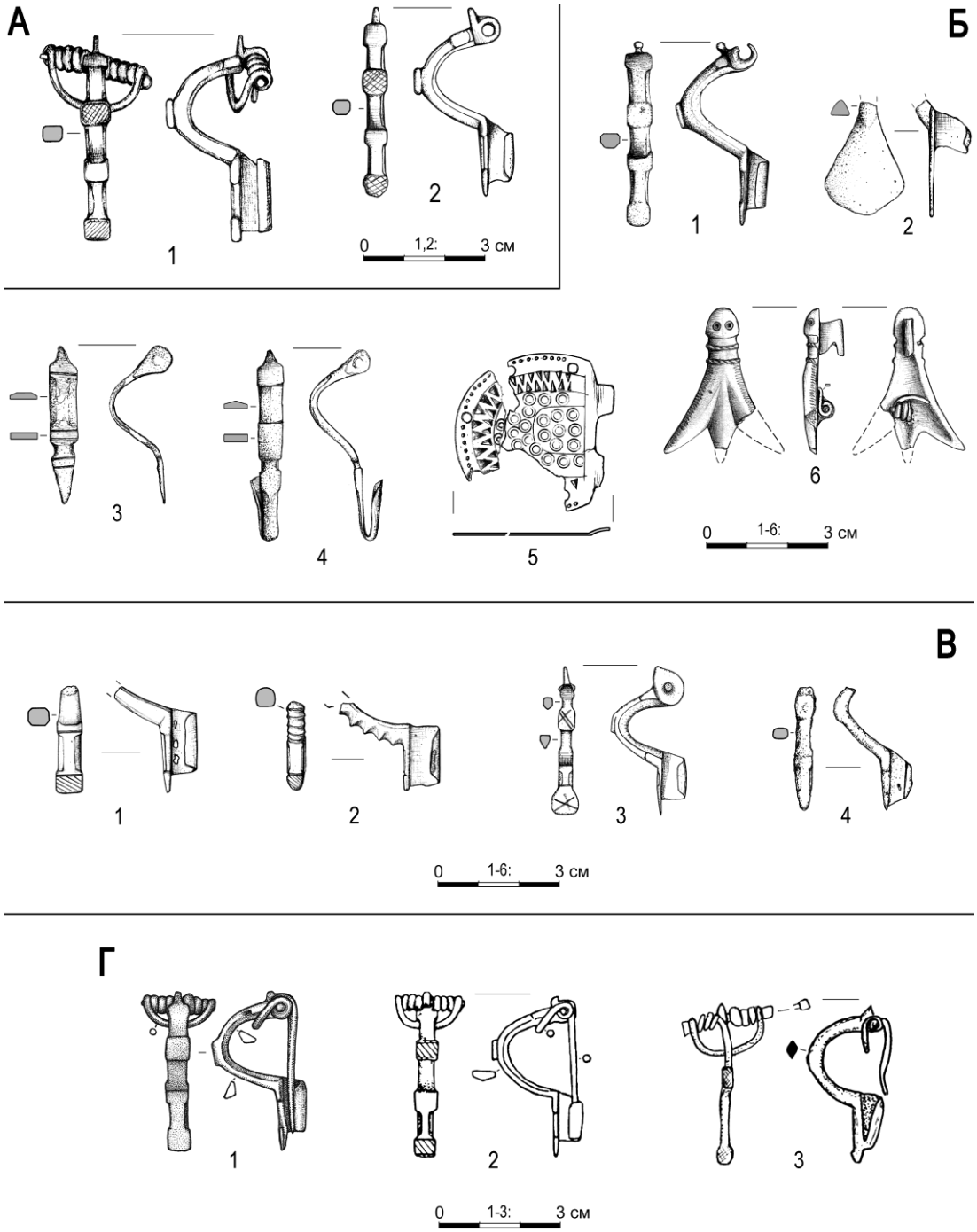
Карта 1. Распаўсюджанне фібул тыпу Грудэк-47.

Паводле Я. Анджэёўскага, Р. Праховіча, Г. Ракоўскага [26] з дапаўненнямі (2–10).

Умоўныя абазначэнні: а – фібулы варыянту I «Скорбічы» («Skorbicze»); б – фібулы варыянту II «Грудэк» («Gródek»); в – фібулы варыянту III «Новы Тарг» («Nowy Targ»); г – фібулы набліжаныя да тыпу Грудэк-47.
Нумарамі абазначаныя: Знаходкі фібул тыпу Грудэк-47 з тэрыторыі Беларусі: 1 – Скорбічы, 2 – Ступічава-2, 3 – Мерчыцы, 4 – Моталь, 5 – Скідзель, 6 – Аўдзеевічы; Літвы: 7 – Лепяліоніс (літ. Lepelionys), 8 – Рыклікай (літ. Riklikai); Украіны: 9 – Рованцы (укр. Рованці), 10 – Загірцы-6 (укр. Загірці).

[5] Далей у абрэвіятурным скарачэнні – ВЛМС БДУ.

сярэдневякоўя, – якія былі знойдзеныя тут «аматарамі металапошуку». У 2012 і 2015 гг.на помніку мной былі праведзены новыя разведачныя працы – абследаванне, у т.л. з дапамогай металадэтэктара, і шурфоўкі. Вызначана, што селішча мае магутны, да 1 метра, культурны пласт, і ўтрымлівае некалькі гарызонтаў жалезнага веку і эпохі Вялікага перасялення народаў, якія паслядоўна змяняюць адзін аднаго: зарубінецкі, постзарубінецкі, вельбарскай і пражскай культур [25]. Такім чынам, сувязь знойдзенай тут фібулы Грудэк-47 (Мал. 1/Б: 1) з насельніцтвам вельбарскай культуры не выклікае сумненняў.



Мал. 1. Фібулы тыпу Грудэк-47 і блізкія да іх з тэрыторыі Беларусі, Літвы, Украіны

А: 1 – Скорбічы (Дружба), 2 – Ступічава; Б: матэрыялы з селішча Мерчыцы-1; В: 1, 2 – Моталь, 3 – Скідзель, 4 – Аўдзеевічы; Г: 1 – Лепяліоніс (літ. Lepelionys); 2 – Рыклікай (літ. Riklikai); 3 – Загірцы-6 (укр. Загірці). А5 – срэбра, рэшта вырабаў – са сплаваў медзі.

Г 1,2 – паводле А. Блюйэнэ [26]; Г3 – паводле А. Лазурка, Я. Ткач [27, с. 60, Рис. 8: 1], рэшта – малюнкі В. Беляўца.

Месцазнаходжанне, час і абставіны знаходкі абломка другой фібулы тыпу ZG.47 з Загароддзя невядомыя. Яна захоўваецца ў Мотальскім музеі народнага мастацтва і, верагодней за ўсё, паходзіць з ваколіц в. Моталь (Карта 1: 4), але нельга выключыць і больш шырокую зону – тэрыторыю Іванаўскага і прылеглай часткі Пінскага р-ну. Гэта ножка масіўнай фібулы са спінкай падквадратнага сячэння і пляцоўкай з касымі лініямі на заканчэнні ножкі, краі якіх падкрэсленыя папярочнымі баразёнкамі (Мал. 1/В: 1). Нягледзячы на фрагментаванасць, гэтую засцежку можна ўпэўнена аднесці да варыянту «Скорбічы». Нетыповай рысай з'яўляюцца тры невялікія адтуліны, размешчаныя ў радок у верхняй частцы прыёмніка, якія, безумоўна, былі выкананыя адмыслова[6].

У Мотальскім музеі народнай творчасці захоўваецца фрагмент яшчэ адной фібулы (Мал. 1/В: 2), якая павінна разглядацца ў коле блізкіх да тыпу Грудэк-47. Дакладнае месца яе адкрыцця таксама невядома. Гэта засцежка 2-й серыі VI групы О. Альмгрэна, характэрнае афармленне спінкі якой дазваляе аднесці яе да т.зв. «вусеневых» (ням. «Raupenfibeln»). Фібулы гэтай формы дастаткова шырока прадстаўленыя ў матэрыялах вельбарскай культуры, перадусім у ніжнім цячэнні Віслы і прылеглай частцы балтыйскага ўзбярэжжа, дзе іх датаванне вызначаецца ў рамках фазы D эпохі Вялікага перасялення народаў [гл.: 28; 16, s. 375, Мара 5]. Але ножка дадзенай аформленая ў стылі фібул ZG.47: прамая фасетаваная, з пляцоўкай на канцы, ўпрыгожанай касой штрыхоўкай. Знаходка не ўнікальная: у сямействе фібул блізкіх да тыпу Грудэк-47 вядомы яшчэ па меншай меры 3 вусеневыя формы [17, Fig. 7: a–c].

Такім чынам, тры з чатырох прадстаўленых вышэй фібул паходзяць з арэалу і непасрэдна звязаныя з помнікамі вельбарскай культуры (Карта 1: 1–3). Немагчыма казаць аб культурнай прыналежнасці знаходак з Мотальскага музею, якія не маюць дакладнай лакалізацыі: яны могуць паходзіць як з аднаго альбо розных помнікаў вельбарскай культуры, так і з'яўляцца імпартам у кантэксце мясцовага насельніцтва кола культур усходнееўрапейскай лясной зоны[7].

Знаходкі з Загароддзя не з'яўляюцца найбольш аддаленымі на ўсход месцазнаходжаннямі фібул Грудэк-47 з вядомых у вельбарскай ці, шырэй, агульнасці культур готскага кола: такія засцежкі таксама адкрыты на Валыні і Паўночнай Галіцыі – у змешанай «вельбарска-чарняхоўскай» зоне. Адна з іх, класічны ўзор фібул варыянту Скорбічы[8], выпадкова знойдзеная была ў 1980-я гг. на селішчы вельбарскай культуры каля с. Рованцы (укр. Рованці) у верхнім цячэнні Стыры (Карта 1: 9). Яшчэ адна адкрытая ў ходзе разведкі на селішчы чарняхоўскай культуры Загірцы-6 – у вярхоўях Гарыні (Карта 1: 10; Мал. 1/Г: 3) [27, с. 60, Рис. 8: 3]. Прамалёўка гэтай фібулы ў публікацыі даволі схематычная, але па большасці прыкмет яна адпавядае характарыстыкам варыянту II «Грудэк»: мае рамбічнае сячэнне спінкі і маленькі завостраны шчыток на канцы галоўкі[9]. Рэдка, але ў гэтых засцежках усё ж адзначаюцца зачыненыя на канцы прыёмнікі, а таксама прамавугольныя, упрыгожаныя касой сеткай пляцоўкі на вяршыні спінкі і канцы ножкі [17, Fig. 4: c, d].

Вяртаючыся да фібул Грудэк-47 з тэрыторыі Беларусі, трэба адзначыць, што на першы позірк даволі нечакана выглядаюць два апошнія іх месцазнаходжанні – у Панямонні. Адна з гэтых засцежак паходзіць з-пад Скідзеля, што ў Гродзенскім р-не, дру-

[6] Магчыма, падобная адтуліна выступае на прыёмніку адной з фібул ZG-47, адкрытых у Грудку Надбужным [17, Fig. 2: d].

[7] У гэтым сэнсе паказальная знаходка тыпалагічна блізкай і сінхроннай да разглядаемых намі, фібулы A.VI/S2 (Bügelknopffibel) з Зарэчча (Бярозаўскі р-н) – з сярэдняга цячэння Ясельды [29, с. 220, Рис. 3: 2] – дзе сёння няма падстаў казаць аб прысутнасці помнікаў вельбарскай культуры.

[8] Ілюстрацыя і інфармацыя па гэтай знаходцы змешчаны ў дадзеным зборніку ў артыкуле А. С. Мілашэўскага, якому я хацеў бы выказаць шчырую ўдзячнасць за інфармацыю аб знаходках фібул тыпу ZG.47 з тэрыторыі Украіны.

[9] Вызначэнне гэтага варыянту гл.: [17, s. 42–44, Fig. 4].

гая – з наваколляў в. Аўдзеевічы Навагрудскага р-на (Карта 1: 5, 6). Абедзве фібулы знойдзены выпадкова і захоўваюцца ў зборах ВЛМС БДУ. Абедзве таксама павінны быць аднесеныя да варыянту «Скорбічы». Нягледзячы на фрагментаванасць і моцную пацёртасць, гэта вызначэнне не выклікае сумненняў у дачыненні фібулы з Аўдзеевіч (Мал. 1/В: 4). Мініяцюрная скідзельская засцежка на фоне «класічных» узораў гэтага варыянту мае пэўныя нетыповыя рысы: сячэнне яе спінкі блізкае да пяцівугольнага, шчыток на ножцы непрапарцыянальна вялікі, арнаментацыя схематычная, нетыповая і неахайная (Мал. 1/В: 3). Адзначаныя рысы, магчыма, не настолькі выразна, але прысутнічаюць таксама ў шэрагу іншых засцежак гэтага варыянту [17, Fig. 2: c, h, i]. Непрапарцыянальна вялікі шчыток на ножцы гэтай мініяцюрнай засцежкі, верагодна, звязаны з жаданнем захаваць яе функцыянальнасць – як кропкі ўпору для зашпільвання - пры агульным памяншэнні памеру фібулы. Аднак нельга выключыць таксама, што тут мы маем дачыненне з імітацыяй «сапраўдных» вельбарскіх фібул варыянту «Скорбічы».

Абодва месцазнаходжанні не абследаваліся. Культурны кантэкст гэтых знаходак таксама немагчыма вызначыць, зыходзячы з развіцця гісторыка-культурнай сітуацыі ў рэгіёне: помнікі фіналу познерымскага часу і Вялікага перасялення народаў у гэтай частцы Беларускага Панямоння не вывучаліся [30, с. 7–14, Рис. 4.1, 4.33].

Для разумення культурнага кантэксту гэтых знаходак істотна, што засцежкі ZG.47 адзначаныя і ў больш аддаленых рэгіёнах парэчча Нёману – на тэрыторыі Літвы. Адна з іх знойдзена ў пласце «малога» гарадзішча Лепяліоніс, другая – у кургане № 13 могільніка Рыклікай (Карта 1: 7, 8). Гэтыя фібулы разглядаюцца як імпарты з вельбарскай культуры, якія трапілі на тэрыторыю Літвы ў выніку ўплываў і міграцыі груп насельніцтва сувалкійскай культуры[10] [31, p. 146, 149, Fig. 1: 4; 26, p. 172, pav. 92: 2]. У падобным кантэксце – сувязяў з насельніцтвам вельбарскай культуры – таксама павінны разглядацца згаданыя знаходкі фібул Грудэк-47 з Беларускага Панямоння. Сёння няма падстаў лічыць, што ў канцы IV – першай палове V ст. нейкія землі гэтага рэгіёну маглі ўваходзіць у арэал вельбарскай культуры. На тэрыторыі Польшчы найбольш блізкі помнік апошняй – пахаванне, датаванае фазай B_2/C_1-C_{1a} – адкрыта каля в. Чупрынова на р. Ласосна – левым прытоку Нёмана [32]. У Беларускім Пабужжы найбольш паўночныя яе матэрыялы вядомыя на сёння ў Белавежскай Пушчы [4, Карта 1: 15, 21]. У той жа час, у Панямонні неаднаразова ўжо адзначаліся характэрныя знаходкі, якія павінны разглядацца як сведчанне сувязяў насельніцтва гэтага рэгіёну з носьбітамі вельбарскай культуры, і прасочваюцца як мінімум з рубяжу II/III стст. [24, с. 66, Рис. 1: 5, Рис. 3/В; 33, s. 64, Ryc. 1: 35, Rys. 5: 1, 3].

У цэлым, новыя знаходкі істотна пашыраюць картаграфаванне фібул ZG.47 на ўсход за Заходні Буг, і, дапаўнаючы карціну ў Беларускім Пабужжы, акрэсліваюць два новыя рэгіёны іх распаўсюджання: у басейне Прыпяці і Нёману.

Засцежкі з Беларускага Пабужжа, Усходняга Загароддзя, Валыні і Паўночнай Галіцыі (Карта 1: 2, 3, 7, 8) звязаныя з помнікамі вельбарскай культуры і выдатна ілюструюць тэзіс аб тыповасці фібул Грудэк-47 для насельніцтва ўсіх яе пасяленчых зон. Пры гэтым 3 з іх належаць да аднаго варыянту – «Скорбічы». Гэтыя знаходкі падмацоўваюць назіранні варшаўскіх калег адносна раяніравання розных варыянтаў фібул ZG.47 [17, s. 49–50, Fig. 1; гл. таксама Карту 1]. Засцежкі варыянту I «Скорбічы», якія дамінуюць сярод прадстаўленых знаходак з Пабужжа і парэчча Прыпяці, дэманструюць устойлівую сувязь з помнікамі культур готскага кола ў басейне Заходняга Бугу – масламенцкай групы і паўднёва-ўсходняй часткі арэалу вельбарскай культуры (Карта 1: а, № 1–4, 9). Фібула ж з Загірцаў-6 варыянту II «Грудэк», якія вядомыя ва ўсім арэале вельбарскай культуры і вельмі выразна прадстаўлены на помніках масламенцкай групы, лагічна пашырае зону іх распаўсюджання да памежжа Валыні і Галіцыі (Карта 1: б, № 10).

[10] Шчыра дзякую праф. А. Блюенэ за інфармацыю па знаходцы з гарадзішча Лепяліоніс і кансультацыю адносна культурнай інтэрпрэтацыі знаходак фібул ZG.47 на тэрыторыі Літвы.

Важнае дапаўненне ў картаграфію фібул ZG.47 уносяць знаходкі з басейну Нёмана. Яны павінны разглядацца як новае сведчанне сувязяў паміж носьбітамі вельбарскай культуры і насельніцтвам гэтага рэгіёну. Істотна, што ўсе вядомыя тут засцежкі тыпу Грудэк-47 належаць да аднаго толькі варыянту – «Скорбічы». Падобная з'ява ўжо адзначалася на прыкладзе картаграфавання фібул варыянту «Новы Тарг», якія практычна ў роўнай колькасці вядомыя на вельбарскіх помніках ніжняй Вісла і культуры Долькайм-Каўрова ў Самбіі, адзначаюцца таксама на в. Барнхольм [17, s. 46–47, 51–52] (Карта 1: в). Відавочна, на пачатку эпохі Вялікага перасялення народаў вельбарскае насельніцтва Польскага Памор'я арыентавалася ў сваіх сувязях у цыркумбалтыйскім рэгіёне, перадусім, на жыхароў Самбіі і Паўднёвай Скандынавіі. Іншы вектар кантактаў з насельніцтвам Прыбалтыкі нясе картаграфаванне фібул варыянту «Скорбічы» (Карта 1: а): у гэты ж час сувязі з насельніцтвам басейну Нёмана падтрымлівалі перадусім групы готаў з парэчча Заходняга Бугу[11].

У сувязі з абставінамі свайго адкрыцця, знаходкі з тэрыторыі Беларусі не ў стане шмат дадаць да агульнага датавання тыпу фібул Грудэк-47. Аднак падставы для пэўных, істотныя на мой погляд, назіранняў, нам усё ж такі ў стане прынесці аналіз матэрыялаў з селішча ў Мерчыцах, дзе вельмі выразна прадстаўлены фінальны адрэзак познерымскага часу і пачатак эпохі Вялікага перасялення народаў. Яны дазваляюць некалькі змясціць акцэнты ў ацэнцы часу і нанова падысці да аналізу гісторыка-культурнай сітуацыі, у якой адбываўся схіл эпохі панавання носьбітаў вельбарскай культуры на землях Паўднёва-Заходняй Беларусі.

Абсалютную дату для дадзенага гарызонту вельбарскага помніка ў Мерчыцах, якая павінна ўспрымацца як terminus post quem, дае ўнікальная для тэрыторыі Беларусі, медная манета Канстанцыя II, адбітая ў Канстанцінопалі паміж 352 і 355 гг. [35]. У адноснай жа храналогіі тыпалагічна найбольш раннімі могуць разглядацца ў гэтым кантэксце дзве масіўныя арбалетападобныя фібулы 1-й серыі VI групы О. Альмгрэна, тыпу А.162 альбо А.172 (Мал. 1/Б: 3,4). Іх датаванне ў культурах готскага кола вызначаецца ў шырокіх рамках – фазамі C_2–D_2 [36, с. 44–45; 37, Taf. LI/407: 1, Taf. LXII/502A: 1; 19, Abb. 26/IIIA: 6, IIIB: 12, s. 696–703]. Ножка засцежкі з кароткім суцэльным прыёмнікам і пляскатым рамбічным шчытком (Мал. 1/Б: 2), верагодней за ўсё, з'яўляецца фрагментам двухпласцінкавай засцежкі тыпу А.182, датаванне якіх вызначаецца ў рамках фаз C_3–D_2 [38; 39; 40, с. 18–22].

Фінал вельбарскага гарызонту ў Мерчыцах выразна акрэсліваюць дзве іншыя знаходкі: срэбная брошка ў форме цыкады і шчыток ад спражкі. Пры вялікай разнастайнасці форм цыкадападобных фібул[12], кола аналогій да мерчыцкай (Мал.1/Б: 6) вельмі вузкае. Гэта «трохкрылыя» брошкі серыі Керч (у вызначэнні І. А. Гаўрытухіна) з Крыму і прылеглай часткі Паўночнага Прычарнамор'я. На падставе аналогій і агульнай логікі развіцця падобных форм, мерчыцкая фібула павінна датавацца ў межах фаз D_1–D_2 эпохі Вялікага перасялення народаў [42, s. 241–243]. Істотна, што яе датаванне перакрываецца з устаноўленым для іншай знаходкі – шчытком ад спражкі, які пакрывае складаны арнамент з вачкападобных і трохвугольных штампаў, кропкавых наколаў і праразных ліній (Мал. 1/Б: 5). Яе форма (у ¾ круга) і характар аздаблення тыповыя для спражак кола Стшэганіцэ-Цішаладаны-Керч (Strzegocice-Tiszaládány-Kerč) ці Н.43–45 у вызначэнні Р. Мадыды-Легутка [43; 44, s. 70]. Развітыя формы такіх спражак, часта срэбныя з пазалотай і чарненнем, багатым штэмпельным і гравіраваным арнаментам у стылі Унтэрзібэнбрун–Сёсдала, распаўсюджаныя пераважна ў Сярэднім Падунаўі, дзе яны, верагодна, выраблялiся правінцыйнарымскімі рамеснікамі з фазы D_2 – у першыя дзесяцігоддзі, ці нават да сярэдзіны V ст. [гл.: 45, s. 172–173, Taf. 37, 38; 46, s. 175–180; – там больш

[11] Вельмі падобны вобраз дае таксама картаграфаванне спецыфічнага тыпу падвесак – «Пятровічы-Жвіляй» – характэрных для развітага познерымскага часу, яго схілу і пачатку эпохі Вялікага перасялення народаў [34].
[12] Гл. агляды літаратуры: 41, s. 394–397; 42, s. 237–240.

ранняя літаратура]. Больш простыя ж, як і мерчыцкая, выкананыя найчасцей са сплаваў медзі, могуць з'яўляцца таннымі імітацыямі высокамастацкіх спражак кола Стшэганіцэ-Цішаладаны-Керч, іх прататыпамі альбо найбольш раннімі формамі, якія паўсталі і першапачаткова распаўсюдзіліся сярод насельніцтва культур гоцкага кола, у Паўночным Прычарнамор'і і вярхоўях Цісы [47, p. 81; 46, S. 179–180; 48, S. 250–254].

Разгледжаныя знаходкі з Мерчыц добра адпавядаюць датаванню, якое вызначана для фібул тыпу Грудэк-47 (Мал. 1/Б: 1) [17, s. 49–51]. Такім чынам, дадзеная, а таксама іншыя прадстаўленыя вышэй знаходкі фібул ZG.47 з арэалу помнікаў вельбарскай культуры, дазваляюць працягнуць фінальны гарызонт апошняй у некаторых рэгіёнах Беларусі пачаткам эпохі Вялікага перасялення народаў, не выключаючы фазы D_2 – да першай паловы V ст. уключна.

Каштоўнасць прадстаўленых матэрыялаў з Мерчыц для нас заключаецца яшчэ і ў тым, што ў фінале гэтага помніка мы можам назіраць у культуры яго жыхароў спалучэнне традыцыйных вельбарскіх элементаў з яскравымі інтэррэгіянальнымі, генезіс якіх звязаны з тэрыторыяй Падунаўя і Крыму. У кантэксце гісторыка-культурнай сітуацыі зямель Прыпяцкага Палесся гэтыя знаходкі павінны ўспрымацца не толькі як сведчанне традыцыйна моцных сувязяў вельбарскага насельніцтва гэтага рэгіёну з групамі роднаснага «гоцкага» ўкраінскай Валыні [гл.: 11, с. 334; 49, с. 134–138; 4, с. 413–414]. Але таксама – як указанне на ўключанасць носьбітаў вельбарскай культуры, якія жылі на землях Паўднёва-Заходняй Беларусі, у сістэму вельмі шырокіх сувязяў пачатку Вялікага перасялення народаў – яго «гунскага» перыяду.

Карціна, якая ўсё больш выразна паўстае пры аналізе найбольш позняга гарызонту помнікаў вельбарскай культуры ў Беларусі, сугучная сучасным уяўленням аб схіле суседняй чарняхоўскай культуры. Нягледзячы на масавую міграцыю за Дунай, выкліканую гунскай навалай каля 370–375 гг., частка носьбітаў гэтай культуры не пакінула сваіх зямель. Помнікі гунскага перыяду – фаз D_1–D_2 эпохі Вялікага перасялення народаў, – вядомыя сёння на Валыні, на Падоліі, Сярэднім Падняпроўі, міжрэччы Дняпра і Данца [50; 40; 51, s. 145–152]. Яны ўспрымаюцца як матэрыяльнае адлюстраванне вядомых нам па паведамленнях Іярдана[13], гоцкіх «малых каралеўствах», якія яшчэ амаль стагоддзе, да сярэдзіны V ст., існавалі на абломках магутнай «дзяржавы Германарыха» пад пратэктаратам гунаў. Такім чынам, фінал чарняхоўскай культуры сёння суадносіцца не столькі з разбуральным гунскім нашэсцем, колькі з распадам дзяржавы Ацілы пасля паражэнняў у бітвах на Каталаўнскіх Палях і пры Недаа (каля 451–455 гг.) [53].

КАТАЛОГ. Нумар каталогу адпавядае нумарацыі на карце.

1. «Скорбічы» (Дружба) (Мал. 1/А: 1). Беларусь, Брэсцкі р-н, Брэсцкая вобл., на р. Лясная – прыток Заходняга Буга. Выпадковая знаходка 1880 г. з плошчы могільніка вельбарскай культуры. Фібула тыпу Грудэк-47 варыянту «Скорбічы». Са сплаву медзі. Захоўваецца ў фондах Дзяржаўнага археалагічнага музея ў Варшаве (Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie).

Публікацыі: [20, s. 102; 21, c. 20, Таб. 45, 46; 22, c. 84–85, Рис. 52; 23, s. 25, Tabl. 4: n; 11, с. 305, Рис. 1/В: 7; 17, s. 39, Fig. 1].

2. **Ступічава-2** (Мал. 1/А: 2), Беларусь, Брэсцкі р-н, Брэсцкая вобл., на р. Лясная – прыток Заходняга Буга. Фібула тыпу Грудэк-47, варыянт «Скорбічы». Са сплаву медзі. Страчаны спружынны апарат. Выпадковая знаходка, 2014 г. Захоўваецца ў зборах Інстытута гісторыі НАН Беларусі.

3. **Мерчыцы-2** (Мал. 1/Б: 1), Беларусь, Пінскі р-н, Брэсцкая вобл., на р. Ясельда – прыток Прыпяці. Фібула тыпу Грудэк-47, варыянт «Скорбічы». Са сплаву медзі. Страчаны спружынны апарат. Выпадковая знаходка, 2011–2012 гг. Захоўваецца ў зборах вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Публікацыі: [25, с. 252, Рис. 2: 10; 42, s. 245, Ryc. 4: 1].

4. **Моталь**, Беларусь, Іванаўскі р-н, Брэсцкая вобл., на р. Ясельда – прыток Прыпяці. Выпадковыя знаходкі з навакольля в. Моталь, альбо шырэй – Іванаўскага раёна.

[13] Гл.: [52, § 245–247].

а/ Фрагмент – ножка з участкам спінкі ад фібулы Грудэк-47 варыянту «Скорбічы» (Мал. 1/В: 1). Сплаў медзі.

б/ Фрагмент – ножка «вусеневай» фібулы з рысамі варыянту «Скорбічы» фібул ZG-47 (Мал. 1/В: 2). Сплаў медзі.

Захоўваецца ў фондах Мотальскага музея народнай творчасці, філіял археалогіі «Нашы карані».

5. **Скідзель** (Мал. 1/Б: 5). Беларусь, Гродзенскі р-н, Гродзенская вобл., на р. Котра – прыток Нёмана. Фібула тыпу Грудэк-47, варыянт «Скорбічы». Са сплаву медзі. Страчаны спружынны апарат. Выпадковая знаходка. Захоўваецца ў зборах Вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэту Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

6. **Аўдзеевічы** (Мал. 1/Б: 6). Беларусь, Навагрудскі р-н, Гродзенская вобл., на р. Нёман. Фібула тыпу Грудэк-47, варыянт “Скорбічы”. Са сплаву медзі. Страчана галоўка і спружынны апарат. Выпадковая знаходка.

У зборах Вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

7. **Лепяліоніс** (літ. Lepelionys), Літва, рай. Прыену (Prienų). З культурнага пласта гарадзішча (Мал. 1/В: 3). Фібула тыпу Грудэк-47, варыянт «Скорбічы». Са сплаву медзі.

Публікацыі: [гл.: 26, s. 172, pav. 92: 2; – там больш ранняя літаратура].

8. **Рыклікай** (літ. Riklikai), Літва, рай. Аныкшчай (Anykščai), на р. Швентоя – прыток Нёмана. З курганнага могільніка, курган № 13 (Мал. 1/В: 4). Фібула тыпу Грудэк-47, варыянт «Скорбічы». Са сплаву медзі.

Публікацыі: [31, p. 146, 149, Fig. 1: 4; 26, s. 172, pav. 92: 2].

9. **Рованцы** (укр. Рованці), Украіна, Луцкі р-н, Валынская вобл., на р. Стыр – прыток Прыпяці (Мал. 1/В: 2). Фібула тыпу Грудэк-47, варыянт «Скорбічы». Са сплаву медзі. Дэфармаваная, страчаны фрагмент спружыны. Выпадковая знаходка з плошчы селішча чарняхоўскай культуры. Са сплаву медзі.

Публікацыі: [27, с. 60, Рис. 8: 1].

10. **Загірцы-6** (укр. Загірці). Украіна, Ланавацкі р-н, Цернопальская вобл., на р. Гарынь – прыток Прыпяці. Фібула тыпу Грудэк-47, варыянт «Грудэк». Са сплаву медзі. З плошчы селішча чарняхоўскай культуры.

Глядзі артыкул А. С. Мілашэўскага, В. В. Ткача, В. Г. Баюка, Б. А. Прищепы, А. П. Войтюка ў дадзеным зборніку.

БІБЛІЯГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Загорульский Э. М. Археология Белоруссии. Учебное пособие для вузов БССР. Минск: Высшая школа, 1965.

2. Будько В., Поболь Л., Тарасенко В., Штыхов Г. Мимо главного // Коммунист Белоруссии. 1966. № 6.

3. Белявец В. Г. Стан і актуальныя праблемы вывучэння помнікаў постзарубінецкага гарызонту ў Беларускім Палессі // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Книга 1. Минск: Беларуская Навука, 2016.

4. Белявец В. Г. Насельніцтва вельбарскай культуры ў гісторыка-культурным развіцці зямель Беларусі рубяжу II/III – пачатку V ст. н.э. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Книга 1. Минск: Беларуская Навука, 2016.

5. Mączyńska M. Zmierzch kultury wielbarskiej – czego nie wiemy? // Nowe materiały i interpretacje: stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej. Gdańsk, 2007.

6. Andrzejowski J. Pod wodzą Felimera, czyli osadnicy wielbarscy na Mazowszu i Podlasiu // Nowe materiały i interpretacje: stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej. Gdańsk, 2007.

7. Andrzejowski J. Germanie i Bałtowie u schyłku starożytności. Przyjazne związki czy wrogie sąsiedztwo ? // Kultura bogaczewska w 20 lat później. Seminarium Bałtyjskie. T. I. Warszawa, 2007.

8. Cieśliński A. Die spatrömische Keiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit an der Passarge/Pałęka // The turbulent epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. Monumenta Studia Gothica. T. V. Lublin, 2008.

9. Niezabitowska-Wiśniewska B. Archaeology, history and the heruls. The Lublin region in the late roman period and the migration period // BARBARICUM. Vol. 8. Warszawa, 2009.

10. Woźniak M. Uwagi o chronologii późnej fazy kultury wielbarskiej w świetle materiałów z Północnego Mazowsza // Kontakty ponadregionalne kultury wielbarskiej. Przemiany kulturowe w okresie wpływów rzymskich na Pomorzu. Gdańsk, 2015.

11. Белевец В. Г. К изучению памятников вельбарской культуры в Беларуси // Nowe materyały i interpretacje: stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej. Gdańsk, 2007.

12. Almgren O. Studien über nordeuropäischen Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der prowinzialrömischen und südrussischen Formen // Mannus-Bibliothek. № 32. Leipzig, 1923.

13. Andrzejowski J. Dwa cmentarzyska z okresu wpływów rzymskich w Węgrze. Koniec pewnego mitu // Pogranicze Trzech Światów – Mazowsze u schyłku starożytności. Światowit Supplement Series P: Prehistory and Middle Ages. T. XVII. Warszawa, 2016.

14. Cieśliński A., Rau A. Ermland und Oberland in der späten römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im Licht neuer Erwerbungen des Museums für Ermland und Masuren in Olsztyn // ORBIS BARBARORUM. Studia ad archaeologiam germanorum et baltorum temporibus imperii romani pertinentia adalberto nowakowski dedicata. Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina. T. VI. Warszawa-Schleswig, 2017.

15. Szter I., Wiśniewska A., Woźniak M. Zapinka Almgren 172 z Wąsosza, w powiecie grajewskim, na tle innych fibul tego typu z obszaru kultury wielbarskiej i zachodniobałtyjskiego kręgu kulturowego // Materiały do Archeologii Warmii i Mazur. T. 2 Warszawa-Białystok-Olsztyn, 2018.

16. Mączyńska M. Pommern in der Völkerwanderungszeit – 20 Jahre nach dem Aufsatz von Kazimierz Godłowski // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit. Spisy Archeologického Ústavu AV ČR. T. 26. Brno, 2007.

17. Andrzejowski J. Brooches Type Gródek 47 and their dating // The turbulent epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. Monumenta Studia Gothica. T. V. Lublin, 2008.

18. Kokowski A. Grupa masłomęcka: z badań nad przemianami kultury Gotów w młodszym okresie rzymskim. Lublin: Wydaw. UMCS, 1995.

19. Kokowski A. Die Masiomęcz-Gruppe: ihre Chronologie und Beziehungen innerhalb des gotischen Kulturkreis – Ein Beispiel für kulturellen Wandel der Goten in Verlauf ihrer Wanderungen // Berichte der Römisch-Germanischen Kommission. T. 78. 1998.

20. Jagmin K. Skorbicze // Wiadomości Archeologiczne. T. VI. 1882.

21. Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья. Москва: Наука, 1961.

22. Поболь Л. Д. Древности Белоруссии в музеях Польши. Минск: Наука и техника, 1979.

23. Andrzejowski J. Wykaz stanowisk z okresu rzymskiego // Zabytki z okresu wpływów rzymskich, średniowiecza i czasów nowożytnych z Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie. Warszawa, 2005.

24. Белевец В. Г. О находках топоровидных подвесок позднеримского времени на территории Беларуси // OIUM. Вип. 5: Черняхівська культура. До 85-річчя від для народження І. С. Винокура. Київ, 2016.

25. Белевец В. Г. Результаты разведочных работ на поселении Мерчицы 2 и перспективы изучения памятников римского времени и эпохи Великого переселения народов в Белорусском Полесье // Раннеславянский мир. Вып. 18. Москва, 2017.

26. Bliujienė A. Romėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai. Lietuvos Archeologija. 2013. T. III.

27. Лазурко О., Ткач Є. Дослідження біля с. Загірці на Брідщині // Львівський археологічний вісник. Вип. 3. Львів-Винники, 2012.

28. Tuszyńska M. O zapinkach z gąsienicowatym kabłąkiem w obrębie kultury wielbarskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T. I. Lublin, 1989.

29. Белевец В. Г. Контакты населения вельбарской культуры и носителей традиций лесной зоны в Беларуси: постановка проблемы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008.

30. Медведев А. М. Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск: Беларуская Навука, 2011.

31. Bliujiené A. The Main Stylistic Features of the Baltic Crossbow Brooches in the Migration Period // Archaeologia Baltica. 2002. Vol. 5.

32. Andrzejowski J. Ciekawe materiały z okresu rzymskiego znalezione w Czuprynowie w woj. Białostockim // Nunc de suebis disendum est: studia dedukowane profesorowi Jerzemu Kolendo w 60-lecie urodzin i 40-lecie pracy naukowej. Warszawa, 1995.

33. Beljavec V. Zapinki grup III i IV O. Almgrena na Białorusi // Pogranicze trzech światów: Mazowsze u schyłku starożytności. Światowit Supplement Series P: Prehistory and Middle Ages. Vol. XVII. Warszawa: IAUW, 2016.

34. Belâvec V. Bałtyjskie czy gockie? Wisiorki wiaderkowate wariantu Patrovicy-Żviliai // Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin. Łódź–Warszawa, 2010.

35. Белявец В. Г., Сідаровіч В. М. Манета Канстанцыя II з паселішча Мерчыцы-2 на Загароддзі // МАБ. 2018. Вып. 29.

36. Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988.

37. Jaskanis J. Cecele: ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen // Monumenta Archaeologica Barbarica. 1996. T. II.

38. Kokowski A. O tak zwanych fibulach z półokrągłą płytką na główce i rombowatą nóżką // Studia Gothica. 1996. T. I.

39. Gavritukhin I. On the study of double-plate fibulas of the first subgroup // Anyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. 2002. T. XLIV.

40. Гавритухин И. О. Финал черняховской культуры // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. 2007. Вып. 9.

41. Mączyńska M. Trzy fibule cykadowate z kręgu bałtyjskiego // Bałtowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński im memoriam. Seminarium Bałtyjskie. 2009. T. II.

42. Beljavec V. O dwóch zapinkach cykadowatych z Białorusi // Materiały do Archeologii Warmii i Mazur. 2018. T. 2.

43. Madyda-Legutko R. The Buckles with imprint Ornamentation // Wiadomości Archeologiczne. 1978. T. VI.

44. Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. British Archaeological Reports. International Series. 1986. № 360.

45. Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Archaeologia Romanica 1. Bucureşti, 1997.

46. Tejral J. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Volkerwanderung. Spisy Arheologickeho Ustavu AV ČR. Brno. 2011. T. 33.

47. Levada M. To Europe via the Crimea: on possible migration routes of the northern people in the Great Migration Period // Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Simferopol, 2011.

48. Kontny B. Ein Kriegergrab aus der frühen Völkerwanderungszeit von Juszkowo in Nordpolen // Neue Studien zur Sachsenforschung. Bd. 5, 2015.

49. Белявец, В. Г. Помнікі вельбарскай культуры ў Турава-Пінскім Палессі: праблемы вывучэння // ГАЗ. 2008. № 22.

50. Гавритухин И. О. Некоторые перспективы изучения финала черняховской культуры // Труды ГИМ. 2005. Вып. 145.

51. Shchukin M. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et a l'époque des Grandes Migrations. British Archaeological Reports. International Series. 2006. № 1535.

52. Иордан. О происхождении и деяниях гетов: Getica. Санкт-Петербург: Алетейя, 1997.

53. Казанский М. М. Радагайс и конец черняховской культуры // Черняхівська культура: матеріали досліджень. OIUM. 2016. Т. I.

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ XXI ВЕКА

А. Н. Ваганова

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Начало XXI века ознаменовалось новыми палеоантропологическими открытиями во многом изменившими наши представления об эволюции человека. Бурный прогресс в области палеоантропологии связан с развитием нового научного направления – палеогенетики, благодаря успехам которой, в сочетании с усовершенствованием методик морфологического анализа, высокоточными методами датирования археологических артефактов, многие неизвестные страницы ранней истории человечества стали возможными для изучения. Палеоантропологические находки первого двадцатилетия нового века отражают разные этапы эволюционной истории человечества от древнейших гоминид до ископаемого Homo sapiens.

К числу важнейших палеоантропологических открытий рубежа XX–XXI вв. относится находка древнейших за пределами Африки останков гоминид в м. Дманиси (Грузия), подтверждающая факт очень ранней миграции за пределы африканского континента. Находки из м. Дманиси, открытые и изучаемые международной группой ученых под руководством академика Д. Лордкипанидзе (1991–2007 гг.), включают пять черепов, костные останки пяти особей разного возраста синхронной популяции, занимающие промежуточное положение между хабилисами и эргастерами, датируются временем 1 млн. 770 тыс. лет назад [1, с. 10432]. Нигде в мире, за пределами Африки, не было обнаружено столь представительной коллекции древнейших гоминид прекрасной сохранности. Дманисские «первопроходцы», более прогрессивные чем хабилисы, были небольшого роста, объем мозга 600–700 куб. см, орудия не намного совершенее олдувайских, тем не менее, они первыми рискнули выйти за пределы африканской «колыбели», так постепенно началось освоение евроазиатских просторов. Примечателен череп старика, потерявшего при жизни все зубы, лунки заросли, но ему удалось прожить достаточно долго благодаря заботе ближних, что может рассматриваться как древнейший пример альтруизма [2 с. 326]

Одно из самых поразительных открытий всколыхнуло антропологический мир в 2015 году, когда появилось сообщение о находке нового, ранее неизвестного науке вида человека, претендующего на звание древнейшего представителя нашего рода. Еще в 2013 году двумя спелеологами в пещере Диналеди («Восходящая звезда»), входящей в систему южноафриканских доломитовых пещер Райзинг–Стар в 50 км от Иоганнесбурга, в потаенной труднодоступной камере было обнаружена беспрецедентная коллекция около 1500 останков от 15 существ неизвестного вида, «рекордсмена по загадочности» – черепа, челюсти, целая стопа, кисть руки, сложенная в анатомическом порядке. Известный южноафриканский антрополог Ли Бергер первоначально предположил, что были найдены останки самого древнего Homo, он был назван – Homo naledi («человек – звезда»). Более детальное изучение поразило ученых сочетанием удивительных, казалось бы, несовместимых признаков – рост до 1,5 м, вес 45 кг, объем мозга «размером с грейпфрут» – 560 куб. см, мелкие зубы, что совсем не характерно для ранних Homo. Грудная клетка обезьянья, в строении таза просматривались признаки как австралопитека, так и человека. Кости ног в верхней части примитивные, а нижние, включая стопу, почти человеческие. Современные пропорции кисти сочетаются с кривыми пальцами, приспособленными для древолазания. Руки этих странных существ еще не обладали полным трудовым комплексом. Неясно, каким образом это крупнейшее скопление костей попало в пещеру, куда вел узкий лаз шириной всего 20 см, следов от зубов хищников на костях не обнаружено. На тот момент далеко не все антропологи были согласны с предположением Ли Бергера о преднамеренном захоро-

нении. Какое-то время видовой статус находки, как и датировка, не были определены. Разброс мнений относительно их видовой принадлежности был весьма велик – их относили и к местным потомкам австралопитеков (седиба) и к разновидности хабилисов [3, с. 80]. Вскоре выяснилось, что аналогичные останки этого вида были обнаружены еще в 2013 году в другой камере пещеры – Леседи, где найдены сотни фрагментов 3–4 особей и скелет с черепом. У Ли Бергера, привлекшего к изучению наледи молодых ученых из 15 стран, вновь возникла идея о сознательном захоронении. Древнейшим «санитарным» погребением в мире до сих пор считалась пещера Сима-де-лос-Уэсос в испанской Атапуэрке возрастом 430 тыс. лет назад [4, с. 280]. В 2017 году костные останки наледи были датированы тремя точными методами, показавшими неожиданную дату поразившую антропологов – 236 – 335 тыс. лет назад, то есть к ранним Homo они точно не относились и жили почти одновременно с протосапиенсами (Брокен-Хилл, Салданья). Детальные исследования всех отделов мозга наледи, включая картину рельефа внутренней стороны черепов (эндокранов), выявили, несмотря на малые размеры, особенности близкие к человеческим [5]. По мнению известного российского антрополога С. Дробышевского, «люди-звезды», могут рассматриваться как редкий эндемичный южноафриканский вид, параллельный вариант развития предков человека [6].

Находки начала нового века подтверждают видовое разнообразие первобытного человечества. Еще в 2004 году появилось сенсационное сообщение о находке в восточной Индонезии на острове Флорес в пещере Лианг Буа останков 17 крошечных людей. Их первооткрывателем был австралийский ученый М. Морвуд. В науку вошел новый вид – Homo floresiensis («человек с острова Флорес»), или «хоббиты», как их прозвали за маленький, чуть более 1 м рост. Первоначальные датировки – 95–17 тыс. лет назад. Несмотря на объем мозга меньший, чем у шимпанзе – 400 куб. см, они умели изготавливать довольно совершенные орудия, добывать огонь, охотились на комодских варанов, гигантских крыс, карликовых слонов-стегодонов. Строение нижних конечностей показало, что «хоббиты» могли передвигаться только высоко поднимая стопы, поэтому им было сложно преодолевать большие расстояния [7, с. 81]. По поводу таксономического статуса «хоббитов» были высказаны разные мнения, вплоть до отнесения их к современным людям с микроцефалией, синдромом Лорана и т.д. Новые исследования (2016 г.) подтвердили их принадлежность к роду Homo и изменили датировки, «хоббиты» оказались вчетверо старше (87–61 тыс. лет назад), и их исчезновение теперь не связывается с сапиенсами, появившимися там позже – 50 тыс. лет назад [8]. Относительно навигационных возможностей древних гоминид существуют разные предположения, однако, нам трудно представить, как далекие потомки эректусов, преодолев 2 пролива, оказались на Флоресе, где, будучи в изоляции, постепенно превратились в карликовый эндемичный вид. В 2014 году в м. Мата-Менге на том же Флоресе в слое древностью 800–650 тыс. лет назад обнаружены фрагменты костных останков возможных предков «хоббитов» – эректусов [9, с. 24].

Неоценимый вклад в решение разных аспектов проблемы антропогенеза, в том числе видовой идентификации древнего человечества, внесла палеогенетика, как новое научное направление, обладающее исключительно высокой разрешающей способностью. Наиболее ярким примером в идентификации ранее неизвестного науке вида при помощи палеогенетики является денисовский человек, о котором стало известно в 2008 году, благодаря исследованиям ученых Сибирского отделения РАН под руководством А. П. Деревянко и М. В. Шунькова. Уникальная Денисова пещера на Горном Алтае, занесенная в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, изучается с 1980-х гг. и привлекает внимание археологов всего мира. В 2008 году был обнаружен фрагмент концевой фаланги мизинца девочки. Первоначально находку связывали как с сапиенсами, так и неандертальцами. Однако генетический анализ, проведенный в 2010 году в Институте эволюционной антропологии им. М. Планка в Лейпциге группой исследователей под руководством всемирно известного палеогенетика С. Паабо показал, что фрагмент фаланги принадлежал неизвестному ранее

виду людей, названных денисовцами, которые жили 48–30 тыс. лет назад. Из кости выделили ДНК и по фрагментам составили полный митохондриальный геном, который сравнили с 54 митохондриальными геномами современных людей со всех концов света, митохондриальной ДНК верхнепалеолитического сапиенса из Костенок (30 тыс. лет назад), а также с 6 полными митохондриальными геномами европейских неандертальцев, двумя неполными митохондриальными геномами неандертальцев из грота Тешик-Таш в Узбекистане и геномами неандертальцев из пещеры Окладникова на Алтае. Результаты показали, что ребенок из Денисовой пещеры по нуклеотидной последовательности митохондриального генома отстоит от современных людей вдвое дальше, чем неандертальцы. В процессе дальнейших исследований были выявлены три зуба и фаланга стопы. Отсеквенированный митохондриальный геном крупного коренного зуба оказался почти таким же, как в фаланге мизинца. Анализ митохондриальной ДНК останков людей из Денисовой пещеры засвидетельствовал, что их общая митохондриальная праматерь с неандертальцами и сапиенсами жила около 1 млн. лет назад, в то время как линии сапиенсов и неандертальцев разошлись только около 500 тыс. лет назад. На основании результатов исследований было установлено существование «равноправного» отдельного вида – денисовских людей (Homo sapiens altaensis), идентифицированных пока только генетически, об их морфологии нам ничего не известно [10, с. 894]. Расшифровка ядерной ДНК, извлеченной из ранее не диагностированного мужского зуба, показала, что разделение денисовцев с неандертальцами произошло 600 тыс. лет назад и они ближе к неандертальцам, чем сапиенсам. Массивная фаланга стопы архаического вида оказалась неандертальской. По мнению академика А. П. Деревянко, 45–50 тыс. лет назад была непродолжительная попытка колонизации Алтая неандертальцами, которые жили в этом регионе одновременно с сапиенсами, денисовцами и смешивались между собой. Неандертальцы обитали и в находящейся неподалеку пещере Окладникова, а в Денисовой – «пещере всех людей» могли обитать все три вида одновременно [11]. Главное открытие, как показало изучение ядерного генома денисовцев, имевших широкий ареал распространения, заключается в том, что они, как и неандертальцы, внесли свой вклад в генофонд современного человечества. Денисовское генетическое наследие несут только в Восточной Азии 33 популяции. До 5% денисовских генов присутствует у жителей тихоокеанского бассейна, аборигенов Австралии, папуасов. Денисовский генетический компонент присутствует у филлипинцев, полинезийцев, негритосов. Самая близкая к денисовцам генетически народность ицзу (Yi Zu) из Южного Китая. У денисовцев заимствована способность жителей Тибета жить на большой высоте, не страдая от недостатка кислорода [12, с. 75]. Выдающиеся открытия в Денисовой пещере убедительным образом продемонстрировали возможности палеогенетики, благодаря которой, стало возможным выделение нового вида человека. Это первый случай в научной практике, когда вид древнего человека выявлен на основании анализа ДНК, а не морфологии останков.

До недавнего времени исследования ДНК древних людей не выходили за пределы последних 100 тысяч лет. Благодаря совершенствованию методики выделения ДНК, в 2013 году удалось секвенировать самый древний митохондриальный геном, а в 2015 году ядерный геном человека из известной пещеры Сима де лос Уэсос («Яма с костями»), расположенной на холмах Атапуэрка в Северной Испании, являющейся древнейшим в мире санитарным погребением. В глубокой шахте было обнаружено большое скопление костей 39 людей молодого возраста, по поводу видового статуса которых не было единого мнения. Новые методы, разработанные группой С. Паабо для извлечения и секвенирования сильно деградированной митохондриальной ДНК позволили не только определить древность уэсовцев – 430 тыс. лет назад, но показали совершенно неожиданный результат – их геном оказался ближе всего к геному денисовцев, которые обитали в Восточной Евразии. Изучение ядерного генома прояснило ситуацию, испанские гоминиды относятся к предкам неандертальцев, а не денисовцев. Гоминиды из Сима де лос Уэсос – предки неандертальцев,

жившие после того, как линия неандертальцев отделилась от общего предка с денисовцами (381–473 тыс. лет назад) [13]. Находки из Сима де лос Уэсос – древнейшие палеогенетические свидетельства возникновения неандертальского вида.

Открытия начала XXI века заставляют по новому взглянуть на наших ближайших родственников – альтернативное неандертальское человечество, судьба которого сложилась столь драматично. Успехи палеогенетики позволили решить целый ряд спорных вопросов, касающихся морфологии неандертальцев, их локализации, характера взаимоотнтошений с сапиенсами. Еще в 1997 году, благодаря изучению генетиками костных останков из Неандерталя, были выявлены существенные различия между мтДНК неандертальца и современного человека, пути развития которых разошлись 500–200 тыс. лет назад, и на какое-то время неандертальцы были изгнаны из родословной человечества [14]. В 2006 году под руководством С. Паабо начался проект по прочтению полного генома неандертальца. Один из главных вопросов неандертальского проекта – в какой степени близки генотипы Homo sapiens и Homo neanderthalensis и могли ли эти два вида скрещиваться. Было проанализировано множество костных останков неандертальцев из европейских местонахождений и установлено, что геномы человека разумного и неандертальца совпадают на 99,5% [15]. Признаков смешения сапиенсов с неандертальцами и в 2006 г., и в 2009 г. не было обнаружено, однако, особый ген FOXP 2, выделенный у неандертальца из пещеры Эль-Сидрон на севере Испании, который отвечает за функцию речи, у неандертальца и современного человека оказались идентичны, хотя о речевых способностях неандертальцев сказать что-либо определенное пока сложно [4, с. 33]. Для анализа полного неандертальского генома ученые множества центров и лабораторий мира объединили усилия с группой С. Паабо и, наконец, в 2010 году были опубликованы результаты прочтения полного неандертальского генома и доказано, что древние сапиенсы все-таки скрещивались с неандертальцами [5, с. 723]. Наиболее достоверно это прослеживается по материалам ближневосточных местонахождений Схул, Кафзех, Амуд, Сен-Сезар (Франция), Виндия (Хорватия). Таким образом, неандертальцы участвовали в эволюционном процессе, и в генофонде жителей современной Евразии присутствует от 1 до 4 % неандертальских генов, а в геноме африканцев их намного меньше. Расшифровка неандертальского генома была отнесена к числу важнейших научных открытий 2010 года, а Сванте Паабо вошел в 100 самых известных людей во всем мире.

Долгое время способности неандертальцев к неутилитарному поведению, символическому мышлению связывались с неандертальскими захоронениями. Примеры их художественного творчества редки и маловыразительны – окрашенные ракушки из Куэва де лос Авионес и Куэва Антон в Испании, процарапанная решетка на стене пещеры Горхэма в Гибралтаре, амулеты из раковин средиземноморской сердцевидки из Кебары (Израиль), ожерелье из когтей орлана-белохвоста, недавно обнаруженное в известном местонахождении на севере Хорватии – Крапине, маска, изображающая лицо человека, найденная в 2003 году в долине Луары во Франции у перевала Ла-рош Готард. В 2018 году опубликовано «мегасенсационное» сообщение о рисунках неандертальцев, обнаруженных в трех испанских пещерах, датированных точными методами – Ла-Пасиега (64,8 тыс. лет назад), Ардалес (65,5 тыс. лет назад) и Мальтравиесо (66,7 тыс. лет назад) [16, с. 912]. Установлено, что рисунки в пещере Ардалес создавались на протяжении 25 тыс. лет, что свидетельствует уже о некоторой сложившейся традиции и накапливаемом опыте. Наиболее впечатляющ негативный отпечаток руки на фоне красной охры из пещеры Мальтравиесо, подтверждающий видовую принадлежность неандертальского художника – ладонь с толстыми и короткими пальцами, (т.н. «лапообразный захват»), в это время в Европе сапиенсы еще не появились, и создателями рисунков могло быть только «другое человечество». Обнаружение неандертальских рисунков древностью 66,7 тыс. лет – величайшее, как отмечают исследователи, открытие начала XXI века, заставляющее по новому взглянуть на не-

андертальцев, основным отличием которых от сапиенсов считалась их неспособность к живописи [17].

Еще два совсем новых открытия 2017–2018 гг. внесли существенные коррективы в наши представления о заключительной стадии эволюции – о времени появления человека современного вида (Homo sapiens) и его первом выходе за пределы Африки.

Самыми древними из известных науке представителями вида Homo sapiens считались находки из двух эфиопских местонахождений – череп Омо 1 (раскопки Р. Лики, 1967 г.) – 195 тыс. лет назад – и обнаруженный Т. Уайтом в 1997 году череп с костными останками из Херто («idaltu», «старейший») – 160 тыс. лет назад. Таким же временем датировались костные останки сапиенсов из пещеры Джебел-Ирхуд в Марокко, известные с 1961 года и первоначально отнесенные к неандертальцам. В июне 2017 года в марокканской пещере международной группой исследователей обнаружены новые находки – фрагменты черепа, конечностей, зубы пяти индивидуумов, относящихся по анатомическим признакам к древнейшим сапиенсам. В этих же слоях найдены многочисленные кости животных, кремневые орудия, которые подвергались в древности нагреву. Благодаря этому стало возможным применить к датировке термолюминесцентный метод, который показал дату среднего возраста находок – 314 тыс. лет назад. Морфологический анализ костных останков ирхудцев показал, что по строению лицевой части черепа они полностью вписываются в диапазон изменчивости современных людей, форма затылка и рельеф мозгового отдела черепа более примитивны. Обитатели пещеры Джебед-Ирхуд оказались на сегодняшний день самыми древними представителями нашего вида, которые появились на сто тысяч лет раньше, чем предполагалось, ареал их обитания был значительно шире, эволюция вида Homo sapiens, таким образом, происходила в континентальном масштабе. Люди из Джебел-Ирхуда возможно были переходной формой от поздних гейдельбергских людей к ранним сапиенсам. Лицевой отдел черепа в процессе эволюции формировался быстрее мозгового. Удревнение возраста первых представителей нашего вида отнесено к числу важнейших палеоантропологических открытий [18, с. 289].

2018 год принес еще одну палеоантропологическую сенсацию, позволившую пересмотреть время первого выхода ранних сапиенсов за пределы африканского континента на Ближний Восток, обусловленного изменениями климатической ситуации, мегазасухой в юговосточных районах Африки и поисками лучших условий для жизни. До сих пор древнейшими сапиенсами, обнаруженными за пределами прародины, считались найденные еще в 1920–1930-х годах останки анатомически современных людей из пещеры Кафзех на горе Низвержения (Хар-Кедумим) и из пещеры Схул на горе Кармель (Израиль), возраст которых составлял предположительно 80–120 тыс. лет назад. Еще в 2002 году во время студенческих раскопок обрушившейся пещеры Мислия на западном склоне горы Кармел израильские археологи из Тель-Авивского университета под руководством И. Гершковица обнаружили половину челюсти с несколькими зубами, орудия леваллуазского типа, многочисленные кости животных, фрагменты циновок, сплетенных из растительных волокон. По морфологическим признакам челюсть отнесли к сапиенсам. В 2014 году исследования были возобновлены. В трех независимых лабораториях тремя методами продатированы челюсть и обожженные кремни. Древность находок оказалась не моложе 177 и не древнее 194 тыс. лет назад [19]. Как показали компьютерная диагностика небольшой челюсти и тщательный анализ зубов, они приближены к современным людям и сапиенсам из Джебел-Ирхуд. «Мисс Лия», как ее шутливо прозвали антропологи, оказалась древнейшим сапиенсом за пределами Африки. Первая миграция произошла значительно раньше, чем предполагалось – не менее 180 тыс. лет назад, что совпадает с выводами генетиков. Известный антрополог Майкл Петралья из Института истории человечества Общества Макса Планка исключительно высоко оценивает значимость находки, которая подтверждает возможные неоднократные миграции из Африки на Ближний Восток [20].

Таким образом, палеоантропологические открытия последних лет отражают разные этапы антропогенеза, заставляют во многом пересмотреть традиционные представления о сложнейших процессах эволюции, миграциях древнейших гоминид, оценить достижения археологов, палеогенетиков, палеоантропологов в восстановлении нашей родословной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ferring R., Oms O., Agusti, Berna F., Nioradze M., Shella T., Tappen V., Vecua A., et all Earlist human occupations at Dmanisi (Georgian Caucasus) dated to 1,85–1,78 Ma // PNAS. 2011. V. 108. № 26.

2. Lordkipanidze D., Ponce de Leon M. S., Margvelashvili A., Rak Y., Pightmire G. Ph., Vekua A. et Zolikofer Ch. P. E. A complete skull from Dmanisi, Georgia, and evolutionary biology of early Homo // Science. 2013. V. 342. № 6156.

3. Шрив Дж. Новая ветвь эволюции: как совершалось великое открытие // National Geografic. 2015. №145.

4. Дробышевский С. В. Достающее звено. Книга вторая: Люди. Москва: АСТ, 2017.

5. Burbano H. A., A. Hernan et al.Targeted Investigation of the Neandertal Genome by Array- Based Sequence Capture // Science. 2010. V. 328.

6. Дробышевский С. В. Леседи – новые наледи // Antropogenez.ru – Эволюция человека. Режим доступа: http://antropogenez.ru/single-news/article/678/.

7. Jungers W. L., Harcout E. H., Wunderlich R. E., Tocheri M. W., Larson S. D., Sutkina T., Awe Due Rhokus, Morwood M. J. The foot of Homo floresiensis // Nature. 2009. Vol. 459. № 7243.

8. Соколов А. Б. Хоббиты постарели на 40 тыс. лет // XXII ВЕК. Открытия, угрозы, ожидания. Режим доступа: http://22century/ru/popular-science-publications/hobbits_get_older.

9. Bergh van den G.D., Li B., A. Brumm, Y. Kaitu, I. Kurniavan, R. T. Kono, A. Brumm, E. Setiabudi, Aziz F. at Morvood J. Homo floresiensis like fossilis from the early Mid dle Pleistocene of Flores // Nature. 2016. V. 534. № 7606.

10. Krause J., Fu Q., Good J., Bense V., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Paabo S. The complete mitochondrial DNA genome of unknown hominin from Siberia // Nature. 2010. Vol. 464. № 7290.

11. Медникова М. Параллельные человечества // Полит.ру. Режим доступа: http://polit.ru/article/2012/02/15/mednikova/.

12. Yi X., Liang Y., Huerta-Sanchez E., Jin X., Cuoz, Pool J. E., Xu X., Jiang et all. Seguencing of 50 human exomes reveals adaptation to high altitude //Science. 2010. Vol. 329. № 5987.

13. Meyer M., Arsuaga J. L., C. de Fillipo, Nagel S., Aximi-Petri A., Nickel B., Martinez I., Gracia A., Carbonell E., Viola B., Kelso J., Prufer K., Paabo S. Nuclear DNA sequences from the Middle Pleistocene Sima de los Huesos hominins // Nature. Mode of access: https://www.nature. com /articles/nature17405.

14. Krings M., Stone A., Schmitz R., Krainitzki H., Stoneking M., Paabo S. Neandertal DNA sequences and the origin modern humans // Cell. Mode of access: https://www.cell.com /abstract/S0092-8674(00)80310-4.

15. Noonan L. P., Coop G. F., Kudarovalli S. et all. Seguensing and analysis of Neandertal genomic DNA // Science. Mode of access: https://www.science.sciencemag.org./content/314/5802 /1113.

16. Hoffmann D. L., Standish C. D., Garcia-Diez M., Pettitt P. B., Milton L. A., Zilhao J., Alcolea-Gonzalez J. J., Cantaleo-Duarte P., Collado H., Balbin de R., Lorblanshet M., Ramous J. The dating of carbonate crusts reveals Neandertal oridin of Iberian cave art // Science. 2018. V. 359.

17. Дробышевский С. В. Неандертальский креатив // Antropogenez.ru – Эволюция человека. Режим доступа: http://antropogenez.ru/single-news/article/702/.

18. Hublin J.J., Ben–Ncer A., Bailey Sh. E., Freidline S. E., Neubaur S., Skinner M. M., Bergman J., A. Le Cabes et all. New fossilis from Jebel Irchoud, Morocco and the pan – African oridin of Homo sapiens // Nature. 2017. V. 546.

19. Hershkovitz I., Weber G.W., Quam R., Duva M., Grun R., Kinsley I. The earlist // Science Mode of access: http://science.sciencemag.org/content/359/6374/4565/.

20. Руссо М. Челюсть из Мислии // Полит.ру. Режим доступа: http://polit.ru/article/2018 /01/28/ps_mislia.

ГРУППА СЕЛИЩ МОЩИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА Р. ВОЗДРЕМОК

А. М. Воронцов, Е. В. Столяров

Государственный музей-заповедник «Куликово поле», г. Тула, Россия

Нам, тульским археологам, особенно приятно посвятить эту статью одному из самых заслуженных археологов, посвятивших свою жизнь изучению раннесредневековых памятников – Эдуарду Михайловичу Загорульскому, который, кроме того, на сегодняшний день является старейшим археологом – уроженцем города Тулы.

Традиционным объектом исследований памятников мощинской культуры являются городища, поскольку на них присутствует достаточно мощный стратифицированный культурный слой, не нарушенный распашкой. Селища до последнего времени изучались мало [1, с. 23, 24, 35, рис. 78–80]. Этому есть объективные причины – типичные для мощинских памятников наземные постройки при многолетней распашке практически полностью уничтожаются.

Селища имеют небольшую площадь и, либо располагаются в округе городищ на расстоянии 1–2 км, либо образуют отдельные группы, не связанные с укрепленными поселениями. Об их хронологии и характере высказывались различные мнения, например, В. В. Седов писал, что в середине I тысячелетия (то есть позже городищ) в ареале мощинской культуры распространяются селища, что может быть связано с развитием подсечного земледелия [2, с. 41]. Также высказывалось мнение, что они представляют собой недолговременные или сезонные поселения [1, с. 23].

Работы последних лет, проходившие на территории Тульских засек – полосы лесов, остававшимися заповедными с середины XVI в., дали новый интересный материал, позволяющий по новому оценить хронологию и статус этой категории памятников. Отсутствие следов многолетней распашки и иной хозяйственной деятельности, труднодоступность для грабителей (разграбление этих памятников началось только в последние годы), обеспечили хорошую сохранность культурного слоя.

Эта публикация посвящена небольшой группе селищ, найденных в бассейне небольшой речки Воздремок (правого притока р. Солова, правого притока р. Упа, правого притока р. Ока, правого притока р. Волга). Группа состоит из трех селищ (Воздремо 3а, 4, 10) и расположена около южной границы лесной зоны на удалении не менее 8 км от ближайших известных городищ (Рис. 1).

Наиболее ранним в группе является селище Воздремо 3а (Рис. 2). Оно расположено между верхушками небольших оврагов, правых притоков р. Воздремок, в 400 м к северо-западу от русла. Имеет размеры 150х160 м, культурный слой очень слабо насыщен. В его центральной части сделаны три находки, буквально в нескольких метрах друг от друга (Рис. 2: 1–3).

В их числе лунница круга восточноевропейских выемчатых эмалей и две фибулы с высоким приемником, относящиеся к группе VII по О. Альмгрену [3, с. 90–98]. Первая находка относится к категории больших ажурных лунниц по Г. Ф. Корзухиной [4, с. 47–48]. Имеет три эмалевых гнезда с оранжевой эмалью – треугольное в центральной части и два ромбических по краям. Горизонт бытования таких вещей в древностях мощинской культуры датируется около середины – 2-ой половины III в. и является для нее наиболее ранним [4, с. 26–29].

Находки фибул VII группы по О. Альмгрену до недавнего времени не были известны в ареале мощинской культуры. Сейчас их количество превышает 10 экземпляров и происходят они из пяти пунктов, компактно расположенных на небольшом участке в районе

Крапивны (Рис. 1:А). Еще в одном случае рядом с такой фибулой найдено изделие круга восточноевропейских выемчатых эмалей.

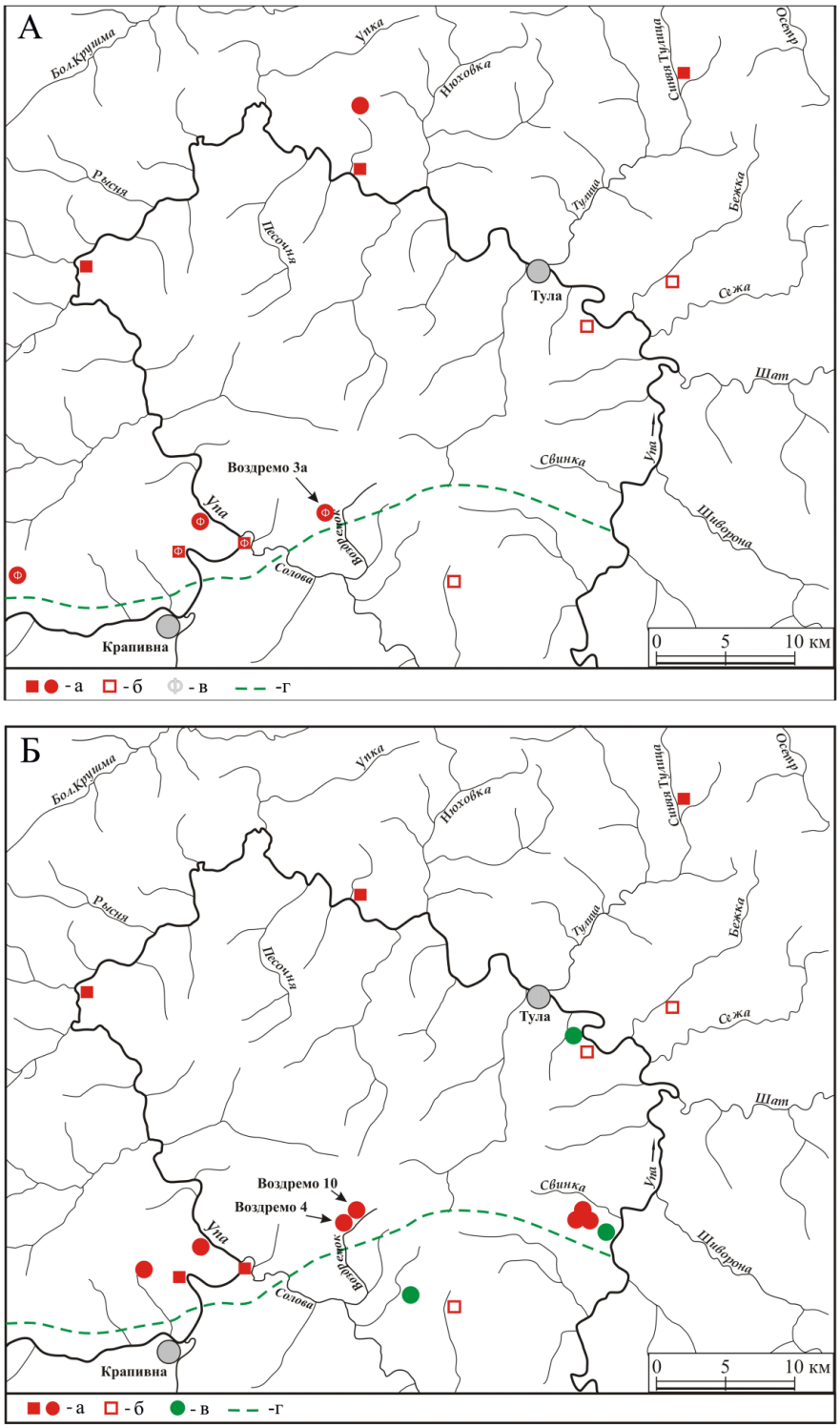


Рис. 1. Поселения на р.Воздремок и ближайшие к ним синхронные памятники

А – поселения, синхронные горизонту бытования восточноевропейских выемчатых эмалей: а- городища и селища, имеющие слои этого времени, б- городища с неясной хронологической атрибуцией, в- находки фибул группы Альмгрен VII, г- южная граница лесной зоны.

Б – поселения, имеющие слои финала позднеримского времени и начала эпохи ВПН: а- городища и селища, имеющие слои этого времени, б- городища с неясной хронологической атрибуцией, в- поселения, близкие памятникам типа Чертовицкое-Замятино, г- южная граница лесной зоны.

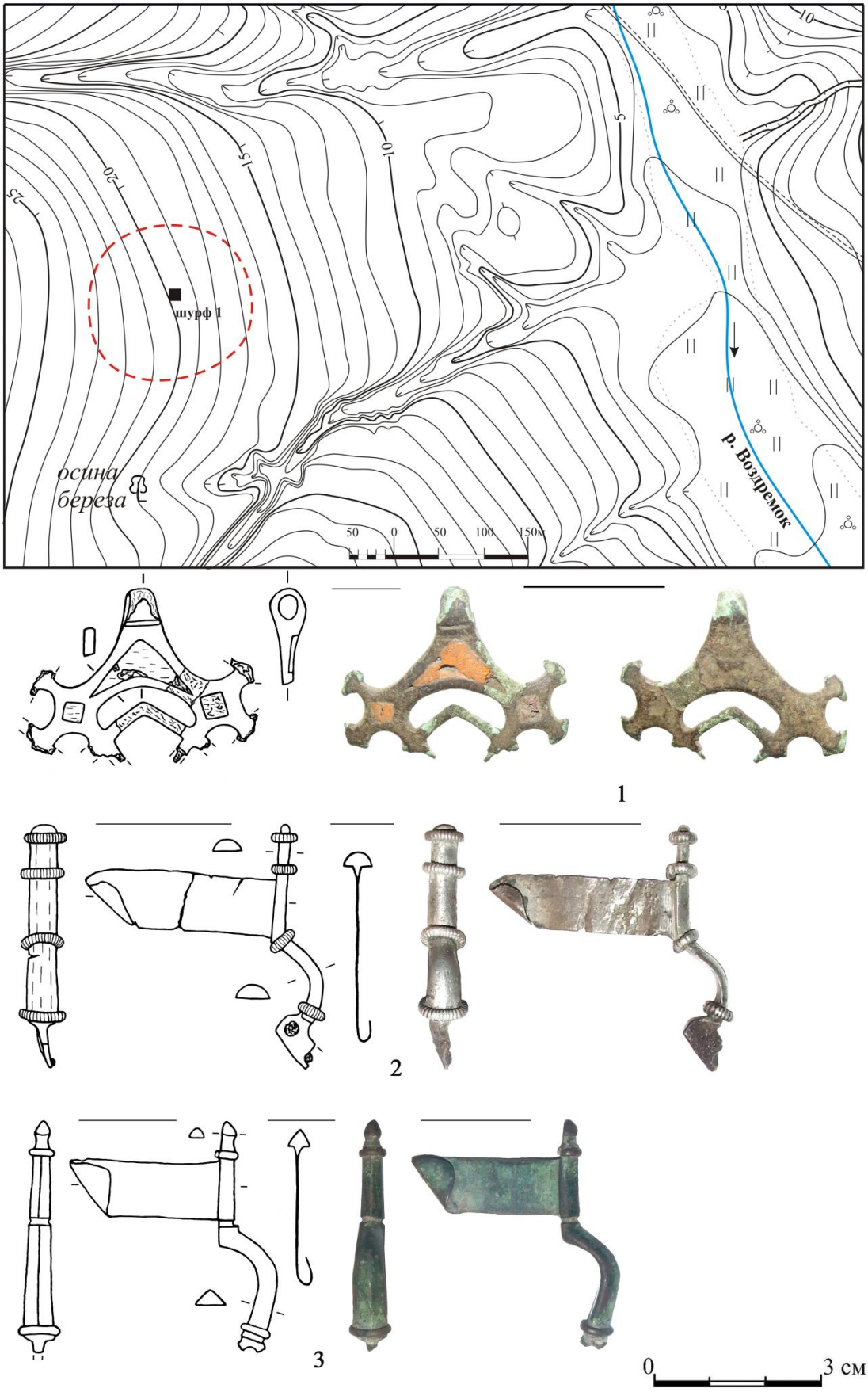


Рис. 2. Топографический план поселения Воздремо 3а и происходящие с него находки

1, 3 – бронза, 2 – серебро. Рисунки А. М. Воронцова.

Обе фибулы, найденные на поселении Воздремок 3а, имеют узкую дуговидную спинку, прямую ножку, очень высокий косо срезанный приемник и декор из одинарных проволочных колец. Таким образом, они относятся к группе 18, серии 3, варианту А по А. К. Амброзу [5, с . 73]. Одна из фибул бронзовая, имеет треугольное сечение и декор из гладких колец. Вторая – серебряная, имеет длинную стойку с двумя по крайней мере отверстиями (верх обломан) для двойной пружины или для фиксации тетивы через отверстие в стойке. Проволочные кольца рубчатые. Необходимо отметить, что это единственная серебряная фибула, найденная в ареале мощинской культуры.

Полная публикация находок фибул группы Альмгрен VII на территории мощинской культуры и их анализ не входят в задачи данной статьи, поэтому приведем только некоторые соображения.

В Восточной Европе такие фибулы характерны для древностей черняховской культуры. Проблемы, связанные с их хронологией и выделением локальных серий, далеки от разрешения. Наиболее свежая сводка и попытка выделения локальных серий были сделаны в статье Е. Л. Гороховского и О. В. Гопкало [6]. Наименее спорна хронология их бытования в черняховских древностях – середина III – начало IV века [6, с. 109–110], что в целом совпадает с хронологией наиболее раннего горизонта мощинской культуры.

По характерным признакам – дуговидной спинке треугольного, многогранного и полукруглого сечения и прямой ножке, находки с Воздремка относятся ко 2-й, городницкой серии по Е. Л. Гороховскому и О. В. Гопкало [6, с. 118–119, рис. 5]. Интересно, что такие фибулы «отчетливо локализуются» в северо-западном секторе черняховского ареала – в Лесостепном Поднестровье, Западном и Южном Побужье, а также на Днепровском Правобережье [6, с. 122–123].

Территориально ближайшие находки фибул VII группы известны на Верхнем Дону, где они наиболее вероятно связаны с группой памятников типа Каширки – Седелки [7, с. 77–78, рис. 121: 1, 2, 3, 4]. Таким образом, наиболее вероятно эти фибулы попадают на верхнюю Оку в ходе контактов с черняховским населением, что позволяет говорить о том, что эти контакты начались уже на самом раннем этапе существования мощинских памятников. Конечно, полностью нельзя исключить и западный импульс, не связанный с черняховской культурой.

Два других поселения – Воздремо 4 и Воздремо 10, судя по находкам, синхронны, и содержат слои начиная от второй четверти IV в. до начала гуннского времени. Расстояние между ними составляет около 3 км. Они расположены в непосредственной близости от новой, недавно открытой группы памятников, родственных верхнедонским поселениям типа Чертовицкое-Замятино (Рис. 1:Б) [7; 8; 9]. Основным компонентом на них является раннеславянский, ощутимо черняховское влияние, присутствует мощинское население.

Селище Воздремо 4 (Рис. 3; 4; 6: 1–17) расположено на мысовом участке правого берега р. Воздремок и имеет размеры всего 80х50 м. Высота над уровнем воды в реке всего 4–7 м.

На нем найдены четыре фибулы: одна бронзовая двучленная прогнутая подвязная фибула, относящаяся к группе 16, подгруппе 2, серии 1, варианту 2 по А. К. Амброзу (Рис. 4: 1) [5, с. 63–64]; две бронзовые двучленные прогнутые подвязные фибулы, относящиеся к группе 16, подгруппе 2, серии 1, варианту 3 по А. К. Амброзу (Рис. 4: 3, 5) [5, с. 64–66]; одна бронзовая двучленная фибула со сплошным приемником, треугольной ножкой и кнопками на концах пружины (Рис. 4: 6), относящаяся к группе 17, подгруппе 2 по А. К Амброзу [5, с. 71].

Они являются черняховским импортом, типичным для памятников мощинской культуры 2-го культурно-хронологического горизонта [1, с.29–33]. Наиболее вероятная дата выпадения фибул в таком сочетании (двучленные прогнутые подвязные вариантов 2 и 3 по А. К. Амброзу и фибул со сплошным приемников такой разновидности) может быть определена в рамках около второй – третьей четверти IV века [10, с. 32–36].

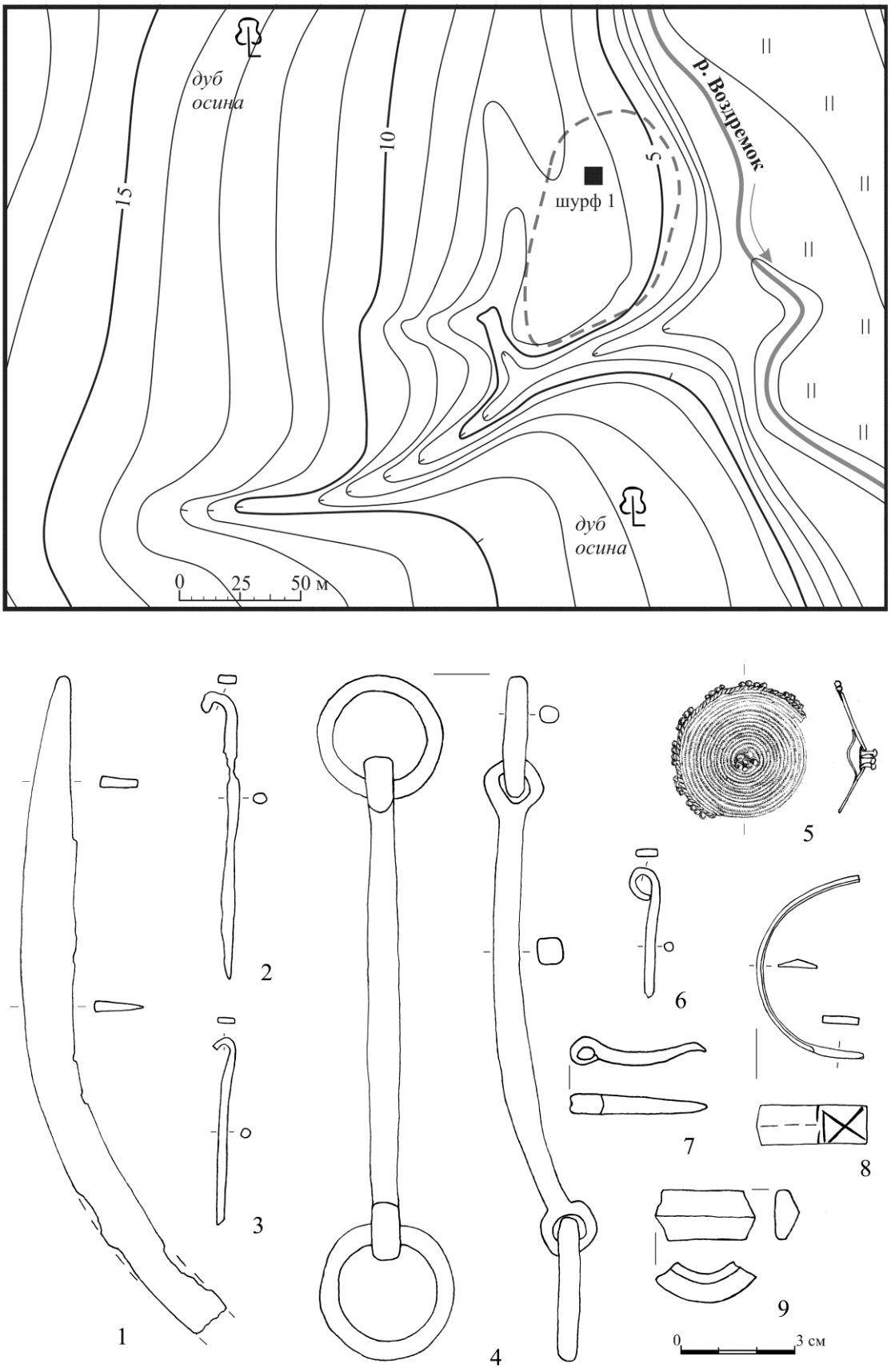


Рис. 3. Топографический план поселения Воздремо 4 и происходящие с него находки

1–4, 6–7 – железо, 5, 8 – бронза, 9 - гліна. Рисунки А. М. Воронцова.

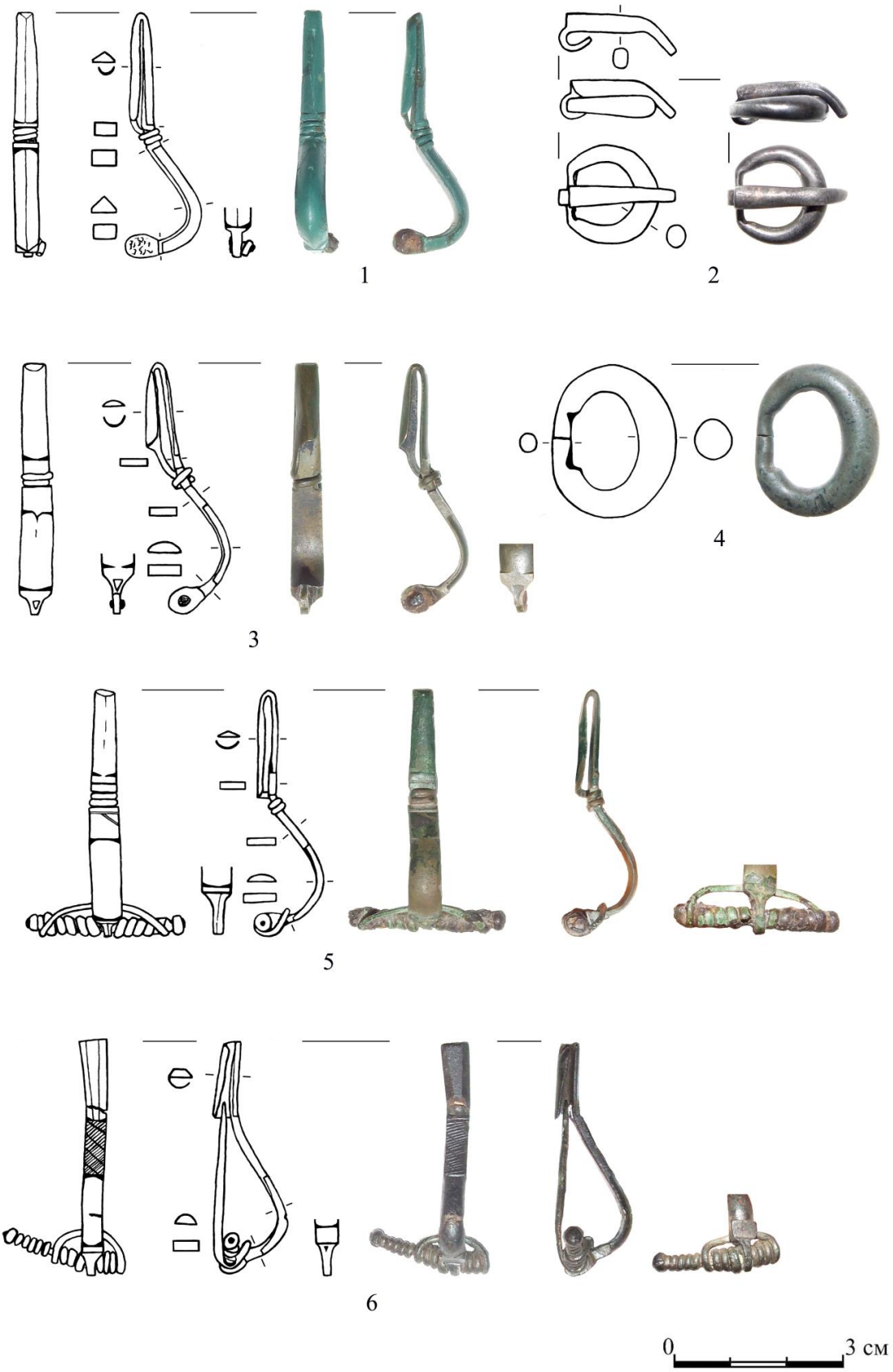


Рис. 4. Находки с поселения Воздремо 4

1, 3–6 – бронза, 2 – серебро. Рисунки А. М. Воронцова.

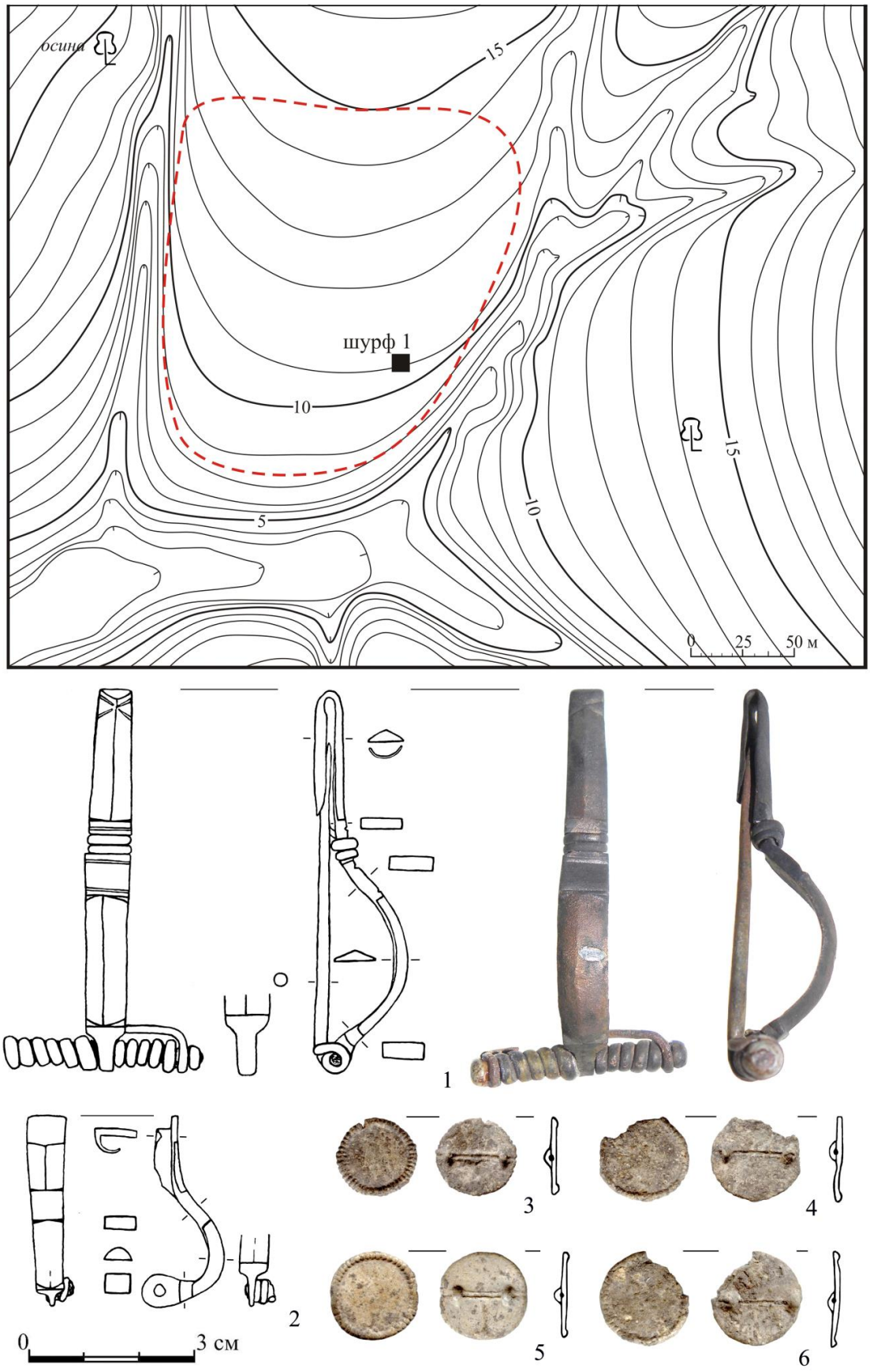


Рис. 5. Топографический план поселения Воздремо 10 и происходящие с него находки

1, 2 – бронза, 3–6 – свинцово-оловянистый сплав. Рисунки А. М. Воронцова.

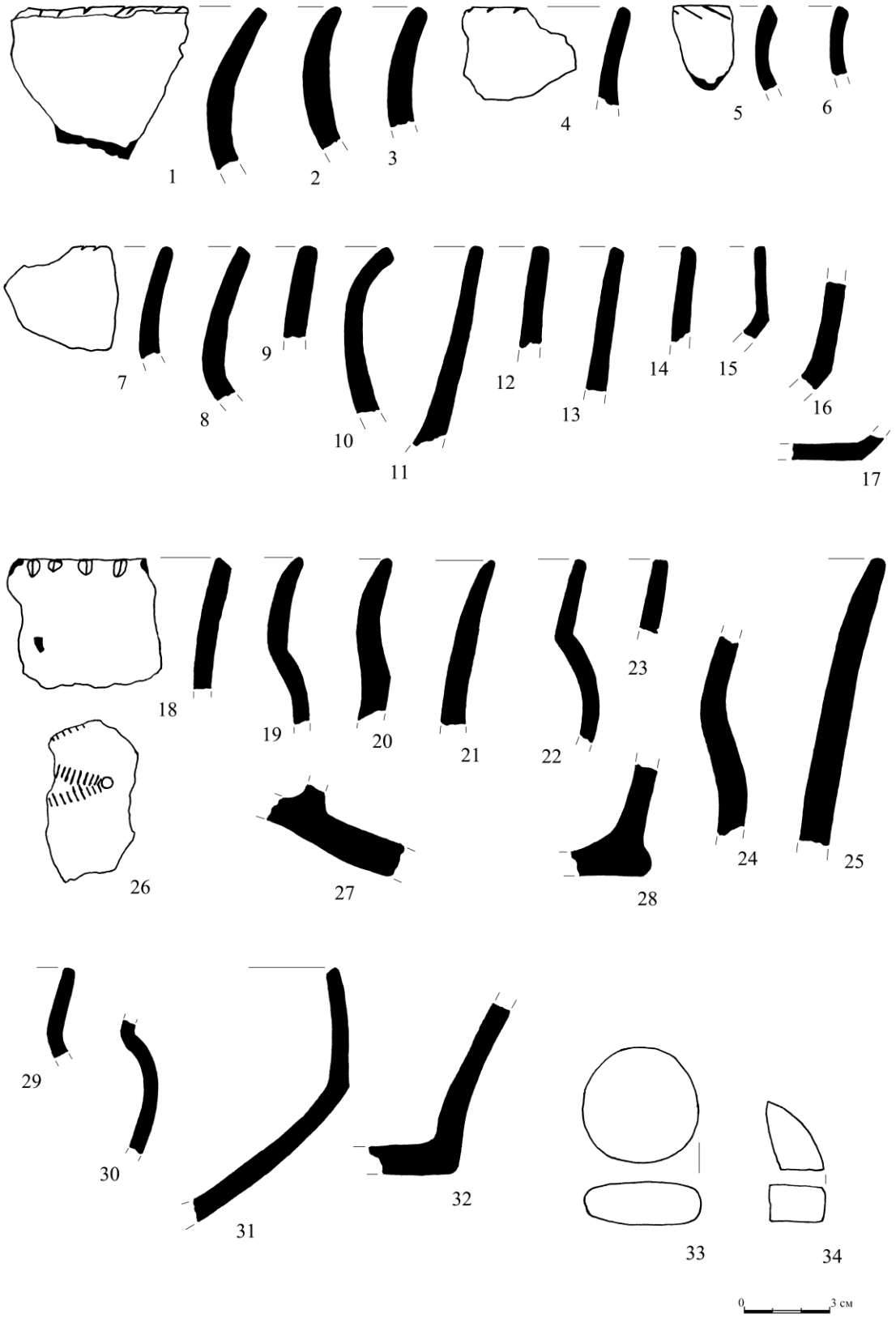


Рис. 6. Лепная керамика с поселений Воздремо 4 (1–17) и Воздремо 10 (18–34)

11–17, 22, 23, 25, 29–32 – лощеная, остальная грубая.

К этому же горизонту можно отнести найденную здесь же нашивку кошибеевского типа (Рис. 3: 5) [1, с. 31, рис. 49: 9]. Интересной находкой, которой пока не удалось найти аналогий, являются удила, состоящие из одного длинного, немного изогнутого грызла и двух колец (Рис. 3: 4).

Более поздний горизонт памятника характеризует находка серебряной пряжки с сегментовидной рамкой, округлой в сечении, с язычком, сильно выступающим за очертания рамки (так называемым хоботовидным) (Рис. 4: 2). Такие пряжки (только не серебрянные, эта находка пока единственная серебряная пряжка, известная на памятниках верхнего Поочья) известны на памятниках мощинской культуры и показательны для гуннского времени [11, с. 82].

Вторая пряжка, найденная на поселении, бронзовая, вполне возможно относится к этому же горизонту, но наверняка об этом судить нельзя, поскольку у нее утрачен язычок (Рис. 4: 4).

Подтверждают наличие слоев гуннского времени на поселении Воздремо 4 находки железных булавок, характерных для мощинских памятников V – первой половины VII в. [12, с. 227, рис. 22: 3–11].

Селище Воздремо 10 (Рис. 5; 6: 18–34) расположено на мысовом участке правого берега р. Воздремок и имеет размеры 175х120 м. Высота над рекой 8–15 м.

На селище найдены две бронзовые фибулы. Первая из них – двучленная фибула со сплошным приемником и треугольной ножкой (Рис. 5: 2) относится к группе 17, подгруппе 2 по А. К Амброзу [5, с. 71]. Вероятнее всего она синхронна фибулам, найденным на поселении Воздремо 4 и относится к горизонту второй – третьей четверти IV века.

Вторая бронзовая двучленная прогнутая подвязная фибула относится к группе 16, подгруппе 2, серии 1, варианту 4 по А. К. Амброзу (Рис. 5: 1) [5, с. 66–67]. Длина фибулы 6,90 см, ширина верхней площадки – 0,77 см. Дата таких находок определятся в рамках второй половины IV–V в. Находки фибул 4-го варианта достаточно редки для мощинских памятников, в настоящий момент известно всего три находки. Существует вероятность, что она маркирует финал позднеримского времени, но существование на памятнике слоев гуннского времени подтверждается и другими находками.

Это бляшки-нашивки из свинцово-оловянистого сплава (Рис. 5: 3–6). Они представляют собой круглые нашивки, имеющие на лицевой стороне рельефный ободок по периметру, состоящий из полусферических выступов. На обратной стороне – прямой узкий канал для нитки, перекрытый двумя литыми перемычками. Подобные изделия характерны для памятников мощинской культуры V – начала VI в. [12, с. 226–227, рис. 21].

Керамический материал, происходящий с поселений Воздремок 4 и Воздремок 10 подтверждает обоснованные выше датировки (Рис. 6). В нем присутствуют как формы, характерные для горизонта около середины IV века (Рис. 6: 1, 4, 5, 15, 18, 22, 31), так и для начала гуннского времени (Рис. 6: 2, 19, 20, 25).

Таким образом, материалы памятников, расположенных в бассейне р. Воздремок позволяют утверждать, что селища мощинской культуры появляются уже на самом раннем этапе существования культуры и существуют по крайней мере до начала гуннского времени. Происходящие с них статусные вещи, в том числе серебряные фибула и пряжка говорят о том, что селища нельзя рассматривать как недолговременные или сезонные поселения, связанные с сельскохозяйственным освоением территории вокруг городищ.

Все они действительно имеют небольшие размеры и ненасыщенный культурный слой. В засечных лесах удалось изучить характер культурного слоя – расположение находок «пятнами», судя по всему маркирующими отдельные усадьбы. Таких усадеб на одном селище можно выделить не более 5–6, расстояние между ними не менее 15–20 метров, в промежутках между усадьбами практически отсутствует культурный слой. На многих поселениях зафиксированы следы железоделательного и бронзолитейного производства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Воронцов А. М. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2013.

2. Седов В. В. Восточные славяне и их соседи в VI–XIII вв. Москва: Наука, 1982.

3. Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Stockholm: Druck von Ivar Hgægström,1897.

4. Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н. э. в среднем Поднепровье. Ленинград: Наука, 1978.

5. Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Москва: Наука, 1966.

6. Гороховский Е. Л. Фибулы VII группы О. Альмгрена в ареале черняховской культуры // Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали. Київ, 2004.

7. Острая Лука Дона в древности: Замятинский археологический комплекс гуннского времени. Москва: ИА РАН, 2004.

8. Воронцов А. М. Материалы гуннского времени с поселения Упа 2 в черте города Тулы // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А. М. Обломского. Москва, 2017.

9. Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) / отв. ред. А. М. Обломский. Москва: ИА РАН, 2015.

10. Гавритухин И. О. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые, подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. 2008. Вып. 1.

11. Гавритухин И. О. Фибулы, пряжки, ременные наконечники, связанные с горизонтом мощинской культуры городища Велегож // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Ч. 1. Тула, 2015.

12. Воронцов А. М. Памятники мощинской культуры в 3-ей четверти I тыс. н.э. // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). Москва, 2016

ЛАНДШАФТНЫЙ ФАКТОР В СЛАВЯНСКОМ ОСВОЕНИИ СРЕДНЕГО И ВЕРХНЕГО ПОДЕСЕНЬЯ В IX–XI ВЕКАХ[1]

В. Н. Гурьянов, А. А. Чубур

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия

С расширением взаимодействия исторического и естественнонаучного знания становится ясным, что трудно рассматривать процессы эволюции человеческого общества, миграций племен, формирования повседневных норм жизни, хозяйственного уклада, мировоззрения в отрыве от природной среды, в которой существуют человек и образованный людьми социум. Многие историки продолжают недооценивать роль природного фактора в социальных процессах. Между тем, сложно достоверно объяснить стратегию расселения славянских племён без учета влияния вмещающего ландшафта.

Роль опорного полигона для рассмотрения данной проблематики может сыграть Верхнее и Среднее Подесенье. Этот физико-географической регион, с одной стороны, являлся в разные эпохи (в том числе и в период расселения восточнославянских племен в раннем средневековье) кросскультурной территорией. С другой стороны, здесь имеется широкий спектр ландшафтных компонентов, Подесенье рассечено в субширотном направлении основным природным рубежом Восточной Европы – границей зон лесостепи и смешанных и широколиственных лесов, а в субмеридиональном направлении – границей Среднерусской возвышенности и Днепро-Деснянской низменности.

С точки зрения ландшафтного районирования территория Верхнего и Среднего Подесенья относится к Днепровско-Деснянской провинции смешанных лесов и лессовых эрозионных равнин. Эту провинцию на территории Подесенья пересекает с северо-востока на юго-запад ополье-полесский ландшафтный пояс Восточно-Европейской равнины [1]. Он формировался, начиная с ледниковой эпохи, но окончательно ландшафты ополий и полесий оформились под воздействием антропогенного фактора в средние века [1; 2; 3]. Полесья связаны здесь с полосой краевых опусканий у кромок Днепровского и Московского ледников. Это позволило сформироваться лесным почвам на песчаных и супесчаных материнских породах. Формирование материнских пород почв ополий связано с накоплением толщи лессовидных суглинков субаэрального происхождения в зонах локальных неотектонических поднятий [1].

В пределах Подесенья лежат две полосы правобережных ополий, включающих Стародубское, Присудостьское (Почепское), Брянское, Вара-Судостьское и Трубчевское ополья и левобережное Севское ополье, разделенные облесенными низменными зандровыми равнинами левобережья Судости и Десны (аналог лежащих к западу полесий) и Погарским предопольем. Полесья и близкие к ним ландшафты здесь следующие:

1. Новгород-Северское полесье, точнее его часть, характеризующаяся как районы сосновых лесов Полесской низменности с преобладанием дерново-подзолистых песчаных и супесчаных почв [4, с. 30].

2. Широколиственно-сосновые леса правобережья Десны и Судости с преобладанием дерново-подзолистых легкосуглинистых и супесчаных почв [4, с. 31] примыкают на западе к водоразделу Ипути и Судости. Являются ландшафтом переходным от полесий к опольям.

[1] Выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант 18-45-320001 «Природные и социальные факторы динамики сельскохозяйственного освоения Среднего Подесенья в Средневековье».

Эти леса глубоко вклиниваются с юго-запада в Брянское ополье, почти разделяя его надвое.

3. Клетнянское полесье – северный район смешанных лесов с преобладанием дерново-подзолистых супесчаных и песчаных почв на ледниковых отложениях [4, с. 29], часть Белорусского полесья. На востоке Клетнянское полесье узким языком выходит к Десне, переходя на левом её берегу в Жуковские долинно-зандровые болотистые леса.

4. По левобережью Десны тянется широкая полоса долинно-зандровых равнин, покрытых болотистыми лесами Брянско-Жиздринской низменности, за которой расположены западные отроги Среднерусской возвышенности с господствующим на них лесостепным ландшафтом. В него местами, например, на территории Комаричского района Брянской области вклиниваются участки степных ландшафтов [1].

Не случайно регион со столь сложным ландшафтом на протяжении различных эпох носил и кросскультурный характер. В период его освоения представителями летописных славянских племенных союзов археологи фиксируют в Верхнем и Среднем Подесенье следы радимичей, вятичей, северян, кривичей и даже присутствие дреговичей. Кроме того, часть Подесенья в X–XI вв. входит в состав «русской земли» и путей «большого полюдья» – расширяющейся зоны экспансии молодого растущего Киевского государства в земли восточных славян – в т.ч. подданных Хазарского Каганата, с которым вступило в противоборство молодое киевское государство.

Не помогают уточнению этнических и политических пограничий скупые сведения из «Повести временных лет», очерчивающие, да и то не всегда точно и однозначно, регионы расселения племенных союзов. Проблема локализации пограничий в такой насыщенной кросскультурной зоне со сложным комплексом ландшафтов не может быть решена и одним лишь анализом распространения тех или иных типов древностей. Примером может служить выразительная находка дреговичской ажурной бусины на севере Трубчевской округи [5] и дреговичские погребения в курганном могильнике Кветунь, относящемся к «земле северян», а затем к «русской земле» [3]: при этом ареал дреговичей явно отделен от Трубчевской округи зоной расселения радимичей. Радимичские и вятичские вещи, встреченные в кривичском погребении кургана 26 в Гришиной Слободе [6], также свидетельствуют, что выделение четких этнокультурных границ только по вещевому материалу поселений и могильников невозможно ввиду таких факторов, как торговля, межплеменной обмен и межплеменные браки (как разновидность обмена?).

Для уточнения пограничий следует обратиться к сведениям о ландшафтной обстановке в сочетании с данными археологии.

Поскольку курганы, содержащие в погребениях радимичские лучевые височные кольца, известны только со второй половины X в. [7], тогда как летопись упоминает радимичей уже под 885 г., становится ясно, что до X в. это население проживало не в полесьях Сожа и Ипути, указанных в «Повести временных лет» [2, с. 255]. Некоторые формы украшений (в частности, те же лучевые кольца) имеют генетические корни в роменской археологической культуре IX–X вв., а на ранних полесских радимичских памятниках встречена характерная роменская керамика, что делает наиболее вероятной территорией «исхода» радимичей ареал роменской культуры [8, с. 17]. Корни культурных традиций северян, вятичей и радимичей едины, что нашло отражение не только в археологическом материале, но и в летописи («один обычай имяху»). Одной из причин «бегства» радимичей с исконной территории и дополнительной причиной их расселения в густых лесах могла стать попытка «укрыться» от хазарской, а позднее и киевской дани.

От основного роменского ареала полесья отделены полосой почти смыкающихся ополий: Брянского, Почепского и Стародубского, вкупе с Погарским предопольем. Судя по тому, что радимичи миновали минимум два плодородных ополья, пригодных для плужного, но не подсечно-огневого земледелия, и обосновались в полесьях, напротив непригод-

ных для плуга, они покинули основной ареал роменской культуры еще до вытеснения подсечно-огневого земледелия пашенным.

Дело в том, что подсечный способ предусматривает вырубку леса и последующее сжигание высушенной древесины. Корни при этом в большом количестве оставались в почве, в связи с чем полозное рало и плуг в полесских и предполесских ландшафтах были непригодны, как орудия не просто рыхлящие почву, а подрезающие и переворачивающие пласт земли. До появления сохи, древнейший наконечник которой в рассматриваемом регионе датируется XII в. [9, с. 33, рис. 1: 5], основным способом обработки почв мог быть подсечно-огневой с последующим рыхлением бороной-суковаткой или бесполозным ралом. Наконечники таких рал найдены в Погарском предполье [10, с. 189, рис. 6: 1] и на окраине Варо-Судостьского ополья [11], где датируются серединой – второй половиной X в.

Население с подсечно-огневым земледелием не могло, в свою очередь, осваивать территорию ополий. Огонь – обязательная фаза подготовки делянки – деструктурировал и резко снижал водопроницаемость у типичных для ополий темно-серых и серых лесных суглинистых почв. Это крайне неблагоприятно для культурных растений [1]. Кроме того борона-суковатка не была способна обрабатывать плотные и вязкие суглинистые грунты. Все это делало для радимичей невозможным массовое заселение ополий.

Существовавшая в лесостепи система плужной обработки почвы в лесистое Среднее и Верхнее Подесенье долго не проникала. Нет ее до роменского времени даже на языках лесостепи между левыми притоками Десны – Снежетью, Навлей, Неруссой. Древнейшие пахотные орудия (полозные и кривогрядильные рала или их детали) найдены в верховьях Оки (селище Лебёдка) [12, рис. 21: 18] и в лесостепном районе Севска [13]. Традиции пашенного земледелия проникли в Брянское Подесенье из лесостепных районов уже после радимичей – в первую очередь с юго-востока – из Посемья – от северян. Сами же вятичи и северяне заимствовали основные пахотные орудия у славянского населения Днепровского правобережья и у носителей салтовской археологической культуры, с которыми контактировали в силу хазарского подданства [14]. Скорее всего, именно этими путями происходило освоение пашенным земледелием (и его носителями северянами) Брянского и Трубчевского придеснинских ополий. Оказавшиеся в земледелии наиболее консервативными и архаичными, радимичи были выходцами именно из северо-запада роменского ареала, где преобладали контакты с лесным населением.

Некоторые исследователи считают радимичским Трубчевское ополье [7], но анализ женских украшений не подтверждает этого [15], что не удивляет: от полесий Трубчевское ополье отделено пространством в 60 км, где отсутствуют радимичские памятники, но имеются памятники культуры русов X – начала XI вв. Следует учитывать, что в X в., территория радимичей с востока была оконтурена путем «большого полюдья» [11], проходившего по правобережью Десны. Это заставляет признать, что граница радимичей с хозяевами пути – русами могла проходить лишь к западу от него.

Итак, крайняя южная точка радимичской территории в бассейне Десны – курганная группа у с. Гетманская Буда. Отсюда граница ведет к западу от рек Снов и Титва на северо-восток по линии Митьковка – Гулевка – Коржово – Голубовка. Затем поворачивает на восток вдоль севера Стародубского ополья до западного края Почепского ополья и далее по линии Коржово – Голубовка – Рюхово – Рассуха (южная граница Унечского выступа полесья). Затем граница отступает к западу почти до Ляличей, разрывается Мглинским предполесьем, где не выявлено радимичских древностей, и уходит в Клетнянское полесье. Курганы с радимичским инвентарём исследованы в центральной и северной частях этого полесья на р. Беседь и Ипуть [16]. Самые северо-восточные радимичские курганные группы находятся у северной границы этого «языка» у с. Пеклино (правый берег р. Белизна, рядом выявлено селище 2-й половины X–XI вв.) [17] и у хутора Борча.

На правом берегу Десны, в пределах Рославльско-Верхнеднеснинского предполесья (Сеща, Алешня) исследованы уже кривичские древности [6]. В междуречье рек Сещи и Бе-

лизны расположены участки Пеклинского предополья, осложненные моренными ландшафтами в зоне краевых ледниковых образований – они узкой полосой разграничивают территории «радимичской» и «кривичской» земель.

Смоленские кривичи, как и радимичи, не владели технологией пашенного земледелия, поскольку основная зона их расселения лежала в пределах густо облесенных моренно-зандровых ландшафтов, сходных с полесьями [18], где применению плуга и полозного рала препятствовали не только остающиеся в земле после подсеки корни, но и сама каменистая почва. Подсечно-огневое земледелие здесь постепенно сменилось применением бесполозного рала, а затем сохи.

На левобережье Десны достоверно кривичские курганные погребения (Чечеринка, Немеричи, Курганье, Гришина Слобода) известны вдоль реки Ветьма. Она служила восточной естественной границей кривичского расселения, хотя смешанные кривичско-вятичские курганные группы встречены также в верховьях Болвы. При этом в междуречье Ветьмы и Болвы курганных групп не обнаружено: вероятно, заболоченные долинно-зандровые леса этой территории в древнерусское время не были заселены и также служили естественной границей [6]. Все известные на Десне кривичские погребения совершены по обряду ингумации и датируются XI веком, что во времени следует за переселением радимичей на Сож.

С востока и севера на Десну продвигалось вятичское население, смыкающееся в районе верхней и средней Болвы с кривичским. Вятичи в Подесенье заселили земли вдоль верхнего и среднего течения Снежети (район Карачева, отнесенный к вятичской земле летописцами). До низовий Снежети и Болвы вятичи не дошли, причиной чему стал тоже природный фактор: густые, отчасти заболоченные лесные массивы левобережья Десны.

В пределах Подесенья нет вятичских погребальных комплексов, хотя украшения встречаются на отдельных поселениях: городище Слободка в орловском течении р. Навля, где они обнаружены вместе с северянскими украшениями [19], селища Алексеевка [20, с. 145] и Опахань [3].

Вся полоса ополий правобережья Десны от Кветуни и вверх до Вщижа, а также Севское ополье, принадлежали северянам, что подтверждается археологическими материалами [3]. По результатам анализа роменских материалов, А. В. Григорьев [21] полагает, что четких рубежей, как в случае с Русью, между вятичами и северянами не было. При этом он отверг проведение этой границы по водоразделу Десны и Оки с включением в «землю вятичей» верховьев левых притоков Десны – Навли и Неруссы [12, с.12–41]. Нам представляется, что меж вятичами и северянами, по крайней мере, на части пограничья, имела место выраженная естественная граница.

Во время среднеплейстоценовых оледенений сток вод Оки на север был перекрыт ледяной плотиной. Верхняя Ока, сменив направление, временно несла талые воды ледников в бассейн Десны. Реликтом проходной долины стало огромное озеро (шириной до 2 км и протяженностью свыше 20 км), известное как Самодуровское или Хамово. Если позднее название происходит от д. Самодурово, то ранний гидроним «Хамово» может иметь хазарское происхождение. Хазары, безусловно, контролировали данный водный путь на территории своих подданных [22].

С иссушением и похолоданием климата и сведением лесов озеро утратило полноводность и стало пересыхать. Следы части озера сохранялись еще в начале XX века в виде заболоченной низменности [23]. На месте остатков озера теперь влажный торфяник и заболоченные участки, из района которого берут начало несколько рек: Ока и ее притоки Очка и Бобрик, а также Снова, Сновка и Свапа, принадлежащие к бассейну Сейма, притока Десны. В климатический оптимум эпохи расселения восточных славян и становления древнерусского государства эти реки вытекали из озера с заболоченными берегами, покрытыми густыми лесными массивами. Озеро служило транспортной артерией, но при этом окружающий его незаселенный ландшафт не мог быть освоен ни вятичами, ни северянами.

Итак, в очередной раз мы подтверждаем тот факт, что локации различных этносоциальных групп средневековья оказываются, как правило, привязанными к определенным ландшафтам. В этом ключе естественно, что не только на границах союзов племен и «русской земли», но и внутри зон расселения встречались пустые, незаселенные лакуны с неподходящим для хозяйственной деятельности окружающего населения ландшафтом.

Имеется ряд нерешенных проблем, решение которых в перспективе способно уточнить ход этнокультурных процессов в Деснинском регионе. Среди них, например, нетипичное расположение в пределах Брянского ополья курганного могильника Елисеевичи с признаками радимичского, лежащие неподалеку, но уже на левобережье Десны топонимы с формантой «Рад», а также ряд недавно выявленных курганных групп в левобережных лесах Десны, культурная принадлежность которых остается неясной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ахромеев Л. М. Природа, генезис, история развития и ландшафтная структура ополий Центральной России. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2008.

2. Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н. Русско-радимичское пограничье середины X – середины XII вв.: природно-географический аспект // ГАЗ. 1994. №3.

3. Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н., Чубур А. А. Погребальный обряд Среднего Подесенья как источник для исторических реконструкций. Брянск: Курсив, 2011.

4. Луцевич А. А., Ивановская Е. Л. Структура лесных биоценозов бассейна Верхней Десны // Структура и динамика систем бассейна Верхней Десны. Москва, 1986.

5. Гурьянов В. Н., Чубур А. А. Дреговичская ажурная бусина из Трубчевской округи // Региональные аспекты современных историко-правовых, филолого-культурологических, психолого-педагогических, естественнонаучных и экономических исследований. Ч.1. Брянск, 2015.

6. Гурьянов В. Н. К вопросу о расселении кривичей на севере современной Брянщины // Деснинские древности. Брянск, 1995.

7. Богомольников В. В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.). Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2004.

8. Шинаков Е. А. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X – первой половине XIII вв.: автореф. дисс. … канд. ист. наук: 07.00.06. Москва, 1981.

9. Чернецов А. В. Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий // КСИА. 1976. Вып. 146.

10. Заверняев Ф. М. Селища бассейна р. Судость // СА. 1960. № 3.

11. Шинаков Е. А. Комплекс памятников у с. Случевск: к вопросу о пунктах-погостах // Русский сборник. Брянск, 2002.

12. Никольская Т. Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. Москва: Наука, 1981.

13. Шинаков Е. А., Зайцев В. В. Древние орудия пашенного земледелия из Сумской области // Тез. I Сумской историко-краевед. конф. Сумы, 1990.

14. Горбаненко С. А. Землеробство і тваринництво слов’ян Лівобережжя Дніпра другої половини I тис. н. е. Киев: Академперіодика, 2007.

15. Шинаков Е. А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. № 3.

16. Ляўданскі А. Н. Археолёгічныя досьледы у Смаленшчыне // Працы сэкцыі археолёгіі Беларускай Акадэміі наук. 1932. Т. III.

17. Шинаков Е. А. Курганная группа у с. Пеклино // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1993.

18. Заиканова И. Н. Ландшафтная структура как основа геоэкологической оценки для планирования градостроительного развития территории (на примере Смоленской области) // Геоэкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геокриология. 2007. №1.

19. Никольская Т. Н. Городище Слободка XII–XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей. Москва: Наука, 1987.

20. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Москва: Наука, 1982.

21. Григорьев А. В. Границы земли северян в X – начале XI в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. Москва, 2015.

22. Зорин А. В., Шпилев А. В. Перед Русью (Восточная Европа в IX столетии: опыт реконструкции) // Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург, 2009. Т. XLIX.

23. Вирский А. А. Очерк физической географии Курского края // Курский край. 1925. Вып. 1.

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РАННЕГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ ЮЖНОЙ БЕЛАРУСИ В X – НАЧАЛЕ XI В.

О. В. Иов

Институт истории НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь

Археологические исследования последних десятилетий среди средневековых памятников Белорусского Полесья позволили выделить поселения, которые с уверенностью можно поставить в один ряд с такими всемирно известными памятниками как Рюриково городище, Старая Ладога, Тимерево, Гнёздово. В литературе они получили название «протогорода» или «ранние города». Общими признаками для этой категории поселений являются, прежде всего: связь с важнейшими водными артериями, относительно большая площадь (более 15 га), развитая международная торговля, наличие значительной военно-дружинной социальной прослойки, высокий уровень развития ремесла, общая хронология (в рамках 2 пол. VIII – 1 пол. XI в.), крупные погребальные комплексы и язычсские капища, полиэтничное население с обязательным присутствием скандинавов и некоторые другие. В Белорусском Полесье практически всеми перечисленными признаками, за исключением сохранившихся крупных курганных некрополей, обладают два археологическиъх комплекса – Городищенский и Юровичский.

Городищенский археологический комплекс расположен в 12 км северо-восточнее Пинска, в д. Городище Пиского района Брестской области, на восточном берегу оз. Городищенское (Полесское). Последнее двумя узкими протоками соединяется с р. Ясельда. С запада, напротив д. Городище, в Ясельду одним из рукавов впадает р. Пина. В письменных источниках XVI в. деревня неоднократно упоминается как поселение на р. Пина [1, с. 77; 2, с. 218]. Площадь памятника определить сложно, так как его большая часть расположена под современной застройкой. Раскопками исследовано 1000 м кв. культурного слоя на поселенииVIII – нач. XI в. площадью более 4 га. Выявлены следы рва и вала, укреплявшие его в древности. С запада к нему примыкает небольшое городище-капище размером 22 х 27 м (изучено 200 м кв.). Исходя из результатов раскопок, исследователи предполагают «преемственность» между Городищенским поселением и древним Пинском [3, с. 118–120].

Археологический комплекс в д. Юровичи Калинковичского района Гомельской области расположен на краю Мозырской гряды, вовзвышающейся над поймой Припяти на 30 м. Его укрепленная часть имеет сложную планировку и состоит из детинца площадью 1,75 га, укрепленного мощным подковообразным валом высотой около 5 м и рвом глубиной до 4 м; окольного города площадью 4,8 га, также с напольной стороны укрепленного валом и рвом, и урочища «Церковище» – холма с крутыми склонами и плоской вершиной площадью 0,63 га. Неукрепленный посад располагался у подножья гряды, к западу от нее, на территории деревни, осушенной мелиоративными каналами. Южнее «Церковища», на мысовидном выступе Мозырской гряды сохранились остатки курганного некрополя. В 1970-ые гг. здесь насчитывалось 14 насыпей, котрые в настоящее время не прослеживаются.

Наиболее близкой к комплексу малой речкой, по которым названы почти все ранние города Восточной Европы, является р. Турья. Сегодня длина ее канализированного русла составляет 46 км, и она впадает в Припять южнее Юрович, не доходя до деревни. Однако известно, что в низменном Полесье реки относительно часто меняли свое русло, а небольшие – были выпрямлены мелиоративными каналами еще в XVII–XIX вв.

По размерам своей укрепленной площади на начало XI в. Юровичский археологический комплекс на территоии Беларуси уступает лишь Полоцку (11 га) и сопоставим с такими древнерусскими городами как Чернигов (8 га) и Новгород (7 га). Все другие известные города в Беларуси по этому показателю значительно уступают: Витебск (4 га), Туров (2,5 га), городище на Менке (1,3 га) и т. д.

Раскопками на памятнике исследовано более 450 м кв. культурного слоя. На детинце и окольном городе изучены объекты сер. X–XI в., культурный слой на «Церковище» датируется сер. X–XII в., а на посаде – от сер. X в. до позднего средневековья. В 1,5 км на запад-северо-запад от комплекса, на берегу старицы Припяти, зафиксировано большое славянское поселение 2 пол. 1 тыс. н. э. со следами производства железа из болотной руды [4, с. 413–414].

Таким образом, Юровичский археологический комплекс во 2 пол X – нач. XI в. являлся крупнейшим раннегородским центром Белорусского Полесья. Учитывая то обстоятельство, что в известном ныне Турове Житковичского района отсутствует культурный слой этого времени, а также близость к Юровичскому комплексу р. Турья, нам не кажется совсем невероятной мысль о том, что речь идет об первоначальной столице дреговичей – Турове [5, с. 68–86]. Веротнее всего, как город, поселение перестало существовать после захвата его Ярославом Мудрым в 1018 г. и присоединения этой территории непосредственно к Киевской волости.

Как уже отмечалось выше, в рассматриваемых раннегородских центрах не сохранились сколько-нибудь значительные погребальные памятники, на основании исследований которых обычно принято решать проблему этнического состава их населения. Однако на самих поселениях археологическими раскопками также получен разнообразный материал, позволяющий сделать определенные выводы. В частности, доказано, что Городище и Юровичи являются микрорегионами наибольшего полиэтничного влияния. Именно в этих раннегородских центрах найдены артефакты, которые принадлежали разным этносам и культурам, и именно отсюда, где развивались традиционные ремесла, импульсы разных культурных влияний проходили по региону всего Полесья.

Артефакты, не характерные для материальной культуры коренного населения раннегородских центров Припятского Полесья – дреговичей, можно условно разделить на три группы. К первой, наиболее представительной, относятся предметы, связанные с международной торговлей: стеклянные и каменные бусы, арабские дирхамы, отдельные типы ювелирных изделий и пр. Они свидетельствуют об интенсивности международных контактов местного населени, но не о его этнических компонентах.

Вторая группа менее многочисленна. Она включает в себя археологические материалы иноземного происхождения, которые не были предметом торга, а оказались на дреговичских поселениях первоначально вместе с пришельцами. Однако соприкосновение с носителями иных энических и культурных традиций не могли не повлиять на формирование местной материальной культуры. Производство некоторых видов импортных изделий началось также местными ремесленниками. К таким предметам, прежде всего, относятся некоторые типы оружия и снаряжения всадника, замки и ключи, ледоходные шипы и некоторые другие. Эти артефакты нельзя считать прямым указанием на этническую принадлежность их владельцев, однако, нужно учесть, что в IX–X вв. процесс культурной интеграции был только в начальной стадии.

Предметы третьей группы также оказались на территории дреговичей вместе с их владельцами, но, в силу разных причин, остались не востребованными в местной среде. Это предметы – этнические индикаторы: отдельные, традиционные для определенных этносов или этнических групп детали костюма и украшения, некоторые типы оружия, керамики и т. д. Такие находки наиболее редки, однако, они дают возможность более-менее реально отразить этническую структуру населения памятников.

В коллекциях Городищенского и Юровичского поселений большинство предметов второй и третьей групп имеют скандинавское происхождение. Редкая находка сделана в Городище – железная вилка в форме трехзубца с изогнутым под прямым углом и заостренным черенком, который, очевидно, вставлялся в деревянную рукоятку (Рис. 1: 1). Концы зубьев согнуты, причем острие центрального зуба выступает на 1,5 см больше, чем в крайних. Такие вилки, часто дополненные разными декоративными деталями, хорошо известны по погребальным памятникам Швеции. В VII–X вв. они входили в состав банкетных наборов в инвентаре курганов шведских викингов [6, с. 40–47, рис. 10: 12]. На территории Восточной Европы выявлены две подобные вилки, обе – на Гнездовском поселении [7, с. 288–289, рис. 2: 2, 3].

Из материалов Юровичского комплекса происходит роговой псалий (Рис. 1: 2). Оба конца изделия украшены довольно схематичными изображениями голов драконов (отчетливо изображены раскрытые пасти и уши). В средней части просверлены два отверстия. Прямых аналогов находке мы не знаем, однако, функциональные аналогии известны: железные псалии, украшенные конусовидными головками на концах и сквозными отверстиями в центре (например, находка в Биляре) [8, с. 197, табл. LXV: 6]. Изображение драконов («Большого змея») характерно для материальной культуры скандинавов эпохи викингов.

Один фрагмент изделия из бронзы с Городища весьма напоминает изображение птицы на наконечнике меча типа I: 2-с по П. Паульсену [9, с. 22–34]. Такие наконечники исследователи относят к третьей подгруппе шведско-варяжской группы «с германским птичьим мотивом» (Рис. 1: 6). Их известно довольно много (Готланд, Бирка, Эзель, Гнездово, скандинавские могильники в Восточной Пруссии), но в Беларуси сделана только одна находка – случайная и анонимная [10, 1975, Taf. 14: 4–6; 111, с. 29].Считается, что наконечники этого типа изготавливались на Готланде и в Бирке во 2 пол. X – нач. XI в.

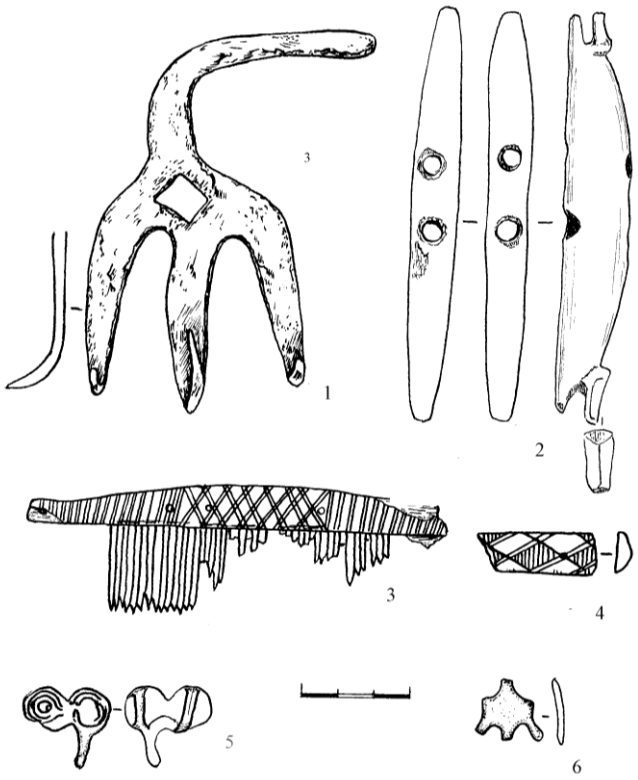


Рис. 1. Материалы из раскопок Городищенского (1–4, 6) и Юровичского (5) комплексов

1 – вилка; 2 – псалий; 3, 4 – фр-ты гребней; 5 – ременная бляшка; 6 – фр-т наконечника ножен меча (?) (1 – железо; 2–4 – кость; 5, 6 – медный сплав).

Обычной находкой для крупных торговых центров рубежа I–II тыс. н. э. являются составные односторонние гребни. На Городищенском поселении их найдено два экземпляра (Рис. 1: 3, 4). Боковые накладки одного их них соединены пятью медными штифтами и покрыты резным геометрическим орнаментом в виде ромбов в центре и прочерченных параллельных двойных линий по бокам. Такие гребни требовали широкого ассортимента инструментов и изготавливались косторезами-профессионалами. На территорию Восточной Европы они проникают с Северной Европы и датируются IX–XI вв. [12, с. 100, група 2]. По мнению М. В. Фехнер, часть гребней изготавливалась в древнерусским мастерских [13, с. 39–42], но каких-либо доказательств такого производства пока нет.

Вероятнее всего, со Скандинавией связана также подковообразная бронзовая фибула с битрапецоидной в сечении дужкой и многогранными головками, фрагмент которой найден в Юровичах. Подобные изделия в Новгороде встречаются в слоях X–сер. XII в. На Руси найдены в Приладожье, Гнездовском и Ярославских могильниках, на Сарском городище и в др. местах. Они также известны в Финляндии, Прибалтике, Швеции, Норвегии и на Готланде, где датируются IX–XI вв. В Полесье обнаружены также на селище Чернавчицы Брестского района.

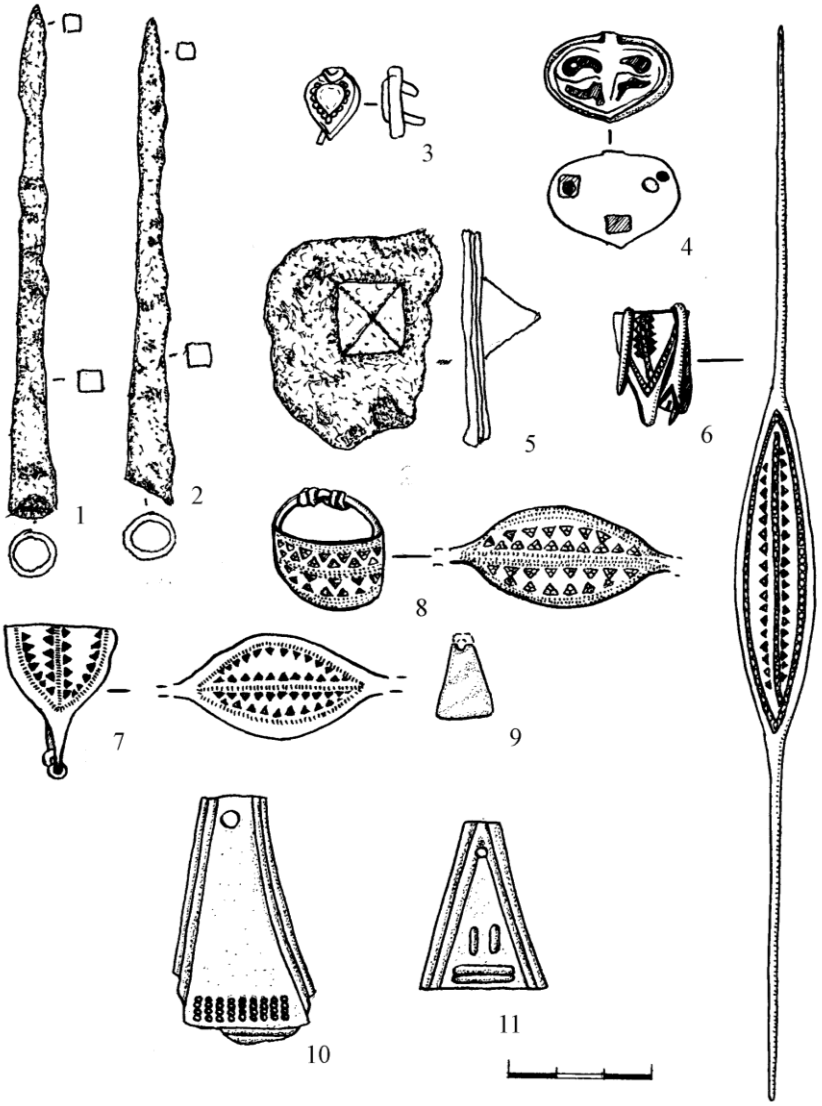


Рис. 2. Материалы из раскопок Юровичского (1, 2, 5) и Городищенского (3, 4, 6–11) комплексов

1, 2 – наконечники стрел; 3, 4 – ременные бляшки; 5 – ледоходный шип; 6–8 – перстни; 9–11 – подвески (1, 2, 5 –железо; 3, 4, 6, 7, 10, 11 – медный сплав; 8 – серебро).

Также скандинавское происхождение имеют ледоходные шипы. В Юровичах от него сохранилась часть железной пластины-платформы близкой к овалу формы размером 4,2 х 3,3 см. К ней приварен шип пирамидальной формы (Рис. 2: 5). Сохраненный фрагмент не позволяет нам определенно сказать об использовании изделия для обуви человека или копыта коня. А. Н. Кипричников отмечает, что в XI в. обувные шипы, смонтированные на одной жесткой металлической основе, вытесняют менее надежные обоймы с кожаным или деревянным сцеплением [14, рис. 47]. Исследователь также отмечает, что ледоходные шипы характерны для богатых и средних мужских и женских погребений эпохи викингов и являются, в какой-то степени, социальными и профессиональными индикаторами древнерусской дружинной культуры.

Обращает на себя внимание днище глиняного горшка с рельефным клеймом в виде двух конусовидных дисков, переплетенными между собой так, что образуют в центре левостороннюю свастику с треугольными окончаниями (Рис. 3: 1). Этот сюжет для Восточной Европы на сегодняшний день уникальный и напоминает клейма мастеров-кузнецов на некоторых скандинавских мечах.

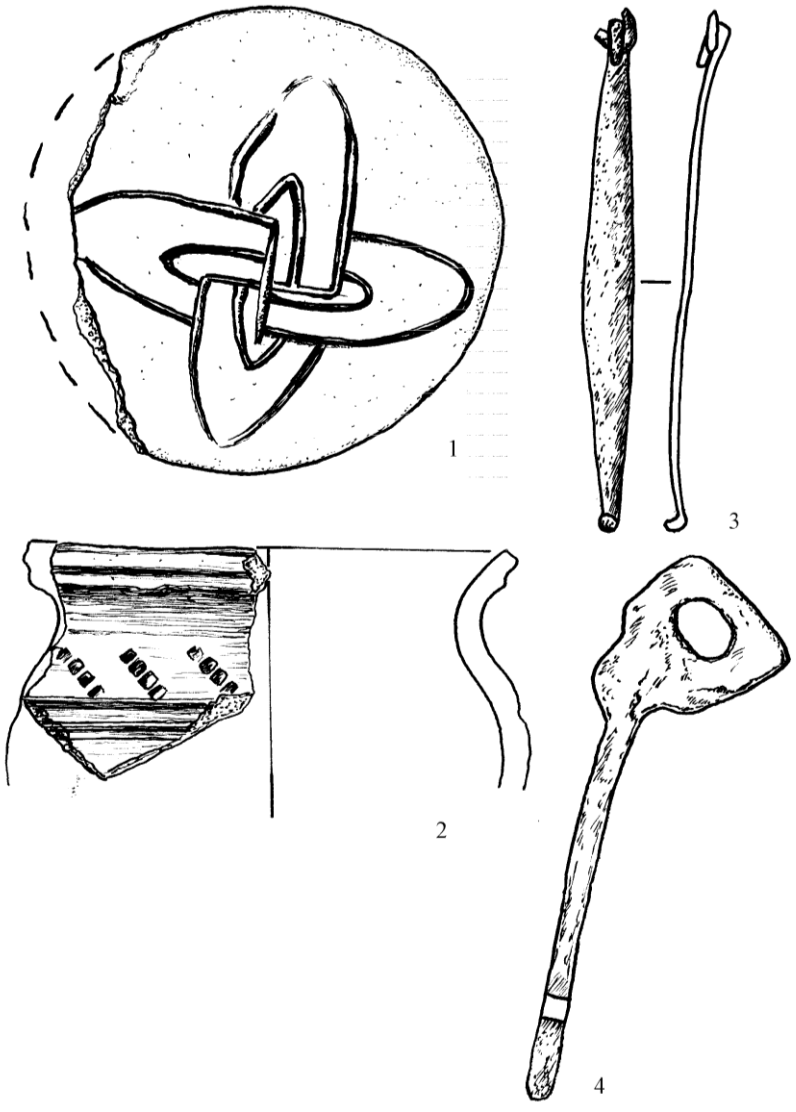


Рис. 3. Материалы из раскопок Юровичского комплекса

1, 2 – фр-ты посуды; 3 – подвеска; 4 – фр-т стремени (1, 2 – керамика, 3, 4 – железо).

Среди украшений для рук на Городищенском комплексе найдены три пластинчатых перстня: «усатый» и два широкосрединных с завязаными концами (Рис. 2: 6–8). По периметру щиток широкосрединного перстня орнаментирован линией из углубленных точек. Такая же линия пересекает щиток по его длинной оси. Вдоль нее с двух сторон расположены линии треугольного пуансона. Усатые перстни считаются характерной приметой финно-угорских племен. В конце X – нач. XIII в. они встречаются в Финляндии, Прибалтике, северо-западных областях Восточной Европы, в междуречье Волги и Оки [16, с. 257–258]. Известны находки таких перстней и в курганах дреговичей. И. В. Дубов считает усатые перстни скандинавскими [17, с. 154].

В Юровичах украшения для рук представлены фрагментом литого пластинчатого медного с расширяющимися концами, сегментовидного в поперечном сечении браслета. Его широкий конец орнаментирован тремя поперечными углубленными линиями с перпендикулярно нанесенными на них насечками. Происхождение таких украшений исследователи связывают со Скандинавией, ареал распространения охватывает также прибалтийские регионы, заселенные балтами и финно-уграми, реже встречаются на землях восточных славян.

Западный этнический элемент на Городищенском поселении прослеживается, в основном, по керамике. Речь идет, прежде всего, о горшках с коротким, резко отогнутым краем венчика, который оформлен прямым срезом или неглубокой выемкой. В коллекции раннегончарной керамики памятника они составляют 2,2 % [18, с. 72]. Высота этих сосудов обычно превышает максимальный диаметр тулова. По плечику и шейке наносился линейный и иногда волнистый орнамент. Этот тип горшков хорошо известен в юго-западной Волыни, где в X в. был наиболее распространен и в литературе получил название «волынский» [1, с. 17, рис. 616].

Среди типов декора на керамике поселения привлекают внимание ромбические штампы (Рис. 4: 1, 2, 6). Этот орнамент широко применялся для украшения керамики Мазовии и ближайших к ней городов западной Руси [13, с. 32, рис. 8: 3]. Кроме того, к редким типам орнамента здесь относятся: проштампованные круги (Рис. 4: 5), орнамент из эсовидных штампов (Рис. 5: 1), вертикальные и скошенные ряды круглых наколов (Рис. 4: 3, 7). Последние встречаются на посуде могильника Изеркапинис в Восточной Пруссии [19, табл. XXXIV, XLIX, L, LVII, LXI, LXIV, LXVIII]. На Юровичском поселении такая керамика встречается крайне редко (Рис. 3: 2).

Своеобразный небольшой горшочек в Городище был выявлен в жилище № 4 (Рис. 5: 2). Он имеет вертикальное горло и косо срезанный край венчика с канавкой. Такие горшки также типичны для Мазовии и Подляшья, но встречаются и в Белорусском Понеманье [20, с. 160, рис. 5: 1, 3].

В регионе Полесья только на Городищенском поселении найдены бронзовые трапецевидные подвески (3 экз.) (Рис. 2: 9–11). Одна из них, более крупная, по периметру украшена штампованной выпуклой линией, а в нижней части – девятью расположенными в ряд вертикальными линиями из проштампованных точек. От второй подвески сохранилась лишь ее верхняя часть. Как и предыдущая, она орнаментирована штампованными линиями по сторонам, а также вертикальными и горизонтальными линиями в центре. Подобные подвески широко распространены в длинных курганах кривичей VII–X стст. на севере Беларуси и Смоленщине [21, с. 33]. Аналогичная нашей подвеска найдена вместе с вещами X в. в яме 14 на селище около древнего Лукомля [22, с. 49–50, рис. 18: 15].Третья городищенская подвеска – без орнамента.

В одном экземляре здесь также зафиксирован фрагмент железного стремени, от которого сохранилось трапецевидное ушко с сегментовидным отверстием и часть дужки (Рис. 3: 4). Последняя в верхней части инкрустирована медной проволокой (несколько поперечных параллельных линий). Для центральных древнеславянских земель стремена этого типа (по А. Н. Кирпичникову тип VI) нетипична. Большинство таких изделий (80 %) проис-

ходят из Муромского Поволжья и хазарского и славянского Подонья, отдельные экземпляры – из Старой Ладоги, Шестовиц и некоторых других памятников, где датируются IX – 1-ой пол. XI в.[14, с. 49].

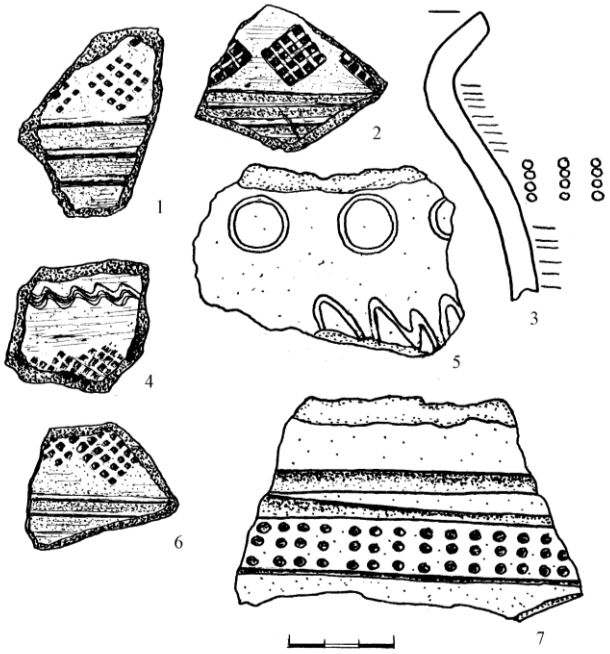


Рис. 4. Редкие типы орнамента на керамической посуде Городищенского комплекса

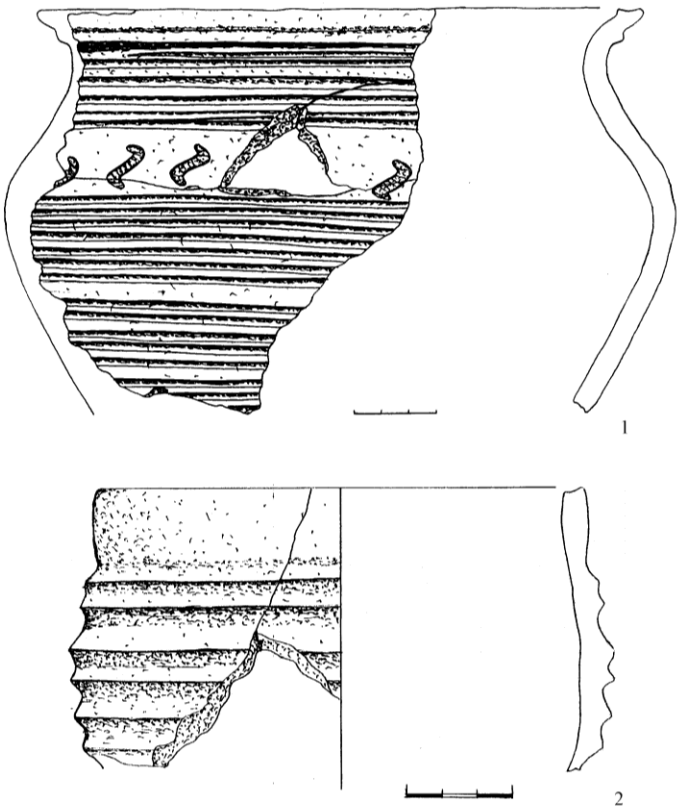


Рис. 5. Керамическая посуда с Городищенского комплекса

Вероятно, к деталям пояса принадлежит так называемая лодковидная «подвеска» из железа – пластина длиной 10,7 см и шириной 1,2 см, которая от центра к краям постепенно сужается и заканчивается крючками (Рис. 3: 3). В одном из них сохранился фрагмент проволочного кольца диаметром ок. 1 см. Аналогичные «подвески» найдены на одновременных Городищенскому комплексу Супрутском поселении на водоразделе Оки и Дона [23, с. 102], «Чертовом городище» в Верхнем Подонье. Исследователи последнего называют «подвески» поясными широкосрединными крючками [19, с. 141–151].

В Городище и Юровичах найдены также три нетрадиционные для Беларуси ременные бляшки. Одна бронзовая сердцевидная ременная бляшка с Городища, согласно классификации В. В. Мурашевой, относится к классу VIII группы 1 вида 1А [24, с. 34, рис. 40]. Она имеет плоскую внешнюю поверхность, украшенную трехлепестковым цветком, фон углублен (Рис. 2: 4). С другой стороны имеется три штифта. Аналогичные бляшки известны на памятниках Северного Урала, Венгрии, Волжской Булгарии, Измерском селище, где датируются второй половиной X–XI в.

Вторая городищенская сердцевидная бронзовая бляшкая относится к классу IV группы 2 [24, с. 31, рис. 35].Она выпуклая, имеет отогнутый бортик, без орнамента (Рис. 2: 3). С обратной стороны есть два штифта. Такие бляшки известы в Прикамье, Саркеле, Торопце.

В Юровичах выявлена ременная бляшка из медного сплава в виде спаренных кружков диаметром 1,1–1,2 см (Рис. 1: 5). Они – литые по восковой модели, изготовленной из воскового шнура. Бляшка орнаментирована спиралью, фон углублен. Снизу у нее имеется петля для кольца (повреждена), с тыльной стороны – петли для ремешка. В. В. Мурашева подобные бляшки относит к классу XXXV, группе 1 [24, с. 50, рис. 70]. Она считает, что такие предметы характерны для финно-угорских племен, особенно поволжских и прикамских, где датируются VII–X вв.

Неожиданная находка сделана в Юровичах на «Церковище» – два железных наконечника стрел типа 8 (по А. Ф. Медведеву). Они бронебойные, шиловидные, втульчатые (Рис. 2: 1, 2). Имеют длинное острие (7,9 и 7,3 см) квадратного сечения с шириной грани 0,5 см. По данным А. Ф. Медведева основная масса таких наконечников была выявлена в юго-западной Руси на памятниках конца IX – начала XI в., но ни славянами, ни южными кочевниками они не употреблялись [9, с. 40]. В Беларуси бронебойные шиловидные стрелы (но с треугольным сечением острия) по одному экземпляру были найдены в Заславле и Новогрудке. В большом количестве аналогичные наконечники зафиксированы на древнерусских городищах в Молдавии – Алчедар и Екимауцы. Г. Б. Федоров – автор раскопок последнего – считает их оружием печенегов, которые в 1 пол. XI в. особенно активно действовали на Руси [25, с. 140]. На тиверском Екимауском городище, разрушенном, вероятнее всего, печенегами, таких наконечников найдено более 100 экз.

Наличие наконечников стрел типа 8 в Юровичах вполне объяснимо, исходя из летописных известий об активнейшем участии печенегов в войне Ярослава Мудрого со Святополком Ярополковичем, князем туровским. Летописцы нам не сообщают о набегах печенегов в лесные зоны на территории Беларуси. Вполне возможно, при Святополке, на стороне которого печенеги неоднократно принимали участие в военных столкновениях и у которых опальный князь какое-то время скрывался в изгнании, в Юровичах располагался небольшой отряд кочевников для поддержки связи с союзниками.

Изучение Юровичского и Городищенского комплексов показало, что в Белорусском Полесье, как и во вей Восточной Европе, в конце IX – нач. X в. произошла мощная «культурная» революция. Небывалое развитие торговли и, соответственно, ремесла привело практически к полному изменению материальной культуры населения. Причиной этого явления было начало широкого использования торговых путей в экономических отношениях с близкими и дальними соседями. Исследование однозначно показало, что эти памятники

оставлены неоднородным по составу населением. Наличие вещей, связанных с различными этническими традициями, здесь отражает реальное смешение разных этносов.

В целом, материальная культура населения Припятского Полесья в X–XI вв. была наиболее близка к культуре Киевского Поднепровья. Это, прежде всего, относится к ведущим типам керамической посуды и домостроительству. Совершенно закономерно присутствие в раннегородских полесских центрах отдельных представителей этнических групп, обитавших в соседних областях (Мазовия, Подляшье, Белорусское Поднепровье и Подвинье) и поддерживавших с дреговичами торговые и культурные связи. Обращает на себя внимание тот факт, что в Городище керамика западной традиции гораздо более многочисленна.

Однако, более многочисленной на этом фоне выглядит коллекция предметов северного происхождения, а также из областей Повольжья и Подонья. Эти изделия являются своеобразными маркерами европейских торговых маршрутов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Писцовая книга пинского и клецкого княжеств, составленная пинским старостою Станиславом Хвальчевским в 1552–1555 гг. Вильна, 1884.

2. Ревизия пущь и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная старостою Мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 году, с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 году. Вильна, 1867.

3. Іоў А. В., Вяргей В. С. Старажытнае паселішча на Ясельдзе. Мінск: Беларуская навука, 2012.

4. Перхавко В. Б. Исследования раннесредневековых поселений южной Белоруссии // АО 1976 года. Москва, 1977.

5. Иов О. К вопросу о местонахождении летописного Турова X – начала XI в. // Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Калінкавічы і Калінкавіцкі край. Мінск, 2016.

6. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Ленинград: Ленинград. ун-т, 1986.

7. Пушкина Т. А. Скандинавские вещи из Гнездовского поселения // СА. 1981. № 3.

8. Культура Биляра. Болгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. Москва: Наука, 1985.

9. Paulsen P. Schwertorbänder der wikingerzeit. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1953.

10. Mühlen Bernt von. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. 1975. Nr. 9.

11. Плавінскі М. А. Клінковая зброя X–XIII стст. на тэрыторыі Беларусі. Мінск: Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2006.

12. Давидан О. Н. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. 1962. Вып. 4.

13. Малевская-Малевич М. В. Керамика западнорусских городов X–XIII в. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2005.

14. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Москва–Ленинград: Наука, 1973.

15. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Луки, стрелы, самострел VIII–XVI вв. Москва: Наука, 1966.

16. Недошивина Н. Г. Перстни // Труды ГИМ. 1967. Вып. 43

17. Дубов И. В. Варяги на Руси. «И от тех варяг прозвася Русская земля». Санкт-Петербург: Лань, 2001.

18. Іоў А. В. Асноўныя тыпы керамічнага посуду X–XI ст. на Беларускім Палессі // Древняя история Восточной Европы. Минск, 2009.

19. Прошкин О. Л., Румянцева Д. А. Чертово городище: мифология и исследования // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Тула, 2004.

20. Кізюкевіч Н., Юркавец Ю. Матэрыялы могільніка каля в. Мігова (з даследаванняў Ю. Ядкоўскага) // ГАЗ. 2006. Вып. 22.

21. Седов В. В. Длинные курганы кривичей. Москва: Наука, 1974.

22. Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIIIвв.). Минск: Наука и техника, 1978.

23. Григорьев А. В. Славянское поселение водораздела Оки и Дона. Тула: Репроникс, 2005.

24. Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). Москва: Эдиториал, 2000.

25. Федоров Г. Б. Славяне Поднестровья // По следам древних культур. Древняя Русь. Москва, 1953.

СЛАВЯНСКІЯ СТАРАЖЫТНАСЦІ VIII–X СТ. НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСКАГА ПАЛЕССЯ

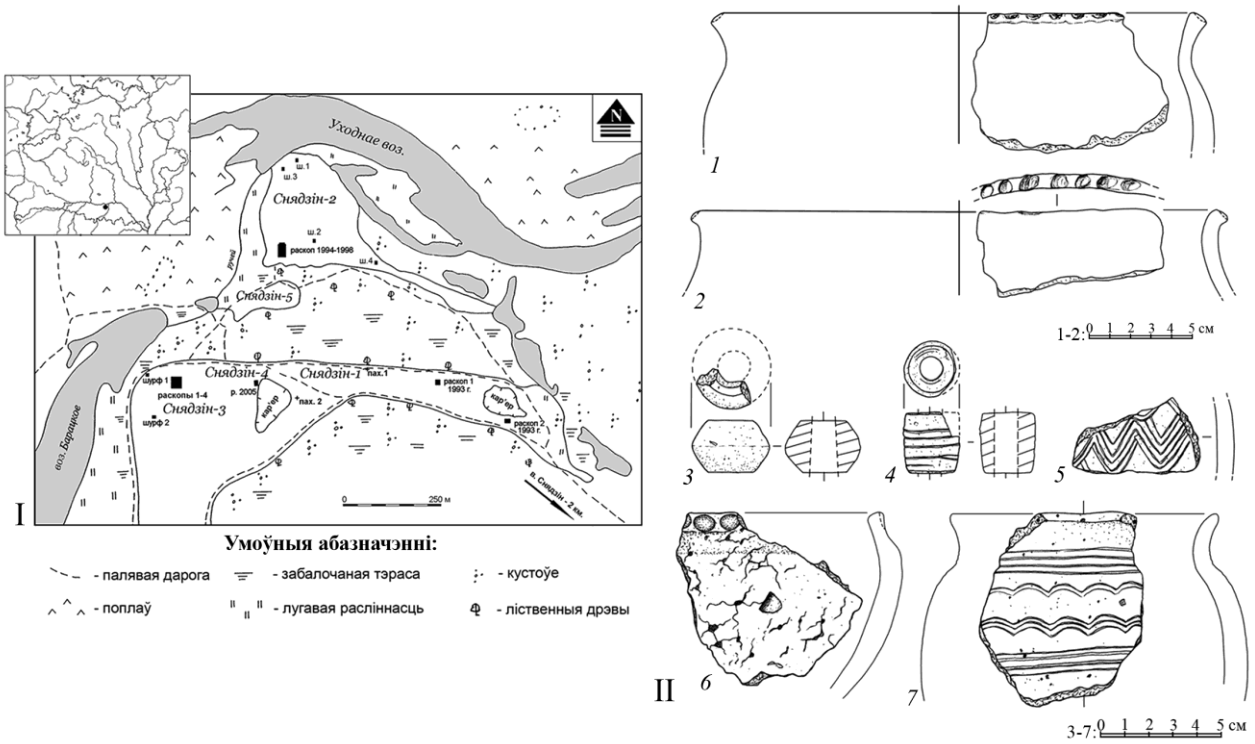
А. Ф. Касюк

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, г. Мінск, Беларусь

У VIII–X стст. Беларускае Палессе ўваходзіла ў арэал распаўсюджвання помнікаў райкавецкай (Лука-Райкавецкай) культуры. У перыяд свайго росквіту гэтая культура займала вялікую тэрыторыю ад Заходняга Буга на захадзе да Сярэдняга Дняпра на ўсходзе і ад Прыпяці на поўначы да Надпарожжа і сярэдняга цячэння Паўднёвага Буга ды Дністра на поўдні. Помнікі райкавецкай культуры прадстаўлены гарадзішчамі, селішчамі, грунтовымі і курганнымі могільнікамі, якія размешчаны ў розных тапаграфічных умовах: на схілах і па краях тэрас вялікіх і малых рэк, на поплаўных узвышшах [1, с. 261].

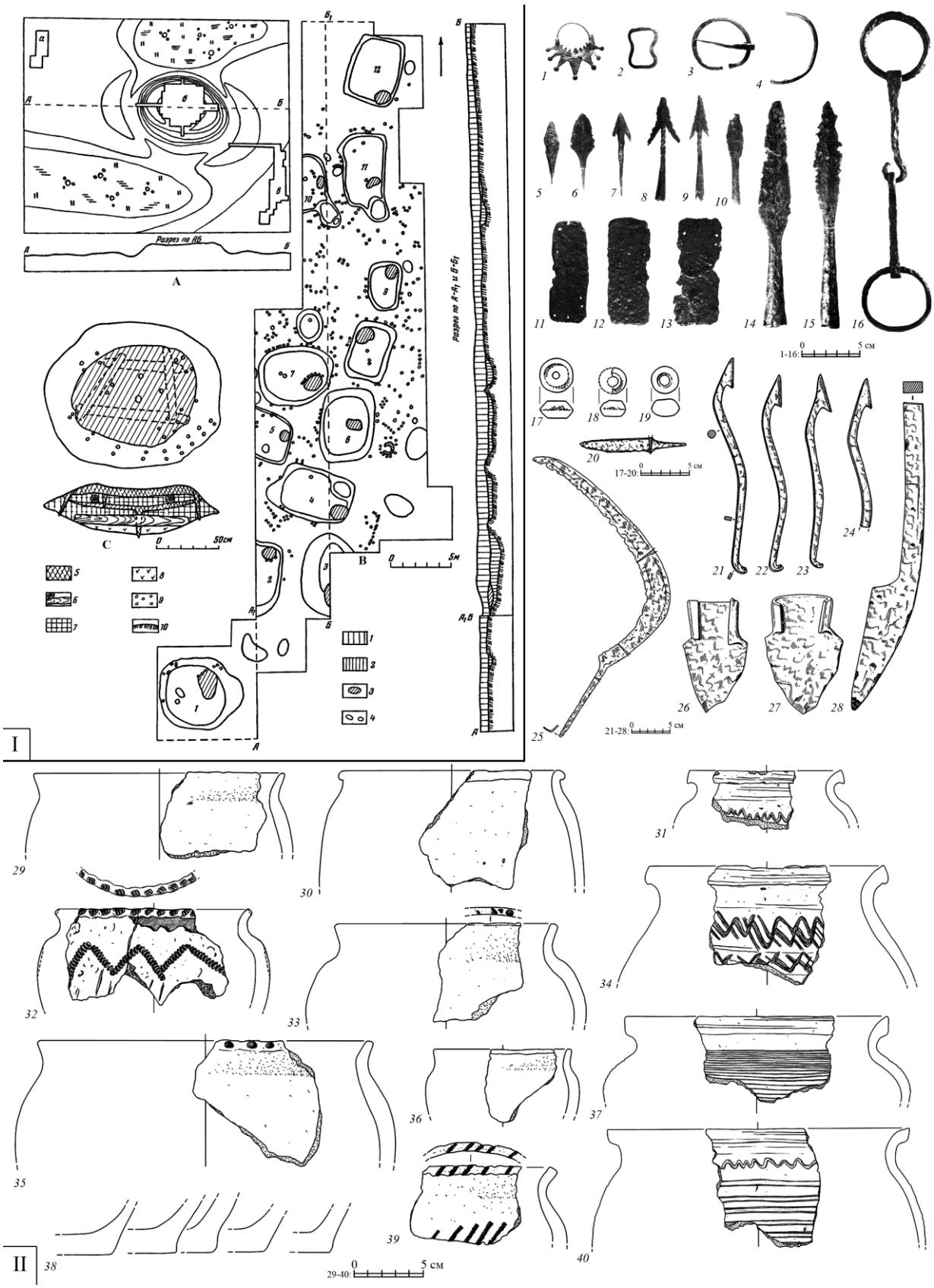
Паселішчы з матэрыяламі VIII–X стст. даследаваліся на тэрыторыі Заходняга (Скорбічы-2, Астрамечава, Нясвіла, Кашылава, Уладычыца, Радасць-2), Цэнтральнага (Курадава-1, Струга-1) і Усходняга Палесся (Снядзін-3, Петрыкаў-2, Юравічы-6, Слабодка-1, Барыскавічы-1), а таксама ў Гомельскім Падняпроўі (Гомель, Чачэрск, Нісімкавічы-2) [2, с. 45–46; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Ва Усходнім Палессі матэрыялы славянскіх культур 2-й паловы I тыс. н. э. найбольш поўна прадстаўлены на паселішчах каля в. Снядзін Петрыкаўскага раёна Гомельскай вобласці (Мал. 1: I) [3; 11; 12]. На Снядзіне-3 у 2012–2013 і 2015 гадах былі даследаваны тры жылыя пабудовы, якія ў верхнім запаўненні ўтрымлівалі фрагменты ляпных пасудзін райкавецкай культуры, арнаментаваных пальцавымі ўцісканнямі па краі венца, а таксама раннекругавых, з лінейна-хвалістым арнаментам (Мал. 1: II) [6].



Мал. 1. I) Сітуацыйны план размяшчэння паселішчаў і грунтовага могільніка каля в. Снядзін (паводле В. С. Вяргей). II) 1-2 – Снядзін-3. 2012 г.; 3-7 – Снядзін-3. 2015 г.

Фрагменты ляпных (1–2; 6) і раннекругавых (5; 7) пасудзін, фрагменты гліняных праселак (3–4).



Мал. 2. I) Гарадзішча і селішча каля в. Хотамель. А – план размяшчэння гарадзішча і селішча: а, б, в – раскопы; В – агульны план раскопа на ўсходнім селішчы; С – план і разрэз печы з жытла 4 на селішчы. II) Знаходкі з гарадзішча і селішча Хотамель

1 – культурны пласт; 2 – запаўненне ям; 3 – развалы печаў; 4 – ямы ў мацерыку; 5 – попел, вуголле; 6 – рэшткі дрэва; 7 – гліна; 8 – рэшткі вогнішча; 9 – ямкі ад слупоў; 10 – мацярык. Паводле Ю. У. Кухарэнка

Самыя маштабныя раскопкі былі праведзены на гарадзішчы і селішчах V–XI стст. каля в. Хотамель Столінскага раёна Брэсцкай вобласці (Мал. 2). Археалагічны комплекс размешчаны на правым беразе р. Гарынь (правы прыток Прыпяці), займае заходні ўзвышаны край пясчанай дзюны ў балоцістай мясцовасці. Пляцоўка гарадзішча мае авальную форму, памеры 30 х 40 м, абкружана валам. У 1954–55, 1957 гадах яно было даследавана амаль цалкам – на плошчы 932 м, таксама была зроблена прарэзка вала. З усходу і захаду да гарадзішча прымыкаюць адначасовыя селішчы. Раскопкі на іх праводзіліся ў 1955–56, 1964 гадах, даследавана 1590 м кв. [13; 14; 2, с. 42–43].

Культурны пласт гарадзішча Хотамель падзелены попельна-вугальнай праслойкай – пластом пажарышча – на два храналагічныя гарызонты. У ніжнім утрымліваецца пераважна ляпная кераміка пражскай культуры (другая палова IV–VII ст.), у верхнім – фрагменты ляпных і раннекругавых пасудзін райкавецкай культуры, а таксама кругавы посуд X – пачатку XI ст. [13; 2]. Па керамічных матэрыялах з гарадзішча і селішчаў І. П. Русанава распрацавала першую тыпалогію і карэляцыю відаў ляпной і раннекругавой керамікі, характэрнай для раннеславянскага насельніцтва Правабярэжжа Дняпра [15; 2].

На хотамельскіх селішчах выяўлены рэшткі 17-ці жылых пабудоў, гаспадарчыя ямы і асобныя печы. Амаль усе жытлы адносяцца да позняга этапу функцыянавання селішчаў – да VIII – пачатку XI ст. [2, с. 24]. Жытлы рэканструююцца як паўзямлянкі прамавугольнай у плане формы плошчай 14–25 м кв., большасць з іх арыентавана сценамі па баках свету. Яны заглыблены ў мацярык на 0,2–0,5 м. Сцены былі зроблены з двайнога раду плятня, абмазанага глінай. Жытлы ацяпляліся глінабітнымі печамі купалападобнай формы, збудаванымі на драўляным каркасе. Печы размяшчаліся часцей за ўсё ў паўночна-ўсходнім куце [13, с. 24–27]. У цэлым, такі тып домабудаўніцтва не характэрны для носьбітаў райкавецкай культуры. На паселішчах Правабярэжнага Падняпроўя і Паднястроўя ўзводзілі ў асноўным паўзямлянкі слупавай ці зрубнай канструкцыі, якія ацяпляліся печчу-каменкай [1, с. 266–275].

У ранні перыяд існавання – у трэцяй чвэрці I тыс. н. э., гарадзішча Хотамель мела простую сістэму ўмацаванняў: яго схілы былі эскарпаваныя, а пляцоўка абнесена па перыметры драўлянай сцяной. У позні перыяд, які прыпадае ўжо на старажытнарускі час, каля падэшвы гарадзішча з’явіліся знешнія валы і рвы. Таксама былі насыпаны валы на пляцоўцы [16]. Павялічылася і плошча селішча. У гэты час, мяркуючы па характару матэрыяльнай культуры, на гарадзішчы размяшчаліся прадстаўнікі вайскова-палітычнай эліты. Шэраг знаходак – сяміпрамянёвае скроневае колца, ліцейная форма, сведчаць аб тым, што Хотамель меў ролю лакальнага вытворчага і гандлёвага цэнтра [2, с. 9].

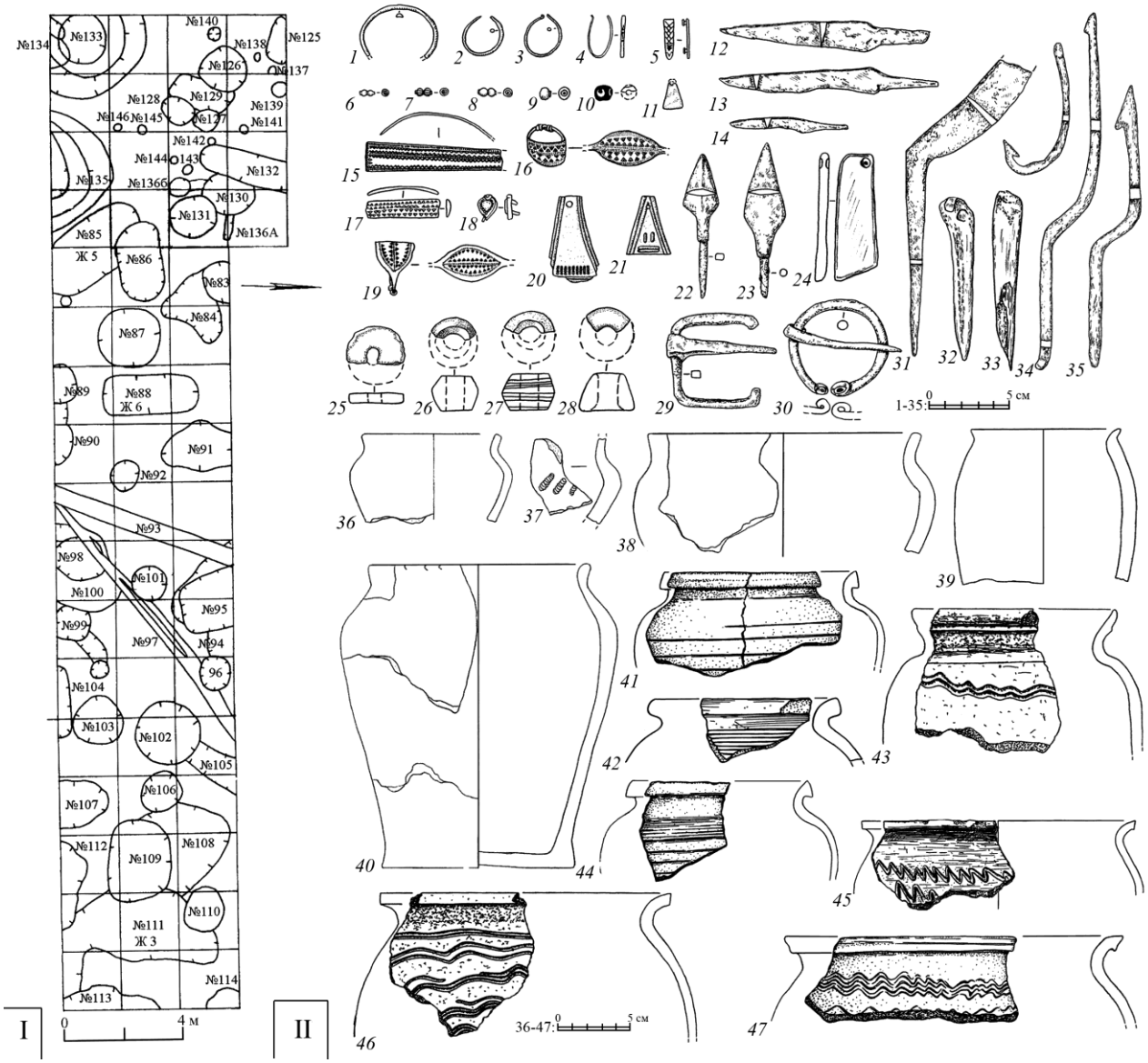
Другі помнік з матэрыяламі апошняй чвэрці I – пачатку II тыс. н. э., які быў даследаваны значнай плошчай – археалагічны комплекс каля г. п. Гарадзішча Пінскага раёна Брэсцкай вобласці (Мал. 3). Ён размешчаны ў іншых, чым Хотамель, тапаграфічных умовах – на высокім (12–14 м) мысе карэннай тэрасы ўсходняга берага возера Гарадзішчанскае (басейн р. Ясельда). Комплекс складаецца з гарадзішча памерамі 22 х 27 м і прылеглага сінхроннага селішча плошчай каля 4 га.

Упершыню гарадзішча абследаваў Р. Гарашкевіч у 1930-х гадах. У 1983 і 1986 гадах В. С. Вяргей правяла раскопкі на плошчы 208 м кв. У 1987–89 і 1990–99 гадах В. С. Вяргей і А. В. Іоў даследавалі на селішчы каля 1000 м кв. [17]. Падчас раскопак на селішчы было выяўлена 150 гаспадарчых і слупавых ям, з якіх каля 50-ці датаваны VIII–X стст., а таксама рэшткі шасці наземных жылых пабудоў зрубнай канструкцыі. Апошнія мелі плошчу каля 30 м кв. і ацяпляліся глінянымі печамі ды печамі-каменкамі.

Час існавання Гарадзішчанскага комплексу вызначаецца даследчыкамі ў межах канца VIII – пачатаку XI ст. Асноўную масу археалагічных знаходак складаюць рэчы апошняга перыяду функцыянавання паселішча (X – пачатак XI ст.), гэтым жа часам датуюцца і рэшткі выяўленых жылых пабудоў [17, с. 122]. Тапаграфія помніка, рэчавы комплекс, у якім прысутнічаюць рамесныя вырабы як мясцовага, так і блізкаўсходняга,

цэнтральнаазіяцкага і заходнееўрапейскага паходжання (упрыгажэнні, зброя, рыштунак каня і вершніка, прылады працы і прадметы побыту), сведчаць аб тым, што паселішча з'яўлялася гандлёва-рамесным цэнтрам, ці «протагорадам». Яго статус вызначаўся месцазнаходжаннем на ўчастку еўразійскага воднага шляху з Прыбалтыкі ў Чорнае і Каспійскае моры [17, с. 112–120].

Пахавальныя помнікі канца I – пачатку II тыс. н. э. на тэрыторыі Паўднёвай Беларусі вывучаны вельмі слаба. З прадстаўнікамі райкавецкай культуры ў заходняй частцы Беларускага Палесся звычайна звязваюць курганныя могільнікі каля вёсак Радасць, Войская (Камянецкі раён), Бярэзніца (Пружанскі раён), Шэбрын (Брэсцкі раён), Струга (Маларыцкі раён) і інш. [2; 18]. Падкурганныя пахаванні прадстаўлены двума тыпамі: рэшткі крэмацыі змяшчаліся на рытуальных вогнішчах на гарызонце або ў насыпе. Зафіксаваны канаўкі, якія абкружалі пахаванні, а таксама агароджы з гарызонтальна ляжачых бярвёнаў. Пахавальны інвентар прадстаўлены жалезнымі нажамі і спражкамі, таксама ў насыпах сустракаюцца фрагменты ляпных і кругавых пасудзін [3, с. 340]



Мал. 3. I) Гарадзішча на Ясельдзе. Зводны план мацерыка на селішчы ў раскопах 1991–1993, 1998 гг.; II) Знаходкі з гарадзішча і селішча каля г.п. Гарадзішча на Ясельдзе.

Паводле А. В. Іова, В. С. Вяргей

Мал. 4. I) Размяшчэнне курганнага могільніка Радасць-1 і паселішча Радасць-2

Аснова – спадарожнікавы здымак сістэмы Google Earth.

II) Курган з курганнага могільніка Радасць-1.

Паводле: І. П. Русановай

III) Паселішча Радасць-2. Археалагічныя матэрыялы VIII–X ст., знойдзеныя падчас раскопак у 2012 і 2016 гг.

Даследаванні В. Г. Беляўца (1–2; 4; 6; 11–13) у 2012 г. Даследаванні А. Ф. Касюк (3; 5; 7–10) у 2016 г. 1 – касцяная праколка; 2 – глінянае праселка; 3-13 – фрагменты раннекругавых пасудзін.

Арэал райкавецкай культуры ўключае зону рассялення летапісных плямёнаў палян, драўлян, валынян (дулебаў, бужан), улічаў, харватаў, ціверцаў. Тыпалагічная аднастайнасць помнікаў ускладняе вылучэнне лакальных асаблівасцяў, якія б дазволілі размежаваць тэрыторыі племянных княжэнняў. Пытанням высвятлення тэрыторыі і атаясамлівання ўсходнеславянскіх груп плямёнаў з вылучанымі археалагічнымі культурамі прысвечаны грунтоўныя даследаванні [19; 20; 21]. У гэтай галіне перспектыву можа мець праца з старажытнасцямі апошняй чвэрці I – пачатку II тыс. н. э. з правабярэжжа Заходняга Буга. Каля в. Радасць Камянецкага раёна Брэсцкай вобласці, на левым беразе р. Лясная размешчаны шырока вядомы ў літаратуры курганны могільнік Радасць-1 (Мал. 4: I–II) [2, с. 45]. У 1960-х гадах І. П. Русанава і Ю. У. Кухарэнка даследавалі тут тры курганы з трупаспаленнем. У 1980, 1985 гадах могільнік абследавала Т. М. Каробушкіна. Рэшткі крэмацый змяшчаліся ў насыпах курганоў на вогнішчах. У адным з курганоў перапаленыя косткі знаходзіліся ў паўднёва-заходнім куце драўлянага прамавугольніка памерамі 2,6 х 3 м, які быў арыентаваны па баках свету. У насыпах, асабліва на вогнішчах, знойдзены фрагменты грубых ляпных гаршкоў і раннекругавых з лінейным і хвалістым арнаментам. Усе яны маюць вострыя сколы і належаць розным пасудзінам. У кургане 1 была знойдзена жалезная спражка. Даследчыкі датуюць могільнік VIII–X стст. і адносяць да «парных» курганоў валынян [22; 2, с. 45; 23].

Побач з курганным могільнікам размешчана сінхроннае паселішча Радасць-2 (Мал. 4: I). Помнік выявіў у 1964 г. Л. Д. Побаль. Асноўныя даследаванні на ім былі праведзены ў 1997–1999 і 2012 гадах В. Г. Беляўцом [24], у 2016 г. раскопкі правяла А. Ф. Касюк. Амаль на ўсіх раннекругавых пасудзінах з паселішча Радасць-2 маецца арнамент у выглядзе штампа на шыйцы ў спалучэнні з хвалямі і лініямі па тулаву (Мал. 4: III. 5, 7–9). Паселішчы, размешчаныя ў басейне р. Лясная, якія былі выяўлены ў пачатку 1990-х гадоў В. С. Вяргей, утрымліваюць такую ж кераміку (паселішча Вістычы-2 і інш.) [25]. На раннекругавых пасудзінах з помнікаў Цэнтральнага і Усходняга Палесся такі тып арнаментацыі не сустракаецца.

У выніку прасоўвання носьбітаў пражскай культуры ў канцы VII ст. на поўдзень і ўзаемадзеяння з прадстаўнікамі пянькоўскай культуры (сярэдзіна V–VII ст.), у Сярэднім Падняпроўі сфарміраваліся помнікі тыпу Сахноўкі. У цяперашні час гэтыя старажытнасці адносяць да ранняга этапу райкавецкай культуры на азначанай тэрыторыі [26, с. 121–123; 27, с. 75; 28 с. 10–42]. Лесастэпавыя раёны Дняпроўскага Левабярэжжа займалі валынцаўская (VIII–IX стст.) і роменская (VIII–X стст.) культуры [21]. Некаторыя даследчыкі адзначаюць блізказць ранніх старажытнасцяў тыпу Лукі-Райкавецкай–Сахноўкі і Валынцава паміж сабой па асноўных характарыстыках археалагічнага комплексу і лічаць іх з'явамі аднаго культурнага кола [1, с. 276–277; 29]. У наборах керамікі з палескіх паселішчаў, акрамя ўласна посуду райкавецкай культуры, адзначана і кераміка вышэйпералічаных культур. Фрагменты пасудзін валынцаўскага тыпу былі зафіксаваны на Гарадзішчанскім паселішчы [17, с. 52–67], таксама ў жытлах 2 і 5 на селішчы Петрыкаў-2 [7]. У керамічных комплексах Хотамеля і Гарадзішча ўтрымліваецца невялікая колькасць фрагментаў пасудзін з «вяровачным арнаментам», які быў характэрны для роменскай культуры (Мал. 2: II. 32, 39; 3: II. 37). Набор пасудзін, атрыманы падчас раскопак на паселішчы Барыскавічы-1, адлюстроўвае керамічныя традыцыі сахноўскага этапу райкавецкай культуры. На помніках з тэрыторыі Гомельскага Падняпроўя таксама адзначана прысутнасць матэрыялаў сахноўскага этапу, валынцаўскай і роменскай культур [9, с. 22–31; 10].

Храналагічныя межы райкавецкай культуры вызначаюцца шляхам спалучэння дадзеных адноснай (супастаўленне зменаў у керамічным комплексе: формаў пасудзін, венцаў, арнаментацыі) і абсалютнай датыроўкі (датуючыя рэчы з закрытых комплексаў, матэрыялы археамагнітнага і радыёкарбоннага метадаў) [28, с. 12]. У развіцці культуры вылучаюцца два храналагічныя этапы: ранні (канец VII–VIII ст.) і позні (IX–X стст.) [2, с. 18–21; 30, с. 85–112; 31 с. 92–94].

Райкавецкая культура сфарміравалася ў канцы VII – пачатку VIII ст. на аснове пражскай (пражска-карчакскай). Яе пачатковы этап характарызуюць керамічныя комплексы з ляпнымі гаршкамі, блізкімі па выглядзе да керамікі пражскай культуры, але больш таўстасценнымі, з выразна прафіляванай верхняй часткай [2, с. 13–15]. Пасудзіны часта ўпрыгожаны па венцах пальцавымі ўцісканнямі, зашчыпамі, ямкамі, насечкамі. З'яўленне арнаменту ў выглядзе пальцавых уціскання лічыцца досыць надзейным храналагічным індыкатарам VIII ст. [32; 28, с. 12–15]. У керамічных комплексах райкавецкай культуры з тэрыторыі Беларусі выкарыстанне гэтага арнаментальнага матыву атрымала найбольшае распаўсюджанне ва Усходнім Палессі – такі арнамент мела палова ляпных пасудзін, выяўленых на паселішчы Барыскавічы-1. Досыць часта ён сустракаецца на паселішчы Снядзін-3 (Мал. 1: II. 1–2), на помніках Гомельскага Падняроўя [10]. Па меры руху на захад гэтая традыцыя паступова згасае. У Цэнтральным Палессі – на Хотамелі, арнамент з пальцавых уціскання па краі венца сустракаецца, але ўжо ў меншай ступені адносна ўсёй колькасці выяўленай керамікі (Мал. 2: II. 33; 35). Далей на захад, на Піншчыне, на паселішчы Курадава-1 раннекругавыя пасудзіны былі арнаментаваныя насечкамі па краі венца [4]. І, нарэшце, на кераміцы з помнікаў Заходняга Пабужжа, арнамент з пальцавых ўціскання не адзначаны зусім.

Позні этап райкавецкай культуры прадстаўлены керамічнымі комплексамі, у якіх ляпны посуд суіснуе з раннекругавой керамікай [28]. Асноўныя рысы матэрыяльнай культуры ўсходніх славян VIII–IX стст. працягваюць існаваць у старажытнарускай культуры X ст., што сведчыць аб гістарычнай паслядоўнасці развіцця ўсходняга славянства.

БІБЛІЯГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / В. Д. Баран, Е. В. Максимов, Б. В. Магомедов и др. Киев: Наукова думка, 1990.

2. Русанова И. П. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом. Москва: Наука, 1973.

3. Вяргей В. С. Помнікі тыпу Лука-Райкавецкая на Беларусі // Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск, 1999.

4. Белявец В. Г., Вяргей В. С.Курадава-1 – шматслойнае паселішча з Цэнтральнага Палесся // МАБ. 2002. Вып. 5.

5. Вергей В. С. Раннеславянское поселение Струга-1 на нижней Горыни // Archaeoslavica 2. Kraków, 1993.

6. Вяргей В. С., Касюк А. Ф. Даследаванні ў 2012 г. паселішчаў каля в. Снядзін у Петрыкаўскім раёне // МАБ. 2014. Вып. 25.

7. Вяргей В. С., Трымер В. Раннеславянскае паселішча Петрыкаў-2 на р. Прыпяць // ГАЗ. 2003. № 18.

8. Касюк А. Ф. Асноўныя вынікі археалагічных даследаванняў на Палессі ў 2011 г. // МАБ. 2013. Вып. 24.

9. Макушников О. А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2009.

10. Макушников О. А. Колочинская культура в Гомельском Поднепровье и сменяющие её памятники VIII–IX вв. // КСИА. 2014. Вып. 235.

11. Вяргей В. С. Металургічны комплекс на раннеславянскім паселішчы Снядзін-2 // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель, 2004.

12. Вяргей В. С. Жытло і культавы аб'ект гарызонту пражскай культуры на паселішчы Снядзін-3 на р. Прыпяць у Петрыкаўскім раёне // Древняя история Восточной Европы. Минск, 2009.

13. Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья. Москва: Наука, 1961.

14. Русанова И. П. Отчёт о раскопках на поселении около с. Хотомель Брестской области в 1964 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 252.

15. Русанова И. П. Археологические памятники второй половины I тыс. н.э. на территории древлян // СА. 1958. № 4.

16. Еремеев И. И. О фортификации городищ пражской культуры Белорусского Полесья // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том I. Санкт-Петербург–Москва, 2009.

17. Іоў А. В., Вяргей В. С. Старажытнае паселішча на Ясельдзе. Мінск: Беларус. навука, 2012.

18. Коробушкина Т. Н. Курганы Белорусского Побужья X–XIII вв. Минск: Наука и техника, 1993.

19. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Москва: Наука, 1982.

20. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Москва: Наука, 1982.

21. Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и её предшественники). Киев: Наукова думка, 1975.

22. Русанова И. П. Раскопки курганов на Волыни // АО 1969 года. Москва, 1970.

23. Каробушкіна Т. М. Радасць, курганны могільнік // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыкл. Мінск, 1993.

24. Белявец В. Г. Беларускае Заходняе Палессе ў перыяд правінцыйнарымскіх уплываў – стан і перспектывы даследаванняў // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. Warszawa, 2004.

25. Вяргей В. С., Крывальцэвіч М. М. Справаздача аб палявых даследаваннях у Камянецкім, Брэсцкім, Столінскім раёнах Брэсцкай вобласці, Жыткавіцкім і Петрыкаўскім раёнах Гомельскай вобласці ў 1991 годзе / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 1392.

26. Приходнюк О. М. Археологічні пам'яткі Середнього Подніпров'я VI–IX ст. н.е. Київ: Наукова думка, 1980.

27. Приходнюк О. М. Пеньковская культура: культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж: Воронежский ин-т, 1998.

28. Михайлина Л. П. Слов'яни VIII–X ст. між Дніпром і Карпатами. Київ: Інститут археології НАН України, 2007.

29. Обломский А. М., Щеглова О. А. Некоторые особенности культуры памятников волынцевского типа и спорные вопросы их происхождения // Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Москва, 1996.

30. Русанова И. П. Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. Москва: Наука, 1976.

31. Максимов Е. В., Петрашенко В. А. Славянские памятники у с. Монастырёк на Среднем Днепре. Киев: Наук. думка, 1988.

32. Петрашенко В. О. Слов'янська кераміка VIII–IX стст. Правобережжя Середнього Подніпров'я. Київ: Наук. думка, 1992.

ПРАБЛЕМА ХРАНАЛАГІЧНАЙ СТРАТЫФІКАЦЫІ XVI СТ. (ПА МАТЭРЫЯЛАХ З ПОЛАЦКАГА ПАДЗВІННЯ)

М. В. Клімаў

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, г. Мінск, Беларусь

Калі звярнуцца да публікацый айчынных даследчыкаў, у якіх утрымліваюцца матэрыялы XVI ст., то складаецца ўражанне, што XVI ст. добра прадатавана. Але неабходна прызнаць, што такое бачанне выглядае даволі павярхнёвым, бо ў большасці публікацый магчыма сустрэць згадку пра датаванне ў межах XV–XVI стст., XVI ст., без якой-небудзь дакладнай храналагічнай стратыфікацыі, якая дазваляе вылучыць мікраперыяды. Напрыклад, ці можам мы казаць аб тым, што па матэрыяльнай культуры першая палова XVI ст. адрозніваецца ад другой паловы XVI ст.? Ці магчыма ў межах XVI ст. вылучыць першую, другую або трэцюю чвэрць стагоддзя? Ранейшыя публікацыі, у якіх змяшчаліся матэрыялы, датаваныя ў тым ліку і XVI ст., па-сутнасці, гэтага зрабіць не дазвалялі па некалькіх прычынах.

Па-першае, амаль не публікаваліся асобна комплексы ям, а толькі абагульненні па матэрыяльнай культуры па катэгорыях матэрыялаў, накшталт, вырабы з жалеза ці керамічныя вырабы. Нават пры публікацыі ям, за некаторымі выключэннямі, матэрыялы падаваліся сукупна. Для горада, такога, да прыкладу, як Полацк, публікацыя матэрыялаў ускладнялася наяўнасцю ў межах комплексаў рэчаў шырокага храналагічнага дыяпазона, што вынікала з характара гаспадарчай дзейнасці ў межах горада [1, с. 43, 57, 92].

Па-другое, прывязка матэрыялаў менавіта, да XVI ст. насіла выразна суб'ектыўны характар, бо у межах гарадоў ці паселішчаў даследчыкі не мелі магчымасці абаперціся на добра датаваныя комплексы. А пры амаль поўнай адсутнасці ілюстратыўных крыніц і малой долі пісьмовых, якія б характарызавалі матэрыяльнаю культуру беларускіх зямель у XVI ст., прыходзілася спасылацца на заходнееўрапейскія аналагі ў ідэнтыфікацыі рэчавага матэрыяла ці карыстацца наўгародскай шкалой храналогіі. Малую «ілюстратыўнасць» XVI ст. дэманструюць і некаторыя выданні, прысвечаныя гісторыі матэрыяльнай культуры больш шырокага перыяду. Напрыклад, у манаграфіі, якая распавядае аб побыце феадалаў Вялікага Княства Літоўскага XV – сярэдзіны XVII ст. для паказу адзення ў якасці асноўнай айчыннай ілюстратыўнай крыніцы выступае «Радзівілаўскі летапіс» і выявы асобных археалагічных артэфактаў, напрыклад, абутку, без дакладнай храналагічнай прывязкі [2, с. 168–173, 175–179, 182–183].

Зададзімся іншым пытаннем. Якія артэфакты дакладна маркіруюць пласт XVI ст.? Пры адказе на ўказанае пытанне ўсе артэфакты неабходна храналагічна вылучыць у чатыры групы. Першую групу (надалей, I група) складалі артэфакты, бытаванне якіх адбывалася ў XV ст. і мела працяг у XVI ст. Другую групу (надалей, II група) складаюць артэфакты, якія з'явіліся менавіта ў XVI ст., і перыяд іх бытавання не выходзіць за межы дадзенага храналагічнага адрэзка. Трэцяя група артэфактаў (надалей, III група) складаецца з шэрагу тых, якія з'яўляюцца ў культурным пласце і бытуюць у XVI ст., але яны характэрны і для пласта XVII ст. Чацвёртая група артэфактаў (надалей, IV група) – артэфакты ўніверсальнага гаспадарчага ўжывання без дакладна акрэсленых храналагічных рамак, якія амаль не змяняліся ў XV, XVI, XVII стст.[1] Звернемся да характарыстыкі ўказаных вышэй груп з асноўным акцэнтам на матэрыялах, выяўленых аўтарам падчас даследавання Полац-

[1] XV ст. і XVII ст. прыведзены ў прапанаваным разглядзе як храналагічна сумежныя XVI ст., і ў некаторых выпадках указаныя артэфакты групы I пачыналі бытаванне ў XIV ст. або раней па часе і працягвалі бытаваць без змен і ў XVIII ст. ці пазней, але разгляд дадзеных аспектаў не з'яўляецца мэтай прадстаўленага артыкула.

кага Падзвіння, якое акрэсліваецца як цэнтральная частка Беларускага Падзвіння, змешчаная паміж Віцебскім Падзвіннем і Браслаўскім Паазер'ем.

І група. Першую групу складалі артэфакты, бытаванне якіх адбывалася ў XV ст. і мела працяг у XVI ст., але храналогія бытавання указаных прадметаў не выходзіла за XVI ст. Такіх прадметаў няшмат, таму ўкажам на самыя вядомыя з іх шэрагу.

Сярод вырабаў з каляровых металаў назавём адметную фурнітуру некалькіх **тыпаў торба**ў, якія датаваліся канцом XV – першай паловай XVI ст. па матэрыялах Наўгародскай зямлі і характарызаваліся разнастайным наборам накладак [3, с. 42–45]. Да падобнай торбы дакладна адносіліся дзве накладкі (Мал. 1: А), выяўленыя ў межах помніка Лучна–1. Аналагічныя знаходкі вядомы сярод пад'ёмных матэрыялаў з тэрыторыі Полацка [4, с. 141, № 244; с. 151, № 265].

Пераходны перыяд ад XV да XVI ст. маркіруюць і замкі тыпу «Е», якія прыйшлі на змену замкам тыпу «Д» у XV ст. Заўважана, што храналагічная схема бытавання замкоў тыпу «Е» выкладзеная па наўгародскіх матэрыялах яшчэ ў 1959 г., цалкам адпавядае сітуацыі на Полаччыне і праявілася ў тым, што ў замках тыпу «Е», працягвалася выкарыстанне ключа тыпу «Д» [5, с. 87]. Даказана па матэрыялах з помніка Лучна–1 (комплекс ямы № 332-VII), што спалучэнне такіх элементаў як замок тыпу «Е» з ключом тыпу «Д» бытуе да сярэдзіны XVI ст. Таму просты разгляд ключоў тыпу «Д» у пласце у якасці адзнакі менавіта XV ст., на нашу думку, выглядае не зусім аб'ектыўным.

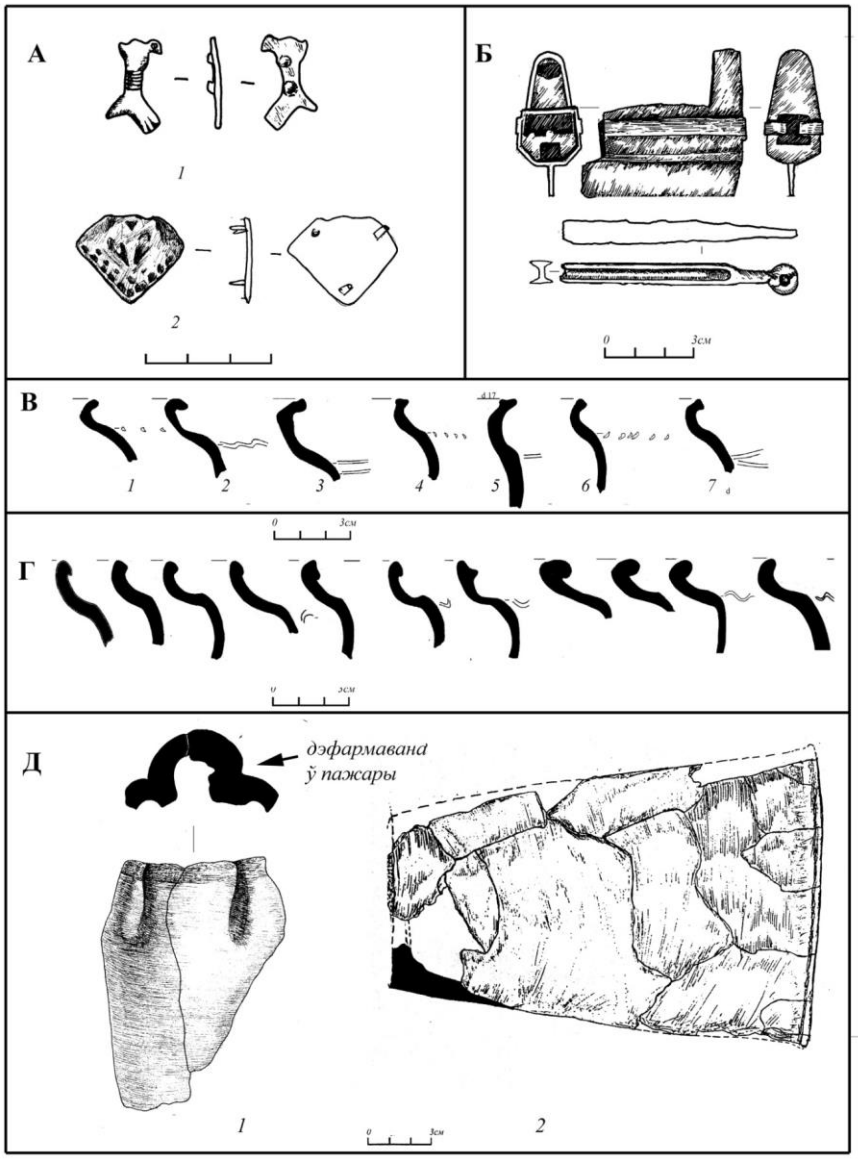
Керамічныя матэрыялы таксама маюць пэўны пераходны перыяд. Вельмі складана вылучыць тыпы гаршкоў, перыяд бытавання якіх акрэсліваецца другой паловай XV – пачаткам XVI ст., або канцом XV ст. – сярэдзінай, або другой паловай XVI ст. Няма публікацый адносна запаўнення ям, дакладнасць датавання якіх вызначаецца ў межах аднаго – пяці гадоў для мяжы XV–XVI стст.

Безумоўна, што храналогію мяжы XV–XVI стст. павінны былі маркіраваць манеты, але ў гэтым пытанні прасочваюцца пэўныя складанасці. Па матэрыялах Лучна–1, па-за межамі закрытых комплексаў XV ст., характэрна наяўнасць такіх манет, як дэнарыі (пенязі) Вітаўта, дэнарый Казіміра і пражскія грошы. Апошнія з іх ліку, аднесеныя да чаканкі Вацлава IV (апошні год чаканкі – 1378 г.), паходзілі і з запаўнення ям. Менавіта манеты Вацлава IV характарызуюць 2-гі перыяд абарачэння пражскіх грошаў у ВКЛ, які акрэсліваецца ў межах 1378–1492 гг. Нягледзячы на больш раннюю чаканку ў адносінах да дэнарыяў Вітаўта і Казіміра, бытаванне пражскіх грошаў не спынялася ў XV ст., а пераходзіла ў XVI ст. і нават у XVII ст., што пацвярджаецца знаходкамі ўказаных манет у скарбах, закапаных на тэрыторыі Беларусі і згадкай іх у пазнейшых дакументах [6, с. 412–414; 7, с 198]. У Лучна–1 пражскія грошы, выяўленыя ў запаўненні ям, маркіравалі перыяд да 1518 г., што не супярэчыць вышэй выкладзеным матэрыялам[2].

Іншы прыклад з Лучна–1, які сведчыць аб адноснасці даціроўкі па манетах «мяжы XV–XVI ст.» дэманструюць дэнарыі і паўгрошы Аляксандра Ягелончыка, якія чаканіліся на мяжы стагоддзяў (1492–1506 гг.). У межах даследаванай плошчы на помніку самыя познія па храналогіі комплексы ям, што вызначалася па сукупнасці матэрыялаў, мелі ў запаўненні паўгрошы Аляксандра Ягелончыка, а ў скарбе манет, захаванне якога адносіцца да 1551 г. (1552 г.), на тэрыторыі былой феадальнай сядзібы (III) Лучна–1 пасля яе знікнення 28 % манет (62 адзінкі) належылі да чаканкі Яна Ольбрахта (чаканка 1492–1501 гг.) і Аляксандра Ягелончыка [8, с. 158]. Прыведзены прыклад сведчыць аб тым, што храналагічная мяжа XV–XVI стст. не можа пацвярджацца выключна манетамі адпаведнай чаканкі, а значыць і керамічны посуд ў прадстаўленых ямах таксама можа датавацца ў больш шырокіх храналагічных межах, чым пачатак бытавання манет. Таму на помніку Лучна–1 для размежавання комплексаў канца XV ст. – 1551 (1552) г. выкарыстоўвася ком-

[2] У храналогіі існавання феадальных сядзіб на тэрыторыі Лучна–1 ў межах першай паловы XVI ст. вылучаецца тры фазы: А (да 1518 г.); Б (да 1535 г.); В (да 1551–1552гг.).

плексны аналіз, які ўлічваў тры вялікія перабудовы сядзібы ва ўказаны прамежак часу і аднатыпнасць некаторых артэфактаў, выяўленых у запаўненні розных ям. Напрыклад, у запаўненні ям апошняй фазы жыццядзейнасці (не пазней 1551 (1552) г.) цалкам адсутнічаюць фрагменты плітак з зялёнай палівай, якую не магчыма дакладна датаваць, аднак, яна ёсць у іншых ямах, звязаных з ранейшай перабудовай, такім чынам, пліткі выступалі ў якасці адноснага храналагічнага маркёра. Тое ж адбываецца з некаторымі відамі цэглы. Напрыклад, фрагменты цэглы некалькіх фарматаў прысутнічаюць у запаўненні адных ям і зусім не прысутнічаюць у запаўненні іншых ям. Так, вялікапамерная цэгла (таўшчыня 7–8 см) уласціва толькі для ям, блізкіх па храналогіі да 1551 (1552) г. Складанасць дакладнай храналагічнай прывязкі цэглы для перыяда канца XV – першай паловы XVI ст. пралягае ў адсутнасці дакладна датаваных пабудоў указанага перыяда ў Полацку або Віцебску. Напрыклад, пры даследаванні пабудовы, датаванай першай паловай XVI ст., у Полацку цэгла сярод матэрыялаў адсутнічала, былі выяўлены толькі керамічныя пліткі вакол печы [9, с. 91].



Мал. 1. Асобныя артэфакты групы I і II з помніка Лучна–1

А – накладкі на торбу; Б – замок тыпу «Е» і ключ тыпу «Д»; В – некаторыя тыпы венцаў гаршкоў з комплекса ямы № 7-I; Г – некаторыя тыпы венцаў гаршкоў з комплекса ямы № 332-VII; Д – некаторыя фрагменты гаршковай кафлі.

Але калі асобныя фарматы цэглы параўнаць з венцамі гаршкоў у запаўненні некаторых ям, выяўляюцца пэўныя заканамернасці, якія праяўляюцца ў наяўнасці ці адсутнасці акрэсленых тыпаў венцаў у ямах розных храналагічных падперыядаў. Такі падыход дазволіў вызначыць венцы, да якіх магчыма ўжыць «плавуючую» храналагічную мяжу, абазначаную як другая палова XV – пачатак XVI ст., напрыклад, з комплекса ямы № 7-І (мал. 1: В), і абазначыць эвалюцыю венцаў у межах першай паловы XVI ст., на чым мы спынімся ніжэй.

Да першай групы артэфактаў адносіцца і гаршковая кафля[3], бо бытаванне яе не перапынялася ў XV ст., што пацвярджаецца матэрыяламі з Заслаўя і Клецка [10, с. 324]. На помніку Лучна–1 былі выяўлены 3 падтыпы гаршковай кафлі, якія магчыма было датаваць у межах першай паловы XVI ст., і рэшткі дзвюх кафляных печаў па храналогіі блізкіх да сярэдзіны XVI ст. [11]. Матэрыялы з Лучна–1 дазволілі паказаць, што не існавала прамой эвалюцыйнай лініі развіцця гаршковай кафлі, пры якой адбывалася значнае памяншэнні вышыні кафлі (з 21–26 да 12–15см), за час з XIV да XV стст., як гэта лічылі некаторыя даследчыкі [12]. Гаршковая кафля з круглым вусцем, якая ў Лучна–1 па храналогіі блізкая да сярэдзіны XVI ст. мела румпы вышынёй да 20,5–21 см (Мал. 1: Д, 2). Разам з тым, было зафіксавана больш ранняе выпадзенне ў пласт гаршковай кафлі з квадрыфалійным вусцем (Мал. 1: Д, 1), што не супярэчыць агульнай храналогіі яе бытавання на шэрагу помнікаў Беларусі напрацягу XV ст. [13, с. 54].

ІІ група. Артэфакты гэтай групы сустракаюцца толькі ў межах XVI ст. Сярод вырабаў з чорнага метала нельга вылучыць прадметы, характэрныя, менавіта, выключна для XVI ст. Храналогія вырабаў з каляровых металаў, якія таксама лакальна фіксуюцца толькі ў межах XVI ст., застаецца таксама не распрацаванай.

Калі пакінуць па-за ўвагай манеты, якія ва ўсялякім разе заўсёды будуць указваць на ніжнюю храналагічную мяжу (аб чым разважанні прыведзены вышэй), застаюцца толькі некаторыя тыпы гаршкоў, якія з’яўляюцца і існуюць у XVI ст. (Мал. 1: В). Такія тыпы па матэрыялах Лучна–1 мелі некалькі прыкмет, сярод якіх адзначым наступныя: істотны нахіл венца ўнутр аб’ёму начыння з наяўнасцю дакладна выражанага рабра, якое аддзяляе шыйку ад плячука, у некаторых выпадках з гарызантальна размешчаным плячуком пры пераходзе ад шыйкі. Ю. А. Зайцам па матэрыялах з Заслаўя было адзначана з’яўленне дадзенага тыпу з першай паловы ці сярэдзіны XVI ст. [14, с. 76, мал. 55: 1-ІІІ-В]. У класіфікацыйных табліцах гаршкоў з Полацка, прапанаваных Д. У. Дукам, такія гаршкі храналагічна не лакалізуюцца, менавіта, толькі для XVI ст. і датуюцца па аналогіях у шырокім храналагічным прамежку XV–XVI стст. ці XVI–XVII стст. [15, с. 102–110, мал. 30, 31, 32]. Безумоўна, што неабходна прызнаць важнасць ва ўказанні даследчыка адносна працэнту посуду, выкананага на ручным ці нажным ганчарным коле пры храналагічным размежаванні керамікі першай і другой паловы XVI ст. [9, с. 91; 15, с. 101]. Аднак дакладна датаваны пласт у Полацку з’яўляецца праблемай. У іншых беларускіх гарадах толькі пры супастаўленні даных археалогіі і пісьмовых крыніц часам удаецца дасягнуць дакладнай храналогіі пласта, а значыць і керамічнага посуду ў ім. У гэтым сэнсе адносна XVI ст. паказальны прыклад Крычава, у якім ўдалося датаваць кераміку паміж 1535 г. і 1564 г. [16, с. 68, мал. 51]. У іншым выпадку, напрыклад, пры разглядзе гаршкоў паўночна-усходняй Беларусі першая палова XVI ст. у прадстаўленай класіфікацыі асобна не вылучалася [17, с. 32, таб. 2: група 1, Г, Д]. Адносна керамічных гаршкоў існуе і яшчэ адна праблема – умоўная мяжа паміж паняццем «другая палова» і «канец» XVI ст. не зусім вызначана. Якім чынам іх размежаваць па археалагічных матэрыялах?[4]

[3] У артыкуле адмыслова пакідаецца па-за ўвагай праблема храналогіі каробкавай кафлі, бо гэта пытанне вельмі складанае і патрабуе асобнага разгляду, да чаго звяртаўся шэраг даследчыкаў у ранейшых публікацыях.

[4] Зноў не акцэнтуем ўвагу на манетах з датай чаканкі ў межах XVI ст., бо гэта пытанне разглядалася вышэй.

III група. Артэфакты III групы з'яўляюцца ў культурным пласце і бытуюць у XVI ст., але характэрны і для пласта XVII ст. ці пазней.

Адным з красамоўных прыкладаў артэфактаў указанай групы з'яўлялася ваконнае шкло. Ваконнае шкло ўвозілася на тэрыторыю Беларусі і да XVI ст., аднак, з гэтага часу яно паступова шырока распаўсюджваецца ў гарадскім асяродку і ў феадальных сядзібах за межамі горада. Так, у Лучна – 1 фрагменты ваконнага шкла выяўлены, у асноўным, каля ямаў, ці ў ямах, звязаных з існаваннем жытлаў, якія будаваліся і існавалі ў 20-40-я гг. XVI ст. Тут фіксацыя выкарыстання шкляных вакон пацвярджаецца і знаходкамі свінцовых ваконных пераплётаў. У Полацку ваконнае шкло таксама выяўлена ў адной з пабудоў, якая датуецца першай паловай XVI ст. [15, с. 180].

Сярод жалезных вырабаў, якія з'явіліся менавіта на тэрыторыі Беларусі ў XVI ст. і ўвайшлі ў шырокі ўжытак не раней за гэты час, адзначым відэльцы [10, с. 269]. Іх згадка ў дакументах XVI ст. адносна зямель ВКЛ носіць «сціплы» характар. Так, у адным з маёнткаў у 1583 г. пералічваецца 37 лыжак, 24 нажы і толькі 6 відэльцаў [2, с. 153]. Таму і не павінна здзіўляць тое, што на помніках Полацкага Падзвіння адсутнічаюць добра датаваныя ямы XVI ст., у якіх назіраецца выпадзенне відэльцаў, што дазваляе нам казаць аб іх яшчэ малой распаўсюджанасці. Так, у культурным пласце Лучна–1, датаваным першай паловай XVI ст., назіраецца іх поўная адсутнасць, іншымі словамі, нават у межах феадальнай сядзібы ў азначаны перыяд відэльцы не ўвайшлі ў шырокі побыт. У пласце XVII–XVIII стст. відэльцы ўжо фіксуюцца, што падкрэслівае сітуацыя з культурным пластом Полацка [15, с. 151–152, мал. 56: 29; 18, с. 41, мал. 90: 1].

З XVI ст. ў культурным пласце паселішчаў пачынае прасочвацца інфільтрацыя керамічнага посуду з палівай, у асноўным, замежнай вытворчасці[5]. Для ўказанага часу назіраецца мінімальная колькасць такога посуду (1–3 % ад сукупнай колькасці), што выступае ў якасці адной з прыкмет указанага перыяда. У XVII ст. доля паліванага керамічнага посуду істотна ўзрастае, аб чым сведчаць некалькі прыкладаў. Так, на Узгорскім замку ў Віцебску, у гарызонце III, які датуецца мяжой XVI–XVII стст., яе колькасць павялічваецца да 13 % [19, с. 37]. У Полацку, у адной з пабудоў, якая датавалася не пазней 30–40-х гг. XVII ст., паліваны посуд складаў толькі 15,2 % [20, с. 127].

Застаецца пад пытаннем храналагічная прывязка да XVI ст. такіх артэфактаў, як люлькі для смалення, якія ў пласце XVII ст. традыцыйна прысутнічаюць.

IV група. Чацвёртая група артэфактаў уключае артэфакты, якія маглі прысутнічаць і ў пластах ад XV ст. да XVII ст., і пазней. Сярод артэфактаў дадзенай группы вельмі шмат рэчаў універсальнага гаспадарчага ўжывання без дакладна акрэсленых храналагічных рамак, сярод іх: скабяныя вырабы, шылы і іголкі, нажніцы, ланцугі, прылады для апрацоўкі глебы і збору ўраджая, рыбалоўныя прылады, працоўныя сякеры. Апошняя з груп знаходак для перыяду XV–XVII стст. істотна не змяняецца па форме пасля 60-х гг. XIV ст., калі пачынаюць бытаваць сякеры з прамакутным абухом, што фіксуецца па наўгародскіх матэрыялах [21, с. 163]. Па матэрыялах з тэрыторыі Полацкага Падзвіння нельга пакуль дакладна прасачыць храналагічныя змены у канструкцыі працоўных сякер, менавіта, у XVI ст.

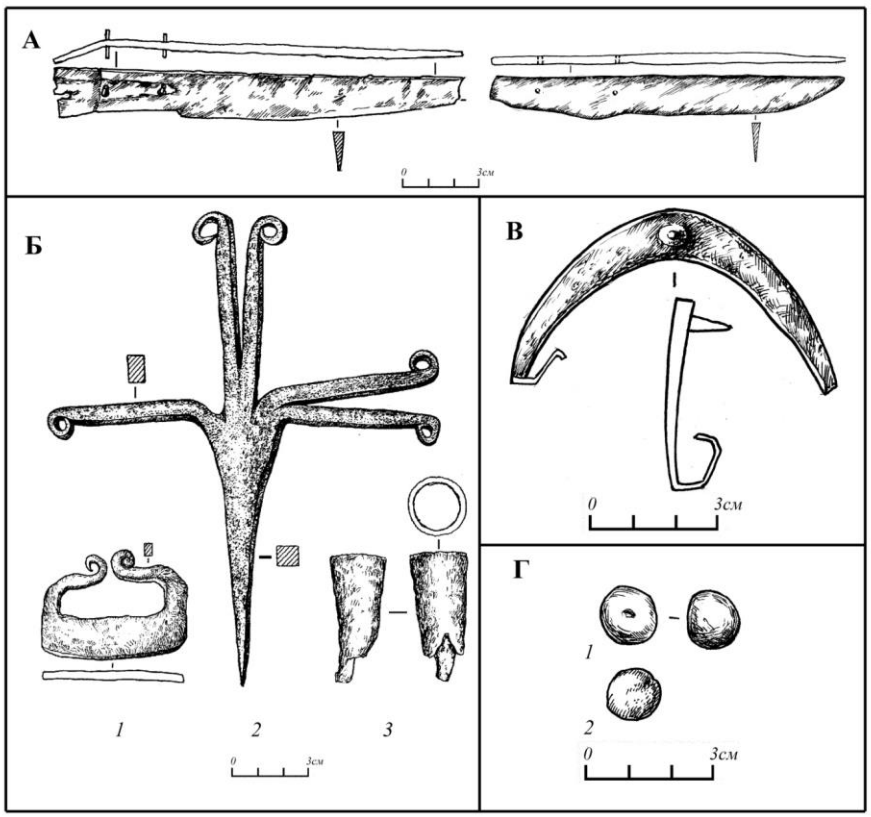
Падобная сітуацыя праяўляецца і адносна нажоў з накладнымі тронкамі. Адным з першых нажоў асаблівай канструкцыі быў экземпляр, выяўлены ў слоі XIV ст. у Лідскім замку [22, с. 128]. Тронкавыя нажы эвалюцыянавалі паступова, і складана аддзяліць тронкавыя нажы XV ст. ад тронкавых нажоў XVI ст. Разам з тым, нягледзячы на шырокія храналагічныя рамкі бытавання ў XVII ст., у іх форме прасочваюцца прыкметы, якія маюць храналагічны характар: звужэнне тронкавай часткі ў параўнанні з лязом ці з'яўленне прафіляванай шыйкі паміж лязом і чаранком [10, с. 268]. Сапраўды, пры параўнанні трон-

[5] У гэтым пытанні трэба ўлічваць сацыяльную стратыфікацыю грамадства і розныя тыпы паселішчаў, бо ў княжацкім ці магнацкім асяродку храналогія інфільтрацыі і яе памеры будуць адрозніваца ад мяшчанскага асяродка.

кавых нажоў з Лучна-1 і Полацка гэта храналагічная рыса добра прасочваецца. На помніку Лучна-1 вышэй указаныя прыкметы выражаны не істотна (Мал. 2: А). Але праводзіць дакладную храналагічную мяжу паміж падтыпамі, ўказанымі вышэй не зусім карэктна, неабходна ўлічваць тып паселішча і маёмасны стан ўладальніка прадмета, бо незаможная шляхта магла мець ва ўжытку простыя па форме прадметы.

Прылады здабывання агню і асвятлення памяшканняў таксама змяняліся вельмі павольна. Для XV–XVII стст. шырокае распаўсюджанне мелі пласцінкавыя крэсівы тыпу V, па класіфікацыі Г. М. Сагановіча [10, с. 271]. Яны добра вядомы па матэрыялах з Полацка, але дакладна храналагічна не прывязаны [1, мал. 90: 3; 23, с. 46; 24, с. 128]. У Лучна–1 падобныя крэсівы прысутнічаюць у запаўненні ям, якія датуюцца першай паловай XVI ст. (Мал. 2: Б, 1). Адносна перапынення бытавання пласцінкавых крэсіваў у XVII ст. нічога дакладна не вядома.

Яшчэ адной храналагічнай праблемай, якая закранае перыяд з XV па XVII стст. з'яўляецца пытанне аб суіснаванні лучнікаў і ражковых падсвечнікаў. Пакуль не ўяўляецца магчымым дакладна сказаць, калі канчаткова ў мяшчанскім асяродку лучнікі цалкам былі зменены ражковымі падсвечнікамі (Мал. 2: Б, 3), бо нельга лічыць лучнікі анахранізмам ў XVI ст. Трэба ўлічваць і сацыяльную стратыфікацыю грамадства, да якога сацыяльнага класа належыў жыхар той або іншай пабудовы. Так, пры даследаваннях старажытнай Дрысы (Верхнядзвінска) у адной з гаспадарчых ям, звязаных з пабудовай, якая датавалася папярэдне часам сярэдзіны – трэцяй чвэрці XVI ст., разам з такімі дарагімі рэчамі як шкляны посуд быў выяўлены трохрогі лучнік[6]. Такія лучнікі былі характэрны і для пласта Полацка або Лучна (Мал. 2: Б, 2), дзе іх храналогія ўключае XVI ст. і нават пазнейшы час [15, с. 157, мал. 54: 20, 22; 61: 4].



Мал. 2. Асобныя артэфакты групы IV з помнікаў Лучна–1 (А, Б, Г-1) і Сокал (В, Г-2)

А – тронкавыя нажы; Б – прылады асвятлення і здабывання агню; В – абутковая падкоўка; Г – свінцовыя кулі.

[6] Доследы аўтара 2018 г. знаходзяцца ў апрацоўцы.

Абутковыя падкоўкі могуць маркіраваць перыяд з XV да XVI стст. і пазней. Ранняя храналогія бытавання падковак у Полацку вызначаецца канцом XV–XVI ст. [25, с. 54]. У гэтым сэнсе важным фактам з'яўляецца поўная адсутнасць абутковых падковак на помніку Лучна-1, дзе іх «асяданне ў культурным пласце» яшчэ не адбылося ў дастатковай колькасці, якая б садзейнічала іх выпадковай згубе, а значыць магчыма казаць аб тым, што абутковыя падкоўкі ў першай палове XVI ст. не мелі яшчэ шырокага распаўсюджання сярод шырокіх колаў грамадства. Разам з тым, даследаванне аўтарам месцаў былых фартэцый перыяду Інфлянцкай вайны, Туроўля і Сокал, засведчыла канцэнтрацыю абутковых падковак у месцах прыжывання прадстаўнікоў стралецкага войска (Мал. 2: В). Такія падкоўкі былі характэрны і для XVII ст.

Адносную храналогію і для пласта XV–XVII стст. могуць складаць і замкі тыпу «Ж», якія пачалі ўжывацца з XV ст. паралельна з замкамі тыпу «Е». У XVI ст. яны працягвалі суіснаваць, і па апошніх доследах аўтара на помніках Гарадзішча і Сокал, храналогія якіх звязана з перыядам Інфлянцкай (Лівонскай) вайны, адзначаецца істотная прысутнасць замкоў тыпу «Е», якія як адзначалася раней, пераважаюць і на помніку Лучна–1. Такім чынам, перыяд вайны, па-сутнасці, кансерваваў сітуацыю з развіццём тыпаў рэчаў. Нам дакладна не вядомы час, калі дакладна замкі тыпу «Е» былі зменены замкамі тыпу «Ж», не трэба выключаць, што дадзены працэс падоўжыўся і ў XVII ст, бо менавіта тып ключа «Ж» пераважае на паселішчах Беларусі ў XVII ст. [26, с. 95].

З шэрагу вырабаў з каляровых металаў, якія, па-сутнасці, мелі ўніверсальную храналогію і для перыяду XV–XVII стст., укажам на свінцовыя кулі і шпількі «пус епі». Свінцовыя кулі мелі ў пэўнай ступені ўніверсальную форму, іх храналогію складана распрацаваць, што ўскладняецца малой колькасць помнікаў, дзе яны прывязаны дакладна да пэўнага перыяду. Апошнія даследаванні паселішчаў перыяду Інфлянцкай вайны, Гарадзішча (Туроўля) і Сокал, дазволіла зрабіць такую прывязку да пэўнага храналагічнага адрэзка, не пазней 1579 г. У Лучна–1 адна з куль выяўлена таксама ў пласце пажара, які датуецца часам не пазнейшым за 1551–1552 гг. Фармальны аналіз паміж куляй з Лучна–1 (Мал. 2: Г, 1) з аднаго боку і кулямі з Гарадзішча (Туроўлі) і Сокала (Мал. 2: Г, 2) нічога істотнага не дае.

Шпількі «пус епі», якія выкарыстоўваліся для мацавання жаночай хустачкі, былі вядомыя на шырокай тэрыторыі ў храналагічных межах XIV–XVIII стст. [27, с. 78]. Іх шмат было выяўлена ў Полацку, асабліва, у ювелірнай майстэрні першай паловы XVII ст. [28, с. 7, мал. 11; 29, с. 78–83].

Керамічныя вырабы часткова ў артыкуле ўжо аналізаваліся. З XV ст. і пазней былі характэрны такія новыя па форме пасудзіны як макотры і рынкі, якія існавалі і ў XVII ст., калі іх форма часткова змянілася, што пацвярджаюць і полацкія матэрыялы [15, с. 117–123]. У XVII ст. шырокае распаўсюджанне атрымалі талеркі, у межах Лучна–1 такі від посуду фіксуецца толькі ў выглядзе імпартнага ўзору, з шэрагу, так званай, «каменнай керамікі». Дакладнае з'яўленне такога посуду ў Полацкім Падзвінні не вядома. У табліцы, прысвечанай храналогіі Віцебска бытаванне такой керамікі абазначана ў межах XVI–XVIII стст. [17, с. 46, таб. 3]. У Лучна–1 розныя віды падобнага посуду дакладна фіксуюцца ў ямах, датаваных першай паловай XVI ст. Па прычыне істотнага кошту такі посуд ў побыце захоўвася напрацягу доўгага часу, што было характэрна не толькі для Усходняй, але і для Заходняй Еўропы. Таму для такой групы артэфактаў, як і для манет, важнай уяўляецца дата пачатку бытавання посуду.

Разгледжаная праблема храналагічнай стратыфікацыі XVI ст. па матэрыялах з Полацкага Падзвіння дазваляе зрабіць наступныя высновы.

Агляд артэфактаў па чатырох храналагічных групах засведчыў вельмі малую магчымасць для прывязкі пэўных прадметаў да дакладна датаваных гістарычных падзей у межах XVI ст., таму некаторыя рэчы мелі адносную храналагічную датыроўку. У сувязі з гэтым,

вылучэнне мікраперыядаў у межах XVI ст. носіць праблематычны характар. Такая сітуацыя ўскладняецца малой апублікаванасцю асобных закрытых комплексаў указанага перыяду.

Агляд асаблівасцяў выпадзення манет у межах помніка Лучна–1 указвае на тое, што іх перыяд актыўнага абарачэння і прысутнасць у межах ям не супадаюць, а тлумачацца канкрэтнай сітуацыяй знаходжання пэўнай сумы манет у пабудовах падчас катаклізму, у сувязі з чым пражскія грошы ў мацерыковых ямах маркіравалі ў межах паселішча не XV ст., а пачатак XVI ст., а дэнарыі і паўгрошы Аляксандра Ягелончыка не мяжу XV–XVI стст., а сярэдзіну XVI ст.

Разглядаючы эвалюцыю керамічных гаршкоў у XVI ст., адзначым, што істотныя складанасці існуюць у пытанні размежавання паняццяў «гаршкі канца XV – пачатку XVI ст.», ці гаршкоў «другой паловы XV – першай паловы XVI ст.», у некаторых выпадках такія паняцці змешваюцца і ўтрымліваецца не карэктнае з пункту гледжання храналогіі паняцце «гаршкі XV–XVI стст.». Разам з тым, дакладна магчыма казаць аб пэўных тыпах гаршкоў, якія з’явіліся ў першай палове XVI ст.

Храналагічныя рамкі бытавання некаторых прадметаў (IV група) не дазваляюць іх выкарыстоўваць для храналагічнай ідэнтыфікацыі XVI ст. Гэта праблема ўскладняецца тым, што ў побыце некаторыя артэфакты бытавалі істотны прамежак часу, пазней, чым былі выраблены.

БІБЛІЯГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Дук Д. У. Археалагічныя комплексы пасадаў Полацка IX–XVIII стст. (па выніках раскопак 2004–2012 гг.). Наваполацк: ПДУ, 2014.

2. Бохан Ю. М., Скеп’ян А. А. Побыт феадалаў Вялікага Княства Літоўскага ў XV – сярэдзіне XVII стагоддзя. Мінск: Беларусь, 2011.

3. Гайдуков П. Г., Коньков Ю. П. Славенский клад русских монет конца XV – начала XVI вв. // Всероссийская нумизматическая конференция. Вологда, 1993.

4. Археалагічныя знаходкі з асабістай калекцыі С. Л. Міхейкі: Каталог / укл. Н. Г. Лугіна. Віцебск, 2010.

5. Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65.

6. Бектинеев Ш. И. Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI веках: нумизмат. исслед. Минск: Беларуская навука, 2014.

7. Рябцевич В. Н. Нумизматика Беларуси. Мінск: Полымя, 1995.

8. Клімаў М. В. Манетныя скарбы XVI ст. з мікрарэгіёна Лучна // МАБ. 2006. Вып. 11.

9. Дук Д. У. Археалагічны комплекс «Пабудова першай паловы XVI ст.» (па выніках раскопак 2001–2002 гг. на Вялікім пасадзе г. Полацка) // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Полацк, 2003.

10. Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 4. / Пад рэд. В. М. Ляўко і інш. Мінск, 2001.

11. Клімаў М. В. Матэрыялы да рэканструкцыі печаў з посудападобнай кафляй // МАБ. 2003. № 7.

12. Паничева Л. Г. Изразцы и изразцовые печи из позднесредневекового Полоцка // СА. 1981. № 3.

13. Здановіч Н. І., Краўцэвіч А. К., Трусаў А. А. Матэрыяльная культура Міра і Мірскага замка. Мінск: Навука і тэхніка, 1994.

14. Заяц Ю. А. Заславль в эпоху феодализма. Минск: Наука и техника, 1995.

15. Дук Д. У. Полацк XVI–XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада. Наваполацк: ПДУ, 2007.

16. Мяцельскі А. А. Старадаўні Крычаў: гістарычна-археалагічны нарыс горада ад старажытных часоў да канца XVIII ст. Мінск: Беларус. навука, 2003.

17. Левко О. Н. Витебск. Минск: Беларус. навука, 2010.

18. Клімаў М. В. Справаздача аб археалагічным наглядзе і археалагічных раскопках на аб'екце «Будынак філіяла 3 216 ААТ "АСБ Беларусьбанк"» па вул. Ф. Скарыны ў 2009–2010 гг. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 2768.

19. Левко О. Н. Средневековое гончарство Северо-восточной Белоруссии. Минск: Навука і тэхніка, 1992.

20. Здановіч Н. Комплекс рэчаў з пабудовы XVI ст. з Полацка // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Полацк, 1998.

21. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. Москва, 1982.

22. Краўцэвіч А. К. Гарады і замкі Беларускага Панямоння XIV–XVIII стст.: Планіроўка, культурны слой. Мінск: Навука і тэхніка, 1991.

23. Тарасов С. В. Отчет о раскопках в г. Полоцке в 1986 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 953.

24. Тарасов С. В. Отчет об археологических исследованиях в Полоцке и Полоцкой округе в 1988 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 1084.

25. Магалінскі І. У. Абутковыя падкоўкі XV–XVIII стагоддзяў (па матэрыялах археалагічных даследаванняў у горадзе Полацку ў 2000–2008 гады) // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых даследаванняў (да 80-годдзя пачатку археалагічных раскопак у г. Полацку). Наваполацк, 2009.

26. Сагановіч Г. М. Кавальска-слясарскія вырабы з раскопак Крэўскага замка // Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі: новыя матэрыялы і даследаванні. Мінск, 1993.

27. Шаблюк В. У. Сельскія паселішчы Верхняга Панямоння ў XIV–XVIII стст. Мінск: Беларуская навука, 1996.

28. Дук Д. У. Выратавальныя археалагічныя раскопкі на тэрыторыі Вялікага пасада ў 2005 г. // Вест. Полоцк. гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. 2007. № 7.

29. Магалінскі І. У. Шпількі «пус епі» з тэрыторыі Полацка: класіфікацыя, храналогія і праблема паходжання // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплмнарных даследаванняў. Ч. 1. Наваполацк, 2011.

К ВОПРОСУ О ПЛАНИРОВКЕ И ЗАСТРОЙКЕ ГОРОДОВ XI–XVII ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (ПО ДАННЫМ РАСКОПОК ВЕРХНЕГО ЗАМКА ВИТЕБСКА И СЛУЦКА)

Л. В. Колединский

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь

Шестьдесят лет тому назад вышла публикация «Общая планировка и застройка раннефеодального города на территории БССР по археологическим данным» [1, с. 3–14]. Это была одна из первых публикаций Эдуарда Михайловича Загорульского, которая вышла вскоре после окончания им аспирантуры в Институте истории АН БССР. В то время ещё не были получены материалы по планировке и застройке Берестья, по планировке и застройке Витебска и Слуцка, не был введён в научный оборот и материал из раскопок Полоцка и Мстиславля. Материалом для написания данной публикации послужили тогда в основном данные раскопок Гродно [2, с. 34–35, 46–56] и Минска, как раскопок В. Р.Тарасенко [3, с. 207–232], так и исследовательских, обобщающих работ автора той публикации [4]. Эту публикацию удалось развить спустя сорок лет, когда уже были введены в научный оборот материалы раскопок Полоцка, Минска, Берестья, Пинска и Мстиславля [5]. Однако на то время ещё не были введены в научный оборот данные по планировке и застройке Витебска и Слуцка, где также имелся весьма репрезентативный материал по этой теме.

Данные по планировке и застройке Витебска XII – начала XIV в. известны в основном по результатам широкомасштабных раскопок его детинца и посада, Верхнего и Нижнего замков Витебска в XIV–XVIII вв. Материалы по планировке и застройке витебского посада отражены в обобщающей монографии [6, с. 37–59]. Материалы по планировке и застройке детинца – Верхнего замка Витебска и Слуцка, если не считать отдельных статей [7; 8; 9], пока не нашли отражения в обобщающих работах по археологии этих памятников. Посему, есть необходимость ещё раз вернуться к рассмотрению этого вопроса с учётом материалов раскопок Верхнего замка Витебска и Слуцка.

Верхний замок Витебска – историческое ядро современного города. Первые следы поселения здесь людей относятся еще к раннему железному веку. В эпоху раннего средневековья – это детинец летописного Витебска, позже – собственно Верхний замок, ныне – центральная часть города, ограниченная руслами рек Двина – Витьба и улицей Замковой.

На протяжении тысячелетней истории Верхнего замка здесь отложился культурный слой толщиной 6,5–7 м, иногда до 9–11 м, хорошо сохраняющий предметы из органики, в том числе и участки городской деревянной застройки XI–XVII вв., что позволяет судить о планировке и застройке этой части Витебска на протяжении более пятисот лет. В ходе археологических исследований 1977–1993 гг., проводившихся нами как совместно с М. А Ткачёвым, так и самостоятельно, была изучена площадь более 2000 кв. м. В ходе этих исследований на Верхнем замке Витебска было выявлено более сотни построек, относящихся к 16 строительным периодам.

Первый строительный период датируется IX – началом X в. В восточной части памятника располагалось древнее городище, служившее в это время, скорее всего, святилищем. В западной части на Двинской возвышенности находилось неукрепленное поселение. Здесь, на площади 32 кв. м (раскопки 1978 г.) выявлены дубовые сваи, очаги, хозяйственные ямы.

Второй строительный период охватывает X – начало XI в. Следы застройки этого периода выявлены, как и в предыдущем периоде, лишь в западной части памятника. На мысу Двинской возвышенности на площади 24 кв. м вскрыты остатки сруба, бревенчатый настил и развал глинобитной печи .В раскопках 1979 и 1983 гг. на площади в 90 кв. м встречены лишь остатки очагов.

Третий строительный период можно отнести к XI – началу XII в. Бытовая застройка вскрыта на Двинской возвышенности на площади 32 кв. м и представлена остатками двух срубов и развалом от печей-каменок. Остатки застройки приходятся почти на те же участки раскопа, что и в предыдущих строительных периодах. Вероятно, к этому времени относится и начало строительства церкви св. Михаила на Замковой горе

Четвертый строительный период приходится на 30–40-е гг. XII в. В этом периоде возводятся новые укрепления, которые охватывают первоначальный детинец и поселение на мысу. Детинец расширяется в западном направлении в сторону Западной Двины и достигает площади 4 га. На Замковой горе в это время уже стоит церковь св. Михаила.

Вероятно, в это же время начинается и бытовая застройка у подошвы Замковой горы и внутреннего (северного) склона оборонительного вала, так как в раскопе 1993 г., заложенном возле отмеченных выше мест, на глубине свыше пяти метров от уровня древней поверхности были вскрыты остатки сруба П-91, дендродата которого 30-е гг. XII в. Одним–двумя десятилетиями позже на этом же месте были сооружены две постройки, П-90 и П-89, рубленые в 1142–1147 гг. и 1157 г. соответственно.

Пятый строительный период можно отнести к 60–70 гг. XII в. Плотность его застройки очень редкая. В восточной части детинца на площади около 300 кв. м выявлен лишь один сруб, развал досок и бревен. В западной части – остатки вымостки из жердей и бревен. Пятому строительному периоду соответствует строительный ярус-II из раскопа 1978 г.

Шестой строительный период приходится на 80–90-е гг. XII в. Он представлен редкой застройкой (срубы, вымостки и пр.), обнаруженной в восточной части памятника, и соответствует строительному ярусу-10 в раскопе 1978 г. Насыщенность его строительными остатками плотнее. На площади около 300 кв. м выявлен сруб, перекрывающий более раннюю постройку. Неподалеку, вокруг него, имелся развал бревен от двух сооружений и остатки очага.

Седьмой строительный период – начало XIII в. – середина 30-х гг. XIII в. В отличие от предыдущих характеризуется плотной застройкой. В раскопе 1978 г. на площади 300 кв. м (строительный ярус-9) выявлены остатки восьми сооружений, из которых два жилых, четыре хозяйственных и два неопределимых по назначению. Один из срубов в точности повторяет месторасположение ему предшествующего сруба. Впервые выявлена в раскопе 1977 г. уличная мостовая, проложенная по склону Замковой горы в направлении запад–восток. Вероятно, в этот же строительный период осуществляется и подсыпка оборонительного вала вокруг детинца.

Восьмой строительный период – конец 30-х – середина 40-х гг. XIII в. представлен бытовой застройкой строительных ярусов-8 в раскопе 1978 г. и строительного яруса-5 в раскопе 1979 г. В раскопе 1978 г. резко уменьшается плотность застройки, изменяется ее планировка. На площади около 300 кв. м вскрыто одно жилище и три хозяйственные постройки, из которых два хлева, а в раскопе 1979 г. на площади 24 кв. м вскрыт один сруб. Кроме срубов имеются вымостки и частоколы, расположенные вдоль уличной мостовой (Ум-VI), выявленной в раскопе 1977 г. Мостовая проложена поверх более ранней. В целом, застройка этого периода не отличается большой плотностью.

Девятый строительный период приходится уже на вторую половину 40-х – конец 70-х гг. XIII в. Застройка детинца Витебска в этот период более плотная, чем в предыдущий. В раскопе 1978 г. строительному периоду-9 соответствует строительный ярус-7, где на площади 260 кв. м вскрыты остатки трех срубов, дворовые вымостки и частокол. В рас-

копе 1979 г. – строительный ярус-4, в котором на площади 40 кв. м вскрыты остатки двух срубов. В раскопе 1983 г. – строительный ярус-2, где на площади около 100 кв. м вскрыто два сруба, один из которых являлся жилищем, а также частокол и строительный развал. Формирующим элементом строительного периода-9 является уличная мостовая (Ум-V в раскопе 1977 г.), проложенная поверх мостовой 8-го периода. В раскопе 1993 г. этому строительному периоду будут соответствовать остатки конструкций 6-го строительного яруса, т. е. П-87 и П-88, расположенных прямо на месте отмеченных выше П-89 и П-90. Время рубки П-87 определено как 1248–1249 гг.

Десятый строительный период охватывает 80-е гг. XIII в. – середину 30-х гг. XIV в. Это самый насыщенный строительными остатками период. В строительном ярусе-6 раскопа 1978 г. на площади свыше 600 кв. м вскрыто два десятка построек жилого и хозяйственного назначения, из которых 6 жилищ, 6 хлевов и 8 клетей, дворовые вымостки и частоколы. В раскопе 1979 г. ему соответствует строительный ярус-3, где на площади около 80 кв. м вскрыт сруб и частоколы, а в раскопе 1983 г. – строительный ярус-1, где на площади около 100 кв. м вскрыты 6 построек, частоколы и дворовые вымостки. Определяющим элементом планировки по-прежнему остается уличная мостовая, уложенная на более раннюю (Ум-IV из раскопа 1977 г.). Вероятно, к этому строительному периоду можно отнести и строительные ярусы 5 и 4 раскопа 1993 г., где вскрыта уличная мостовая из бревен рубки 1280 г. и срубы, время рубки которых 1282–1292 гг. Они в точности повторяют местоположение предшествующих им на этом месте построек. В конце означенного периода по периметру вала древнерусского детинца начинается возведение каменных укреплений.

Строительный период 11 начинается с середины 30-х гг. XIV в. и длится до начала 20-х гг. XV в. По насыщенности он уступает предыдущему. Вскрыта уличная мостовая (Ум-III в раскопе 1977 г.), уложенная поверх предшествующей мостовой. Бытовая застройка представлена срубами, дворовыми вымостками, частоколами. В большинстве своем срубы располагаются поверх более ранних сооружений. В раскопе 1978 г. этому строительному периоду соответствует строительный ярус-5, в котором на площади свыше 600 кв. м вскрыто 5 построек, из которых одна – жилище. В раскопе 1979 г. – строительный ярус-2, где на площади около 100 кв. м вскрыто три постройки, из которых одна жилая. В раскопе 1993 г. этому строительному периоду может соответствовать строительный ярус-3, дендродаты построек которого 1362–1384 гг. Срубы этого яруса П-81 и П-82, П-83 и П-84 в точности повторяют местоположение предшествующих им построек. В 50-е гг. XIII в. завершено возведение каменных стен вокруг детинца, который с этого времени получает название Верхний замок Витебска. По-видимому, к этому же времени можно отнести и сооружение на Верхнем замке Витебска каменных палат Ольгерда.

Строительный период 12 приходится на 20-е – начало 80-х гг. XV в. Он отличается редкой застройкой. Уличная мостовая (Ум-II в раскопе 1977 г.) повторяет местоположение предыдущей мостовой. В раскопе 1978 г. строительному периоду 12 соответствует строительный ярус-4, где на площади свыше 600 кв. м вскрыто одно жилище, одна клеть и дворовые вымостки. В раскопе 1979 г. – строительный ярус-1, в котором на площади свыше 100 кв. м вскрыты остатки двух срубов.

Строительный период 13 охватывает время с 80-х гг. XV в. и до середины XVI в. Изменяется планировка. В раскопе 1977 г. на месте предшествующей мостовой на площади около 90 кв. м вскрыты остатки двух жилищ. В раскопе 1978 г. (строительный ярус-3) на площади около 600 кв. м выявлены остатки двух срубов, хозяйственная постройка типа навеса для скота и частокол. В раскопе 1980 г. на площади 80 кв. м вскрыто жилище и легкий навес.

Строительный период 14. Завершение этого строительного периода приходится на конец XVI в. Меняется планировка. В раскопе 1977 г. на месте жилой застройки предшествующего периода вскрыта уличная мостовая. В раскопе 1978 г. этому строительному периоду соответствует строительный ярус-2, в котором на площади около 600 кв. м вскрыты

остатки свайного сооружения и десяти построек, из которых 3 жилища, 4 хлева и 1 клеть. Остальные – неопределимы по назначению. Для этого строительного периода характерен и неоднократный ремонт укреплений, зафиксированный в письменных источниках.

Строительный период 15 охватывает начало – середину XVII в. Он представлен бытовой застройкой: срубами, дворовыми вымостками, частоколами. Наблюдается перепланировка. В раскопе 1977 г. на месте предшествующей мостовой выявлены остатки жилища. В раскопе 1978 г. этому строительному периоду соответствует строительный ярус-1, в котором на площади 400 кв. м вскрыто три жилища и частокол. Одно жилище было и в раскопе 1980 г., выявленное на площади 100 кв. м.

Строительный период 16 охватывает время с 60-х гг. и до конца XVII в. Для этого строительного периода также характерен ремонт укреплений, зафиксированный в письменных источниках. Отличительной особенностью его является изменение планировки на значительной части Верхнего замка. Определяющим планировочным элементом периода является уличная мостовая, вскрытая в раскопе 1977–1978 гг. на площади свыше 400 кв. м. Мостовая была проложена через центр Верхнего замка в направлении север-юг и перекрывала предшествующую ей жилую застройку. Ширина этой мостовой около 5 м. Ее пересекала мостовая шириной около 3,5 м. Вдоль этих улиц были выявлены шесть домов и частоколы. Застройка этого периода изображена на чертеже Витебска 1664 г.

Уличные мостовые. Как видно из вышеописанного, основу внутренней планировки Витебского детинца – Верхнего замка составляли уличные мостовые, подчиненные рельефу местности. Большинство вскрытых на Верхнем замке сооружений имело ориентировку по сторонам горизонта с отклонением в 3–10° по часовой стрелке. Такая же ориентировка присуща уличным мостовым Верхнего замка и руслу Западной Двины на участке в 200–300 м вдоль западных склонов Верхнего и Нижнего замков. Далее, шесть ярусов уличных мостовых начала XIII–XVI в., уложенных в направлении запад-восток, судя по нивелировочным отметкам шли с повышением в восточном направлении. Они, как уже отмечалось, были проложены по склону Замковой горы и вели на княжеское подворье.

Уличные мостовые начала XIII–XVI в. настилались из сосновых бревен толщиной 14–17 см, из досок шириной 28–30 см или из плах шириной 22–28 см (при толщине последних 10–14 см). В одном случае, в слое первой половины XV в. встречена уличная мостовая (Ум-II), целиком выложенная из дубовых (!) плах шириной 23–28 см, а в раскопе 1993 г. участок уличной мостовой второй половины XIII в. был сложен из березовых бревен. Настилы мостовых укладывались на лаги – переводины длиной 2,2–3,4 м. Лаги составлялись встык или заходили концами одна за другую на 15–20 см. Под лаги подводились подкладки из обрубков бревен. В устройстве уличной мостовой, вскрытой в раскопе 1993 г., подкладки под лаги были выполнены на всю ширину уличной мостовой. Мостовая эта датируется 1280 г. и была уложена в направлении север-юг. В местах сочленения с лагами эти подкладки имели нивелировочные чашки-врубки. Такие же нивелировочные чашки-врубки имели и плахи с нижней стороны в местах их сопряжения с лагами. В отдельных случаях прослежена фиксация настилов уличных мостовых прижимающими их досками. Так, по краю Ум-II была уложена дубовая плаха, которая крепилась к мостовой с помощью вбитых колышков. Ширина витебских мостовых начала XIII–XVI в. была в пределах 1,8–2 м. В Гродно ширина уличных мостовых XIII–XIV вв. была 2–2,5 м, в Слониме – около 3 м, в Минске – 3–4 м, Берестье – 2–4 м [2, с. 160; 10, с. 263; 11, с. 205; 12, с. 197]. Близкие им по ширине улицы зафиксированы в Полоцке и Слуцке [13, с. 43; 14; 15]. В слое XVI в. на уровне залегания уличной мостовой XVI в. (Ум-1) был прослежен поворот или перекресток улиц, так как вплотную к настилу этой улицы примыкал массивный, более полуметра в диаметре столб, к которому была плотно подогнана доска с вырубкой.

Уличные мостовые периодически обновлялись. Свидетельством тому – шесть ярусов мостовых, сменяющих друг друга на протяжении более трехсот лет. Некоторые мостовые носят следы ремонта. Согласно уставу кн. Ярослава «О мостах и публичных строениях»,

составленному в 60-е гг. XIII в., горожанам вменялось в обязанность содержать в порядке определенный участок улицы [16, с. 487–488]. Примечательно, что похожее на него правило зафиксировано и в документе 1495 г., касавшемся непосредственно Витебска. В нем сказано: «Також жаловали нам, штож здавна мост мощивали, каждый человек перед своим двором с пяти топорищ...» [17, № 15. с. 33][1]. Этим отчасти можно объяснить, что отдельные участки мостовых выложены из разнородного материала: доски, плахи, бревна. Такое же явление отмечается и в устройстве уличных мостовых древнего Минска [11, с. 208].

Уличные мостовые XVII в. имели ширину 3,5–5 м. Одна из них собрана из сосновых плах шириной 22–25 см, уложенных на три продольные лаги из сосновых бревен. Расстояние между лагами 1,5 м. Близкие ей по параметрам настилы мостовых XVII в. вскрыты на Нижнем замке Витебска и в Могилеве [18, с. 27–30; 19, с. 70].

Частоколы. Почти во всех строительных ярусах встречались остатки частоколов из бревен толщиной 10–16 см, как правило, вторичного употребления, и плах. Они прослежены вдоль уличных мостовых, дворовых вымосток, иногда между постройками. Частоколами размежевывались границы усадеб[2].

Бревна-частоколины, как правило, имели длину 1.6–1,8 м, в подавлявшем числе случаев ровно обрублены с торца. Это свидетельствует о том, что частокол вкапывался, зачастую на глубину около 40 см. Изгороди из заостренных кольев толщиной 5–7 см вбивались в грунт. В отдельных случаях прослежено крепление частоколин. Так, в основании изгороди частокола рубежа XIII–XIV вв. имелась оплетка из прутьев (Ся-6), а в основании частоколин из слоя XVI в. прослежена забутовка из битого кирпича и камней (Ся-2).

Усадьбы. Вдоль уличных мостовых располагались усадьбы. Наиболее полно можно получить представление об усадьбе Витебска конца ХШ – начала XIV в. по материалам застройки 6-го строительного яруса (Рис. 1, 2) Здесь жилому срубу соответствовали 3–5 хозяйственных построек. Их местоположение относительно жилища было следующим: на некотором расстоянии от жилища располагалась клеть, а промежуток между ними занимал хлев, исполненный, как правило, в столбовой технике. Напротив этих сооружений также могли находиться хлева и клети. В плане весь этот комплекс образовывал замкнутый, так называемый «веночный двор», известный в традиционном зодчестве Северной Беларуси и поныне [20, с. 119]. Внутреннее пространство двора замащивалось досками, которые в большинстве случаев укладывались на лаги, под которыми зачастую имелись нивелировочные подкладки. Дворовые вымостки обновлялись. Свидетельством тому – три поочередно сменявшихся таких настила на площади в 20–24 кв. м строительного яруса-6 (кв. 31–41, 93–97; раскопки 1982 г.). Усадебная застройка Витебска конца XIII – начала XIV в. подтверждается и письменными источниками этого времени, в которых упоминается слово «подворье» – усадьба [21, NXLIX, с. 27][3].

Планировка. До конца XVI в. Верхний замок сохраняет планировку, восходящую еще к началу XIII в. Об этом свидетельствуют и шесть ярусов уличных мостовых и ряд построек конца XIII–XVI вв., поочередно сменяющих одна другую (П-67-6, П-XII-5, П-XI-4 и др.). Особенно наглядно это видно на примере раскопа 1993 г., в котором прослежено, как на одном и том же месте, поочередно, на протяжении двух столетий сменялись один за другим 8 срубов (!). Наряду с этим, ряд последующих построек не сооружались строго на том же месте, где располагались постройки предшествующего времени, но смещались на некоторое расстояние в сторону. Наиболее плотная застройка прослежена в строительном ярусе-9 (начало – 30-е гг. XIII в.), где на площади 400 кв. м было вскрыто 8 сооружений в строительном ярусе-6 (конец XIII – 30-е гг. XIV в.), где на площади 672 кв. м выявлено 20

[1] Грамота Литовского Великого князя Александра витебскому наместнику князю Михаилу Жеславскому о непритеснении тамошних мещан и тягловых людей.

[2] Отсутствие остатков частоколов в некоторых раскопках едва ли может свидетельствовать об отсутствии усадебной застройки. Более вероятно, что на вскрытом участке памятника они просто не сохранились.

[3] Письмо рижских купцов витебскому князю Михаилу 1271–1289 гг.

сооружений. Вероятно, уплотнение застройки в эти периоды связано с относительной стабильностью Витебска в его политической жизни. Насыщенность конструкциями остальных ярусов реже. Особенно это заметно для застройки периода XV–XVI вв. Последнее объясняется войнами, которые часто велись в это время. Следствием войн были неоднократные осады города, когда приходилось разбирать дома для ремонта городских укреплений. В документе 1566 г. есть сообщение в выносе построек из Верхнего замка на посад ввиду ожидавшихся военных действий у Витебска: «...домы свои... для небеспечности от огня з замку Нижнего и с Вышнего... у водин посад за Видьбу переносити, острог робити и ровы копати» [22, с. 203].

Перепланировка на Верхнем замке, относящаяся ко второй половине XVII в., была вызвана получением Витебском в 1597 г. Магдебургского права[4]. Внешним атрибутом Магдебургского права, как известно, являлась ратуша, которая и была возведена на территории Узгорского замка к середине XVII в. [23, с. 17–20]. Здесь сформировался ансамбль с главной рыночной площадью и торговыми рядами [24, с. I7–22]. К середине XVII в. в Витебске возникает новая планировочная структура с двумя административными центрами – Верхним замком и ратушей. Подобное явление было характерно для многих городов Беларуси с Магдебургским правом [25, с. 35]. Эти структурные изменения повлекли за собой перепланировку всего города в течение XVII в. [26, с. 18]. Если до этого времени связь между Верхним и Нижним замками осуществлялась через «Браму замковую» по ул. Пробойной, расположенной в восточной части Верхнего замка[5], то теперь эта связь осуществлялась через «Темные большие ворота», находившиеся в южной части Верхнего замка [27, с. 499; 28, с. 321]. Изменения в планировке Верхнего замка в середине XVII в. подтверждается и археологически. Так, на месте комплекса жилых и хозяйственных построек 1621 г. вскрыта уличная мостовая шириной около 5 м. Анализ спилов из этой мостовой[6] дает дату рубки для нее бревен 1663 г. Улица проходит через центр замка, разделяя его на восточную и западную части.

Рис. 1. Витебск. Верхний замок. Археологические раскопки 1978 г.

Вид на северную часть раскопа. Вскрывается 6 – ой строительный ярус. Конец XIII – начало XIV в.

[4] Этого права Витебск был лишен в 1632 г., вторично получил его в 1644 г.

[5] «...улица Пробойная з Большой улицы на Ломиху», – сказано в источниках.

[6] Эта мостовая и перпендикулярно расположенная ей другая мостовая того же времени, были описаны выше.

Рис 2. Витебск. Верхний замок. Археологические раскопки 1978 г.

Вид на южную часть раскопа. Вскрывается 6-ой строительный ярус. Конец XIII – начало XIV в.

Сложившаяся в начале XIII в. планировочная структура витебского детинца без особых изменений продолжала существовать и в последующие столетия вплоть до середины XVII в. Изменение во внутренней планировке Верхнего замка прослеживаются археологически и по письменным источникам с середины XVII в., что было связано с общей перепланировкой Витебска в это время. Более или менее достоверно планировка Верхнего замка второй половины XVII в. изображена на чертеже Витебска 1664 г.

Материал и техника сооружения. Основным строительным материалом в домостроительстве Верхнего замка Витебска было дерево хвойной породы (около 60 %) и в меньшей мере дуб (до 40 %). В незначительной степени использовалось и древесина мелколиственных пород, например, берёзы. В строительстве использовались преимущественно деревья в возрасте 60–80 лет. Постройки сооружались как в самом городе, на месте, так и собирались предварительно за его пределами. О первом свидетельствует большое скопление щепы вокруг некоторых срубов, о втором – находимые бревна построек с насечками-метками. Доставка строительного материала в город осуществлялась весной по Двине или Витьбе, о чем свидетельствуют выявленные в слое XVI–XVII вв. комлевые части брёвен диаметром 35–45 см с полукруглой вырубкой сбоку. В эту вырубка продевалась жердь которая прижимала брёвна плота. Остатки такой жерди прослежены в вырубке одного из брёвен строительного яруса XVII в. Подобная техника вязки плотов была известна на Белорусском Подвинье вплоть до недавнего времени [29, с. 352; 30, с. 360], а доставка леса по Двине просуществовала в Витебске до начала 90-х годов прошлого века. Находки комлевых частей бревен с вырубками встречались в Новгороде в слоях XIII–XIV вв., где они поначалу квалифицировались как «маслобойные жомы» [31, с. 129–130, рис. 6, 7; 32, с. 12],

известны по нашим раскопкам в Слуцке (слой XIII в.), по раскопкам в Риге, где они встречались в слое XIII–XIV вв. [33] и в Каунасе (дендродата этих брёвен 1521–1522 гг.) [34, с. 319]. В большом количестве они выявлены и в Смоленске, где возраст таких брёвен составляет от 60 и до 98 лет, а порубочные даты их определяются специалистами как 1582–1584 гг. [35, с. 19, рис. 12–15].

Большинство срубов выполнено из окоренных сосновых бревен. В отдельных случаях в нижних венцах срубов конца XIII в. использовались неокоренные еловые бревна. Рубка выполнялась в верхнее обло с остатком, равным половине или несколько больше толщины бревна. В случае если соединительная чашка оказывалась глубже, чем требовалось, в неё могли поместить небольшой обрубок подтёсанной плахи (П-57-4, раскопки 1979 г., рублена в 1247 г.). Подобное явление было прослежено и в домостроительстве киевского Подола [36, с. 50; 37, с. 48]. Остаток нижнего венца сруба зачастую был длиннее для большей устойчивости постройки. В большинстве срубов прослежен уплотнительный паз, выбранный в верхней стороне бревна. Иногда пазы конопатились мхом. Для мшения использовался белый болотный мох – сфагнум (spagnum-magellanicum)[7]. Изредко, например, в срубе П-67-6 рубежа XIII–XIV вв., встречалась и глиняная обмазка. Куски этой обмазки имеют в сечении форму треугольника со слегка вогнутыми сторонами, на боковых гранях заметны борозды – отпечатки волокон дерева. Вогнутые бока и характер отпечатков позволяет говорить о том, что этой обмазкой были заполнены именно пазы стен сруба. Примечательно и то, что собрана глиняная обмазка у стен, примыкавших к печи. Вероятнее всего это делалось в противопожарных целях, а также для утепления жилища. Аналогичный прием отмечается в домостроительстве Приильменья в IX в. [38, с. 30], Киева в X–XI вв. [39 с. 90], отмечен в Рогачеве в XII–XIII вв. (раскопки Э. Загорульского), встречен нами в слое XIII–XVI вв. в Копыле, известен по письменным источниками XVII в. в Кричеве [40, с. 37]. Подтверждается это явление и нашими этнографическими наблюдениями.

Подавляющее число всех срубов имеют в плане квадратную либо близкую к нему форму. Срубы, имеющие в плане форму вытянутого прямоугольника, встречаются реже и отмечены лишь в слое первой половины XIII в.

Построек столбовой конструкции всех видов выявлено 23. Наиболее простая их форма – навесы легкого типа. Основу этих построек составляют столбы, вкопанные по углам или сторонам дощатого настила. Иногда посередине настила вырублено отверстие для центрального столба-опоры. Дощатый настил навесов покоился на лагах, крыша, вероятнее всего, опиралась на столбы-опоры с развильем вверху. Такие постройки «на сохах» известны по этнографическим данным. Их остатки найдены в Новгороде Великом, Белоозере, Минске, Давид-Городке, Слуцке [41, с. 21; 42, с. 116; 43, с. 85, 129, 149, 150]. Настилы этих построек перекрывались слоем навоза. Постройки такого типа служили стойлом для скота. Размеры этих сооружений в среднем были 2 х 4 м, встречаются они в слоях XIII–XVI вв.

К простому типу столбовых построек относятся постройки «в замет» или «взаплот». Их основу составляла легкая изгородь из жердей 3–10 см толщиной, уложенных между попарно вбитых кольев либо попарно вкопанных столбиков, где закладка стены осуществлялась из досок. Некоторые из них имели жердевой пол на лагах и были перекрыты слоем навоза. Они, как правило, занимали место между жилищем и клетью и служили загоном для скота, устроенных по типу кошар, известных по этнографическим данным [44, с. 16]. Такие постройки известны в Новгороде Великом, Полоцке и Риге [35, с. 264; 41, с. 21; 13, с. 38; 46, с. 16]. На Верхнем замке Витебска они встречались лишь в слое первой половины XIII в. (строительный ярус-9).

Наиболее распространенные столбовые постройки «в паз», основу стен которых образуют вкопанные по углам столбы толщиной 20–40 см, в которых вырубали продольные

[7] Мох определен ст. научным сотрудником лаборатории флоры и гербария Института экспериментальной ботаники НАН Беларуси, доктором биологических наук Г. Ф. Рыковским.

пазы для закладки стен толстыми жердями, брусом или досками Брусья или жерди при этом затёсывались по концам на клин. В случаях отсутствия продольных пазов в столбах-опорах, брусья стен имели по концам полукруглые вырубки, с помощью которых они плотно прилегали к этим столбам. Аналогичный прием отмечен, в частности, в Мангазее [47, с. 14, табл. 2: 2]. В отдельных случаях столбы-опоры этих построек имели дополнительное крепление в виде кольев, вбитых в грунт по окружности этих столбов (П-76, раскопки 1983 г.). Иногда столбы-опоры имели по окружности торцевой части аккуратно снятую фаску для уменьшения влагопроницаемости бревна. Аналогичный прием встречен в Слуцке. Постройки такой конструкции имели полы из толстых досок или плах, уложенных на лаги, которые в свою очередь опирались на подкладки из обрубков бревен.

Разновидностью этого типа сооружений являются постройки с вертикальной закладкой стен брусом или досками, когда в основании стены укладывался брус с продольным пазом по всей длине, в который торцами вставлялись доски или брусья, образующие стены этой постройки. Использование вертикальной закладки вызывалось более короткими размерами бруса или досок, размеры которых не допускали горизонтальную закладку стены. Такие постройки имеются в Риге и Мангезее [46, с. 50, 51; 47, с. 14. табл. 2: 3]. Постройки, исполненные техникой «в паз», известны на киевском Подоле, в Новгороде Великом, Полоцке, Минске и др. городах [39, с. 92–93; 41, с. 264; 13, с. 36; 11, с. 172]. В традиционном зодчестве Беларуси они известны под названием как постройки «в шулу». На Верхнем замке Витебска постройки этого типа встречаются уже с конца XIII в. Судя по заполнявшему их слою навоза, постройки «в паз» или «в шуло» являлись хлевами.

Рамные или каркасные конструкции являются наиболее совершенными среди столбовых построек. Основу их стен образует рама или каркас, выполненные путем сопряжения брусчато-бревенчатой обвязки (основания и верха) боковыми стойками-опорами. Для обвязки и боковых стоек применялись массивные бревна и брусья толщиной от 24 до 38 см. Сочленение брусьев в обвязке каркаса производилось различными приемами. Эта вязка углов в полдерева, где нижний брус в сочленении с верхним имел прямоугольную вырубку; вязка прямой накладкой, или крепление с перепуском, когда по торцам брусьев делались вырубки в форме коленчатого уступа, и брусья, таким образом, плотно подгонялись друг к другу. Третий способ – встык, когда брус плотно зажимался между параллельно уложенными двумя другими брусьями и упирался в них торцами. Боковые стойки крепились с основанием и верхом рамы с помощью шипов, которыми они вставлялись в специально сделанные для них гнезда. По контуру этих гнезд зачастую имелась уплотнительная площадка, вырубленная на глубину 4–6 см и размерами, равными, или несколько большими, толщине опоры. В отдельных случаях вместо опорной площадки делались просто подтесы по обеим сторонам гнезда. Столбы-опоры имели с одной-двух сторон вертикальные пазы для горизонтальной закладки стен из плах или бруса. Аналогичный приём закладки стен рамно-каркасной конструкции мы наблюдали в селе Гораи Островского района Псковской области в 1984 г.

Рамно-каркасные конструкции (фах-ферховые) появляются у западных славян в XIII–XIV вв. под влиянием немецкой колонизации [48, с. 143–144]. В XIII в. они распространились в Гданьске, Вильнюсе, Риге [49, с. 237–238; 50, с.177; 46, с. 83–114]. Но в отличие от германских городов, где стены фахферховых конструкций были глинобитные, в Прибалтике стены каркасных построек делались из дерева. Во второй половине XIII в. они появляются и у восточных славян[8]. Не уступая по добротности срубу, каркасная конструкция дает экономию в строительном материале до 40 %, а следовательно и в энергозатратах [51,

[8] Наличие каркасных (фахферховых) построек в Киеве в X–XI вв. [74, с. 66–70] вызывает сомнения, поскольку непосредственно деревянных деталей этих конструкций там не найдено. Имеющиеся в материке ямы не могут служить доказательством наличия фахферха, т. к. стойки фахферка не заглублялись в грунт, а крепились с помощью шипов с брусчатым основанием.

с. 23–25]. Рамно-каркасные конструкции обнаружены в слое второй половины XIII в. в Минске [11, с. 172, рис. 108], а в слое XV в. в Новогороде [41, с. 21, 146]. В Витебске они появляются в начале XIV в.

Возникает и вопрос о функциональной принадлежности фахферховых построек. В Германии и Прибалтике фахферховые постройки являлись жилыми помещениями. Относительно их назначения на восточно-славянской территории Э. М. Загорульским высказано предположение, что эти постройки являлись частью жилого комплекса. С этим, по-видимому, следует согласиться. Они были, скорее всего, основанием крытой галереи двухэтажной постройки. Такая конструкция показана на чертеже Витебска 1664 г. (дом Горского). Возле рамной конструкции П-XII-А-5 вскрыта пристройка 1,78 х 1,84 м, очевидно, основание для крыльца, ведущего на второй этаж жилого сруба П-XII-5, к которому примыкала эта каркасная постройка. Крытые галереи столбовой конструкции (но не рамно-каркасной) известны в домостроительстве Древней Руси. Хорошо изучены они по материалам раскопок Киева [52, с. 80–82]. В таком случае, можно говорить о перенесении западноевропейской традиции на местную восточнославянскую основу.

Упрощенную модель этого типа построек представлял дощатый настил, столбы-опоры которого загонялись на концах лаг в отверстия, на которых покоился настил. Стены в постройке этого типа, скорее всего, отсутствовали. Такая постройка (П-XXX-8) вскрыта в слое первой половины XIII в., и судя по слою навоза, который перекрывал ее, могла служить стойлом. Отдельные элементы этих построек встречались и в слое второй половины XIII–XIV в.

Фундамент. Простейший вид фундамента – это «подруб» или «подвалина». Он представляет собой уложенные под основание сруба по обе стороны массивные плахи, брусья или просто толстые сосновые брёвна, иногда дубовые брёвна или неокоренные еловые брёвна. Применение дубовых бревен в качестве подрубы известно кроме Витебска в ряде городов Смоленской и Туровской земель [53, с. 193; 43, с. 46; 12, с. 188], а применение неокоренных еловых бревен известно по раскопкам Нижнего замка Витебска [54, с. 338]. Для большей устойчивости постройки, в местах сопряжения ее углов с подрубой, в последней вырубались чашки. В отдельных случаях между основанием постройки и подрубой укладывались нивелировочные подкладки. Этот тип фундамента бытовал на Верхнем замке Витебска на всем протяжении рассматриваемого периода и сохранился в традиционном домостроительстве Беларуси до начала XX в. [55, с. 34].

Наиболее распространенным же типом фундамента являлись подкладки из обрубков бревен толщиной 14–20 см и длиной 1,5 м. Они укладывались под углы постройки или по всей длине стен сруба перпендикулярно их направлению, а в отдельных случаях и параллельно. Количество подкладок варьировалось от 4–6 до 20. Фундаменты из подкладок отмечены во многих городах лесной зоны [56, с. 94–111]. На Верхнем замке Витебска они имеют широкий хронологический диапазон бытования. В постройках Верхнего замка также применялся фундамент из свай или вертикальных чурбаков. Сваи – массивные бревна или плахи – затесывали на конус и загоняли на глубину 1,5–2 м под углы сруба. Их применяли на рубеже XIII–XIV вв. Постройки на чурбаках «на стульях» зафиксированы в слое XVI–XVII вв. Чурбаки представляли собой сосновые или дубовые колоды длиной до 80 см и толщиной 35–40 см. Их устанавливали под углы, а иногда под стены сруба. Этот тип фундамента был широко известен в домостроительстве Древней Руси. В отдельных регионах Беларуси он сохранился до начала XX в. [57, с. 76].

Изредка в Витебске использовали так называемые «фундаментные площадки». Они хорошо известны по Новгороду Великому [41, с. 13, 17], в одном случае отмечены в Берестье [12, с. 138–139, 188]. Фундаментная площадка из слоя конца XIII в. представляла собой жердевой настил, ограниченный по обе стороны массивными бревнами и плахами. Не исключено, что это останки предшествующей конструкции. Однако и в этом случае они

перед тем, как на них был возведен сруб, были определенным образом перепланированы для придания строительной площадке более ровной поверхности.

Часто в качестве фундамента использовались остатки предшествующих сооружений – построек, частоколов и пр. Однако и здесь отмечены разного рода нивелировочные работы: венцы предшествующего сруба подтесывались, укладывались подкладки, подвалины и т. д.

Во всех приведенных примерах фундамент выполнял сугубо нивелировочную функцию. От воздействия влажного культурного слоя он едва ли спасал, поскольку в этом случае действовал так называемый эффект капилярной влаги[9]. Для гидроизоляции нижних венцов сруба сооружали глинистую или песчаную подушку. Они фиксируются в напластованиях XIV–XVII вв. Гидроизоляционная подсыпка отмечена в ряде пунктов Полоцкой, Смоленской и Туровской земли [53, с. 101; 54, с. 256; 43, с. 46].

Полы. Все постройки Верхнего замка, независимо от их назначения и времени бытования, имели, как правило, добротные полы. Хорошо устроенные полы имели и постройки Нижнего замка [58, с. 382; 54, с. 339], что не согласуется с ранее высказанным тезисом о землянных полах в жилищах Витебска XIV в. [59, с. 142]. В срубах Витебска настил пола всегда располагался на переводинах, т. е. на бревнах, врубленных в венцы постройки. Этот прием был характерен в целом для городов Северной и Северо-Западной Руси [56, с. 129–130]. Настил на лагах, т. е. на бревнах, уложенных на грунте, известен в городах Юго-Восточной Руси и Прибалтики, в Витебске же он не встречен ни разу. Количество переводин в срубе варьировалось от 1 до 4, в зависимости от размеров и назначения сооружения, а также материала, из которго был сооружен пол. Врубка переводин в большинстве случаев была сквозной и производилась на высоте 2–3 венца жилища. В клетях она делалась порой на высоте 4–5 венца. Глухая врубка переводин отмечена, например, в клети XVI в. (П-III-2) и трех срубах рубежа XIII–XIV вв. при ремонте полов. В постройках столбовой конструкции настил пола всегда укладывался на лаги, под которыми имелись подкладки.

Настил пола осуществлялся из досок или плах. Жердевой и бревенчатый пол встречен лишь в двух постройках первой половине XIII в., предназначенных для скота. Половицы в основном были сосновые, реже из дуба, укладывались они в перемешку. В срубе конца XIII в. (П-XV-6) встречен пол из массивных дубовых плах. Концы этих плах были затёсаны на клин. Этими затёсанными концами плахи укладывались на специально вырубленную в четверть бревна полочку, сделанную на уровне четвёртого венца стены сруба и прижимались сверху брёвнами вышележащих венцов стен постройки. Обычная ширина половицы 18—30 см, но встречаются тесины шириной 40–50 см. Количество половиц в постройках варьировалось от 11 до 32 и зависело от размеров сруба и ширины половиц. Крепление половиц в постройках Верхнего замка всегда сопровождалось впусканием их концов между венцами сруба. Лишь в хозяйственной постройке П-72 и жилище П-78 (обе конца XIII в.) половицы не были зажаты между бревнами стен[10]. Оба способа крепления половиц, но преимущественно без впуска их концов в стены сруба, отмечены в Минске [11, с. 176]. В городах Южной Беларуси и Прибалтике также неизвестно крепление половиц между венцами сруба [12, с. 188–189; 46, с. 55]. Вероятно, этот прием крепления половиц также является характерным для Северных и Северо-Западных регионов Руси.

Существует мнение, что направление пола относительно входа в постройку всегда зависело от ее назначения. В частности, половицы в жилищах настилались перпендикулярно входу, а в клетях – параллельно [57, с. 77–78; 45, с. 269; 41, с. 23; 44, с. 12, 22, 24]. Витебские жилища XIII–XIV вв. имели параллельную укладку половиц относительно входа, а все

[9] Эффект капиллярной влаги сводится к следующему. Грунтовые воды, независимости от их уровня стояния, держаться вблизи дневной поверхности. В силу этого верхние пласты культурного слоя рыхлой консистенции (щепа, гумус) насыщенны влагой, которая и вызывает ускорение гниения нижних венцов сруба, расположенных в зоне контакта воды и воздуха [84, с. 32–48].

[10] Эта же особенность встречена и в срубах XIII – начала XIV в. в раскопе 1993 г., все они были по назначению клетями.

хозяйственные постройки (клети, хлева) – перпендикулярную. Такое несоответствие вышеуказанному мнению отмечается на большом фактическом материале в Берестье [12, с. 188–189], прослежено и в Полоцке [13, с. 50]. По-видимому, можно согласиться с предложением Ю. Г. Спегальского, что расположение входа в постройку и ориентировка половиц связаны не с функциональной принадлежностью постройки, а с местоположением ее в общей планировочной структуре города [60, с. 62–63].

Ориентировка пола зачастую менялась во время ремонта и прослежена в семи постройках XIII–XIV вв. и двух постройках XVI в. Иногда менялся и материал настила, и вместо плах укладывались доски или наоборот. Новый пол, в большинстве же своем настил ремонтируемого пола, покоился на новых лагах, уложенных на предшествующий пол. Лаги нового пола иногда врубались глухой врубкой в стены постройки, но чаще всего они упирались в стены торцами. В местах проседания старого пола под эти лаги подводились нивелировочные подкладки.

Печи. Остатки печей прослежены в десяти срубах[11]. До XVI в. все выявленные на Верхнем замке печи были глинобитными, сооруженными из беловатой илистой глины[12]. В заполнении срубов от них сохранялось лишь расплывшееся пятно голубовато-серой глины. Применение кирпича в устройстве печей прослежено лишь в срубах XVII в. Печи витебских жилищ XIII–XVI вв. возводились на столбовом опечке. Наиболее полно такой опечек сохранился в срубах XIII в. (П-XXXII-9 и П-XXXVII-6). Четыре столба опечка толщиной 18–20 см образуют прямоугольник с длиной сторон около 2 м. Продольные пазы столбов закладывались досками, создавая остов печи, заполненый глиняной подушкой (около 40 см). «Под» печи представлял собой обоженную корочку глины. Подобное устройство опечка отмечено в Новгороде, Полоцке и Минске [41, с. 31; 13, с. 42, 55; 11, с. 177]. В срубе П-67-6 под основание печи для гидроизоляции была уложена береста. Эта деталь известна по ряду древнерусских памятников [56, с. 104, 105, 107–110; 61, с. 74, 75] Печь в срубе П-XXIII-6 находилась в дальнем левом углу от входа, а в П-XXXII-9 – в переднем левом[13]. Небольшое число печей в Витебске может объясняться, как и в Новгороде, тем, «что небольшие глиняные или кирпичные печи стояли на высоких столбах, тогда при разрушении жилища они могли исчезнуть бесследно» [31, с. 126].

Двери и дверные проемы. Дверной проём – это тот элемент домостроительства, который относительно редко удаётся обнаружить во время раскопок, прежде всего в силу сохранности самих сооружений. На Верхнем замке Витебска они прослежены в девяти сооружениях. В двух постройках, где дверные проёмы не были выявлены, о наличии их можно было судить по дополнительным элементам домостроительства. Так, возле одной постройки, прямо у стены, была выявлена целая дверь, что позволяет судить о том, что именно в этой стене мог быть проделан дверной проём. В другом случае, у восточной стены постройки имелся порожек, что позволило предположить наличие здесь дверного проёма, который мог быть прорублен на пару венцов выше. На Нижнем замке Витебска из 92 вскрытых раскопками сооружений дверной проём прослежен лишь в одной постройке хозяйственного назначения – в хлеву [6, с. 55]. На сопредельных памятниках больше всего дверных проёмов изучено в Бресте, где их выявлено тридцать пять [12, с. 179]. Пять дверных проёмов прослежено в Минске [11, с. 169]. Три дверных проёма зафиксировано нашими раскопками в Слуцке. Два дверных проёма известны в Киеве [52, с. 84–86, рис. 11]. В Новгороде Великом, где раскопками вскрыто более тысячи построек, дверной проём отмечен лишь один раз. Дверные проёмы выявлены в срубных и столбовых постройках, в жилых и хозяйственных сооружениях, в конструкциях XIII–XIV и XV–XVI вв.

---

[11] Каменные очаги из слоя X–XII вв. и XVI в., найденные вне построек, здесь не рассматриваются.

[12] На Нижнем замке Витебска глинобитные печи зафиксированы даже в слое рубежа XVII–XVIII вв. [62].

[13] Для сравнения укажем, что большинство печей в жилищах Берестья располагалось слева от входа [12, табл 29], в Минске – справа от входа [11, с. I79]. По этнографическим материалам – справа от входа [63, с. 232].

В жилищах Витебска проем прорубался на уровне 4–6 венков, как и в Киеве, Минске, Берестье, Риге и т. д. [52, с. 84; 11, с. 169; 12, с. 180; 46, с. 58]. В хозяйственных постройках он располагался ниже. Дверной проем имел прямоугольной формы вырубку длиной 60–90 см, выбранную в четверть толщины бревна. В горизонтальной плоскости этой вырубки, как правило, в ее правом углу, реже в левом, располагалось отверстие – паз под пятку двери. В конструктивном отношении прослежено два типа дверных проемов. К первому типу относятся проемы с пазами для стопорящих досок по бокам. Ко второму – проемы с подтесами для установки косяков. Оба типа дверных проемов бытовали одновременно и встречены в равном количестве. Но первые характерны для хозяйственных построек, а вторые – для жилых. Судя по конструкции дверных проемов, дверь в витебских жилищах открывалась во внутрь, а в постройках хозяйственного назначения – наружу[14]. По этнографическим данным, делалось это для того, чтобы в зимнее время, когда двери приваливало снегом, можно было выбраться из жилища, а к хозяйственной постройке, наоборот, подобраться, расчистив ход.

Дверные проёмы прорубались чаще в восточной и южной стене, в северной – реже. Вероятнее всего, южная и восточная ориентация дверного проёма обеспечивала наибольшее проникновение солнечного светла и тепла в помещение, необходимых для освещения и гигиены. Расположение дверного проёма в западной стене постройки отмечено лишь один раз. По-видимому, эта закономерность была связана с розой ветров, которая в Витебске имеет преимущественно западное направление и зимою со стороны Двины приносила стужу.

Дверей XIII–XIV вв., целых и во фрагментах, найдено 7. Большинство дверей изготовлено из двух сосновых досок толщиной 3–4 см, скрепленных двумя планками техникой в «ласточкин хвост». Встречены дверные полотна, собранные из четырех досок, скрепленных четырьмя планками, расположенными наискось – «в иглу». Такие дверные полотна есть в Новгороде [41, рис. 25] и в Берестье [12, табл. 27. рис. 137, 138]. Найдены двери и с параллельным расположением крепежных планок. Они встречаются в городах Прибалтики, Польши, Германии. Скандинавии, есть в Мангазее [46, рис. 47, с. 64; 47, табл. 3: 2, 4]. Как правило, боковые грани дверных досок в местах их сопряжения между собой имели ровную поверхность. В двух случаях найдена дверь, где одна доска имела треугольный паз, а ребро другой было затесано на клин. Найдена одна дверь из цельной доски, но и в ней были вырезаны шлицы, в которые загонялись крепежные планки. Минимальные размеры витебских дверей 75 х 75 см, максимальные – 144 х 68 см. Первые относились к хозяйственным постройкам, вторые – к жилым.

Иногда у построек возле дверного проема имелись порожки из нескольких досок, настланных на грунт, либо уложенных поверх концов переводин пола, выходящих за контуры сруба на 30–40 см. Лишь в постройке XVI в. (П-III-2) доски такого порожка были уложены на специально врубленные между вторым и третьим венцами этой постройки короткие бревна.

Прочие элементы домостроительства. К ним относятся детали крыши, перегородки, вентиляционные окна и т. п.

Об устройстве крыши витебских построек можно судить по находкам кокошин, самцов, гонта, черепицы и др. элементов. Дополнительные сведения можно получить из графического изображения построек Витебска на плане города 1664 г.

Кокошин на Верхнем замке найдено 12[15]. Все они происходят из слоя XIII–XIV вв. Они вырублены из толстых сосновых чурок длиной 0,5–0,7 м, с тыльной стороны имеют вырубку прямоугольной формы. С помощью выреза, устроенного с тыльной стороны, ко-

[14] Правда, в одном случае в столбовой постройке П-XVI-А-6, служившей хлевом, дверь, как и в жилищах, открывалась внутрь.

[15] В Берестье также найдено 12 кокошин [12, с. 194].

кошина упиралась в нижнюю слегу. Верхним же концом, затесанным на клин, она поддевалась под вышележащую слегу.

Самцов найдено 2, оба из слоя XVI в. Они изготовлены из массивных сосновых бревен, рублены с торцов под углом 37–45°[16]. По концам самцов сделаны чашки под слеги, а в одном из них посередине имелось отверстие 8 х 10 см. Возможно, оно предназначалось под центральную слегу, применялось в устройстве арочного потолка, известного по этнографическим материалам XIX в. [64, с. 38–39][17]. Крыши построек в XIII–XVI вв. были двухскатными. В XVII в., судя по чертежу 1664 г., во второй половине XVII в. были и четырехскатные. Наиболее распространенным материалом покрытия вплоть до XVI в. был тёс толщиной 3–5 см. В единственном экземпляре в слое XVI в. был найден гонт. Он представлял собой заостренную на обе грани дубовую дошечку длиной 39 см, шириной 22 см. Один край его имел толщину 2,4 см, другой был плавно стесан до толщины 0,8 см. По письменным источникам XVI в. крыши белорусских городов уже крылись гонтом [65, с. 21]. Черепичное покрытии предназначалось, судя по всему, для каменных построек.

В слое конца XIII – начала XIV в. выявлена резная причелина – доска шириной 22 см и длиной около 2 м. Один край ее был ровный, а другой вырезан в виде волнообразных выступов. Причелины являются элементом внешнего убранства избы. Они обрамляли наклонные стороны фронтона и служили для предохранения торцов обрешетины крыши от загнивания. Волнообразные обрамления причелин могли символизировать «хляби небесные» [67, с. 474]. Близки им по форме причелины XI–XV вв., известные по раскопкам Новгорода Великого [68, рис. 12, 13, с. 32. 33, табл. 22].

В материалах раскопок прослежен еще один тип крыш – «на сохах». Основу их составляли массивные развилья стволов, на которых покоилась центральная балка – матица или «сволок». Плоскость этих крыш формировалась с помощью так называемых «ключей» – еловых жердей с отростком корневища, с помощью которого они навешивались на матицу. Крыши на сохах, в отличие от крыш на самцах, применялись исключительно в хлевах. Конструкция этих крыш хорошо известна по этнографическим материалам [69, с. 4–10]. Детали крыш на сохах – развилье и «ключ» найдены в слое конца XIII в.

В двух клетях рубежа XIII–XIV вв. (П-XV-6 и П-65-6) между 2 и 3 венцами, ниже уровня пола, были прорублены вентиляционные окна размерами 24 х 36 и 24 х 63 см[18]. Они известны в подклете XVIII в. Нижнего замка Витебска [13, с. 339]. Эту же деталь в устройстве подклета автор наблюдал и в традиционном зодчестве Псковщины в селе Гораи Островского района.

В срубе первой половины XIII в. П-45-9 и в срубе XV в. П-XXXVII-4 поперек стен имелись пазы шириной 4–6 см и глубиной 6–10 см. Скорее всего, пазы предназначались для установки дощатых перегородок для закромов в клетях. Они известны по этнографическим материалам [63, с. 264]. В полу сруба П- 78 (раскоп 1983 г., слой XIII в.) имелись отверстия, где сохранились остатки вбитых в эти отверстия крепёжных жердей, вероятно, от какой-то внутренней конструкции дома.

В срубе П-85 конца XIII в. (раскоп 1993 г.) было выявлено основание маршевой лестницы. Оно представляет собой бревно длиной 150 см и толщиной 28–30 см. В нем были вырублены три паза размерами 16–18 х 12–15 х 12–13 см. Эти пазы предназначались для пандуса со ступеньками. Маршевые лестницы такого облика известны, например, по раскопкам Минска [11, с. 117, рис. 103, 104; 70, с. 15, рис. 11]. Вероятно, к основанию маршевой лестницы можно отнести ещё пару остатков деревянных конструкций выявленных в

[16] Для сравнения: крутизна склона крыш в Берестье 30–40° [12, с. 191], в Минске – 42–43° [11, с. 169].

[17] В некоторых местах Беларуси потолки арочной формы сохранились до наших дней [66, с. 33]

[18] Еше одно окно было выявлено в срубе П-87 (середина XIII в.) в раскопе 1993 г. Размеры этого окна были 15,5 х 45 см. Правда находилось это окно на 8–10 см выше уровня пола.

напластованиях XIV–XVI вв. раскопа 1978 г. В раскопе 1978 г. в слое XVI в. (строительный ярус -2) выялен столб – верея (?) от какой-то массивной конструкции.

Типы построек. Из 96 построек, выявленных на Верхнем замке в 1977–1988 гг., 73 относятся к типу наземных однокамерных срубов. Остальные постройки были столбовые. Постройки в количестве 32 определены как жилища. На хлева и клети приходится по 20–25 сооружений. Определение назначения постройки производилось по конструкции сооружения (столбовая или срубная), наличию печи, размерам и толщине стен, материалу сооружения, устройству пола и типу фундамента, разумеется, по заполняющему слою и выявленному в нем материалу.

Жилище древнерусского времени представляло собой сруб в верхнее обло с небольшим остатком. Жилые постройки возводились из сосновых бревен толщиной 18–22 см. Такая толщина стен была в жилищах этого времени в Полоцке и на Нижнем замке Витебска [13, с. 37–50; 58, с. 382]. Толщина стен новгородских жилищ была 22–24 см, а в Берестье – 14–17 см [41, с. 18; 12, с. I78]. Отличие обуславливалось климатическими условиями. Основными типами фундамента для витебских жилищ XIII в. являлись подкладки под углы или стены сруба, иногда использовались остатки предшествующих сооружений. Полы в жилищах настилались на уровне 2–3 венца. Покрытие было, как правило, дощатым, реже – из плах. Количество переводин было 2–3. В жилищах с одной переводиной последняя делила площадь постройки в соотношении 1: 2, что связано с размещением печи и повышением нагрузки на более короткий участок пола. Глинобитная печь располагалась в дальнем левом или переднем от входа углу. Все жилища древнерусской поры с Верхнего замка Витебска, применяя новгородскую классификацию, можно отнести к третьему типу жилищ – к однокамерным срубам без сеней. Площадь их варьировалась в пределах 16–25 кв. м. Такую же площадь имели жилища древнего Минска и Полоцка [11, с. 168; 13, с. 37–50].

В XIV–XVI вв. наблюдается увеличение площади жилищ до 36–42 кв. м. Близкие им размеры имеют жилища этого времени и на других памятниках [71, с. 119]. В конструкции жилищ XIV–XVI вв. появляются некоторые новшества. Настил пола, как правило, изготавливается из массивных плах, уложенных на четыре переводины. Появляется и новый тип фундамента. Для XIV–XV вв. это массивные сваи под углами, а в XVI в. – короткие чурбаки – «стулья». В отдельных случаях под нижним венцом жилищ XVI в. отмечается гидроизоляционная подушка из глины. В XVI в. в конструкции печей применяются сосудообразные изразцы. В письменных источниках XVI в. витебские жилища обозначаются лексемой «изба»[19].

Жилища XVII в. на Верхнем замке Витебска в отдельных случаях достигали площади 36 кв. м. В большинстве своем, не отличаясь от жилищ предшествующего времени, они, тем не менее, имели некоторые особенности. Так, в качестве гидроизоляционной подсыпки отмечено применение крупнозернистого песка. В конструкции витебских печей XVII в. прослежено использование кирпича и коробчатых изразцов. Кроме того, жилища этого времени имели уже застекленные оконные проемы. Фрагменты прямоугольных оконных стекол, зеленоватых, толщиной 0,8–1,3 мм часто встречаются в слое XVII в. Одним из общих признаков для жилищ всего рассматриваемого периода является заполняющий их слой темно-серого цвета, рыхлый, гумусированный, содержащий предметы материальной культуры.

Клети. По способу сооружения и по назначению к жилищам очень близки клети. Упоминание о них в Витебске содержится в письме рижан витебскому князю, где говорится: «А се тобе княже третию обиду поведываем, ..., что товар его был с разбойниковым товаром у клети...» [21, XLIX, с. 26.]. Функциональную принадлежность клети (помещение для хранения ценного имущества и использующееся в летнее время в качестве жилья) обу-

[19] Этот термин содержится в заявлении витебского воеводы Владислава Воловича, помещенном в актах Великого Княжества Литовского [72, с. 62].

славливало ее добротное сооружение, порой, не уступающее избе. «Клеть и подклеть – холодные строения. Однако, несмотря на это, в отношении их строительные заботы заходят дальше, чем при сооружении хлевов, а иногда превосходит те же заботы и о хатке» [63, с. 263]. Эти этнографические наблюдения подтверждаются и на археологическом материале. Клети XIII – начала XIV в. рублены из бревен толщиной 16–18 см, реже – до 20 см. Такую же толщину стен имели клети древнерусского времени в Новгороде и Полоцке [41, с. 18, 78; 13, с. 37–50]. При сооружении подклета на высоту в четыре венца, как правило, шли только дубовые бревна или плахи. Некоторые подклеты этого времени имели вентиляционные окна. Пол в клетях изготавливался из хороших, тщательно подогнанных одна к другой плах, нередко дубовых. Располагался настил пола исключительно на одной переводине на уровне 3–4, а иногда и 5–6 венцов. Такое высокое расположение пола вызывалось необходимостью предостеречь хранящееся в клети имущество от влаги. Площадь витебских клетей XIII – начала XIV в. составляла 9–10,2 кв. м, реже – 11,5–15,2 кв. м. Клети площадью более 16 кв. м не встречены. Приблизительно такую же площадь имели клети Полоцка и Берестья [13, с. 37–50; 12, с. 178]. Слой, которым заполнены клети, как правило, коричневого или бурого цвета. Иногда в этом слое встречаются остатки мучного хрушака, который обычно заводится в местах складирования съестных припасов: муки, отрубей, зерна и пр. [73, с. 29].

Клети XV–XVI вв. по своей конструкции не отличались от более ранних. Лексическое обозначение их в этот период зафиксировано в Инвентаре замка Витебского за 1506 г.: «А в свирне том огурков кадка, муки со две бочки оржаное, угорицы две, кишек мясных пять...» [74, с. 401]. Клетей более позднего времени на Верхнем замке не выявлено.

Хлева – помещения для скота, почти до конца XIII в. возводились как в срубной технике, так и в столбовой. Хлева срубной конструкции сооружались из сосновых бревен толщиной 14–16, реже 18 см. В отдельных случаях отмечено использование бревен мелколиственных пород деревьев. Применение дуба не прослежено ни разу. Размеры хлевов срубной конструкции были 2,4 х 3,45 м и 3,3 х 3,3 м. Аналогичную толщину стен, размеры и материалы сооружения имели хлева XIII в. Полоцка, Белоозера и др. восточнославянских городов, а также постройки такого рода, известные по этнографическим данным Беларуси [13, с. 41–47; 42, с. 116; 44, с. 32].

Хлева, исполненные в столбовой технике, всегда располагались между двумя срубами, один из которых был жилищем, а другой – клетью. В плане хлева этой конструкции имели форму вытянутого прямоугольника с размерами стен 1,8 х 4,8 м или 2,4 х 4,6 м. Длинными стенами этих построек служили стены срубных построек, между которыми хлева располагались, а короткие – торцовые стены их были исполненной техникой в «замет» или в «паз» Хлева срубной конструкции встречены в слое конца XII – середины XIII в. Хлева, исполненные в столбовой технике продолжают бытовать и в последующие столетия с той лишь разницей, что в плане они имеют форму, близкую к квадрату с размерами сторон 3 х 3,2 м. В XVI–XVII вв. в хлевах столбовой конструкции применяются и более массивные угловые столбы-опоры – «шулы». Все хлева, независимо от времени их бытования и конструкции, имели полы. В начале XIII в. в отдельных хлевах прослежены жердевые, бревенчатые и дощатые полы, в дальнейшем полы в хлевах настилались из добротных сосновых плах, уложенных на лаги. Характерной особенностью для хлевов является заполняющий их слой навоза. Нередко в этом слое встречаются большие скопления пупарий мух. Это обычные навозные мухи, сопровождающие помещения такого рода[20].

Прочие сооружения. Из прочных сооружений древнерусского времени на Верхнем замке найдены *постройка производственного назначения* и *истопка*. О бытовании в Витебске последних известно и из письменных источников второй половине XIII в.: «И как то

[20] Определение ведущего научного сотрудника, руководителя группы почвенной зоологии Института зоологии НАН Беларуси, доктора биологических наук Э. И. Хотько.

пришел к мостови, рекл Плос: пойди семо, зде князь, не ведя его к тобе, княжо, а к собе в истобку...» [21, с. 26]. По этнографическим данным истопка представляла собой добротный сруб, который служил для хранения продуктов питания (корнеплодов, овощей и пр.), а в летнее время мог использоваться и как жилище [63, с. 284–285]. *Истопка* – обогреваемое помещение. Отсюда собственно и само название «истопить». Отапливалась истопка небольшой печью-каменкой. Иногда вместо печи делался небольшой очаг, в который засыпался горячий древесный уголь [75, с. 30]. Отличается истопка от жилища и меньшими размерами. В слое конца XIII в. было выявлено сооружение размерами 2,96 х 2,98 м, рубленое из бревен толщиной 18–20 см с добротным полом из плах на четырех лагах. Причем пол ремонтировался. В этой же постройке были выявлены остатки печи-каменки, сложенной из камней размером 3,5 х 4,6; 6 х 7–8 см. Все эти признаки позволяют видеть в остатках данного сооружения истопку.

Постройка производственного назначения представляла собой сруб площадью 9,5 кв. м (П-XXXII-9) из бревен толщиной 14–16 см. Материал сооружения: сосна, дуб, мелколиственная порода. Отмечено использование и бревен вторичного назначения. Справа от входа в этот сруб, в его переднем углу, стояла глинобитная печь. Вне постройки, рядом с ней, имелись пять больших скоплений обзоленной шерсти. Исходя из этого, постройку можно квалифицировать как мастерскую по обработке кож. Это единственная постройка, которая специально предназначалась для производственных целей. По-видимому, в ряде случаев эти функции были присущи и жилищам. В некоторых из них иногда встречались шлаки, обрезки кожи, отходы косторезного производства.

В письменных источниках начала XVI в. в Витебске упоминаются погреба[21]. Остатки погреба XVII в. выявлены лишь на Нижнем замке Витебска [76, с. 382]. На Верхнем замке они не найдены. Возможно, ввиду высокого расположения уровня грунтовых вод, их на Верхнем замке просто не сооружали.

В слое второй половины XVI в. выявлены остатки *свайного сооружения* (П-XXIX-2). Первоначально оно было принято за остатки бани [77]. Эта гипотеза не была лишена основания, поскольку в документе 1530 г. на Верхнем замке Витебска упоминается такое строение [78, с. 10]. Позже это сооружение квалифицировалось как мастерская по обработке камня [8, с. 124]. Однако, принимая во внимание сведения из письменных источников XVI в., можно допустить мысль и о другом его назначении.

В Актах Литовско-Русского государства за 1565–1566 гг. король Речи Посполитой Сигизмунд Август повелевает «Озерко замковое, которое к этому времени было сильно заболочено, «оцемровати», так, чтобы «... до этого озерца воды с горы и з дахов не збегала» [22, с. 195, 196]. В старопольском языке слово «цемра», а в старобелорусском – «цамра» означало плахи, сваи [79, с. 261; 80, с. 347; 81, с. 98]. А глагол «оцемровать», «цембровать» обозначал укрепить низкое место сваями. По сопровождающему материалу, выявленному на уровне появления этих свай, этот слой был датирован XVI в. Дендродатировка свай показала дату преимущественно второй половины XVI в., что не противоречит сообщению письменных источников о времени применения этих свай. Таким образом, можно полагать, что эти сваи – остатки берегового укрепления «Озерка замкового», хотя и это суждение не может быть окончательным в силу относительно небольшой площади исследования выявленного нами сооружения.

В слое второй половины XVII в. был выявлен *колодец*. Он представлял собой сруб с двойными стенами, промежутки между которыми заполнялись мелким речным песком. Последнее являлось необходимым для фильтрации грунтовых вод в условиях их поступления из культурного слоя. Размеры колодца 1,5 х 1,5 м (внутренний сруб) и 1,7 х 1,7 м (внешний сруб). В заполняющем его слое найдена керамика XVII в. Вероятнее всего, это остатки колодца, изображенного на плане Витебска 1664 г. Аналогичный ему по устройству колодец,

[21] Инвентарь замка Витебского, 1506 г. [82, с. 401.].

размерами 1,3 х 1,4 м был выявлен в напластованиях XVII–XVIII вв. в Литве на поселении Стабатишки расположенным неподалёку от Игналинской АЭС [82, с. 226, 231, 233]. Похожий на него колодец второй половины XVII в. известен и по раскопкам Нижнего замка Вильнюса [83, с. 22, m. 6]. Размеры этого колодца 1,4 х 1,7 м. С внешней стороны сруба колодца имелась обвязка в виде ещё одного сруба. Пространство между этими двумя срубами было заполнено мелким чистым песком (информация литовского археолога, автора раскопок Эгидиуса Озаласа).

Из весьма поздних сооружений отметим выявленные в раскопе 1979 г. на глубине 2,2 м (кв. 10, 15, 20) остатки дренажного сооружения. Оно представляло из себя конструкцию в виде трубы, собранной из четырёх колотых еловых (?) плах шириной до 20 см и толщиной 11–12 см. Внутренние размеры этой трубы получались 10 х 16 см. Длина одного звена дренажной трубы была от 4 до 6 м. Звенья дренажной системы соединялись с помощью специально сделанных шипов техникой коленчатого уступа. Боковые плахи трубы скреплялись с верхней и нижней плахами кованными железными гвоздями. Это дренажное сооружение было направлено в сторону р. Витьбы. В 1988 г. при зачистке стенки строительного котлована, в профиле его южной стены, был прослежен выход этой дренажной системы. Продатировать это сооружение затруднительно, поскольку оно перекрывалось переотложеным слоем. Похожие на них водоотводные сооружения встречались в Новгороде Великом, где они были отнесены к XVIII–XIX вв. [84, с. 227], встречены в Витебске на территории Нижнего и Узгорского замков, а также на территории Задунайской слободы. Время их бытования там определяется как XVII–XVIII вв. [26, с. 199]. В нашем случае, более правдоподобно будет отнести выявленные на Верхнем замке дренажные сооружения к XVIII–XIX вв., поскольку ниже их уже залегал слой XVII в.

Таким образом, как свидетельствуют данные наших раскопок, основные формы домостроительства Верхнего замка Витебска сложились к концу XIII в. и в большинстве своём имели общерусский характер. Жилища этой поры представлены исключительно срубными постройками, хозяйственные постройки – срубными и столбовой конструкции. Большинство построек XIII – начала XIV в. возводились на фундаментах. Независимо от назначения все постройки Верхнего замка имели добротные полы. В XIV–XVI вв. заметны новшества. Появляются новые типы столбовых построек, фундаментов, гидроизоляционная подсыпка и пр. Характерно и увеличение площади жилищ. Основным строительным материалом на протяжении всего рассматриваемого периода являлось дерево. Каменное зодчество, возникшее в первой четверти XII в., носило культовый характер и вплоть до 30-х гг. XIV в. на витебском детинце не велось. С 30-х гг. XIV в. оно продолжалось и носило оборонительный и эпизодически гражданский характер (палаты кн. Ольгерда). В целом же, массовая застройка Верхнего замка Витебска вплоть до конца XVII в. продолжала оставаться деревянной и сохраняла выработанные в XII–XIII вв. древнерусские традиции.

Слуцк. Городище летописного Случеска находится в центре современного города, неподалеку от переселения улиц Ленина и М. Богдановича, при слиянии рек Случк и Бычок, занимает холм размерами 80 х 100 м, возвышающийся над поймой на 5–7 м. Первые поселенцы облюбовали это место еще в раннем железном веке [85]. Вероятнее всего, в XI в. здесь было заложено дреговичами поселение городского типа. В XII–XIII вв. – это детинец летописного Случеска. В XIV–XVIII вв. – Верхний замок Слуцка. В XIX в. – это место называлось «Соборная горка» от возведенного здесь к 1889 г. Свято-Николаевского собора. Но после 1934 г., когда сей собор был взорван, место это в обиходе стали называть «Безбожная горка». В 1940 г. на месте стоявшего храма началось возведение Дома культуры, которое завершилось лишь к 1947 г. [86, с. 11–13]. Строительством этого дома культуры было тогда уничтожено почти 1000 кв. м площадки городища.

До второй половины 70-х годов XX в. северо-восточную часть городища занимала деревянная жилая застройка, росли старые, повидавшие не одно десятилетие, липы и груши – слуцкие бэры. Место это даже в почтовом ведомстве значилось как «Большая

горка». В 1984 г. здесь неожиданно для исследователей слуцких древностей развернулось строительство нового Дворца культуры. Началось разрушение культурного слоя, которое постепенно все больше и больше принимало угрожающие размеры, вплоть до полного уничтожения памятника. Институт истории АН БССР пробовал протестовать. Но ни Госстрой БССР, ни Министерство культуры, ни (как это не парадоксально) Президиум АН БССР в лице вице-президента АН БССР И. Я. Науменко эти устремления не поддержали. Стройка продолжалась. Правда, удалось добиться проведения охранных раскопок в зоне строительства и тем сохранить для науки то немногое, что могло быть уничтожено ковшом экскаватора. Эти охранные раскопки были проведены нами в 1985–1986 гг. (Рис. 3, 4). Строительством нового дома культуры было уничтожено ещё 5274 кв.м площади памятника.

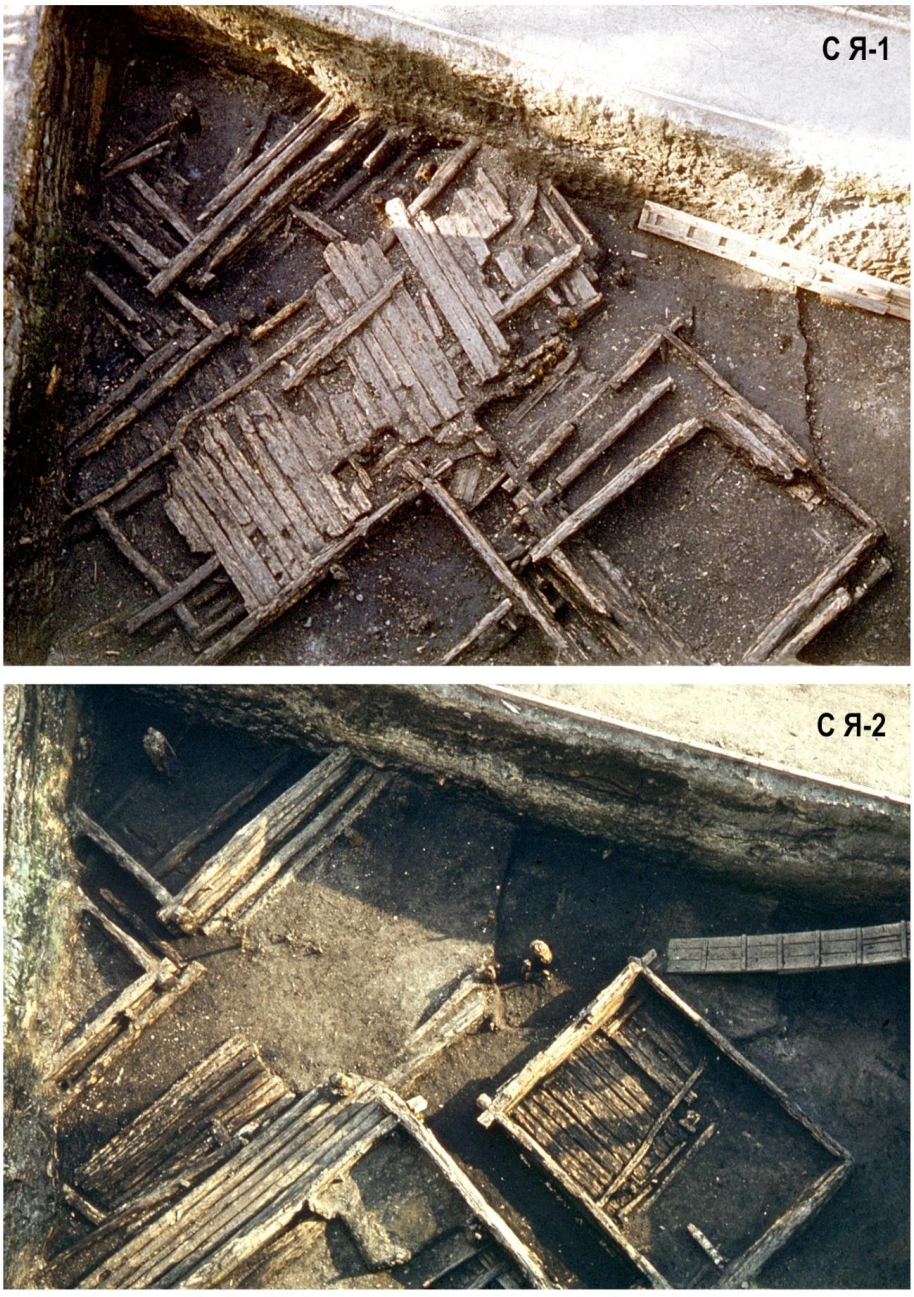


Рис. 3. Слуцк. Верхний замок. Археологические раскопки 1985 г.

Строительные ярусы 1 и 2. XIII в.

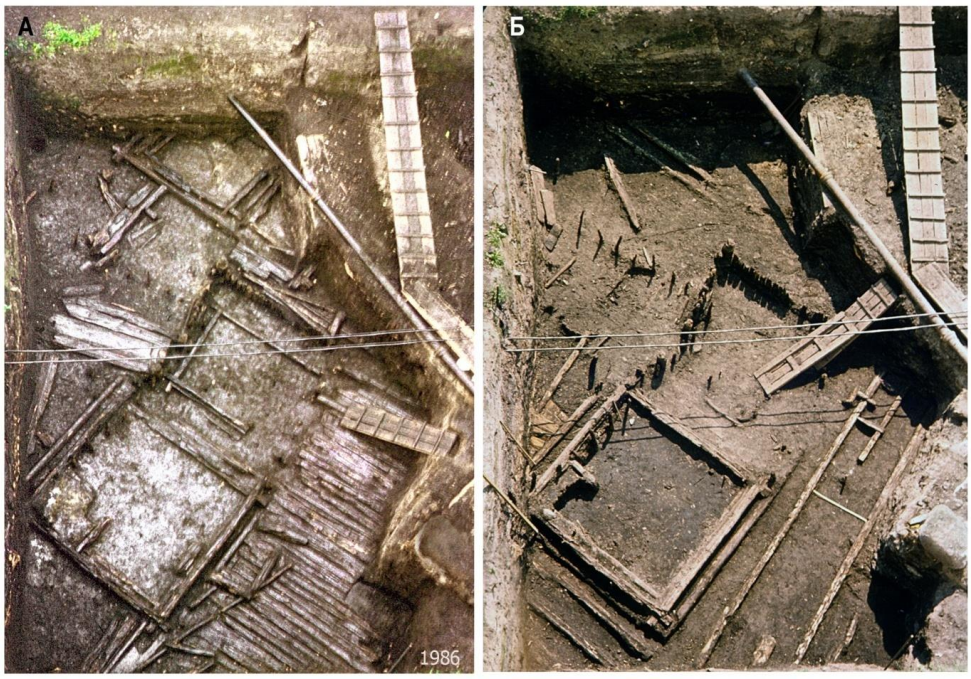


Рис. 4. Слуцк. Верхний замок. Археологические раскопки 1986 г.

Строительный ярус – 5. XIII в.

История археологического изучения памятника. Первые археологические исследования городища относятся к 1929 г., когда А. Н. Лявданский и С. А. Дубинский заложили здесь шурф. Ими была собрана гончарная и лепная керамика, а также металлургические шлаки. В 1958 г. шурф здесь закладывал и Э. М. Загорульский, который довел разработку культурного слоя до появления деревянных конструкций. В 1966 г. небольшие раскопки (до материка вскрыто 18 кв. м) провел П. Ф. Лысенко. Им было выявлено восемь ярусов бытовой застройки. Уже тогда, исходя из того немногочисленного материала, которым располагал этот исследователь, им была высказана мысль, что Слуцк возник на рубеже XI–XII вв. [43, с. 142–152]. В 1985–1986 гг. охранные раскопки на детинце древнего Слуцка провел автор данной публикации. Была осуществлена прорезка оборонительного вала и заложены три раскопа на площадке городища. Исследованная раскопками площадь составила 300 кв. м.

Стратиграфия памятника. Мощность культурного слоя на памятнике около 4 м. Стратиграфически выделяются напластования XIV–XVII вв. толщиной 0,6–1,2 м. Слой XII–XIII вв. – мощность около 3 м, и слой XI в. толщиной 0,2–0,4 м. Наибольшую информативность представляет слой XII–XIII вв., где в силу его повышенной влажности хорошо сохраняются предметы из органики и участки городской деревянной застройки.

Оборонительные сооружения Слуцкого городища представляли собой насыпной вал шириной в основании до 22 м и высотой до 6 м. С напольной стороны вала был выкопан ров шириной около 25 м на глубину около 2 м, который соединялся с речкой Бычок. По гребню вала шел частокол из дубовых бревен толщиной до 16 см [87].

Планировка и застройка. Результаты раскопок дали хороший материал по планировке и застройке слуцкого детинца XII–XIII вв. Это два яруса уличных мостовых, выявленных в раскопе 1985 г., и одна уличная мостовая, выявленная в раскопе 1986 г. Эти улицы были проложены в направлении север – юг и находились вблизи оборонительного вала. Ширина их была около двух метров, а устройство аналогичное уличным мостовым Берестья, где под лаги улиц на всю их всю их ширину подводились поперечные подкладки. Застройка слуцкого детинца была усадебной, о чём свидетельствуют остатки изгородей между домами в виде частокола и жердевого плетня. Раскопками выявлено тридцать по-

строек, большинство коих представлено срубами. Они сохранились на высоту 2–4 венца, отдельные до 6-ти венцов, что давало возможность проследить в трёх случаях устройство дверных проёмов. Кроме того, найдены были несколько дверных досок и целая дверь XIII в.

С учётом строительных особенностей, размеров, заполняющего слоя и сопутствующего вещевого материала, среди слуцких построек можно выделить жилища, клети, хлева и постройки производственного назначения.

Жилища–срубы имели площадь 9–20 кв. м, рубленные из брёвен толщиной 16–18 см техникой в верхнее обло с небольшим остатком, сохраняли остатки глинобитных печей. В большинстве случаев удавалось проследить и устройство этих печей. Это столбовой опечек, каркас из вбитых в грунт колышков, обкладка по контуру пода печи из небольших камней.

Клети и хлева были площадью 4–12 кв. м. В сооружении последних отмечена и столбовая техника сооружения – «в паз» или «в шулу». Из построек производственного назначения отметим кузницу XII в., постройку металлурга XIII в.[88, с. 93–94], мастерскую кожевника XII–XIII вв.

В 2016 г. на детинце древнего Слуцка вновь начались строительные работы, связанные с реконструкцией старого дома культуры. И вновь, как и тридцать лет назад, здесь проводились охранные, спасательные раскопки. Изученная этими раскопками площадь составила 64 кв. м, из них до материка 34 кв. м. В ходе этих раскопок также были вскрыты участки городской деревянной застройки XII–XIII вв., представленные остатками жилых и хозяйственных сооружений и уличной мостовой.

Особо отметим выявленную в слое XII в. ювелирную мастерскую площадью чуть более 8 кв. м, сохранившейся на 3–4 венца, в которой был прослежен и дверной проём, и в ходе расчистки которой было найдено много артефактов, относящихся к ювелирному производству: сырьё, заготовки для производства предметов, орудия труда, отходы и брак производства, целые вещи (Рис. 5). Среди последних – три колта (см. публикацию в этом сборнике). В слое этого же времени выявлена и уличная мостовая шириной 2,7 м, уложенная на сложную систему подкладок из массивных дубовых брёвен, расположенных вдоль и поперёк настила этой мостовой. Направление уличной мостовой – запад – восток с отклонением в 40° по часовой стрелке [89].

Рис. 5. Слуцк. Верхний замок. Археологические раскопки 2016 г.

Строительный ярус – 4: П- 43 ювелирная мастерская, П – 42 хлев, П-44 жилище (?). XII в.

Всего в Слуцке раскопками на его Верхнем замке изучено чуть более 500 кв. м. Из них до материка 350 кв. м. Построек раскопками выявлено за все годы 45 (одна из них на посаде). Для сравнения, культурный слой, в ходе различных строительных работ, только на детинце древнего Слуцка, уничтожен на площади 5274 кв. м. Печальна и судьба артефактов, выявленных в ходе наших раскопок и переданных Слуцкому краеведческому музею, которым в результате беспечного отношения был нанесён значительный ущерб [90].

Сопоставление данных по застройке Верхнего замка Витебска и Верхнего замка Слуцка показывает, что, не смотря на имеющиеся у них общие для всех восточнославянских городов XII – начала XIV в. строительные приёмы, в них присутствуют и некоторые локальные особенности. Так, строительные традиции Верхнего замка Витебска ближе тяготеют к строительным традициям Северной Руси, а строительные традиции Верхнего замка Слуцка – к строительным традициям городов Туровской земли. Для более позднего периода (Верхний замок Витебска) эти традиции ближе строительным традициям белорусского народного зодчества.

Данные по планировке и застройке Витебска и Слуцка XII – начала XIV в. прекрасно вписываются в общую картину по планировке и застройке средневековых городов Беларуси этого периода, отображённую в своё время в публикации Эдуарда Михайловича Загорульского.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Загорульский Э. М. Общая планировка и застройка раннефеодального города на территории БССР по археологическим данным // Труды института истории АН БССР. 1958. Вып. 3.

2. Воронин Н. Н. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1942 гг.) Москва: Наука, 1954.

3. Тарасенко В. Р. Древний Минск (по письменным источникам и данным археологических раскопок 1945–1951 гг.) // Материалы по археологии БССР. Минск, 1957.

4. Загорульский Э. М. Древний Минск: (По материалам археол. раскопок 1945–1951 и 1957–1959 гг.) / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 117.

5. Лысенка П. Ф. Масавае жыллё і гаспадарчыя пабудовы // Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 3. Мінск, 2000.

6. Бубенько Т. С. Средневековый Витебск. Посад–Нижний замок (X – первая половина XIV в.). Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2004.

7. Колединский Л. В., Ткачев М. А. Строительная техника и строительные материалы средневекового Витебска // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в Северо-Западной части СССР. Рига, 1983.

8. Ткачев М. А., Колединский Л. В. Постройки древнего Витебска XII–XVII вв. // Древнерусский город. Киев, 1984.

9. Колединский Л. В. Городище средневекового Слуцка (предварительные итоги исследований 1985–1986 гг.) // ГАЗ. 1994. Вып. 4.

10. Зверуго Я. Г. Археологические работы в Слониме // Беларускія старажытнасці. Мінск, 1972.

11. Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Минск: БГУ, 1982.

12. Лысенко П. Ф. Берестье. Минск: Наука и техника, 1985.

13. Штыхов Г. В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.). Минск: Наука и техника, 1975.

14. Колединский Л. В. Работы в Слуцке // АО 1985 года. Москва, 1987.

15. Колединский Л. В. Раскопки на детинце древнего Слуцка // АО 1986 года. Москва, 1988.

16. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Санкт-Петербург, 1888.

17. Витебская старина / сост. А. П. Сапунов. В 5 т. Т. 1. Витебск, 1883.

18. Штыхаў Г. В. Там, дзе пачынаўся горад // ПГКБ. 1974. № 2.

19. Трусаў А. А., Чарняўскі І. М., Кукуня В. Р. Архітэктурна-археалагічныя даследаванні гістарычнага цэнтра Магілёва // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1985. № 5.

20. Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. XIX – начало XX в. Минск: Наука и техника, 1983.

21. Русско-Ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. Санкт-Петербург, 1868.

22. Довнар-Запольский М. В. Акты Литовско-Русского государства: в 2 т. Т. 2. Москва, 1897.

23. Чарняўскі І., Цішкін І. Віцебская ратуша // ПГКБ. 1987. № 2.

24. Чарняўская Т. І. Архітэктура Віцебска: з гісторыі планіроўкі і забудовы горада. Мінск: Навука і тэхніка, 1980.

25. Чантурия В. А. История архитектуры Белоруссии. Минск: Вышэйшая школа, 1985.

26. Левко О. Н. Витебск XIV–XVIII вв.: (стратиграфия, хронология, социально-историческая топография и технология производств). Минск: Наука и техника, 1984.

27. ИЮМ / под ред. М. Веревкина. Витебск, 1890. Вып. 20.

28. Витебская старина / сост. А. П. Сапунов. В 5 т. Т. 4. Витебск, 1885.

29. Лобач С. Г. З лексікі беларускіх плытнікаў // З народнага слоўніка. Мінск, 1975.

30. Лобач С. Г. Тэрміналогія падзвінскіх плытагонаў // Народнае слова. Мінск, 1976.

31. Арциховский А. В. Раскопки на Славнее в Новгороде // МИА. 1949. № 11.

32. Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. Москва, 1982.

33. Цауне А. В. Археологические данные о сплаве брёвен по Даугаве // Известия АН Латвийской ССР. 1974. № 6.

34. Žalnierius A., Balčiunas D. Santakos St.14, Kaunas // Archaelogical Investigations in Independent Lithuania. Vilnius, 2012.

35. Пронин Г. Н., Соболь В. Е. Оборонительные укрепления Смоленска конца XVI–XVII вв. у Молоховских ворот. Смоленск: Свиток, 2012.

36. Гупало К. Н., Толочко П. П. Давньокиївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень // Стародавній Київ. Київ, 1975.

37. Харламов В. О. Конструктивні особливості дерев'яних будівель Подолу X–XIII ст. // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ, 1976.

38. Носов Е. Н. Новые данные о домостроительстве населения I тыс. н. э. в Приильменье // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в Северо-западной части СССР. Рига, 1983.

39. Новое в археологии Киева / отв. ред.: П. П. Толочко. Киев: НАУКОВА ДУМКА, 1981.

40. Мяцельскі А. А. Старадаўні Крычаў: Гіст.-археал. нарыс горада ад старажытных часоў да канца XVIII ст. Мінск: Беларуская навука, 2003.

41. Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. 1963. № 123.

42. Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. Москва: Наука, 1973.

43. Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Минск: Наука и техника, 1974.

44. Лебедева Н. И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. Мозырская и Бобруйская округа по левому берегу Припяти и ее притокам: материалы экспедиции 1927 г. // Труды Государственного центрального музея народоведения. Москва, 1929. Вып. 1.

45. Засурцев П. И. Постройки древнего Новгорода (Предварительная характеристика по материалам Неревского раскопа 1951–1955 гг.) // МИА. 1959. Вып. 65.

46. Цауне А. В. Жилища Риги XII–XIV вв. (по данным археологических раскопок). Рига: Зинатне, 1984.

47. Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XV–XVII вв. Москва: Наука, 1981.

48. Ганцкая О. А., Грацианская Н. Н. Крестьянское жилище в странах зарубежной Европы // Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. Москва, 1968.

49. Historia Gdańska. T. 1. / pod red. E. Cieślak. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1978.

50. Tautavicius, A. Vilniaus zemutines pilies medeniai pastatai XIII–XIV // Islietuviu Kulturos istorijos. 1964. № 4.

51. Барашков, Ю. Дом людей // Знание – сила. 1981. № 8.

52. Толочко П. П. Массовая застройка Киева X–XIII вв. // Древнерусские города. Москва, 1981.

53. Алексеев Л. В. Раскопки древнего Браслава (Витебская область) // КСИА. 1960. Вып. 81.

54. Бубенько Т. С. Исследования в Витебске // АО 1984 года. Москва, 1986.

55. Харузин А. Славянское жилище Северо-западного края. Вильно: Типо-Литография Товарищества п.ф. «Н.Мац и Ко», 1907.

56. Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. Ленинград: Наука, 1975.

57. Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Труды Института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Новая серия. 1956. Т. 31.

58. Бубенько Т. С. Исследования в Витебске // АО 1983 года. Москва, 1985.

59. Древняя Русь: город, замок, село / Отв. ред. Б. А. Колчин. Москва: Наука, 1985.

60. Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1972.

61. Малевская М. В., Фоняков Д. И. Постройки древнего Торопца // СА. 1985. № 4.

62. Бубенько Т. С. Раскопки Окольного города Витебска // АО 1981 года. Москва, 1983.

63. Никифоровский Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск: Губернская типография, 1895.

64. Беларускае народнае жыллё / Э. Р. Сабаленка, У. С. Гуркоў, У. М. Іваноў, Дз. Д. Супрун. Мінск: Навука і тэхніка, 1973.

65. Молчанова Л. И. Очерки материальной культуры белорусов XVI–XVIII вв. Минск: Наука и техника, 1981.

66. Жлоба С. Скляпеністая столь // ПГКБ. 1984. № 3.

67. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. Москва: Наука, 1987.

68. Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. Москва: Наука, 1971.

69. Сергачев С. А. Деревянная архитектура Белоруссии XVI–XIX вв. Минск: Полымя, 1984.

70. Русов П. А. Деревянные сооружения Менска XIII–XVII вв. (Опыт архитектурно-археологической реконструкции). Минск: Навука і тэхніка, 1992.

71. Колычева Е. И., Пронштейн А. П. Русская материальная культура XVI века // Вопросы истории. 1974. № 7.

72. Малчанава Л. А. Беларускае сялянскае жыллё феадальнай эпохі // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1956. № 4. С. 55–64.

73. Александровіч Н. Нечаканыя знаходкі // Родная прырода. 1986. № 3.

74. Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах. Т.1. (IX–XVIII ст.). Мінск, 1936.

75. Лакотка А. Паграбы і стопкі // ПГКБ. 1984. № 3.

76. Бубенько Т. С. Раскопки Окольного города феодального Витебска // АО 1982 года. Москва, 1984.

77. Знаходкі беларускіх археолагаў // Віцебскі рабочы. 1978. 2 верасня.

78. Беларускі архіў. Т. 2. Літоўская метрыка (XV–XVI ст.) / Склад. З. Даўгяла. Мінск, 1928.

79. Slownik języka Polskiego / pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego i W. Niedźwiedzkiego. Warszawa, 1900. T. 1.

80. Булыка А. М. Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1972.

81. Булыка А. М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XVI–XVIII стст. Мінск: Навука і тэхніка, 1980.

82. Fediajevas O. Stabatiškės Manor Sitese // Archaelogical Investigations in Independent Lithuania. Vilnius, 2012.

83. Katilius A. Autheticity and decisions concerning, exhibition methods and architecture at the restored palace of the Grand Dukes of Lithuania // The palace of the Grand Dukes of Lithuania and its restoration within the context of European experience. Vilnius, 2009.

84. Медведев А. Ф. Водоотводные сооружения Новгорода Великого // МИА. 1956. № 55.

85. Колединский Л. В. Городище Слуцк в раннем железном веке // ГАЗ. 1994. Вып. 5.

86. Ціткоўскі І. А. Слуцк. Гісторыя горада ў помніках архітэктуры. Мінск: Смэлтак, 2015.

87. Калядзінскі Л. У. Умацаванні і ўзбраенне дзяцінца летапіснага Случаска (XII–XIII стст.) // ГАЗ. Памяці Міхася Ткачова: у 2 ч. Ч. 1. Мінск, 1993.

88. Колединский Л. В. Кузница и постройка металлурга из Слуцка XII–XIII вв. // Тезисы 1–й Гомельской историко–краеведческой конференции. Гомель, 1989.

89. Колединский Л. В., Почобут Н. А., Родин В. Е. Слуцк: итоги спасательных исследований в 2016 г. // МАБ. 2018. Вып. 29.

90. Колединский Л. В. «Потерявши плачем…»? (выявление и сохранение артефактов из раскопок летописного Случеска) // Старажытныя гарады. Праблемы даследавання, музеефікацыі, захаванне помнікаў і гістарычных тэрыторый. Заслаўе, 2011.

КОЛТЫ XII В. ИЗ РАСКОПОК ДЕТИНЦА ЛЕТОПИСНОГО СЛУЦКА

Л. В. Колединский[1)]***, Н. А. Почобут***[2)]

[1)]*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь;* [2)]*УК «Гродненский государственный историко-археологический музей», г. Гродно, Беларусь*

Слуцк – город областного подчинения, центр Слуцкого района расположен на р. Случ в 105 км на юг от Минска. Первое наиболее достоверное упоминание о Слуцке относится к 1116 году. С 1160 г. Слуцк – центр удельного княжества. Городище древнего Слуцка (в летописи – Случеска) находится в центре современного города. Расположено на правом берегу р. Случь при её слиянии с р. Бычок неподалёку от пересечения улиц Ленина и М. Богдановича. Оно занимает холм размерами 80 х 100 м, возвышающийся над поймой реки на 5–7 м. В XI–XIII вв. тут располагался детинец Случеска.

Первые археологические раскопки на городище древнего Слуцка были проведены в 1929 г. А. Н. Лявданским и С. А. Дубинским. В ходе шурфовки была собрана гончарная и лепная керамика, металлургические шлаки, шиферные пряслица и стеклянные браслеты [1, с. 4]. Данные этой шурфовки дали основание полагать, что городище древнего Слуцка – памятник многослойный и может быть отнесён к двум историческим эпохам: периоду раннего железного века и древнерусскому периоду.

В 1958 г. шурф размерами 1 х 3 м на детинце летописного Слуцка закладывал Э. М. Загорульский. К сожалению, сведения об этой шурфовке скудны: какая-либо документация, где бы приводились данные по месту расположения шурфа на площадке городища и его стратиграфии в архиве отделов археологии отсутствует. Известно лишь, что шурф был доведён до появления первых деревянных конструкций, это значит до глубины около 1,5 м. Именно с этой глубины на городище древнего Слуцка начинают появляться древние деревянные конструкции. Из находок, как отмечает автор шурфовки, были встречены шиферные пряслица и фрагменты стеклянных браслетов. Эта информация в устной форме была предоставлена П. Ф. Лысенко, которую он и включил в свою монографию [2, с. 147, сноска № 181].

В 1966 г. небольшие раскопки на городище древнего Слуцка проводил П. Ф. Лысенко. Первоначальная площадь раскопа составляла 36 кв. м. До материка исследователю удалось вскрыть 18 кв. м. В ходе этих раскопок было выявлено 8 ярусов бытовой деревянной застройки, приведены стратиграфия и хронология культурных напластований памятника, собран вещевой материал. Результаты исследований отражены в отчёте о полевых работах и в ряде научных публикаций автора тех раскопок [2, с. 142–152; 3].

В 1985 г. охранные раскопки на детинце древнего Слуцка проводил Л. В. Колединский. Была сделана прорезка оборонительного вала в южной части городища (траншея-1), заложена траншея с целью уточнения расположения вала в западной части памятника (траншея-2), а также шесть шурфов в разных частях площадки городища с целью получения информации по стратиграфии и мощности культурного слоя памятника, и раскоп площадью 90 кв. м, стратиграфически связывающий площадку городища с оборонительным валом. Всего за 1985 г. нами было изучено 186 кв. м. Из них до материка 150 кв. м [4]. В 1986 г. охранные раскопки на детинце древнего Слуцка были продолжены. На площадке городища было заложено два раскопа общей площадью 192 кв. м. Из них до материка было изучено 148 кв. м [5]. Кроме того, в 1986–1987 гг. проводились и наблюдения за земляными работами, связанные с прокладкой подземных инженерных коммуникаций. Археологические раскопки, проведённыве на этом памятнике в 1985–1986 гг., засви-

детельствовали богатую материальную культуру этого поселения в XII–XIII вв. Материалы исследований 1985–1986 гг. нашли отражение в тридцати научных и научно-популярных публикациях.

Летом – осенью 2016 г., спустя тридцать лет, на детинце древнего Слуцка вновь проводились охранные (спасательные) исследования, связанные с предстоящими земляными и строительными работами.

Раскоп-1 площадью12 кв. м располагался напротив фасада старого здания Дома культуры. Целью этих раскопок было исследование участка, предназначенного под установку памятника княгине Анастасии Слуцкой. Раскопками установлено, что культурный слой на данном участке переотложен в результате строительных работ, связанных с возведением поблизости от него во второй половине XIX в. Николаевского собора и здания старого Дома культуры. Строительство последнего началось в 1940 г. и завершилось к 1947–1951 гг. Мощность культурного слоя на участке составила около 2 м. Вещевой материал оказался немногочисленный, всего десяток находок древнерусского периода и более позднего времени. Данные раскопок позволили скорректировать сведения о прохождении трассы оборонительного вала, который, судя по стратиграфии стен данного раскопа, проходил несколько западнее места проведения наших работ.

Раскоп-2 2016 г. располагался во дворе старого Дома культуры, вблизи нового Дома культуры, построенного в 1984–1986 гг. Первоначально площадь раскопа составляла около 70 кв. м. Впоследствии она была сокращена, так как на глубине 1,5 м были вскрыты остатки фундамента Николаевского собора, которые не разбирались. Изучить до материка удалось 24 кв. м. Цель этих раскопок – археологическое изучение участка, предназначенного для прокладки инженерных коммуникаций. В задачи исследования входило изучение стратиграфии и мощности культурных напластований, остатков древней городской деревянной застройки, сбор и атрибуция вещевого материала. Раскопками установлено, что мощность культурного слоя на данном участке составляет 4 м. Культурный слой до глубины 1,8 м нарушен строительными работами. До глубины 2,2–2,4 м – это слой периода ВКЛ. На глубине около 2 м найдены две монеты: пражский грош (время бытования на землях Беларуси относится к XIV–XV вв.). Вскрыто четыре строительных яруса, включавших остатки четырёх построек, дворовых вымосток и уличной мостовой. Наибольшую плотность застройки имел четвёртый строительный ярус, представленный остатками трёх построек и уличной мостовой.

Особый интерес вызвала постройка П-43, квалифицированная нами как ювелирная мастерская (нумерация построек продолжена исходя из нумерации раскопов 1966 и 1985–1986 гг.). Она вскрыта на глубине 3,11 м, где выявлено верхнее бревно юго-восточного угла сруба, и до глубины 3,47 м, на которой расположено нижнее бревно того же угла сруба. Постройка рублена в верхнее обло с остатком 4–12 см. Использованы брёвна хвойной и лиственной породы толщиной 12–14 см. Глубина соединительной чашки – в пол бревна. Поверх брёвен сохранился уплотнительный паз глубиной в 1,5–2 см, в нём найден мох sphagnum magellanicum. Размеры данного сруба П-43 по реконструкции могли быть 2,88 х 2,88 м. Сохранилась постройка на 3–4 венца, сохранность дерева удовлетворительная. Под нижним бревном юго-западной стены имелась подкладка из соснового бревна, уложенная по длине стены, по-видимому, игравшая роль своеобразного фундамента, служившего для нивелировки горизонта. В северо-западной стене постройки сохранился дверной проём шириной 81 см, который соединял П-43 с прирубленной к ней постройкой П-42, служившей для содержания скота. По обе стороны дверного проёма имелись пазы под стопорящие доски. Дверь постройки П-42 открывалась наружу.

Внутри П-43 и возле неё собрано большое количество артефактов, указывающее на её функциональную принадлежность. Это орудия труда – тигель и две матрицы, сырьё – кусочки свинца, олова, меди, серебра и серебряная проволока. Выявлено порядка двух десятков серебряных, бронзовых, латунных, медных и оловянных изделий, среди которых встре-

чены пуговицы грибовидной формы, бубенчики, накладки на головной убор и одежду, нательный крестик с незавершённой обработкой (или бракованный), перстни, книжная застёжка, подвеска-амулет в виде меча. Последняя могла быть принадлежностью княжеского дружинника.

Ил. 1-1

Ил. 1-2

Ил. 1-3

Рис. 1. Колты. Олово, конец XII – начало XIII в. Слуцк, детинец. Раскопки 2016 г.

Однако самыми замечательными находками стали три колта (Рис. 1: 1–3), два из которых были выявлены в самой постройке и один – вне её, рядом со срубом. Колты (от др. рус. кълтъкъ – деталь парадного женского головного убора – массивная подвеска) подвешивались к головному убору, в ряде случаев – к убору типа венца: на металлических цепочках, в том числе с бляшками; на лентах, в том числе с металлическими тиснёными пластинками или колодочками, и др.; внутрь их вкладывалась ткань, смоченная душистыми маслами [6].

Щитки слуцких колтов слегка выпуклые, их окаймляет рамка, по краю которой проходит линия ложной зерни. По контуру колтов имеется ряд крупных полых шариков, имитирующих жемчужную обнизь дорогих колтов княжеско-боярских уборов XII века. Слуцкие изделия получены техникой литья «навыплеск» в имитационной литейной форме, когда в разъёмную двухчастную каменную форму со вставными стержнями наливали металл через воронкообразный литник, и металл застывал в местах соприкосновения со стенками формы, а та часть расплавленного метала, которая ещё не успела затвердеть, выливалась из формы через второй литник, обязательно короткий для тугоплавких сплавов [7, с. 91–98; 8, с. 247].

Колты № 2 и № 3 сохранили полукруглые дужки для подвешивания (Рис. 1: 2, 3). На примере изделия № 2 отчётливо видно, что дужка и петля отлиты в одной форме одновременно с колтом, поскольку на этих элементах имеются литейные швы, переходящие в литейные швы обнизи. Изделия тонкостенные.

Примером формы для литья «навыплеск» колтов с имитацией жемчужной обнизи являются формочки из тайника в Десятинной церкви, которые были найдены М. К. Каргером в Киеве в 1939 г., датируются кон. XII – нач. XIII в. (не позднее 1240 г.), служили для отливки колтов с изображениями грифонов. Они находятся в коллекции КМИД [9, с. 315, № 215]. Конструкция литейных форм, в которых колты отливались вместе с петлями и дужками, прослеживается на формочках из Серенска Калужской области [10, рис. 48: 6, 8, 9, 17, 18].

Все три колта из раскопа-2 Слуцка украшены рельефными изображениями фантастического зверя на четырёх лапах, с хвостом, загнутым кольцом над спиной, из пасти зверя выходит «лепесток» (видимо, символ добычи). Рельеф изображений плоский, высота его относительно фона почти одинаковая – 0,2–0,3 мм. Изображение на лицевой стороне каждого колта имеет некоторые отличия от изображения на оборотной стороне.

Изображения предельно упрощённые, если сопоставить их с подобными изображениями на колтах XII века. Например, в сравнении с парными колтами с обнизью из крупных шариков из Териковского клада (1876 г., д. Терихово Болоховского уезда Орловской губернии под Полтавой), на которых изображён шагающий зверь с хвостом над спиной, держащий в пасти «лепесток» [11, рис. 18, № 145, 146]. Матрица для тиснения щитков «териковских» колтов была найдена в древнерусском Серенске в верховьях р. Оки. Эти колты и матрица хранятся в собрании Русского музея [12].

Очень схожее со слуцкими колтами изображение зверя присутствует на колте из городища Слободка Орловской области [11, рис. 21, № 204]. Отметим ещё фрагмент каменной формы из Серенска (1/2 половинки двухчастной формы для литья «навыплеск») с изображением хвоста и двух задних лап, как и у фантастического существа на слуцких колтах [10, рис. 48: 18]. Тот же мотив был использован мастером при создании колта, происходящего из киевского клада, но изображение зверя на нём, по замечанию Т. И. Макаровой, иное – передняя лапа приподнята как на некоторых прорисовках Сэнмурвов [11, с. 51, рис. 24, № 116].

Колт № 1 (СЦК-2016/В.з., р.2, П-3, пл.17, кв.8), D-32 мм без учёта дужки. Изображение на щитке, ограниченное рамкой, имеет ширину 18 мм, высоту 12 мм. Ширина щитка с рамкой и рядом ложной зерни составляет 22 мм, диаметр шариков обнизи 4 х 5–6 мм. Толщина кромки колта 4 мм. Нижний шарик не имеет остатков металла в виде необрезанной

кромки, его половинки скреплены пайкой. Прорезь вверху колта открыта. В петле колта пробито ушко (d-1 мм), литейные швы на нём удалены (в отличие от изделий № 2 и № 3). Дужка утрачена, а ниже места её крепления, в углу щитка с орнаментом, проделано сквозное неровное отверстие, имеющее с одной стороны округлую (d – 4 мм), с другой – удлинённую неправильную форму (11 х 4 мм). В неё продет прут круглого сечения (d – 1,5 мм) с одним острым концом, противоположный конец обрублен прямо (Рис. 1: 1).

Колт № 2 (археологический шифр: СЦК-2016 / В.з., р. , П-3 – южная стена, под полом, глубина 334 см от условного нуля, пл. 17, кв. 8). Общий D-32 мм. Ширина щитка с рамкой и рядом ложной зерни составляет 22 мм. Толщина кромки колта, имитирующей жемчужную обнизь, составляет 4 мм. Диаметр створок полых слегка вытянутых шариков – 4 х 5–6 мм. Снаружи колт был покрыт тонким слоем металла жёлтого цвета. На конце дужки колта было плоское, видимо, ромбической формы завершение с малюсеньким отверстием, но оно утрачено. Поперечное сечение дужки ромбическое 1,5 х 1,3 мм. Прорезь вверху колта открыта (Рис. 1: 2).

Колт № 3 (СЦК-2016 / В.з., р.2, П-3, пл.18, п/м) в целом несколько деформирован, щитки смяты, поэтому его диаметр при измерении сейчас составляет 30 мм. Внизу обнизи один шарик с остатками кромки от вылитого из формы металла. На изображениях мифических существ есть небольшие пятна металла жёлтого цвета. В петле колта (h – 4 мм, ширина 3,3 мм) ушко не пробито. Дужка завершена остриём, конец её утрачен. Прорезь вверху колта открыта. Толщина пластины, из которой изготовлен щиток,у края прорези составляет 0,3 мм (Рис. 1: 3).

Линия ложной зерни и рельеф на щитках у колта № 2 стёрты значительно больше, чем у колта № 3. Нижние шарики изделия № 2 соединены припоем, в отличие от аналогичного участка у экземпляра под № 3. Дужки у них закрывались на одну сторону.

На основании статиграфии новгородских ювелирных изделий (колты, височные кольца многобусинные и трёхбусинные, металлические бусы) начальная дата литья «навыплеск» отнесена Н. В. Рындиной к 70–80 годам XII века [8, с. 261], как и М. В. Седовой [13, с. 150, рис. 1: 6]. Б. А. Рыбаков первым связал появление каменных литейных формочек с переходом от выполнения ювелирами работы по индивидуальному заказу к работе на рынок, назвав эти формы «имитационными» [14, с. 270–278]. Технология литья «навыплеск» упростила трудоёмкие операции по обработке цветного металла, из которого первоначально изготавливались дорогостоящие колты с использованием тиснения и пайки зерни, заменив их литьём в тщательно вырезанные составные формы, что удешевило продукцию ювелиров [8, с. 259]. Поэтому литые колты получили широкое распространение среди городского населения.

Все три колта из Слуцка изготовлены из олова, содержание которого составляет от 97,6 % до 98,5 %. В качестве естественных микропримесей присутствует кальций, содержание которого 1,5–2,3 %[1]. Внутри одного из колтов под № 1 сохранилась шерсть овцы, служившая для сохранения запаха ароматизатора, которым она пропитывалась[2].

Колты из раскопа-2 в Слуцке по стратиграфии, сопровождающему материалу, сюжетам на подобных изделиях и использованной технологии литья можно датировать концом XII – первой половиной XIII века. Собрание колтов, полученное исследователями на территории Древней Руси при раскопках и в кладах, довольно представительное [15, с. 293]. Только в одном Новгороде Великом их найдено более полутора десятков [16, с. 84]. На территории Беларуси колты выявлены в Берестье (1) [17, с. 259], Минске (2) [18, с. 350], Ви-

[1] Определение Г. Н. Клавсутя, кандидата химических наук, главного эксперта таможенной лаборатории УО «Государственный институт повышения квалификации и переподготовки таможенных кадров Республики Беларусь».

[2] Микроскопический анализ структуры содержимого в колте выполнен в лаборатории териологии ГНПО «НПЦ НАН Беларуси по биоресурсам» старшим научным сотрудником, кандидатом биологических наук И. А. Соловей.

щине (4) [19, с. 132]. Тем не менее, прямых аналогов слуцким колтам среди всей коллекции колтов, собранных на древнерусских памятниках, пока не известно. Можно с определённой долей уверенности утверждать, что изготовление данных колтов было делом рук местного ювелира. В пользу такого утверждения – находки двух матриц для изготовления колтов, найденные в этой же мастерской раскопа-2 (Рис. 2).

Рис. 2. Матрицы для изготовления колтов. Бронза, конец XII – начало XIII в. Слуцк, детинец. Раскопки 2016 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. У.М. Археолёгічныя досьледы на Случчыне // Савецкая Беларусь. 1929. 29 ліп.

2. Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Минск: Наука и техника, 1974.

3. Лысенко П. Ф. Отчёт о полевых исследованиях группы по изучению археологических памятников Туровской земли в 1966 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 272.

4. Колединский Л. В. Отчёт о полевой работе в Слуцке в 1985 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 940.

5. Колединский Л. В. Отчёт о полевых работах в Слуцке в 1986–1987 гг. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 1044, 1044а, 1044б.

6. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). Москва: Наука, 1981.

7. Рындина Н. В. О древнерусском литье «навыплеск» // СА. 1962. № 2.

8. Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров // МИА. 1963. № 117.

9. The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A. D. 843–1261 / edited by Helen C. Evans and William D. Wixon. New York, 1997. № 215.

10. Никольская Т. Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. Москва: Наука, 1981.

11. Макарова Т. И. Черневое дело Киевской Руси. Москва: Наука, 1986.

12. Выставка «Клады Древней Руси в собрании Русского музея» // Клады Древней Руси. Ч. II. Виртуальный Русский музей [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=HphHUPsbpy4.

13. Седова М. В. «Имитационные» украшения древнего Новгорода // Древняя Русь и славяне. Москва, 1978.

14. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. Москва: АН СССР, 1948.

15. Археология. Древняя Русь. Быт и культура. Москва: Наука, 1997.

16. Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. Москва, 1982.

17. Лысенко П. Ф. Берестье. Минск: Наука и техника, 1985.

18. Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Минск: БГУ, 1982.

19. Загорульский Э. М. Вищинский замок. XII–XIII вв. Минск: БГУ, 2004.

ГУТНЫЯ ШКЛЯНЫЯ ВЫРАБЫ З КОПЫСІ (ПА МАТЭРЫЯЛАХ РАСКОПАК Э. М. ЗАГАРУЛЬСКАГА Ў 1972 Г.)

П. С. Курловіч[1)]***, А. В. Зыль***[2)]

[1)]*Інстытут гісторыі НАН Беларусі,* [1), 2)]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, г. Мінск, Беларусь*

Археалагічныя напластаванні ў гарадах, якія датуюцца перыядам позняга Сярэдневякоўя – ранняга Новага часу, на тэрыторыі сучаснай Беларусі мэтанакіравана сталі вывучацца з другой паловы 1970-х гг. [1, с. 7]. Аднак некаторыя даследчыкі пачалі звяртаць увагу на асобныя элементы гарадской матэрыяльнай культуры гэтага перыяду і раней. Так, у археалагічных калекцыях, прадстаўленых матэрыяламі з даследаванняў пад кіраўніцтвам Э. М. Загарульскага, прысутнічаюць знаходкі шкляных вырабаў, якія датуюцца пазней за старажытнарускі час, які ў той перыяд з'яўляўся верхняй храналагічнай мяжой археалагічных даследаванняў. У фондах вучэбнай лабараторыі музейнай справы БДУ захоўваецца каля 200 асобнікаў такіх прадметаў з раскопак на тэрыторыі Дзяржынска, Свіслачы, Рагачова, Мінска і Стрэшына. Але найбольш прадстаўнічая калекцыя гутнага шкла, якая складаецца са 104 вырабаў, паходзіць з даследаванняў 1972 г. на гарадзішчы ў Копысі. Яе аналізу і будзе прысвечаны дадзены артыкул[1].

Старажытнарускі горад Копысь, які пасля далучэння да Вялікага Княства Літоўскага быў каралеўскім, а ў XVI–XVIII стст. – прыватнаўласніцкім горадам, змяшчаўся на левым беразе Дняпра пры ўпадзенні ў яго р. Сморкаўкі [2, с. 96–97; 3, с. 87;]. Першым пляцоўку гарадзішча Копысі (якое ў мясцовых жыхароў мае назву «Пятроўскі вал») даследаваў Л. А. Міхайлоўскі ў 1950 і 1962 гг. (каля 100 м кв.) [4; 5, с. 93]. У 1968–1969 гг. тут праводзіў раскопкі Г. В. Штыхаў (248 м кв.) [5, с. 94, 98]. У 1972 г. Э. М. Загарульскі ўскрыў каля 400 м кв. [6, с. 2]. У 1980 г. В. М. Ляўко заклала шурфы (24 м кв.) уздоўж вала з усходняга боку пляцоўкі [3, с. 87], а ў 2003 г. праводзіла археалагічны нагляд ва ўсіх частках помніка ў сувязі з яго добраўпарадкаваннем [7; 8]. У 2005–2006 гг. на пасадзе Копысі праводзіў даследаванні Д. У. Каваленка [9; 10]. У 2017 г. маштабныя выратавальныя даследаванні вяліся ва ўсіх гістарычных частках помніка пад кіраўніцтвам В. М. Ляўко, П. М. Кенька і І. У. Спірына[2].

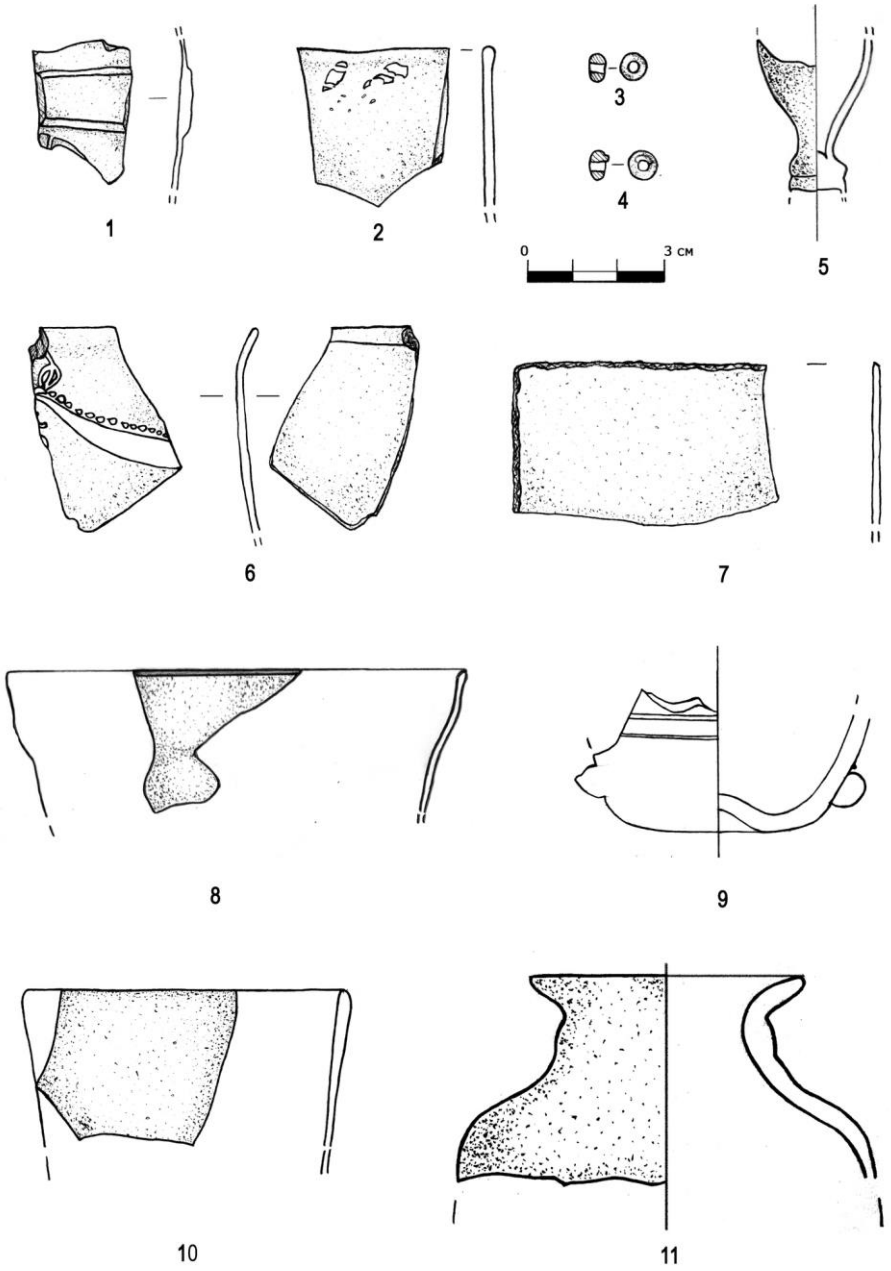
Гутным шкляным вырабам з Копысі (па матэрыялах даследаванняў Л. А. Міхайлоўскага і Э. М. Загарульскага) прысвечаны дзве невялікія публікацыі П. С. Курловіч у зборніках матэрыялаў канферэнцый [11; 12]. Звесткі аб знаходках такіх прадметаў у розных соцыя-тапаграфічных частках горада змяшчаюцца ў артыкулах В. М. Ляўко, Д. У. Каваленка, Р. Ліхашапка [13, с. 43; 7; 8; 3, с. 88, 90, 93], але іх апісанне і выявы не прыводзяцца. Вядома, што ў 1969 г. Г. В. Штыхаў знайшоў на пасадзе, каля ўезду на гарадзішча, шкляную чашу XVI ст. з гербам магната Астрожскага [14, с. 95]. Яе выява змешчана ў манаграфіі М. М. Яніцкай «Беларускае мастацкае шкло (XVI–XVIII стст.)» [15, с. 16, мал. 2:а]. Але прадстаўнічасць матэрыялаў менавіта з даследаванняў пад кіраўніцтвам Э. М. Загарульскага робіць неабходным паўторна звярнуцца да больш глыбокага аналізу калекцыі 1972 г.

Згодна з функцыянальным прызначэннем шкляныя вырабы з Копысі падзяляюцца на посуд (тарны, у тым ліку аптэчны, і сталовы) і ваконнае шкло. Таксама ў складзе

[1] Аўтары выказваюць шчырую падзяку Э. М. Загарульскаму за магчымасць апрацоўкі матэрыялаў яго даследаванняў і іх публікацыі. А таксама ад усяго сэрца віншуюць Эдуарда Міхайлавіча з юбілеем!

[2] На момант падрыхтоўкі артыкула атрыманыя ў ходзе дадзеных даследаванняў матэрыялы знаходзяцца ў стадыі апрацоўкі.

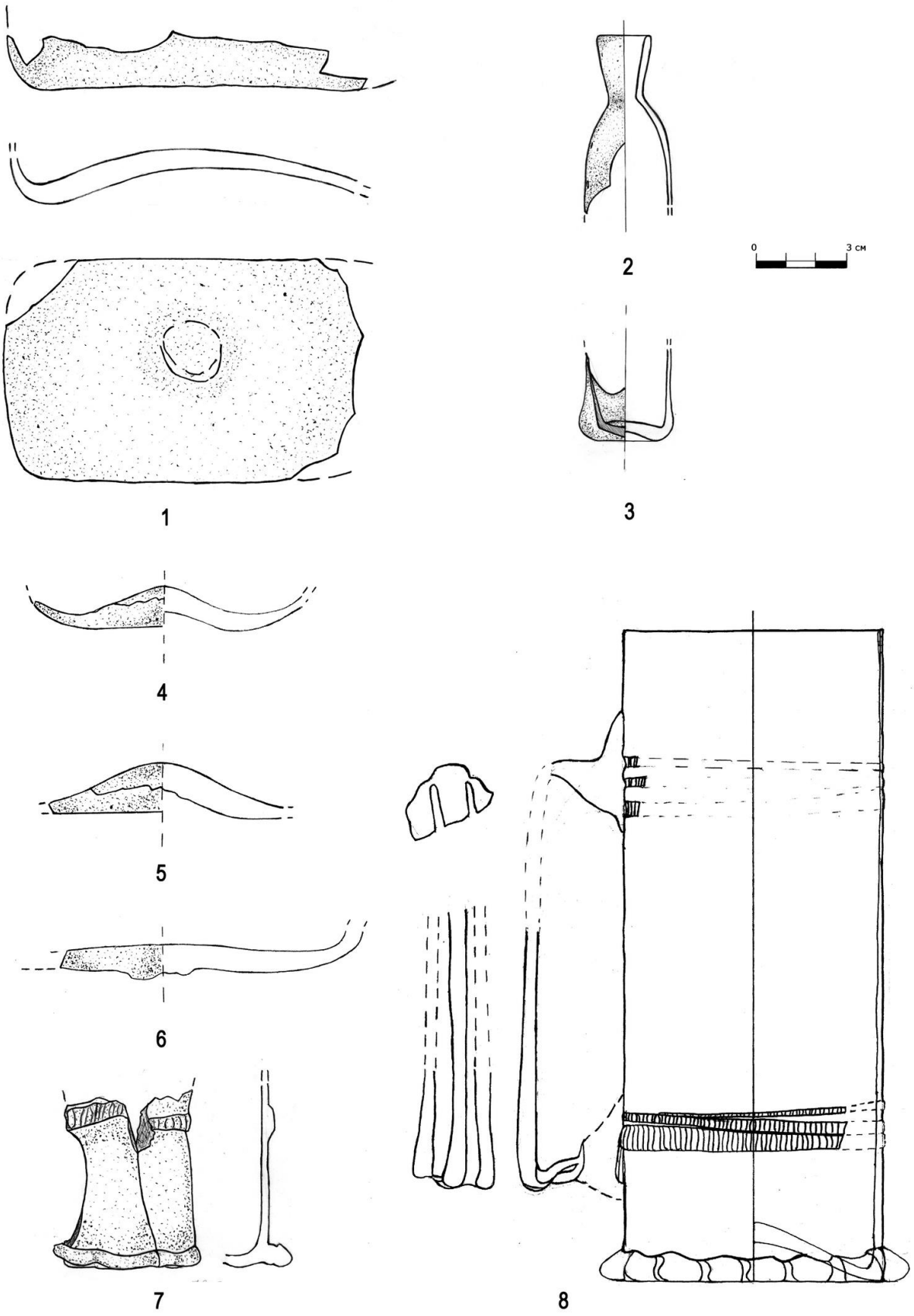
аналізуемай калекцыі прысутнічаюць некаторыя знаходкі з праблемнай інтэрпрэтацыяй (шкляныя пацеркі, якія могуць мець вельмі шырокую датыроўку [16, с. 256–257], шкляныя шарыкі і, магчыма, бракаваныя элементы пасудзін). Цікава, што сярод разглядаемых артэфактаў прысутнічае і простае гутнае шкло нізкай якасці, і рэшткі элітарных пасудзін. На жаль, мяркуючы па справаздачнай дакументацыі [6], у стратыграфіі культурнага слоя гарадзішча Копысі не магчыма вызначыць асобныя праслойкі ці аб'екты з вузкай храналогіяй. Таму датыроўка вырабаў будзе прыводзіцца ў адпаведнасці з распрацаванай П. С. Курловіч тыпалогіяй гутнага шкла Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі [17].



Мал. 1. Пасудзіны для піцця (1, 5, 6, 8–10); ваконнае шкло (2, 7); шкляныя пацеркі (3, 4); тарны посуд (11)

Празрыстае светла-зялёнае (1, 2, 7, 9), зялёнае (3, 10, 11), жоўтае (4), бясколернае (5) бясколернае з белай фарбай (6), блакітнае з сіняй фарбай (8) шкло.

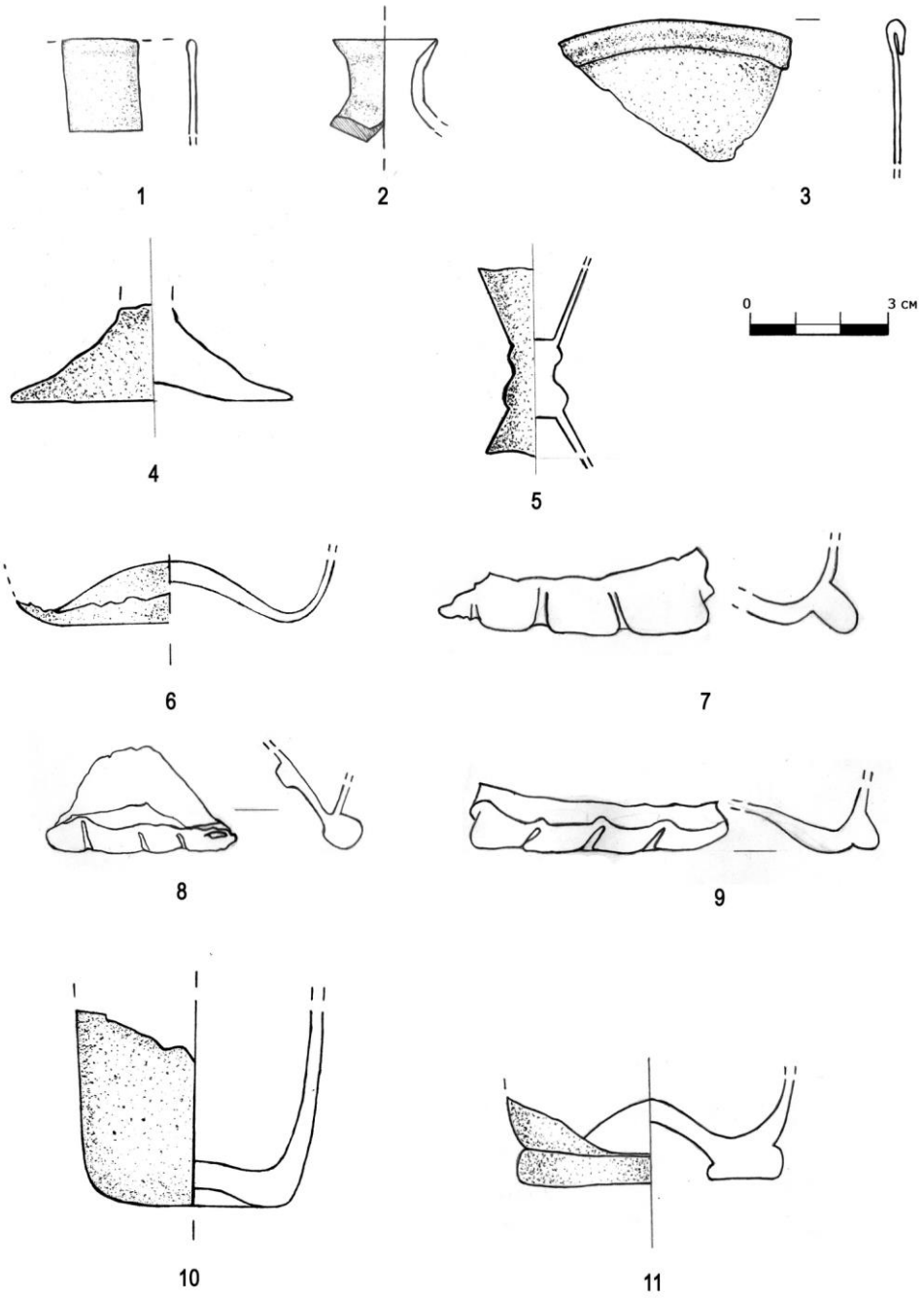
Малюнак П. С. Курловіч, апрацоўка А. В. Зыль.



Мал. 2. Тарныя пасудзіны (1, 4–6); фрагменты аптэчнай бутэлечкі (2, 3); пасудзіны для піцця (7, 8).

Празрыстае блакітна-зеленаватае (1, 4, 6–8), цёмна-зялёнаае (2, 3), светла-зялёнае (5) шкло.

Малюнак П. С. Курловіч, апрацоўка А. В. Зыль.



Мал. 3. Ваконнае шкло (1, 3); фрагмент аптэчнай бутэлечкі (2); сталовы посуд (4, 5, 7–10); тарны посуд (6, 11)

Празрыстае светла-зялёнае (1, 3, 6–9), блакітна-зеленаватае (2), бясколернае (4, 5), зялёнае (10), цёмна-зялёнае (11) шкло.

Малюнак П. С. Курловіч, апрацоўка А. В. Зыль.

Посуд. Найбольш буйной як колькасна, так і варыятыўна катэгорыяй шкляных вырабаў Копысі з'яўляецца посуд. Цэлую форму пасудзін атрымалася ўзнавіць для 2 пасудзін. Фрагменты 12 вырабаў дазваляюць аднесці іх да канкрэтнага тыпу. Астатнія знаходкі магчыма атрыбутаваць толькі з пэўнай доляй верагоднасці.

Тарны посуд. Сярод катэгорыі тарнага посуду ў складзе аналізуемай калекцыі дамінуюць фрагменты бутэлек з прамакутным у сячэнні тулавам – квартаў і штофаў (8

асобнікаў). Кварты храналагічна больш раннія, чым штофы. Яны датуюцца XVII – пачаткам XVIII ст. Аднесці іх да пэўнага тыпу магчыма па форме верхняй часткі вырабу. У складзе аналізуемай калекцыі захаваліся 2 такія фрагменты. Яны маюць шырокае невысокае (каля 1 см) рыльца, дыяметр вусця складае 5–7 см (Мал. 1:11). Венца ў такіх вырабаў акруглае, моцна адагнутае вонкі. Дадзеныя кварты датуюцца другой паловай XVII – пачаткам XVIII ст. Астатнія фрагменты прамакутных у сячэнні тарных пасудзін прадстаўлены фрагментамі сценак і донцаў. Экземпляры, у якіх бакі розныя па шырыні, могуць адносіцца да больш позніх вырабаў XVIII – першай паловы XIX ст. – штофаў (Мал. 2: 1, 6).

Да тарнага посуду адносяцца бутэлькі з шарападобным (датуюцца XVII – першай паловай XVIII ст.) ці цыліндрычным (другая палова XVIII – XIX ст.) тулавам. Вялікапамерныя бутэлькі адносяцца да бутлей (датуюцца XVII–XVIII стст., паколькі распрацаваць больш дробную храналогію на сённяшні дзень не магчыма). Бутлі ўжываліся, у першую чаргу, для прыгатавання настоек і налівак [18, с. 267]. У складзе аналізуемай калекцыі прысутнічае верхняя частка бутлі ў выглядзе масіўнага пашыраючагася долу рыльца, аформленага жгутом для мацавання корка, і масіўнае моцна вогнутае донца бутэлькі з шарападобным тулавам. Вогнутыя донцы розных памераў (у сярэднім каля 5–6 см у дыяметры) маглі належыць розным па аб'ёме бутэлькам з цылідрычным тулавам (Мал. 2: 4, 5; Мал. 3:6).

Для кароткачасовага захавання і транспартыроўкі вадкасцей выкарыстоўваліся біклагі – сплошчаныя шкляныя пасудзіны. У 1972 г. у Копысі было выяўлена донца біклагі на паддоне памерамі каля 6 х 8 см (Мал. 3:11). Такія вырабы датуюцца другой паловай XVII ст.

Аптэчныя пасудзінкі. Прадстаўлены трыма фрагментамі ад дзвюх бутэлечак. Атрымалася ўзнавіць поўную форму бутэлечкі з цёмна-зялёнага празрыстага шкла (Мал. 2: 2, 3). Яна мела звонападобнае тулава і вогнутае на 0,3 см у ходзе фармоўкі выраба донца. Акруглае плечыка бутэлечкі рэзка пераходзіць у пашыранае дагары рыльца. Дыяметр донца выраба – 3 см, вусця – 1,85 см. Вышыня пасудзінкі – каля 8,5 см. Ад іншай аптэчнай пасудзінкі (Мал. 3:2) захавалася толькі верхняя частка – кароткае шырокае рыльца, якое дастаткова крута пераходзіць у высокае плечыка, вышынёй каля 1 см і дыяметрам каля 1,8 см, з адагнутым вонкі венцам (дыяметр вусця – 2,3 см). Выраб моцна пакрыты бялёсай пацінай. Яго першапачатковы колер набліжаўся да блакітна-зеленаватага. Аптэчныя пасудзінкі з Копысі могуць датавацца другой паловай XVII–XVIII ст.

Сталовы посуд. Пасудзіны для піцця прадстаўлены фрагментамі шклянак, кілішкаў, чарак, а таксама вырабаў з ручкамі – куфляў і збаноў.

Шклянкі, якія колькасна дамінуюць у складзе аналізуемай калекцыі, уяўляюць сабой цыліндрычныя ці крыху пашыраныя дагары пасудзіны. Больш раннія вырабы (другая палова XVI–XVII ст.) мелі петлепадобны, хвалісты ці кальцавы паддон (Мал. 1:9, 10; Мал. 2:7). Да другой паловы XVII – першай паловы XVIII ст. адносяцца рабрыстыя шклянкі без паддона. З даследаванняў 1972 г. у Копысі паходзяць тры фрагменты сценак такіх пасудзін (Мал. 1:1). Да другой паловы XVIII – першай паловы XIX ст. належаць фрагменты 3 шклянак з бясколернага хрусталёвага шкла, якія былі багата аздоблены гравіраваным раслінным арнаментам. Такія пасудзіны выраблялiся ў тагачасных шкларобчых мануфактурах, і былі дастаткова складаныя ў выкананні (Мал. 4).

Да шклянак быў аднесены цікавы выраб са светла-зялёнага празрыстага шкла, які пакуль не мае аналагаў (Мал. 1:9). Яго тулава пашыраецца дагары. Кальцавы паддон змешчаны на адлегласці 0,5 см ад узроўню акруглага донца. Вышэй паверхня пасудзіны аздоблены шклянымі ніцямі, якія маюць дыяметр да 1 мм. Дыяметр донца асобніка каля 5 см, сценкі маюць таўшчыню 0,4 см. Мяркуючы па памерах, выраб можна інтэрпрэтаваць як шклянку XVII ст., але дастаткова нетыповую.

Верагодна, фрагментам шклянкі з'яўляецца донца злёгку пашыранай дагары пасудзіны з зялёнага празрыстага шкла (дыяметр – 5,5 см). Хутчэй за ўсё, яно, як і крыху патоўшчанае венца з зялёнага празрыстага шкла (дыяметр вусця – каля 7 см), належыла

шклянцы XVII – першай паловы XVIII ст. Прычым, магчыма, яны прадстаўляюць сабой фрагменты аднаго вырабу (Мал. 1:10; Мал. 3:10) Верагодна, падобную датыроўку маюць верхнія часткі шклянак ці келіхаў з роспісам, якія, мяркуючы па іх знешняму выгляду, можна аднесці да імпарту. Выраб з дыяметрам вусця каля 8 см меў адагнутае вонкі венца, быў выкананы з бясколернага празрыстага шкла і распісаны белай фарбай звонку і знутры (Мал. 1:6). Дыяметр вусця другога вырабу быў 10 см. Пасудзіна мела пашыраную зверху форму, была выканана з блакітнага празрыстага шкла (Мал. 1:8). Па самым краі венца праходзіла шкляная ніць яскрава сіняга колеру.

Кілішкі прадстаўлены фрагментамі трох пасудзін. Ад дзвюх захаваліся ножкі разам з донцамі чашаў, ад адной – стапа. Найбольш ранні выраб можа датавацца другой паловай XVI–XVII ст. (Мал. 3:5). Чаша варонкападобнай формы ў ёй люстэркава пераходзіла ў такую ж варонкападобную ножку. Паміж імі змяшчаліся два шкляныя дыскі. Ад другога кілішка захавалася донца яйкападобнай чашы (Мал. 1:5), ад трэцяга – масіўная падножка (Мал. 3:4). Гэтыя два фрагменты складана аднесці да пэўнага тыпу, таму іх можна прадатаваць вельмі шырока – у межах XVII–XVIII стст. Усе кілішкі з Копысі выкананы з празрыстага бясколернага шкла, але яно дрэнна ачышчана ў працэсе выплаўкі, таму мае жоўта-зялёнае адценне.

Чаркі ўяўлялі сабой навялікія па аб'ёму пасудзіны, якія прызначаліся, як правіла, для ўжывання моцнага алкаголю. У аналізуемай калекцыі прысутнічае 2 фрагменты донцаў такіх вырабаў, выкананых са светла-зялёнага шкла. Іх дыяметр – 2,5–3 см.

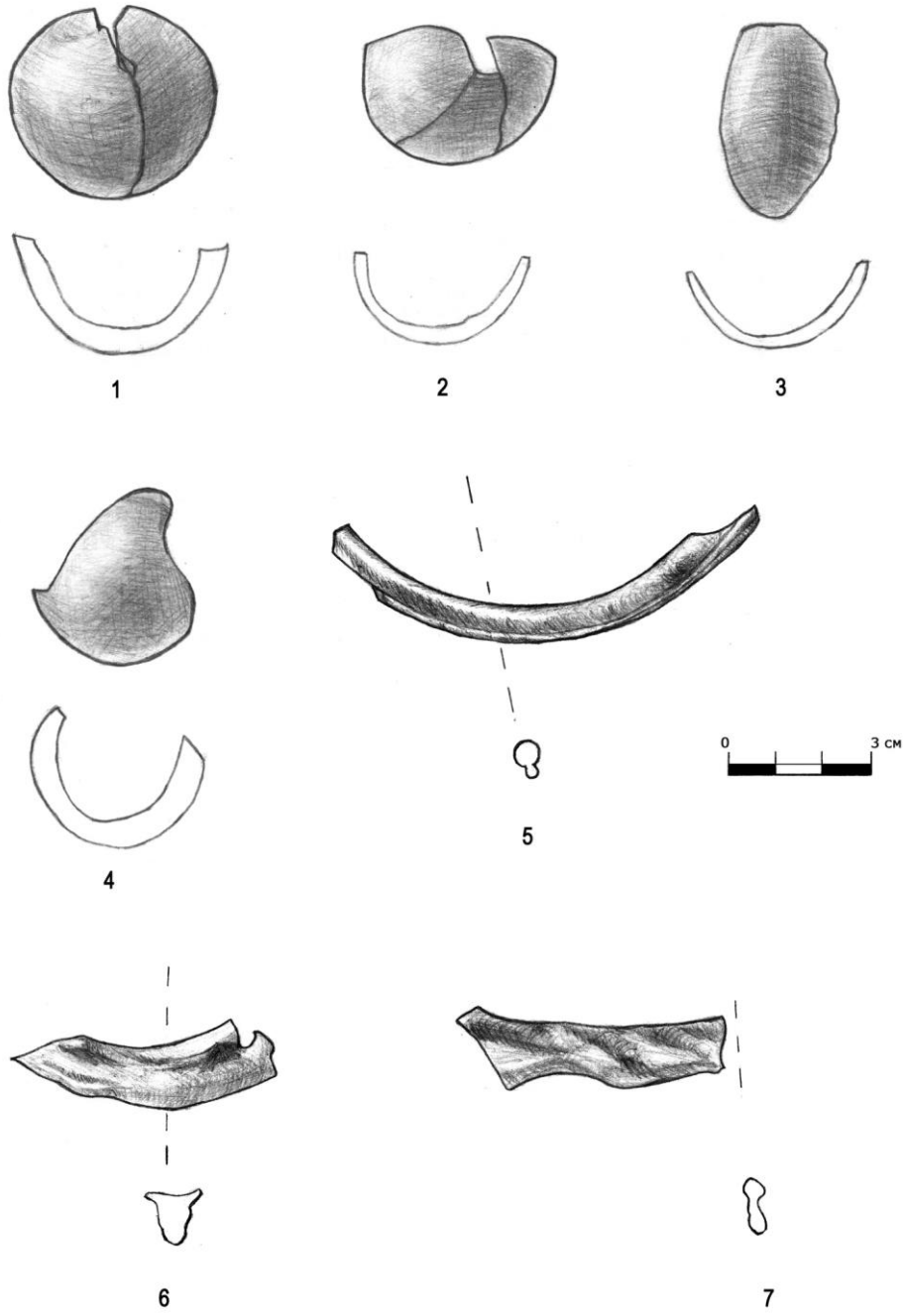
Значную групу сярод сталовых пасудзін складаюць вырабы з тонкага шкла на хвалістых паддонах. Большасць з іх з'яўлялася фрагментамі пасудзін для піцця (Мал. 3: 8, 9). Адзіны асобнік з дыяметрам донца каля 10 см, магчыма, можна інтэрпрэтаваць як фрагмент збана (Мал. 3:7). Ён выкананы са светла-зялёнага празрыстага шкла.

Вельмі цікавай знаходкай у складзе аналізуемай калекцыі з'яўляюцца фрагменты шкляного куфля, выкананага з тонкага блакітна-зеленаватага празрыстага шкла. Яго поўную форму атрымалася рэканструяваць (Мал. 2:8). Цыліндрычны выраб меў вышыню 21,2 см і дыяметр 8,5 см. Ён змяшчаўся на хвалістым паддоне, меў трохчастковую ручку. Тулава вырабу было аздоблена шэрагамі наляпных жгутоў. Аб'ём вадкасці, якую магчыма было б умясціць у куфаль, – каля 1030 мл (32 унцыі). Датуецца куфаль другой паловай XVI–XVII ст.

Два фрагменты трохчастковых ручак з блакітна-зеленаватага і светла-зялёнага шкла могуць быць аднесены да выкарыстоўваемых у Копысі ў XVII – пачатку XVIII ст. куфляў ці збаноў.

Мал. 4. Донца шклянкі

Празрыстае бясколернае шкло, гравіроўка. Фота А. В. Зыль, апрацоўка П. С. Курловіч.



Мал. 5. Фрагменты шкляных шарыкаў (1–4) адыходы вытворчасці (?) (5–7)

Празрыстае светла-зялёнае (1–4, 6), зялёнае (5), блакітна-зеленаватае (7) шкло.

Малюнак і апрацоўка А. В. Зыль.

Рэшта фрагментаў гутнага шкляного посуду з Копысі ўяўляюць сабой сценкі вырабаў, якія не паддаюцца інтэрпрэтацыі. Яны адрозніваюцца па сваёй каляровай гаме (розныя адценні зялёнага колеру), а таксама па таўшчыні. Верагодна, фрагменты таўшчынёй да 0,3 см належалі да сталовых пасудзін, а звыш 0,6 см – да тарнага посуду. Але такі падзел з'яўляецца вельмі ўмоўным, бо таўшчыня шкла магла адрозніваццa ў розных частак вырабаў і абумоўлівалася ручным спосабам вытворчасці, які не дазваляў ствараць абсалютна ідэнтычныя рэчы.

Ваконнае шкло. Ваконнае шкло з'яўляецца другой па колькасці катэгорыяй шкляных вырабаў з Копысі. З раскопак 1972 г. паходзяць фрагменты 4 круглых (Мал. 3:3) і 6 ліставых (Мал. 1:2; Мал. 3:1) шыбаў. Тры круглыя шыбы мелі загнуты край, адна – акруглы. Дыяметр вырабаў – каля 15 см. Выкананы са светла-зялёнага празрыстага шкла. Ліставое ваконнае шкло прадстаўлена фрагментамі, па якіх нельга ўзнавіць форму і поўныя памеры шыбы. Адзіны захаваўшыйся вуглавы асобнік (Мал. 1:7), магчыма, меў прамакутную форму (таўшчыня – 0,18 см, колер – светла-зялёны). Яго край аформлены рэтушшу, якая ўтварылася ў працэсе падгонкі шкла пад раму. Астатнія ліставыя фрагменты мелі патоўшчыны край і таўшчыню 0,15–0,2 см. Яны былі светла-зялёнага і зялёнага колеру.

Большасць **шкляных пацерак**, выяўленых падчас ракопак Копысі ў 1972 г., адносяцца да старажытнарускага часу. Аднак дзве з іх, зонныя, паходзяць з верхніх слаёў гарадзішча і могуць датавацца і больш познім перыядам (Мал. 1:3, 4). Асобнік зялёнага колеру дайшоў у двух фрагментах. Знешні дыяметр вырабу – 0,6 см, таўшчыня – 0,4 см, дыяметр каналу – 0,2 см. Выраблены ў тэхніцы навіўкі. Іншая пацерка была жоўтага колеру. Яе знешні дыяметр – 0,65 см, таўшчыня – 0,25–0,33 см, дыяметр каналу – 0,2 см. Выканана навіўкай. Аб гэтым сведчыць бугарок, які застаўся ад зрэзанага пасля фармоўкі жгута.

Да надзвычай цікавых шкляных знаходак з Копысі належаць **шкляныя шарыкі і магчымыя адыходы вытворчасці (?)** (Мал. 5). Шкляных шарыкаў падчас даследаванняў 1972 г. было выяўлена 4 асобнікі. Цэлых вырабаў не захавалася, але іх дакладна шарападобная форма лёгка ўзнаўляецца. Шкляныя шарыкі мелі таўшчыню сценак ад 0,5 см да 0,8 см і былі полыя знутры. Дыяметр дадзеных прадметаў – каля 4–5 см. Яны выраблялiся са светла-зялёнага празрыстага шкла, якое часам утрымлівала невялікую колькасць дробных бурбалак паветра. Прызначэнне шкляных шарыкаў да сённяшняга часу не вызначана. Асобныя даследчыкі лічаць іх ядрамі ад вогнепальнай зброі позняга Сярэдневякоўя – ранняга Новага часу. Але некаторыя факты могуць сведчыць аб тым, што аналізуемыя прадметы можна звязаць і з вытворчасцю вырабаў са шкла. Так, шкляныя шарыкі не маюць відавочных канструктыўных элементаў, якія маглі б сведчыць аб іх выкарыстанні ў якасці зброі. Адсутнічаюць на ніх і сляды ад уздзеяння агню. Нарэшце, аналагічныя вырабы былі выяўлены падчас археалагічных даследаванняў шкларобчага вытворчага комплексу XVIII ст. у в. Ілья Вілейскага раёна [19], а таксама на тэрыторыі гарадскіх майстэрань, дзе выраблялiся шкляныя ўпрыгажэнні ў XVII – XVIII стст. [20, с. 16, 191–193; 21, с. 22, 30, 37, 39, 40].

Да, магчыма, фрагментаў бракаваных вырабаў намі былі аднесены тры знаходкі, выкананыя са светла-зялёнага і блакітна-зеленаватага шкла (Мал. 5:5–7) шкла.

Такім чынам, калекцыя гутных шкляных вырабаў з даследаванняў пад кіраўніцтвам Э. М. Загарульскага ў Копысі ўключае ў сябе ўсе асноўныя віды прадметаў, характэрныя для гарадской матэрыяльнай культуры позняга Сярэдневякоўя – ранняга Новага часу. Шэраг рэчаў быў выраблены з простага лясного шкла, галоўнай функцыяй якога было ўтылітарнае выкарыстанне для побытавых патрэб. Яны былі выкананы з зялёнага розных адценняў празрыстага шкла, якое ўключае бурбалкі паветра і пакрыта пацінай, якая сведчыць аб ірыдызацыі шкла рознай ступені. Таксама ў складзе аналізуемай калекцыі сярод сталовага посуду прысутнічаюць прадметы, якія сведчаць аб больш заможным статусе іх уладальнікаў (выкананыя з больш якаснага шкла, у там ліку, хрусталёвага, аздобленыя роспісам). Але найбольшую цікавасць сярод аналізуемай калекцыі маюць знаходкі, якія ўскосна сведчаць аб магчымай наяўнасці ў Копысі вытворчасці прадметаў са шкла. Гэтая акалічнасць патрабуе таго, каб наступныя даследчыкі, якія будуць праводзіць археалагічныя даследаванні на помніку, звярталі асаблівую ўвагу на гутныя шкляныя вырабы.

БІБЛІЯГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Заяц Ю. А. Уступ // Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 4: Помнікі XIV–XVIII стст. Мінск, 2001.

2. Левко О. Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: формирование и развитие. Минск: Беларуская навука, 2004.

3. Левко О. Н. Новые этапы исследования Древней Копыси // Древняя история Восточной Европы: сб. науч. ст., посвящ. 80-летию проф. Э. М. Загорульского. Минск, 2009.

4. Міхайлоўскі Л. А. Пятроўскі вал // Беларусь. 1951. № 7.

5. Штыхаў Г. В. Раскопкі гарадзішча ў Копысі (1968–1969 гг.). Новы разгляд матэрыялаў // МАБ. 2012. Вып. 23.

6. Загорульский Э. М. Отчет о работах археологической экспедиции Белгосуниверситета им. В.И. Ленина в 1972 году // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 411.

7. Левко О. Н., Коваленко Д. В. Археологическое изучение посада древней Копыси // История и культура Европы в контексте становления и развития региональных цивилизаций и культур: актуальные проблемы из исторического прошлого и современности. Витебск, 2003.

8. Ліхашапка Р. Археалагічныя доследы на копыскім замчышчы ўлетку 2003 г. // История и культура Европы в контексте становления и развития региональных цивилизаций и культур: актуальные проблемы из исторического прошлого и современности. Витебск, 2003.

9. Коваленко Д. А. Отчет об археологических исследованиях в г. п. Копысь Оршанского района в 2005 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 2272.

10. Коваленко Д. А. Отчет об археологических исследованиях в г. п. Копысь Оршанского района в 2006 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 2408.

11. Курловіч-Бяляўская П. С. Шкляныя вырабы XVI–XVIII стагоддзяў з Копысі (па матэрыялах Вучэбнай лабараторыі музейнай справы БДУ) // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2013.

12. Курловіч-Бяляўская П. С. Шкляны выраб з Копысі (вопыт рэканструкцыі і інтэрпрэтацыі) // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2014.

13. Левко О. Н. Средневековая Орша и её округа. – Орша: Белорусское добровольное Общество охраны памятников истории и культуры, 1993.

14. Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск: Навука і тэхніка, 1978.

15. Яніцкая М. М. Беларускае мастацкае шкло (XVI–XVIII стст.). Мінск: Навука і тэхніка, 1977.

16. Журухина Е. Ю. Стеклянные бусы Киевского Подола // ТАС. 2006. Вып. 6. Т. 2.

17. Курловіч-Бяляўская П. С. Праблема тыпалогіі шкляных вырабаў Новага часу (па матэрыялах археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі) // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. 2017. № 1.

18. Garas M., Karwowska H. Wyroby Szklane // Założenie Rezydencjonalne Sapiehów w Dubnie. Białystok, 2013.

19. Курловіч-Бяляўская П., Лукша К., Барнюк А. Археалагічныя даследаванні Ільянскай гуты: першыя вынікі і перспектывы // Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий. Брянск, 2017.

20. Бубенько Т. С. Отчет о полевых исследованиях на Нижнем Замке г. Витебска в 1989 году // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 1617.

21. Русов П. А. Отчет о раскопках на трассе линии метро «Немига» в 1987 г. (раскоп I) и шурфовке вала возле кафе «Реченька» // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 1086.

РАННИЕ СЛАВЯНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СЕВЕРНОЙ БЕЛАРУСИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

О. Н. Левко

Институт истории НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь

Укрепление Римской империи и расширение ее границ на рубеже эр привело к переходу от эпохи Латена к эпохе римских влияний. Во второй половине I в. часть населения зарубинецкой культуры из Среднего Поднепровья продвинулась в лесные районы Верхнего Поднепровья и Подесенья. С конца I в. зарубинцы переселяются с городищ на открытые селища, активно внедряясь из Белорусского Поднепровья на территорию культур штрихованной керамики и днепро-двинской в бассейн Верхней Березины, на территорию Верхнего Понёманья и Подвинья [1]. Их миграция способствовала формированию на рубеже II–III вв. древностей круга праславянской *киевской культуры* [2, с. 65–92] при участии носителей культур штрихованной керамики и днепро-двинской. К кругу древностей этой культуры белорусские исследователи относят, прежде всего, группу памятников *«типа Абидни»,* распространённых в Белорусском Поднепровье во второй четверти I тыс. н. э. Эти древности представлены неукреплёнными поселениями с жилищами двух типов: полуземлянками и наземными с открытыми очагами. Конструкция стен столбовая либо срубная. Вблизи поселений выявлены грунтовые могильники с трупосожжениями [3].

Распад черняховской культуры также привел к масштабным миграциям в лесостепной и лесной зоне [4]. На широком пространстве, в том числе в центральной и северной Беларуси присутствуют поселения с керамикой, вещами киевской, черняховской культур, украшениями с выемчатыми эмалями, римскими монетами.

По материалам археологических исследований, проведенных в Витебском Подвинье, а также междуречье Западной Двины и Днепра на территории Беларуси, установлено, что в отличие от центральной (Полоцкое Подвинье) и западной (белорусско-латышское порубежье) частей Белорусского Подвинья, здесь имеют место процессы активного наполнения региона новым населением и новыми традициями в хозяйственной жизни. В первой половине тысячелетия это было движение населения с южных регионов [5, с. 271–320]. Уже с III в. н. э. здесь появляются элементы, присущие кругу древностей *киевской культуры* (или верхнеднепровского ее варианта – памятников *«типа Абидни»*). На селище в г. п. Городок и на городище Новое Село Сенненского района были найдены не только характерная для киевской культуры керамика с формами и орнаментом в виде «расчесов» (Рис. 1:1–11; 2:4,5; 3:1,2), но и черняховские бусы (Рис. 1:12; 3:3). Материалы этого времени, узнаваемые в комплексах киевской культуры, встречены и на ряде других памятников (Рис. 3:4,6) [6–10]. Распространение римских монет (Рис. 3:7,8) в Витебском Подвинье, выявленных на археологическом комплексе Кордон в Шумилинском районе в 2016 г. [11], также связано с проникновением сюда в III–IV вв. групп населения круга киевской культуры, которое через посредничество черняховской культуры было знакомо с этой категорией римского импорта. В настоящее время под киевской культурой понимается динамичная во времени и пространстве система взаимосвязанных культурно-хронологических групп [12]. В IV–V вв. влияние ее новаций распространилось на всю территорию, которую в третьей четверти I тыс. н. э. занял банцеровско-тушемлинский ареал. Поэтому киевская культура в той или иной степени является подосновой *банцеровской и тушемлинской культур* VI–VIII вв., локализуемых на территории центральной и северной Беларуси.

В Припятском Полесье на основе позднезарубинецких сформировались раннеславянские *пражские древности*. На территории Южной Беларуси в настоящее время известно

свыше 50 памятников с материалами пражской культуры в бассейнах Западного Буга и Припяти (от Бреста на западе до Мозыря на востоке). На поселениях основанных в период классической зарубинецкой культуры, в римское время продолжали существовать традиционные зарубинецкие формы посуды с гладкостенной, лощёной и храповатой поверхностью (горшки, корчаги, миски, кружки, стопки, диски-крышки). Наличие ранних комплексов в Полесье, которые датируются IV–V вв. позволяет связать с этим регионом важную часть зоны формирования славянской пражской культуры [13–15]. Исследования А. Н. Белицкой славянских поселений у д. Бережцы Житковичского района Гомельской области и у д. Ясковичи Солигорского района Минской области значительно изменили представление об условиях возникновения пражской культуры в Белорусском Полесье. Материалы поселения Бережцы–4 на левом берегу р. Ствига относятся к позднезарубинецким и раннепражским [16, с. 97], указывая на время перехода от позднезарубинецких к раннепражским традициям.

Наиболее северные пункты пражской культуры на территории Беларуси зафиксированы по р. Ясельда (д. Спорово Берёзовского района), р. Бобрик (д. Камень Пинского района), р. Ореса (д. Старые Юрковичи Любанского района) [17, с. 487–502]. Памятники пражской культуры представлены селищами (наиболее многочисленной категорией), городищами и грунтовыми могильниками по обряду трупосожжения. На поздних этапах существования культуры появляются курганные захоронения.

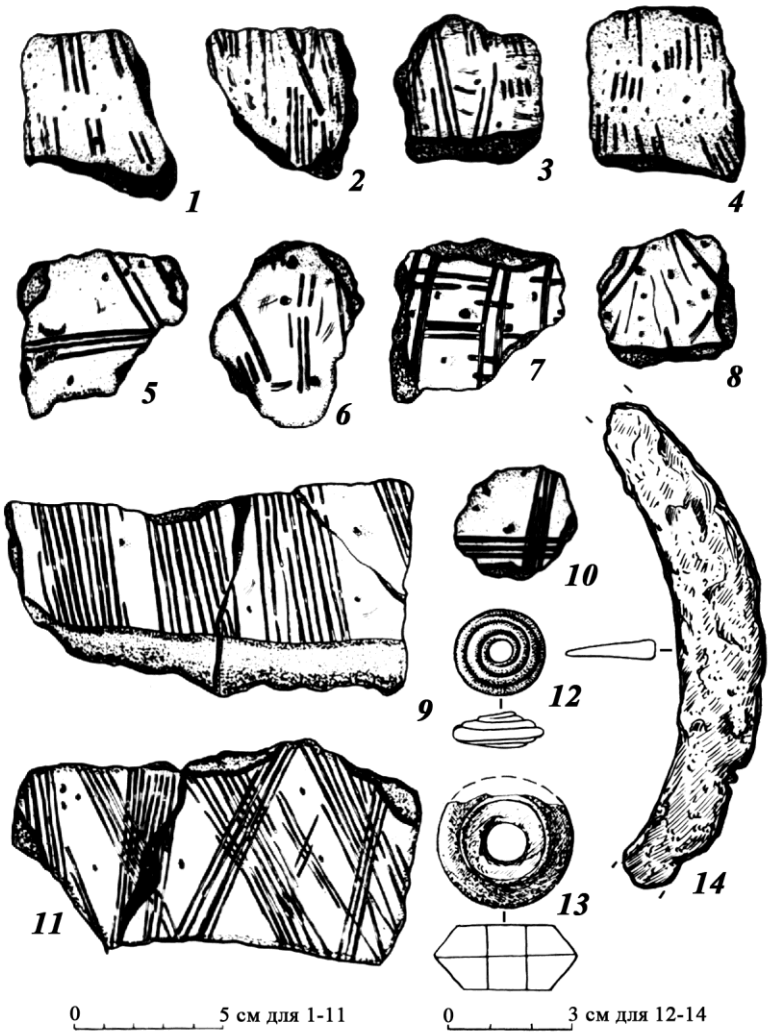


Рис. 1. Керамика и находки из слоя селища у оз. Луговое (г.п. Городок)

1–11 – керамика; 12 – стеклянная бусина; 13 – глиняное пряслице; 14 – железный серп (раскопки О. Н. Левко)

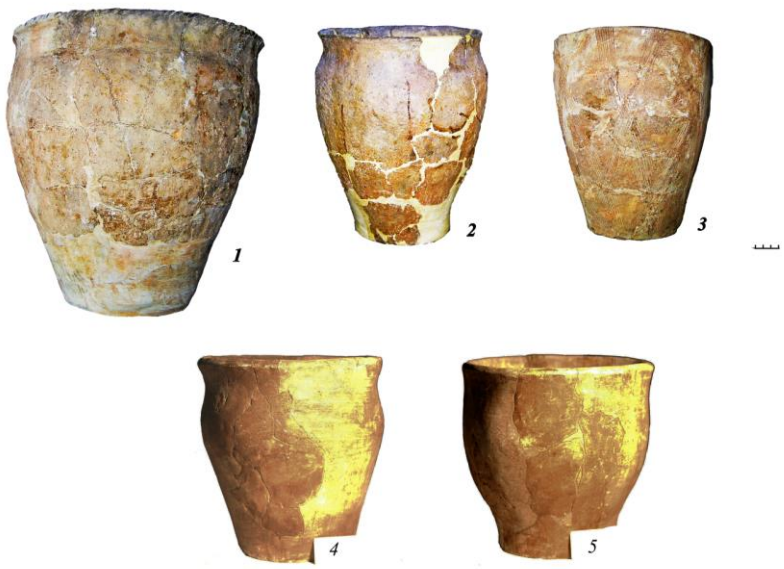


Рис. 2. Горшки киевской («типа Абидни») культуры

1–3 – Абидня (раскопки Л. Д. Поболя), 4,5 – селище у оз. Луговое (г. п. Городок) (раскопки О. Н. Левко)

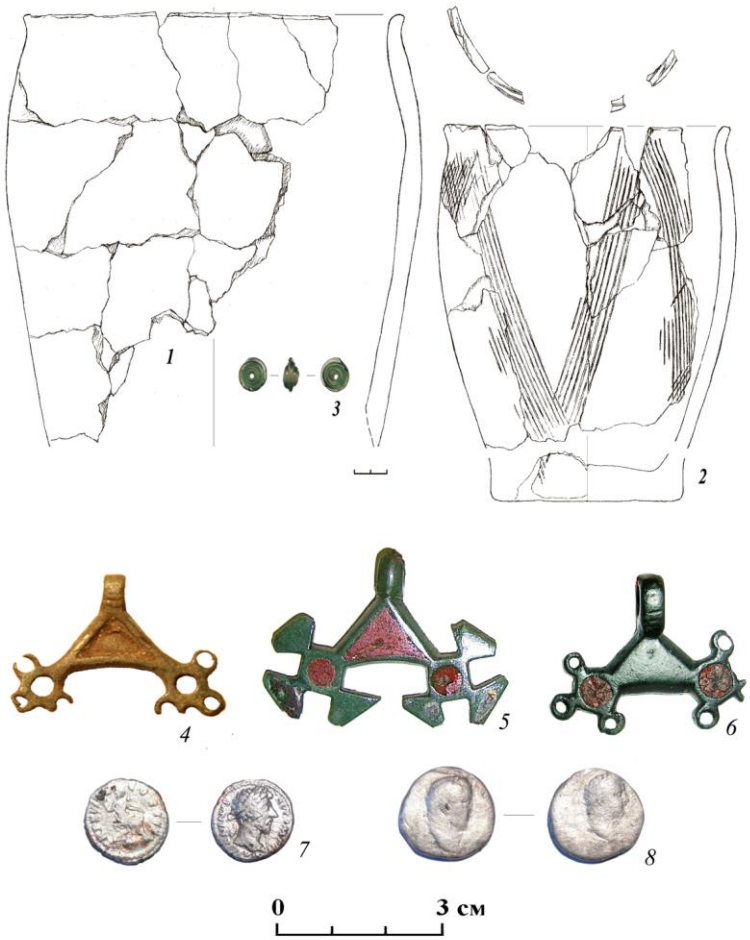


Рис. 3. Керамика (1,2), стеклянная бусина (3) второй четверти I тысячелетия н. э. с городища у д. Новое Село (раскопки П. Н. Подгурского); лунницы с эмалями: Бирули (4), Абидня (5), Черная Лоза (6) (раскопки С. Д. Дерновича, Л. Д. Поболя, П. М. Кенько); римские монеты (7,8) из раскопок археологического комплекса Кордон (раскопки О. Н. Левко)

В третьей четверти I тыс. н. э. наблюдается сближение культурных влияний с юго-востока (продвижение носителей славянской *колочинской культуры* в Оршанское Поднепровье) и с севера (продвижение связываемых с ранними кривичами носителей *культуры длинных курганов* в Белорусское Подвинье) [5, с. 271–320]. Наиболее ярко контакт населения с севера и юга в рассматриваемом регионе отражен в керамике и погребальном обряде.

Расселение кривичей принято фиксировать по распространению могильников, содержащих длинные и удлиненные курганы. Так как основная концентрация известных наиболее ранних длинных курганов приходится на территорию Псковщины, а в Северной Беларуси эти памятники, датируемые VI–VII вв., выявлены лишь в Россонском и Городокском районах, то есть основания полагать, что носители этой культуры продвигались с территории Псковщины в Белорусское Подвинье, а не наоборот, как считает Г. В. Штыхов [18, с. 383–384]. Такой постановке вопроса не противоречит и хронология древностей, выявленных в разных частях лесной зоны Восточной Европы и соотносимых с кривичами. В Белорусском Подвинье на протяжении VI–VII вв. длинные курганы распространяются с территории Псковщины и Россонского района к Ушачскому поозерью (левобережье Полоцкого Подвинья). Параллельно с верховьев Ловати (курганный могильник Дорохи в Городокском районе) (Рис. 4: а,б,в) они проникают вглубь Витебского Подвинья и по волокам из Лучесы в Оршанское Поднепровье. В этом отношении показателен могильник у оз. Ореховское (Рис. 5: 1–3). Удлиненные курганы на водоразделе Западной Двины и Днепра (бассейн р. Оболянки в Сенненском районе, оз. Ореховское в Оршанском районе, р. Верхита в Дубровенском районе фиксируют южный рубеж распространения длинных курганов в Беларуси [19].

Известных по летописи кривичей ученые также соотносят с распространением второго этапа древностей «длинных курганов» во второй половине VIII–XI в. (смоленско-полоцкие кривичи), который по обряду, керамике (Рис. 4: г, д), инвентарю и форме насыпей курганов коренным образом отличается от первого.

Г. В. Штыхов, изучая древности кривичей, соотносил зоны их расселения с синхронными им археологическими культурами, отраженными в курганном инвентаре и погребальном обряде, а также в поселениях. Он пришел к выводу, что на территории северной и центральной Беларуси погребальные памятники в одном случае отражают симбиоз балто-славян, в другом – славяно-балтов, а в третьем принадлежат славянам [20].

Рис. 4. Погребальные урны VI–VII вв. из курганных могильников у д. Дорохи (а,б), Повалишино (в) и горшки VIII–IX вв. из Полоцка (г) и Витебска (д) (раскопки Г. В. Штыхова)

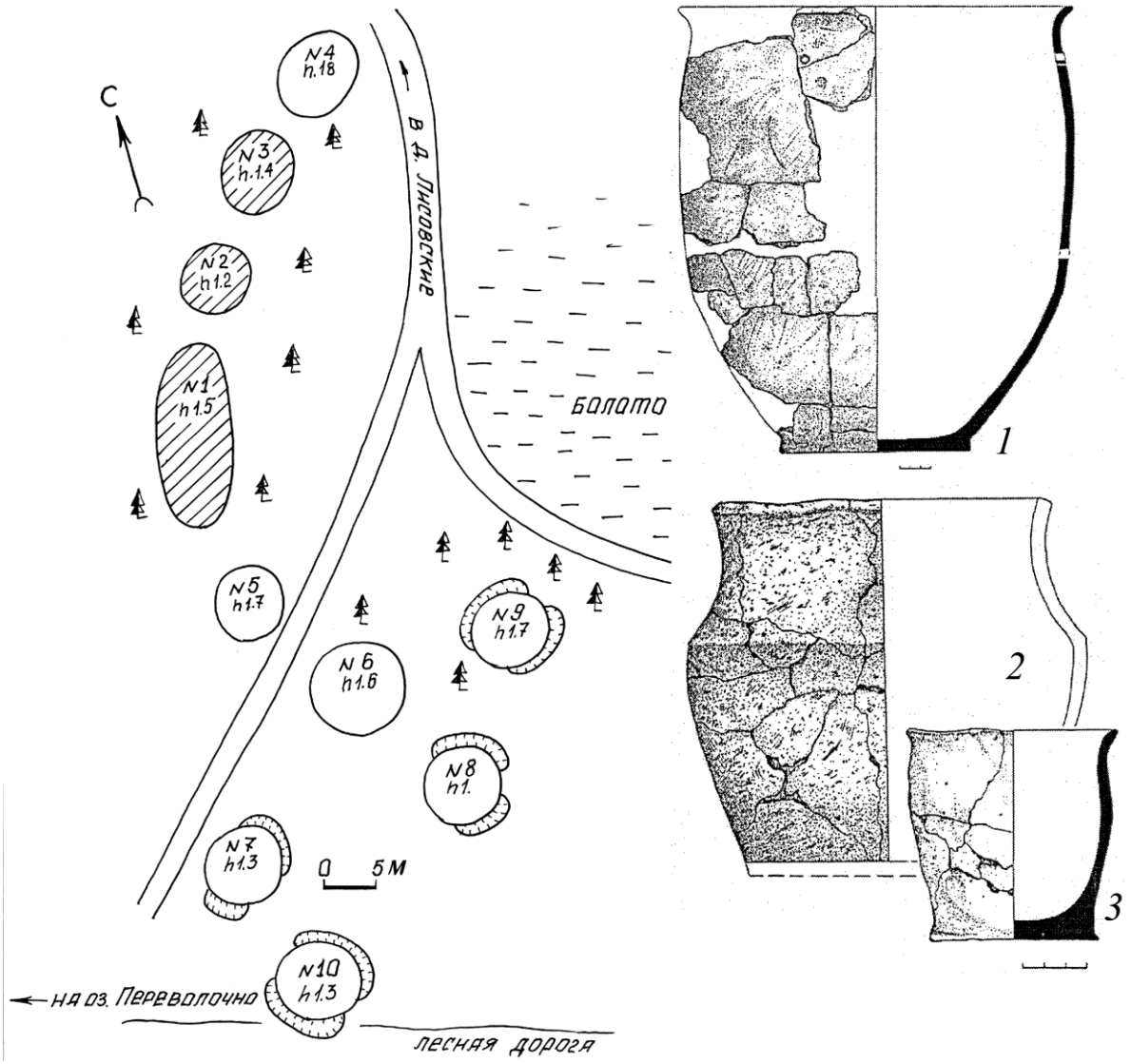


Рис. 5. Погребальные урны третьей четверти I тысячелетия н. э. из курганного могильника у г. п. Ореховск

1 – курган № 1; 2,3 – курган № 2 (раскопки О. Н. Левко)

Скопления курганов VI–VII/VIII вв. в междуречье Ушачи и Уллы, Городокском позерье, округе Витебска и оз. Ореховского маркируют зоны формирования территориально-племенных структур IX–X вв. в Полоцком и Витебском Подвинье, а также в Оршанском Поднепровье.

Среди славянских культур последней четверти I тыс. н. э. наследником пражской культуры считается *райковецкая культура* (культура типа Луки-Райковецкой, Лука-Райковецкая культура) рубежа VII/VIII–X в. Материалы райковецкой культуры прослеживаются и в культурном пласте многих памятников, расположенных значительно севернее ее основного ареала, что свидетельствует об упрочении позиций славянского населения в пределах территории современной Беларуси в конце IX–X в.

Концом I тыс. н.э. датируются открытые торгово-ремесленные поселения, занимавшиеся международной торговлей. В южной Беларуси известен археологический комплекс около д. Городище на р. Ясельда, состоящий из небольшого укреплённого центра и значительного по площади поселения [21]. Центральная и северная Беларусь характеризуются

наличием археологических комплексов Бирули (верховья Березины) и Кордон (правый берег р. Западная Двина). В вещевых комплексах данных памятников присутствуют ремесленные изделия как местного, так и ближневосточного, центральноазиатского и западноевропейского происхождения (украшения, предметы вооружения, снаряжение коня и всадника, орудия труда и быта).

Эти поселения были основаны славянскими племенами в конце VIII в. На протяжении IX–X вв. благодаря выгодному географическому положению на водных торговых путях они становятся крупнейшими торгово-ремесленными поселениями в регионах. По материалам данных комплексов можно проследить направления их поступлений и соответственно наличие контактов населения Оршанско-Могилевского Поднепровья, Белорусского Подвинья, Левобережья Днепра, Подонья и Приазовья [22].

Этнокультурные процессы второй половины I тыс. н. э. способствовали формированию в Восточной Европе устойчивых общностей на определенных территориях, в которых господствовал племенной уклад с преобладанием роли славян. Но уже сложились как внутренние, так и внешние предпосылки для более высокого уровня развития полиэтничного общества с зачатками государственности. Однако существующая в литературе неоднозначность трактовки этнической принадлежности ряда археологических культур и выявление в последние годы новых археологических материалов, свидетельствующих об участии западных славян и представителей северных народов в этих процессах, усложняет решение вопроса об этносе населения накануне возникновения государственности на белорусских землях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Поболь Л. Д. Археологические памятники Белоруссии: железный век. Минск: Наука и Техника, 1983.

2. Даниленко В. Н. Пізньозарубинецкі пам’ятки київського типу // Археологія. 1976. № 19.

3. Ильютик А. В. Могильники второй четверти I тысячелетия н. э. в Белорусском Поднепровье // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рожд. Л. Д. Поболя: в 2-х кн. Кн. 1. Минск, 2016.

4. Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.). Москва: Наука, 2002.

5. Левко О. Н. Культурные трансформации в I тысячелетии н.э. на территории Витебского Подвинья и восточной части Днепро-Двинского междуречья // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Л. Д. Поболя: в 2-х кн. Кн. 2. Минск, 2016.

6. Кенько П. М. Городище у д. Витуничи // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Л. Д. Поболя: в 2-х кн. Кн. 2. Минск, 2016.

7. Кенько П. М. Материалы верхнеднепровского варианта киевской культуры с селища Черная Лоза // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Л. Д. Поболя: в 2-х кн. Кн. 2. Минск, 2016.

8. Кенько П. М., Дернович С. Д. Поселение Бирули II в системе синхронных древностей // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Л. Д. Поболя: в 2-х кн. Кн. 2. Минск, 2016.

9. Подгурский П. Н. Археологические исследования в Новом Селе (предварительные результаты) // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Л. Д. Поболя: в 2-х кн. Кн. 2. Минск, 2016.

10. Шадыра В. І. Матэрыяльная культура археалагічнага комплексу на возеры Селява ў Дняпроўска-Дзвінскім міжрэччы: I–VIII стст. н.э. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Л. Д. Поболя: в 2-х кн. Кн. 2. Минск, 2016.

11. Ляўко В. М., Сідаровіч В. М. Рымскія манеты з гарадзішча і селішча каля вёскі Кардон ў Беларускім Падзвінні // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2017. № 4.

12. Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н. э. Москва-Сумы: УФК, 1991.

13. Егорейченко А. А. Поселение у д. Остров Пинского района Брестской области // Archaeoslavica. 1991. № 1.

14. Вергей В. С. Поселения пражской культуры Белорусского Полесья // Этногенез и этнокультурные контакты славян: труды VI Международного Конгресса славянской археологии. 1997. Т. 3.

15. Гавритухин И. О. Хронология пражской культуры // Этногенез и этнокультурные контакты славян: труды VI Международного Конгресса славянской археологии. 1997. Т. 3.

16. Важнейшыя дасягненні вучоных Інстытута гісторыі НАН Беларусі / Акадэмічная гуманітарыстыка. Важнейшыя вынікі 2017 года. Мінск, 2018.

17. Вергей В. С. Пражская культура в Беларуси // Archeologia o początkach Słowian. Kraków, 2005.

18. Археалогія Беларусі: у 4-х тамах. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча / пад рэд. В. І. Шадыры, В. С. Вяргей. Мінск, 1999.

19. Левко О. Н. Начальный этап формирования Полоцкого государства // Полацк: карані нашага радавода. Полацкая зямля як сацыякультурная прастора ўзнікнення і развіцця беларускага этнасу і нацыянальнай дзяржаўнасці. Полацк, 1996.

20. Штыхаў Г. В. Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск: Навука і тэхніка, 1992.

21. Іоў А. В., Вяргей В. С. Старажытнае паселішча на Ясельдзе. Мінск: Беларуская навука, 2012.

22. Касюк А. Ф. Беларускае Палессе ў канцы VII–VIII ст. і ў пачатку X ст. н. э. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Л. Д. Поболя: в 2-х кн. Кн. 2. Минск, 2016.

КЕРАМИКА В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА У Д. НОВЫЙ КРИВСК

Д. Н. Линденков

ГИКУ «Гомельский дворцово-парковый ансамбль», г. Гомель, Беларусь

Керамика занимает одно из ведущих мест в наборе инвентаря древнерусских захоронений. В курганах глиняная посуда встречается, как правило, при погребениях, реже – в насыпях. В историографии сложилось устойчивое мнение о том, что курганная керамика является не только сопровождающим инвентарем, но и частью погребального обряда [1, с. 87]. В курганах наблюдается и разное функциональное назначение керамики в обрядах разного типа. В свое время это обстоятельство было подмечено В. В. Богомольниковым при характеристике различий между сожжениями и трупоположениями радимичей на летописном примере погребальных урн, в которые помещались остатки кремации [2, с. 29].

Археологический комплекс у д. Новый Кривск расположен на двух берегах канализированного малого правого притока ручья Ржавка, правого притока р. Добрич, правого притока р. Сож. Раскопки курганного могильника проводились в 1966 г. Радимичским отрядом Приднепровской археологической экспедиции Института археологии АН СССР под руководством Г. Ф. Соловьевой. Тогда могильник насчитывал около 70 насыпей. Было изучено 22 насыпи [3, с. 242].

В результате исследований курганов у д. Новый Кривск зафиксированы погребальные обряды, распространенные на землях Гомельского Поднепровья в X–XII вв. Это разновидности кремаций на стороне и ингумаций. Ориентируясь на опубликованные материалы 22-х исследованных курганов, кремации отмечены в одном случае два раза [4, с. 65], в другом – три раза [3, с. 242]. Из этих материалов не совсем ясна их хронология. В статье Г. Ф. Соловьевой «Радимичские курганы», опубликованной в «Археологических открытиях», два кургана описаны с лепной керамикой второй половины I тыс. (курганы 14 и 16) и один (курган 9) – с древнерусской. В то же время в работе «Славянские курганы близ села Новый Кривск», лепная керамика отмечена только в кургане 16 [4, с. 65]. Однако в музейной коллекции (фонды музея ГИКУ «Гомельский дворцово-парковый ансамбль», КП 13687) среди курганного материала есть обломок верхней части кругового сосуда с шифром кургана 16, а лепная керамика отсутствует. Здесь, возможно, стоит допустить и музейную путаницу, так как форма венчика указанной находки достаточно поздняя для кремаций и больше характерна для XII в.

В поисках ответа на вопрос о количестве кремаций и их хронологии обратимся к архивной документации [5; 6]. Захоронение в кургане 16 совершено на горизонте (по публикации – в яме). На плане этого кургана отмечено подпрямоугольное неуглубленное в материк пятно с кремированными костями. Его размеры около 0,80 х 0,50 м. Севернее его на плане отмечено подпрямоугольное пятно с золой и углем, ориентированное по оси север-юг. Его размеры около 2,60 х 1,30 м. Анализ планов и стратиграфии указывает на сходство обрядов в курганах 9, 14 и 16 [6, рис. 9, 14, 16]. В кургане 14, в котором костей не обнаружено, также фиксируются признаки обряда кремации. Учитывая приведенные данные, стоит полагать, что все курганы насыпаны в древнерусское время, а лепная керамика в кургане 16, вероятнее всего, находилась в переотложенном состоянии.

Погребения по обряду ингумации отмечены в 18 курганах. В 12 случаях они совершены на зольно-угольном горизонте (курганы 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 11, 12, 13, 15 и 21) и в 6 – в ямах (курганы 7, 18, 19, 20, 22, 17). В курганах с ямными захоронениями зольный горизонт в одном случае (курган 22) перекрывает могильную яму. Один курган (10) был разрушен.

Общей чертой всех обрядов, зафиксированных в Новом Кривске, является наличие зольно-угольного или «выжженного» горизонта разной мощности и конфигурации [4, с. 65].

Таким образом, в курганах Нового Кривска отмечено 3 кургана с обрядом кремации, 12 с обрядом ингумации на зольно-угольном горизонте и 6 ямных захоронений.

По имеющимся опубликованным и архивным материалам, а также музейным коллекциям не всегда можно точно определить, где была найдена керамика во время раскопок курганов у д. Новый Кривск. Несмотря на это, сравнение этих данных позволяет говорить о наличии посуды в том или ином виде в 14 курганах (См. Таблицу).

Соотношение погребального обряда и наличия инвентаря в курганах около д. Новый Кривск Рогачевского р-на

п/п	№ кургана	Обряд			Пол	Ориентировка	Керамика	Инвентарь
		Кремация	Ингумация	Доп. элементы				
1	16	●		з/у гор-т	?	З-В	?	-
2	14	●я		з/у гор-т	?	С-Ю	●	-
3	9	●я		з/у гор-т	р?	СЗ-ЮВ	●	-
4	1		●	з/у гор-т	м	З	●	-
5	2		●	з/у гор-т	м	З	●	-
6	3		●	з/у гор-т	ж	З	●	●
7	4		●	з/у гор-т	м	ЮЗ	-	-
8	5		●	з/у гор-т	ж	ЮВ	-	●
9	6		●	з/у гор-т	ж	З	-	●
10	8		●	з/у гор-т	ж	З	●	●
11	11		●	з/у гор-т	ж	З	●	●
12	12		●	з/у гор-т	м	З	●	-
13	13		●	з/у гор-т	м	З	●	●
14	15		●	з/у гор-т	м	З	●	-
15	21		●	з/у гор-т	ж	З	●	●
16	7		●я	з/у гор-т	ж	?	-	●
17	18		●я	з/у гор-т	ж	З	-	●
18	19		●я	з/у гор-т	м	З	-	-
19	20		●я	з/у гор-т	м	З	-	-
20	22		●я	з/у гор-т	ж (р)	В	●	●
21	17		●я	-	м	З	-	-
22	10	?	?	-	-	-	●	-
Всего							14	10

Примечание: я – ямное; м – мужской; ж – женкский; р – ребенок; ? – не известно; З – запад; В – восток; С – север; Ю – юг; з/у гор-т – зольно-угольный горизонт

В курганах с кремациями посуда отмечена в двух случаях (курганы 9 и 14), еще в одном (курган 16) соотнесение хронологии посуды и обряда затруднительно. По публикации в пятне кремации кургана 16 значатся несколько фрагментов лепной керамики. На плане кургана она не отмечена, в тексте отчета также не упоминается. При этом в музейной коллекции есть небольшой фрагмент верхней части кругового сосуда XII в. Согласно плану кургана небольшое пятно кремации ориентировано по оси запад-восток и совпадает с прямоугольным зольно-угольным пятном бóльших размеров, ориентированным по оси север-юг. Бóльшее пятно по размерам напоминает следы ямного трупоположения, хотя на чертеже стратиграфии оба пятна расположены на одном уровне, уровне горизонта. Возможно, здесь имеет место наличие следов истлевшей «колоды» или настила и несохранившегося костяка, к которому и относится обозначенный фрагмент керамики?

Больше всего керамики зафиксировано в погребальных насыпях с ингумациями на зольно-угольном горизонте (9 раз из 12). В ямных захоронениях керамика найдена только в одном кургане (№ 22) из шести. В исследованных погребениях преобладает западная ори-

ентировка умерших. В одном случае посуда найдена в кургане с восточной ориентировкой (курган 22).

В шести комплексах посуда коррелируется с иным погребальным инвентарем. Причем в пяти из них – с женским набором предметов (курганы 3, 8, 11, 21, 22) и только один раз с мужским (курган 13). В мужских и женских захоронениях[1] посуда представлена одинаково – 5 раз в мужских захоронениях (курганы 1, 2, 12, 13, 15) и 5 раз в женских (курганы 3, 8, 11, 21, 22 – ребенок). Еще в четырех случаях пол погребенных не установлен (курганы с кремацией – 9, 14, 16 и разрушенный курган 10).

По расположению посуды в теле кургана на имеющемся материале не всегда можно в должной степени определить, где она найдена. В кургане 22 отмечена находка горшка под дерном в насыпи. В фондах музея есть два фрагмента круговых стенок (№ пол. 22 (курган), 38). В пакете имеется полевая бирка, на которой пласт указан как «горизонт». Здесь стоит отметить еще одну особенность. Часть посуды, которая описана как находка в насыпи или под дерном, помещена на плане кургана вместе с захоронением и иными предметами, которые найдены при погребении, а часть – нет. Возможно, на плане обозначались только целые горшки или компактные развалы из крупных фрагментов? Данное наблюдение частично подтверждает фактическое состояние находок, хранящихся в музее. Так, посуда обозначена на планах курганов 9, 1, 2, 13 и 21. В кургане 21, судя по тексту отчета, был найден «горшок» (изображения и его самого нет в коллекции). На планах курганов 8 и 11, где также представлены восстановленные формы в виде развалов горшков, они не обозначены. В тексте отчета расположение керамики в кургане 8 описано следующим образом: «в восточной поле и центре кургана, в насыпи на гл. 30 см и ниже найдены несколько фрагментов гончарного сосуда» [5, с. 4]; в кургане 11: «в насыпи, на разной глубине найдено несколько фрагментов гончарной керамики» [5, с. 5].

В большинстве случаев указано, что керамика происходит из насыпи или из-под дерна в насыпи. В курганах с кремациями посуда найдена в насыпи под дерном (курган 14) и над ямой погребения (курган 9) (Рис. 1: 2). Положение посуды относительно костяка фиксируется в четырех курганах. В двух насыпях (курганы 1 и 13) керамика найдена в районе «головы» с левой стороны (Рис. 1: 1), в кургане 2 – в области шеи-грудного отдела и также левее погребения. В кургане 21 керамика отмечена в «ногах».

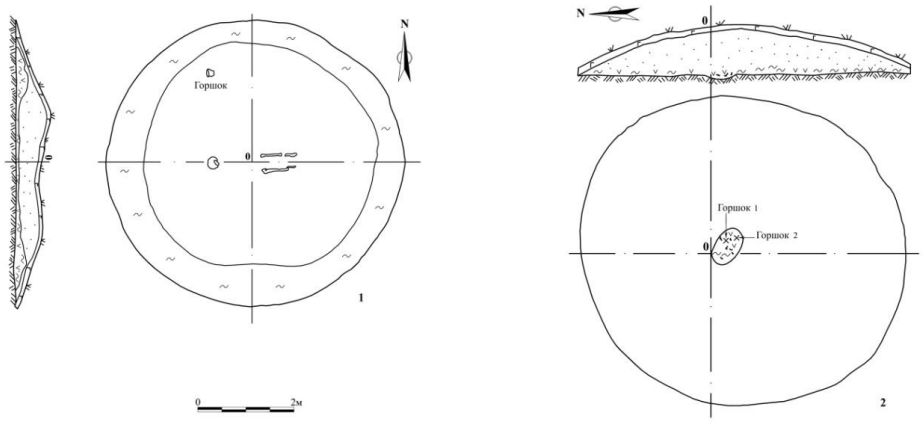


Рис. 1. Новый Кривск. Расположение керамики в курганах: 1 – курган 1; 2 – курган 9.

[1] Определения пола даны в соответствии с определением автора раскопок, кроме костяка из кургана 21. Г. Ф. Соловьева относит его к мужскому. Если следовать предложенному принципу «инвентарного» определения, нужно полагать, что костяк женский. В тексте отчета о находках не упоминается. Однако они обозначены на плане кургана – бусы, пуговица и горшок; в музейной коллекции присутствуют образцы стеклянного бисера и одна округлая бусина из свинцово-оловянистого сплава (?).

Анализ фактического состояния посуды позволяет сделать некоторые наблюдения. В целом виде керамика найдена по одному разу в кургане с кремацией (курган 9) и ингумацией на зольно-угольном горизонте (курган 13). Полные развалы сосудов отмечены в кургане 2 и 8. Посуда в курганах 1 и 11 представлена неполными развалами, которые графически полностью восстанавливаются. Также в коллекции есть только верхние части сосудов. Они происходят из курганов 11, 12, 13 и, возможно, 16. Отдельные фрагменты сосудов (стенки) найдены в кургане 22 (ингумация в яме). В трех курганах (9, 11 и 13) отмечено использование в обряде двух сосудов. Примечательно, что в кургане 11 помимо керамики собрана достаточно представительная коллекция иного инвентаря – более 400 стеклянных бусин, перстнеобразные височные кольца, бубенчики, пуговицы, крестовидная подвеска. Такая же закономерность отмечена и в материалах погребального инвентаря курганов 16 и 18 у д. Курганье Жлобинского р-на Гомельской обл. [7, с. 130, табл. 2].

Коллекция курганной керамики из Нового Кривска в музее представлена 10 сосудами или их верхними частями. 9 из них происходят из 7 курганов (1, 2, 8, 11, 12, 13 и 16) и один экземпляр не имеет привязки к конкретному погребальному комплексу. Посуда из кургана 9 известна по публикации.

Большинство сосудов из курганов у д. Новый Кривск имеют небольшие размеры с диаметром венчика около 8,0–12,0 см. У двух экземпляров диаметр венчика около 15,0–16,0 см. По профилировке, это самые поздние сосуды из представленных на памятнике.

По технологии посуда из Нового Кривска принадлежит к категории круговой керамики. На внешней стороне изделий, в той или иной степени, отмечены следы обточки на гончарном круге. На внутренней стороне на некоторых сосудах, в нижней части, присутствуют слабовыраженные вертикальные следы заглаживания. Наличие таких следов на круговой посуде указывает на разные степени использования гончарного круга при изготовлении сосудов, что отмечено, в частности, для керамики Новогрудка [8, с. 22]. Качество обжига изделий примерно одинаково. На изломе все черепки однослойные, цвета поверхности или темнее.

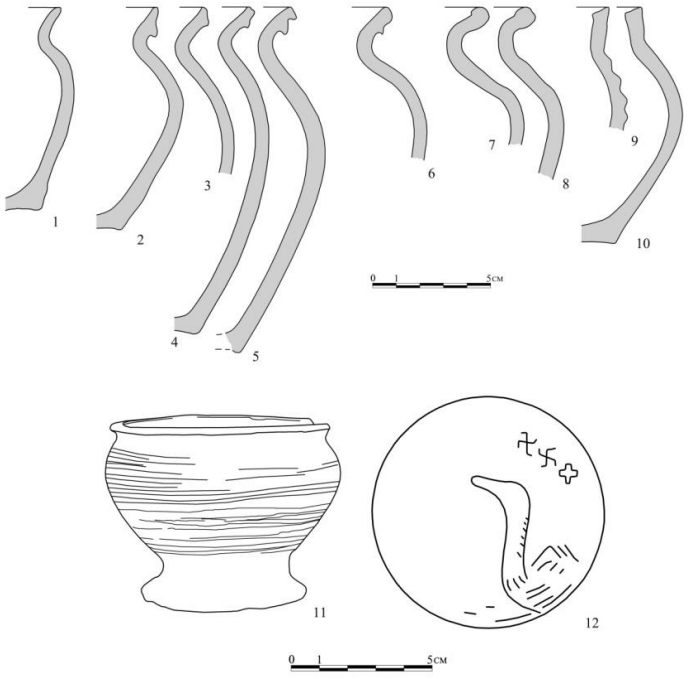


Рис. 2. Новый Кривск. Формы керамики

1, 7 – курган 13; 2 – курган 1; 3 – депаспартизованная находка; 4 – курган 2; 5 – курган 8; 6, 10 – курган 11; 8 – курган 16; 9 – курган 12; 11–12 – курган 9.

По общему профилю сосудов выделяется два вида – горшки с «вертикальной» горловиной и с отогнутым наружу краем. Последние, в свою очередь, можно разделить на несколько разновидностей. К первой разновидности, с простым оформлением края, можно отнести целый сосуд из кургана 13 (Рис. 2:1). Ко второй, со сложным профилем, оформленным срезами, уступами и оттяжками, можно причислить целые формы из курганов 1, 2, 8 и верхнюю часть горшка, которая депаспортизирована (Рис. 2:2–5). Визуально они близки некоторым формам раннекруговой посуды Гомеля, Чечерска и других памятников Гомельского Поднепровья [9, с. 104, рис. 90: III]. Нужно полагать, что такая керамика появилась и стала результатом дальнейшего развития и использования гончарного круга, так как в ней гораздо меньше примесей, чем в раннекруговой посуде, но при этом частично остается визуально-аналогичная форма профиля. Несколько выделяется из этой разновидности по лучшему качеству исполнения верхняя часть горшка из кургана 11 (Рис. 2: 6). Его венчик оформлен в виде манжета, который характерен для круговой керамики X–XI вв. Среднего Поднепровья [10, с. 10]. К третьей разновидности относятся верхние части сосудов из курганов 13 и 16 (Рис. 2: 7–8). Их выделяет округлый «грибовидный» венчик, наличие более выраженных плечиков и тенденции к прямой шейке.

Из всей коллекции керамики из курганного могильника у д. Новый Кривск выделяется сосуд из кургана 9 (Рис. 2: 11). Он представляет собой небольшой горшочек на поддоне. Автор раскопок отмечает, что подобная форма посуды не характерна для восточных славян [4, с. 68]. Круговой сосуд на поддоне также известен в материалах курганов у д. Каменка Рисковская Рогачевского района[2]. Отдельные фрагменты ножки и верхней части сосуда на поддоне есть в материалах Гнездово [11, с. 91]. Т. А. Пушкина, описывая гнездовские находки, отмечает, что круговые сосуды на поддоне известны на территории современной Польши в материалах X–XI вв. [11, с. 91].

На всех горшках отмечен орнамент в виде разновидностей многорядного линейного узора. На донцах пяти сосудов зафиксированы клейма. В основу четырех из них положена фигура в виде круга. Клеймо на горшке из кургана 9 относится к категории не серийных изображений. В нем сочетаются водоплавающая птица и три знака в виде разновидностей креста (Рис. 2: 12).

Таким образом, изучение керамики из курганов у д. Новый Кривск и ее археологического контекста демонстрирует, что глиняная посуда – характерная находка в курганах с различными видами погребального обряда. Наиболее часто посуда представлена в насыпях с обрядом ингумации на зольно-угольном горизонте. Фактическое состояние находок позволяет говорить о том, что керамика является частью погребального обряда и участвует на различных стадиях его совершения. Сравнивая полученные данные о пространственном расположении посуды в курганах Нового Кривска с материалами других памятников Гомельского Поднепровья, можно выделить несколько общих функциональных групп. К первой относится керамика, которая ставилась непосредственно при погребении во время его совершения. Ко второй группе относится посуда, которая участвовала на разных этапах погребального обряда. Ориентируясь на опубликованные и архивные материалы раскопок, следует аккуратно допустить (с учетом поправки на степень фиксации материала), что здесь преобладает посуда второй функциональной группы. Анализ самих изделий указывает на то, что большинство из них находит аналогии и на других памятниках Гомельского Поднепровья. При этом в коллекции присутствует керамика, характерная для западнославянских традиций.

[2] Выражаю слова благодарности и признательности научному сотруднику отдела сохранения и использования археологического наследия Института истории НАН Беларуси Э. А. Ляшкевич за информацию о находке и месте ее хранения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бліфельд Д. І. Давньоруські пам’ятки Шестовіці. Київ: Наукова думка, 1977.

2. Богомольников В. В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.). Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2004.

3. Соловьева Г. Ф. Радимичские курганы // АО 1966 года. Москва, 1969.

4. Соловьева Г. Ф. Славянские курганы близ села Новый Кривск // КСИА. 1971. Вып. 125.

5. Соловьева Г. Ф. Отчет Радимичского отряда Приднепровской археологический экспедиции ИА АН СССР за 1966 г. / ЦНА НАН Беларуси. ФАНД. Оп.1. Арх. № 288.

6. Соловьева Г. Ф. Приложение к отчету Радимичского отряда Приднепровской археологический экспедиции ИА АН СССР за 1966 г. / ЦНА НАН Беларуси. ФАНД. Оп.1. Арх. № 288а.

7. Линденков Д. Н. Погребальная керамика из могильника Курганье (по материалам раскопок В. В. Богомольникова) // МАБ. 2018. Вып. 29.

8. Малевская М. В. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. // Труды ИИМК РАН. 2005. Т. XVII.

9. Макушников О. А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII в.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2009.

10. Петрашенко В. А. Керамика IX–XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. Москва, 1992.

11. Пушкина Т. А. Лепная керамика Гнездовского селища // Вестник Московского университета. История. 1973. № 3.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ ФИНАЛЬНОГО ЭТАПА ПАМЯТНИКОВ ВЕЛЬБАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

***А. С. Милашевский*[1)], *В. В. Ткач*[2)], *В. Г. Баюк*[3)], *Б. А. Прищепа*[4)], *А. П. Войтюк*[5)]**

[1)]*Институт археологии НАН Украины, г. Киев, Украина;* [2)]*Межрегиональная общественная научная организация «Дубенський археологічний осередок», г. Дубно, Украина;* [3)]*Историко-культурный заповедник в городе Луцк, г. Луцк, Украина;* [4)]*Ровенский государственный гуманитарный университет, г. Ровно,* [5)]*Украина; Ровенский областной краеведческий музей, г. Ровно, Украина*

Вельбарская культура – археологическая культура позднеримского времени, носителями которой традиционно считают восточногерманское племя готов. Эта культура занимала территории большей части современной Польши, запада Беларуси и северо-запада Украины (Рис. 1). На землях Украины памятники вельбарской культуры возникают в конце II в. и, как и другие археологические культуры «готского культурного круга» смежных территорий (черняховская культура, масломенчская группа), существовали до начала V в. Рассматриваемый регион располагается между реками Западный Буг на западе и Случ на востоке. Южной границей, за которой располагаются памятники черняховской культуры, являются истоки рек Стыр и Горынь (Рис. 2).

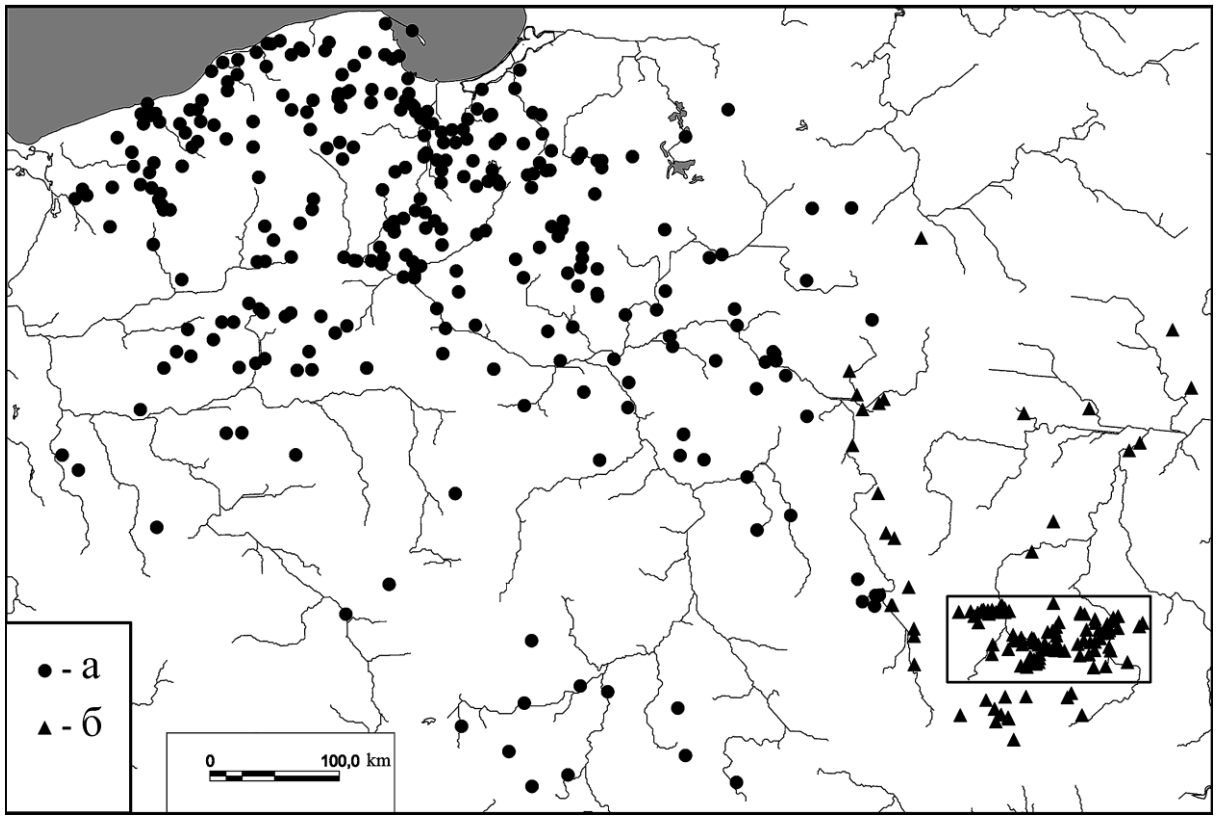


Рис. 1. Памятники вельбарской культуры[1]

а – памятники зон «A–E», б – памятники зоны «F» (на территории Украины и Беларуси).

[1] На карте присутствуют памятники пшеворской культуры к западу от Вислы, содержащие вельбарские элементы (лепную посуду).

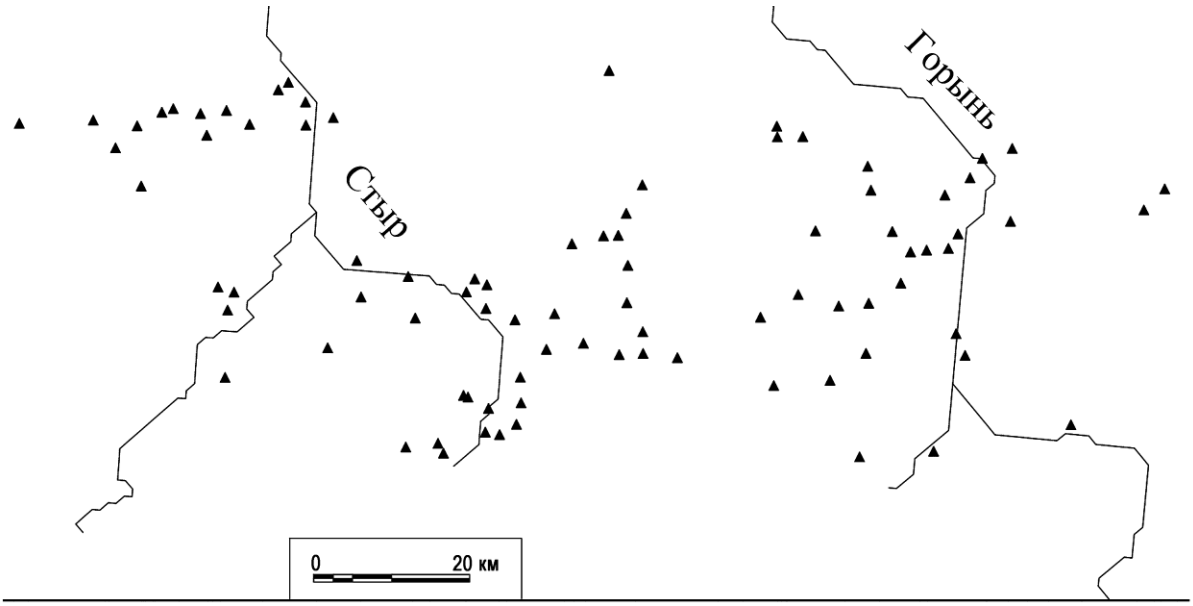


Рис. 2. Памятники вельбарской культуры территории Украины

Актуальность данной публикации состоит, с одной стороны, в том, что именно в этой зоне, на Волыни, возникают наиболее ранние памятники пражской культуры ранних славян [1, с. 64]; с другой стороны, в последние десятилетия сформировалась количественно и качественно новая источниковедческая база, позволяющая детализировать картину финала предшествующего историко-культурного горизонта – памятников культуры вельбарской. Если на начало 1990-х гг. XX в. было известно около 40 памятников вельбарской культуры [2, с. 73, Рис. 39], то на сегодняшний день их число превосходит 200 (Рис. 2). Ввиду небольшого объёма статьи, мы намеренно оставляем в стороне анализ «готских кладов» конца IV – начала V в. н. э., материалов Баевского могильника и других памятников, которым посвящена достаточно обширная литература [см. лит. 3; 4; 5]. В рамках же данной работы хотели бы сделать акцент на новых, или собранных ранее, но не публиковавшихся материалах.

Рассматриваемый период охватывает ступени C_3–D_1 относительной хронологии центральноевропейского Барбарикума (около 350–400 гг.). И если для вельбарской культуры территории Польши существуют отдельные региональные исследования, посвященные финалу римского времени [напр.: 6], то для вельбарской культуры зоны «F» таких работ проведено не было.

Коротко рассмотрим хронологические индикаторы финала позднеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов, а также памятники и комплексы, в которых они найдены.

Фибулы. ***Тип Грудек 47.*** Застёжки этого типа наиболее полно были рассмотрены в недавней работе Я. Анджэёвкого, Р. Проховича и Т. Раковского [7]. В материалах вельбарской культуры на территории Украины известно два экземпляра таких застежек, которые происходят из культурного слоя поселений Загорцы и Рованцы (Рис. 3: 6, 8). Наиболее распространенный вариант этого типа – I «Скорбичи» (Рис. 4: 2). Это массивные фибулы с тремя выделенными прямоугольными площадками и орнаментированными щитками на вершине спинки и конце ножки. Фибулы этого варианта распространены на довольно широкой территории: в материалах масломенчской группы, вельбарской культуры Мазовии и Подляшья, на территории Белорусского Побужья. Вторая фибула этого типа относится к варианту II «Грудек» (Рис. 4: 1). Эти застёжки не так массивны, отличаются от фибул первого варианта ромбическим сечением корпуса и не имеют третьей площадки в месте соединения спинки с головкой. Застёжки этого варианта открыты во всём ареале вельбарской культуры, известны также в Самбии и Южной Скандинавии (на о. Борнхольм). Следует

подчеркнуть, что фибулы типа Грудек 47 выступают только в контексте памятников вельбарской культуры, и не известны в ареале культуры черняховской.

Фибулы «щиткового типа». К этим застежкам, типология которых разработана О. В. Петраускасом и Е. В. Синицей [8], относится серия недавно выявленных застежек из ареала вельбарской культуры на территории Украины (Рис. 4: 3–7; Рис. 3: 3–4, 7, 9, 11). Все они имеют более- или менее ярко выраженные, небольшие щитки полукруглой формы на головках, и формально могут быть отнесены к прототипам или ранним модификациям двупластинчастых фибул. В отличие от остальных экземпляров, на ножках которых помещены также плоские щитки ромбической формы, ножка фибулы из Копыткового щитка лишена и имеет прямоугольную в плане форму (Рис. 4: 4). Как правило, эта деталь встречается у других модификациий фибул данной группы [8, Рис. 2: 1–4; 11–13]. Важным элементом, на наш взгляд, является наличие на головках большинства экземпляров этих фибул кнопок (Рис. 4: 5–7).

Двупластинчастые фибулы. Однозначно к фибулам этого типа можно отнести застежку с двумя пластинами и укороченной подвязной «жаловидной» ножкой, расширенной в нижней трети (Рис. 4: 8; Рис. 3: 1). Исходя из этих морфологических особенностей, фибула может быть отнесена к варианту Iаб по классификации А К. Амброза [9, с. 77]. Такие фибулы достаточно широко представлены в материалах черняховской культуры. Вероятно, к двупластинчастым принадлежат и две головки фибул с пластинчатыми щитками (Рис. 4: 9, 10).

«Воинские фибулы». К варианту 2 типа 4 по О. В. Петраускасу [10, с. 195–196] относится фибула из жилища 76 поселения Хренники (Рис. 4: 11; Рис. 3: 9.). Она имеет многогранное сечение корпуса и расширение ножки около середины длинны.

«Бюгелькнопффибель». К этим застежкам относится фрагмент из культурного слоя поселения Хренники (Рис. 4: 12; Рис. 3: 9.). К сожалению, из-за фрагментированности, более детальное определение этой фибулы невозможно.

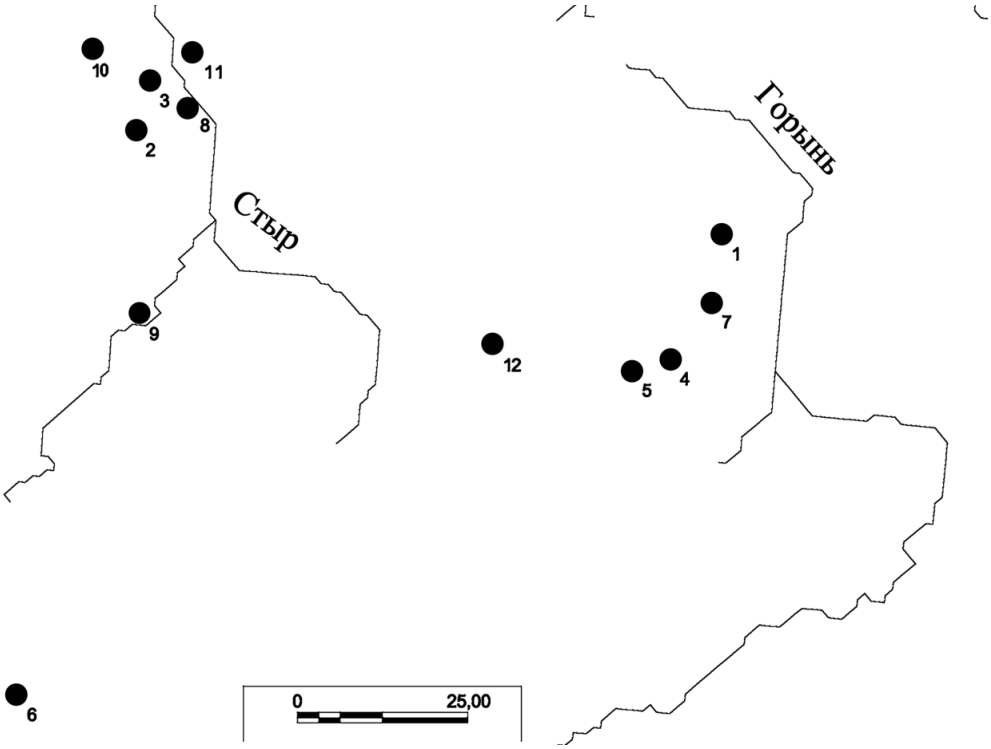


Рис. 3. Поселения и могильник (Баев) вельбарской культуры территории Украины с материалами фаз C_3–D_1

Номерами обозначены: 1 – Алексеевка, 2 – Баев, 3 – Богушовка, 4 – Верхов, 5 – Дермань, 6 – Загорцы, 7 – Копытково, 8 – Рованцы, 9 – Хренники, 10 – Шепель, 11 – Луцк, 12 – Костянец.

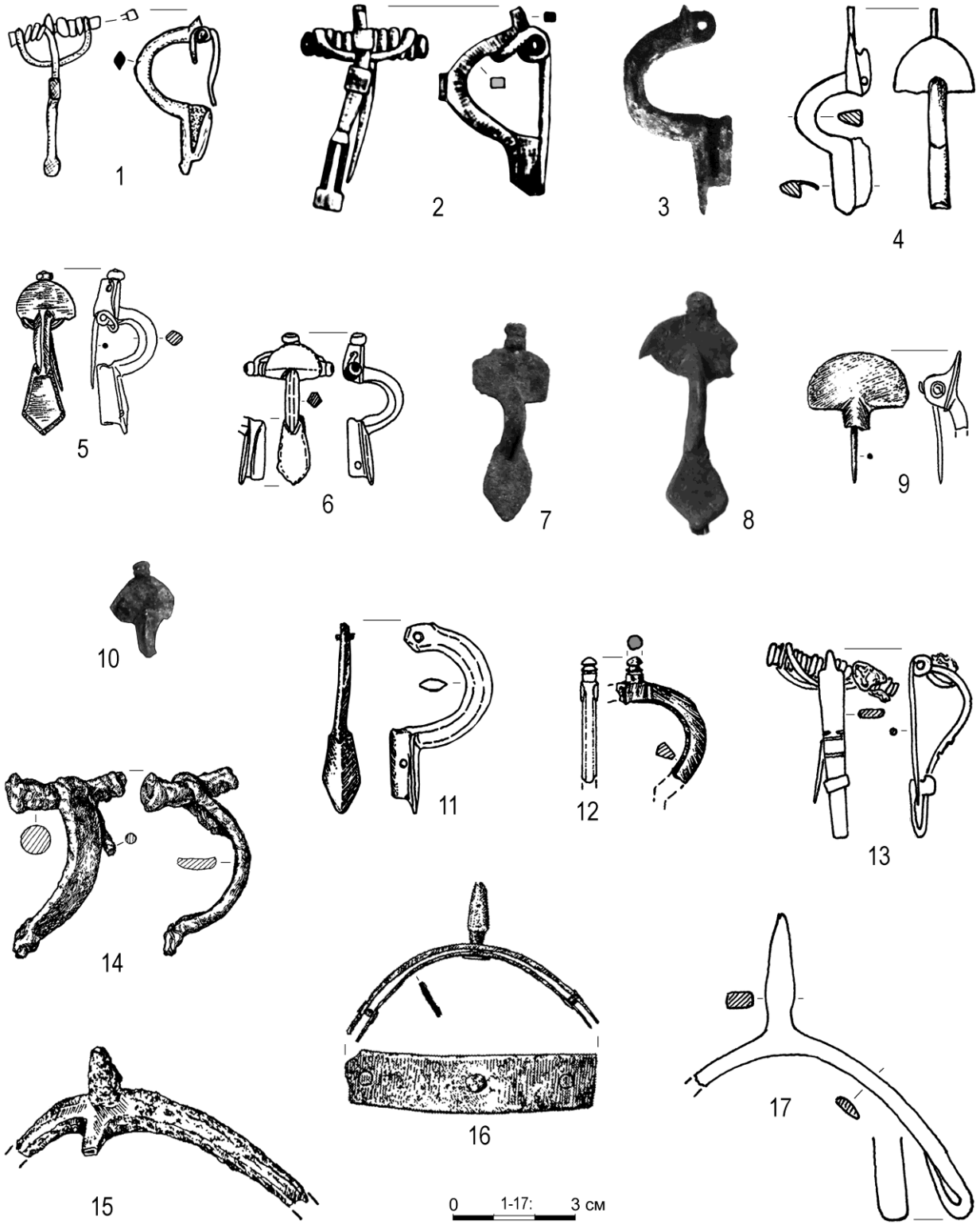


Рис. 4. Хроноиндикаторы фаз C_3–D_1 вельбарской культуры территории Украины

1 – Загорцы VI, к. с.[2] [11, рис. 8: 1], 2 – Рованцы, к. с., [12, табл. VII: 5], 3 – Богушовка, к. с., [13, фото 3: 2], 4 – Копытково 8, к.с., [14, рис. 47: 5], 5, 9, 11 – Хренники, ж. 76 [1, табл. 21: 5–7], 6 – Луцк [8, рис. 1: 14], 7 – Верхов к. с., [15, рис. 82: 12], 8 – Алексеевка, к. с., [16, рис. 23: 22], 10 – Дермань, к. с., [15, рис. 53: 1], 12 – Хренники, к. с., [17, рис. 4: 12], 13, 17 – Шепель, об. 1 [18, рис. 1: 11, 13], 14 – Хренники, ж. 122 [1, табл. 17: 1], 15 – Хренники, я. 90 [1, рис. 5: 7], 16 – Хренники, к. с. [1, рис. 5: 8].

1–13 – сплавы меди, 15–17 – железо.

[2] К. с. – культурный слой, ж. – жилище, об. – объект, я. – яма.

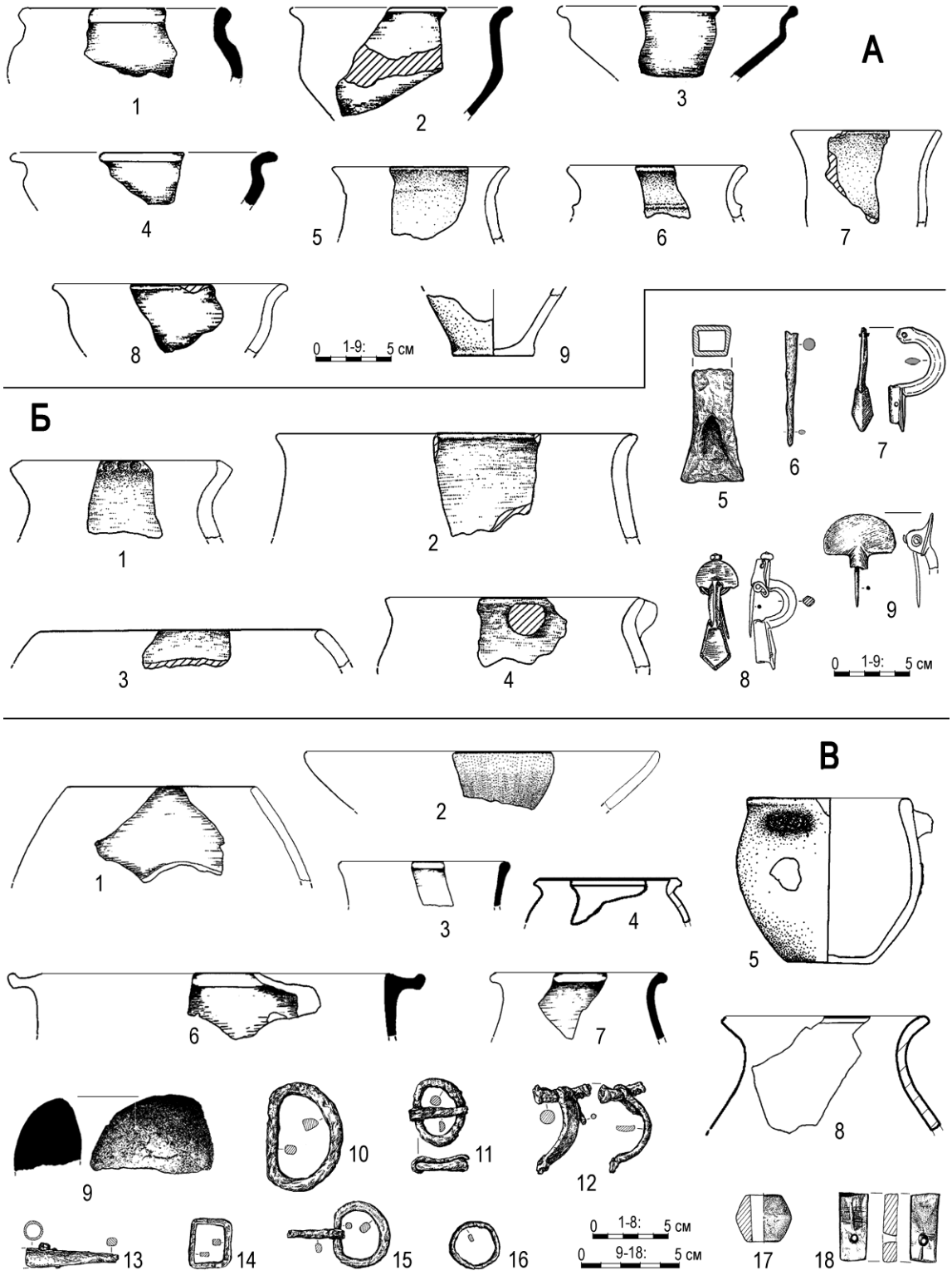


Рис. 5[3]. Поселенческие комплексы с хроноиндикаторами фаз C_3–D_1 вельбарской культуры территории Украины

I – Хренники, сооружение 75 [9, табл. 20], II – Хренники, сооружение 76 [1, табл. 21], III – Хренники, ж. 122 [1, табл. 16–18].

А, Б 1–4, В 1–9, 17 – глина; Б 5–6, В 10–16 – железо; Б 7–9 – сплавы меди; В 18 – камень.

[3] Профиля различных категорий посуды залиты разными оттенками. Черный – гончарная столовая посуда, серый – гончарная кухонная, заштрихований профиль – импортная посуда, незалитый профиль (белый) – лепная керамика.

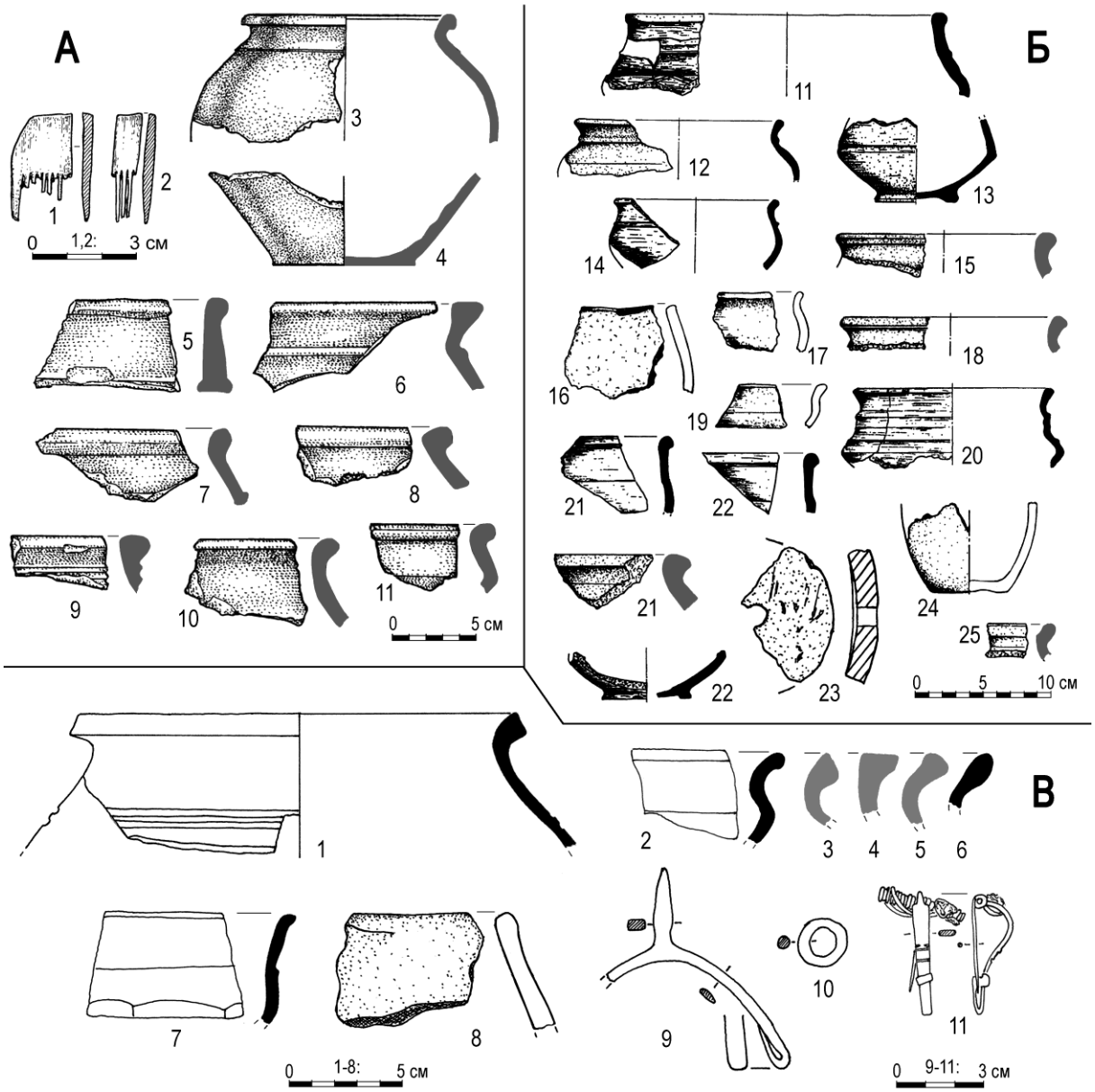


Рис. 6. Поселенческие комплексы с хроноиндикаторами фаз C_3–D_1 вельбарской культуры территории Украины

I – Хренники, ж. 30 [19, рис. 17], II – Хренники, ж. 54 [19, рис. 38–40], III – Шепель, об. 1 [18, рис. 1].

А3–11, Б11–25, В1–8 – глина, А1–2 – кость, В11 – сплавы меди, В9–10 – железо.

«Фибулы разновидности Б3е по Е. Л. Гороховскому» [20]. Прогнутые подвязные фибулы, корпус которых выполнен из прямоугольного бруска шириной более 6 мм (Рис. 4: 13, 14) [см.: 20, с. 35, 44]. Происходят из объекта 1 поселения Шепель (Рис. 4: 13) и жилища 122 поселения Хренники (Рис. 4: 14; Рис. 3: 9, 10). Ценность этих фибул для хронологических построений заключается в том, что они происходят из условно закрытых комплексов и могут выступать в качестве датирующего материала.

Шпоры. С поселения Хренники происходит две пары шпор: пластинчастые без зацепов с пирамидальным шипом (Рис. 4: 16), и пластинчастые (Рис. 4: 15). Время их функционирования определяется рубежем IV–V вв. [17, с. 105]. Подобная, пластинчастая шпора происходит из объекта 1 поселения Шепель (Рис 4: 17). Дату комплекса определяет наличие в нём фибулы разновидности Б3е (Рис. 4: 13).

Поселенческие комплексы. Индикаторы фаз C_3–D_1 наиболее ярко представлены в объектах, изученных на поселениях Хренники и Шепель (Рис. 5, 6). Памятник Хренники,

как наиболее полно исследованное на территории Украины поселение вельбарской культуры[4], несёт важную информацию о развитии структуры поселения этой готской общины с начала функционирования – на рубеже II и III вв. – и до конца его существования на рубеже IV–V вв. (Рис. 7). Новые данные о датировках комплексов позволяют проследить изменения в характере керамического комплекса и домостроительстве этого памятника. В материалах наиболее раннего его горизонта (фазы B_2/C_1) присутствует только лепная посуда типичных вельбарских форм, а жилища представлены полуземлянками. На стадии C_2/C_3, во время расцвета этого поселения, наряду с лепной, распространяется гончарная керамика, а спектр типов построек и использованных при их возведении строительных техник существенно расширяется, это: полуземлянки, землянки, наземные, глинобитной конструкции, каркасно-плотовые и т. д., с преобладанием наземных жилищ глинобитной конструкции стен [21]. Жилища же финальной стадии функционирования вельбарского поселения в Хренниках представлены как сооружениями с углубленным полом, так и полуземлянками. Одно из них, объект 122, имеет площадь 55 м кв., что приближает его к «большим домам» по определению Д. Н. Козака [2, с. 74]. Для вещевых комплексов вельбарских жилищ финальной фазы этой культуры на территории Украины уже характерно полное преобладание гончарной посуды черняховского типа над лепными формами. Так, в поселенческих комплексах памятников Хренники и Шепель, относящихся к фазам C_3–D_1, доля гончарной посуды составляет более 80 %.

Меняется и сама структура поселений, примером чему может служить готский памятник возле с. Хренники. Если на фазе C_2/C_3 селище вельбарской культуры занимает почти всю его площадь, имеет элементы уличной застройки в центральной части (параллельные ряды жилищ в районе комплекса с фигуркой Сараписа), то к финалу римского времени поселение существенно уменьшается в площади. Объекты концентрируются, в основном, в южной части поселения, их число существенно сокращается (Рис. 7). Вероятно, это вызвано оттоком готского населения в конце IV в. н. э. вследствие нашествия гуннов и климатических изменений [22, с. 74; 23, с. 139].

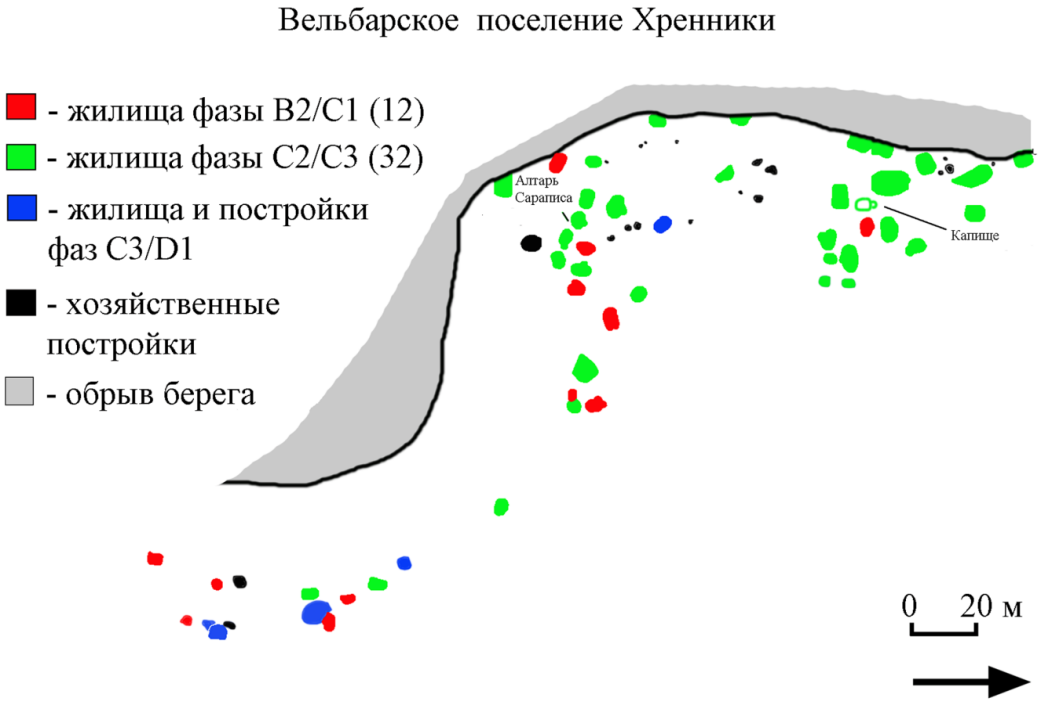


Рис. 7. Поселение вельбарской культуры Хренники

[4] На 2018 г. тут вскрыто около 7000 м кв. площади, на которой изучено более 50 жилищ и других построек.

В целом, памятники вельбарской культуры, содержащие хроноиндикаторы фаз C_3–D_1, широко представлены в междуречье Стыра и Горыни. На рассмотренных примерах мы можем наблюдать соединение в материальной культуре жителей данного региона ряда элементов, присущих общности культур готского круга. С одной стороны, фибулы типа Грудек 47 свидетельствуют о сохранении связи населения Волыни – наиболее отдалённой на юго-восток части ареала вельбарской культуры, – с однокультурным населением современной Польши и Беларуси вплоть до финальной стадии её существования в конце IV – начале V в. Вместе с тем, доминирование к этому времени в керамическом комплексе гончарной посуды, а также использование в костюме широкого спектра рассмотренных нами фибул (разновидности Гороховский/Б3е, двупластинчастых и «воинского типа») свидетельствует о стабильных, нарастающих во времени связях с населением черняховской культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Козак Д. Н. Хрінники (Шанків Яр) – пам’ятка давньої історії Волині. Дослідження 2010–2014 рр. Київ, 2016.

2. Козак Д. Н. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. – IV ст. н.е.). Київ: Наукова думка, 1992.

3. Козак Д. Н. Готські скарби Волині початку раннього середньовіччя // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е. Київ, Львів, 1999.

4. Кухаренко Ю. В. Баївський могильник (за матеріалами розкопок В. П. Петрова і А. П. Каліщука) // Археологія. № 18. 1975.

5. Смішко М. Ю. Дослідження пам’яток культури полів поховань в західних областях УРСР в 1947 р. // АП УРСР. 1952. Т. 3.

6. Woźniak M. Uwagi o chronologii późnej fazy kultury wielbarskiej w świetle materiałów z północnego Mazowsza // Kontakty ponadregionalne kultury wielbarskiej. Przemiany kulturowe w okresie wpływów rzymskich na Pomorzu. Gdańsk, 2015.

7. Andrzejowski J. Brooches Type Gródek 47 and their dating // The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. T. I. Lublin, 2008.

8. Петраускас О. В. Фибулы «щиткового типа» черняховской культуры // Germania–Sarmatia. Вып. 2. 2010.

9. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. Москва: Наука, 1966.

10. Петраускас О. В. Фібули «воїнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам’яток України) // Археологія Правобережної України. Археологія і давня історія України. 2010. Вип. 2.

11. Лазурко О. Дослідження в с. Загірці на Брідщині // Львівський археологічний вісник. Львів-Винники, 2016.

12. Івановський В. І. Звіт про роботу Західнобугського загону Волинської обласної госпдоговірної археологічної експедиції ІСН АН УРСР за 1986 рік. НА ІАНАНУ № 1986/130. Львів, 1986.

13. Златогорський О. Результати археологічних досліджень в селі Богушівка в 2011 році // Наукові студії Історико-краєзнавчого музею м. Винники. Вип. 5. Львів, 2012.

14. Прищепа Б. А., Харковець Ю. І., Войтюк О. П., Кожушко О. К., Чекурков В. С. Звіт про археологічні експертизи та розвідки на території Рівненської області в 2015 році./ НА НАНУ б/н. Рівне, 2016.

15. Прищепа Б. А., Войтюк О. П., Кожушко О. К., Хомич М. Р. Звіт про археологічні розвідки на території Рівненської області в 2012–2013 рр. // НА НАНУ б/н. Рівне, 2014.

16. Прищепа Б. А., Виногродська Л. І., Чекурков В. С., Войтюк О. П. Звіт про археологічні експертизи та розвідки на території Рівненської області в 2011 році. НА НАНУ б/н. Рівне, 2012.

17. Козак Д. Н. Намисто з поселення вельбарської культури біля с. Хрінники на Волині та питання хронології пам'ятки // Oium. Київ, 2010.

18. Баюк В. Г., Ткач В. В. Звіт про проведені рятівні археологічні дослідження у с. Шепель Луцького району Волинської області 2010 року урочище «Замістя». НА ІАНАНУ б/н. Луцьк, 2010.

19. Козак Д. Н. Давні землероби на Волині (пам'ятки археології на Хрінницькому водоймищі). Київ: Нац. акад. України, Ін-т археології, 2004.

20. Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V МКАС. Т. 4. Киев, 1988.

21. Козак Д. Н. Житлово-господарче будівництво і планування поселення вельбарської культури біля с. Хрінники на Рівненщині // Від венедів до Русі. Старожитності І тис. н. е. на території України. Київ, 2014.

22. Магомедов Б. В. Гепіди. Історичні відомості та археологічні реалії // Археологія. 2001. № 2.

23. Шишкін Р. Г. Господарсько-екологічна модель черняхівської культури (за матеріалами Середнього Подніпров'я) // Археологія. 1999. № 4.

«БАЛТСКИЙ СЛЕД» В КУЛЬТУРЕ ПСКОВСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ?

Е. Р. Михайлова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Культура псковских длинных курганов (КПДК) (в белорусской археологической литературе курганы этого типа часто называют также ранними длинными курганами) – одна из наиболее крупных и давно изучаемых раннесредневековых культур лесной зоны Восточной Европы. Относясь к тому же, по выражению М. Б. Щукина, «бесфибульному и горшечному» культурному миру лесной зоны [1, с. 58], что и ее соседи, и имея с ними много общего, культура псковских длинных курганов резко выделяется на общем фоне курганным обрядом захоронения (см., напр.: [2; 3; 4]).

Истоки формирования курганной обрядности КПДК – предмет давней и пока не завершенной дискуссии. Ряд авторов рассматривал погребальные сооружения этой культуры как результат постепенной эволюции обычая захоронения сожженных останков в естественных всхолмлениях или на специально оформленных площадках [5, с. 16–25; 6, с. 120–123; 7, с. 111–115; 8, с. 16–17]. Мне представляется, что сама идея сооружения курганов появляется в западной части лесной зоны вместе с наиболее ранними памятниками КПДК и, возможно, была привнесена в результате тех же культурных импульсов, что и вещи центральноевропейского происхождения, встреченные в наиболее ранних комплексах КПДК. В последующие несколько сот лет существования и развития КПДК многие черты ее погребальной обрядности также должны были получить какое-то развитие, однако современный уровень наших знаний пока не позволяет отчетливо проследить эти изменения ([9], ср. также: [10, с. 221–222; 11, с. 359–360]).

Территорию, откуда могла бы прийти на северо-запад Восточной Европы идея погребения кремированных на стороне останков в сложных по строению земляных насыпях, вероятно, следует искать на территории Юго-Восточной Прибалтики, среди балтских культур, где курганный обряд захоронения известен еще с до-римского периода. Под балтскими понимается группа сходных культур на территории современных Латвии, Литвы, Калининградской области и Северной Польши, которые большинство исследователей связывает с населением, говорившим на языках балтской группы. Подчеркнем, что лингвисты относят языки потомков этого населения к двум различным подгруппам: западнобалтским (прусский, ятвяжский, куршский и др.), и восточнобалтским (литовский, латышский и др.), средневековые культуры этого ареала также различаются многими чертами.

Разумеется, Прибалтика – не единственный регион, где в эпоху позднего римского времени и раннего средневековья известны курганные захоронения. Так, для лесной зоны можно указать курганные могильники мощинской культуры [12, с. 41, 42], Молого-Шекснинского междуречья [13, с. 12–20], колочинской и пражской культур [14, с. 30–34; 15, с.33–36; 16, с. 65–67] и др. Однако именно в балтских древностях, на мой взгляд, можно найти общие черты с культурой длинных курганов сразу в нескольких важных аспектах: помимо собственно курганного обряда захоронения, это ландшафтная приуроченность погребальных памятников (подробнее – см. [17]), многочисленность погребений коней, параллели в деталях конского и всаднического снаряжения, а также в некоторых других находках. Стоит подчеркнуть их географическое соседство, что указывает на возможность прямых контактов между балтами и носителями культуры псковских длинных курганов (Рис. 1).

Территория распространения курганного обряда балтских культур (*strefa kurhanowa*, т. е. «курганная зона», по определению В. Новаковского) формируется в бассейне среднего и верхнего течения Немана и прилегающих районах в начале позднеримского периода, вероятно, под влиянием более ранней традиции западнобалтских курганов. Сложившиеся общности, из которых наиболее заметны судавская культура и культура восточнолитовских курганов, существуют вплоть до конца эпохи переселения народов. В конце VI–VII в. в западной части этой зоны, в Мазурском Поозерье и Сувалкии, курганные могильники заканчивают свое существование. Культура восточнолитовских курганов в VII в. претерпевает изменения, выразившиеся в устройстве курганов (исчезают каменные венцы по основанию насыпей, распространяются окружающие насыпи рвы), изменившемся наборе вещевого инвентаря, широком распространении захоронений коней (как кремированных, так и по обряду ингумации) ([18, s. 76–80; 19, с. 180–188; 20], там же библиография).

Для нашей темы важно, что курганы восточнолитовского типа непосредственно соприкасаются с псковскими длинными курганами на территории современной Северо-Западной Беларуси. Культурная атрибуция некоторых памятников этой территории не ясна. Так, Н. А. Плавинский предложил связывать подкурганные кремации могильника Рацкий Бор с культурой псковских длинных курганов [21, с. 138–140], хотя встреченная здесь железная пряжка с рифленой В-образной рамкой характерна, скорее, для курганов восточнолитовских (ср.: [22, мал. 132: 5–7; 23, 43. pav.; 24, 5. pav.]). Еще одна точка возможного соприкосновения этих двух культур – озеро Долгое (бассейн р. Луги) на западе современной Ленинградской области. Здесь в составе более позднего курганно-жальничного могильника Доложский погост был раскопан курган с кремацией, сопровождавшейся комплексом вещей восточнолитовского облика [25, с. 108–109; 26] (Рис. 2). От ближайших могильников культуры длинных курганов, расположенных по берегам того же озера, он удален на 6–8 км. Насколько можно судить, курган с кремацией в Доложском не выделялся на общем фоне могильника, то есть, скорее всего, представлял собой не очень высокую насыпь с кольцом валунов по основанию, типичную, в том числе, и для восточнолитовских курганов (ср.: [27, с. 130–131, 134; 28, 13.–18. pav.]).

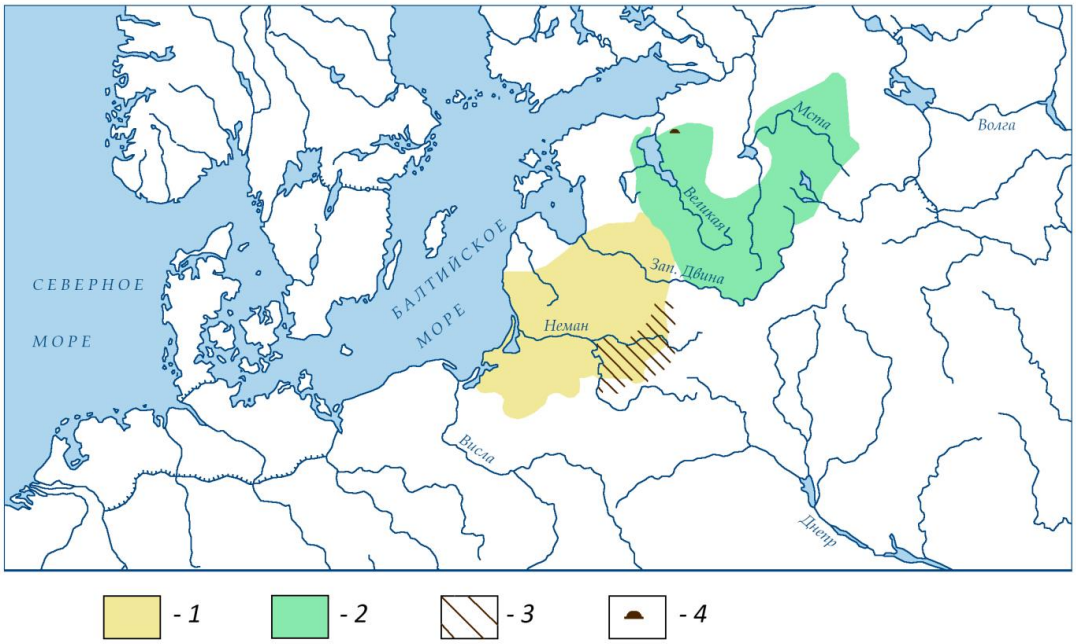


Рис. 1. Территории балтских культур и культуры псковских длинных курганов

1 – территория балтских древностей в поздний период эпохи переселения народов (по: [29, fig. 5]); 2 – территория культуры псковских длинных курганов (по данным автора); 3 – территория культуры восточнолитовских курганов (по: [27, рис. 13]); 4 – Доложский погост.

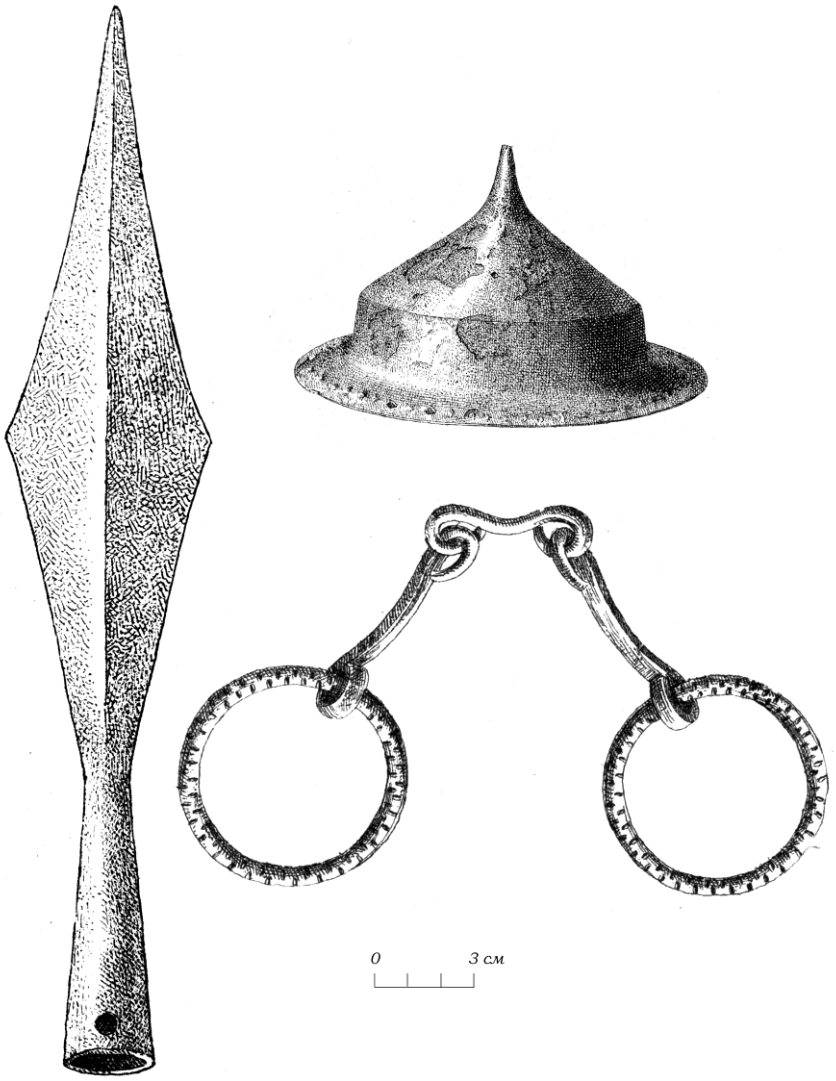


Рис. 2. Комплекс находок из кремации в Доложском погосте (по: [25, табл. XVIII])

В развитии и исторических судьбах культур псковских длинных курганов и восточнолитовских курганов немало общего. Обе культуры существуют на протяжении нескольких исторических периодов, возможно и выделение различных локальных вариантов; их развитие – сложный, прерывистый процесс, в течение которого, однако, устойчиво сохраняется курганный обряд захоронения, а сами курганы постоянно остаются для носителей этих культур «основным визуальным образом могилы» [19, с. 181]. Сходство между обеими культурами уже отмечалось различными авторами. Так, Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев предположили, что сложение культуры псковских длинных курганов последовало после периода нестабильности в лесной зоне Восточной Европы, вызванного проникновением сюда во второй половине V в. хорошо вооруженных и организованных групп. Традиция восточнолитовских курганов, носители которой также оказались затронуты этим движением, и послужила источником курганного обряда для формирующейся культуры псковских длинных курганов; оттуда же в псковские длинные курганы могли попасть пояса с рифлеными В-образными пряжками [30, с. 74]. В. В. Седов сопоставлял восточнолитовские курганы с длинными курганами смоленского типа, считая, что «о родственности литвы и смоленско-полоцких кривичей свидетельствуют два обстоятельства: 1) оба племени при формировании впитали в себя население культуры штрихованной керамики; 2) другим этническим компонентом, связывающим эти племенные образования, были носители первых браслетообразных височных колец, которые как в ареале тушемлинской куль-

туры, так и на территории Литвы следует относить к славянскому этносу» [31, с. 85]. Впрочем, хронологический разрыв между исчезновением культуры штрихованной керамики и появлением смоленских длинных курганов составляет не менее 400 лет.

Важная параллель в погребальной обрядности балтских культур и КПДК – распространение захоронений коней (вместе с человеком или отдельно) (см. [32; 33; 34; 35], там же библиография). Как и распространение курганного обряда, захоронения коней в Европе, особенно начиная с V–VI вв., не ограничиваются рассматриваемым регионом: они широко представлены в Западной Европе, а также Скандинавии и Британии (см., напр.: [36; 37; 38]), общеизвестно распространение конских погребений и погребений всадников в степных курганах. Чаще всего захоронения коней рассматриваются как признак высокого статуса погребенного либо как отражение культовых представлений.

На этом широком общем фоне заметны общие черты захоронений коней в псковских длинных курганах и балтских могильниках, главная из которых – широкое распространение конских захоронений при отсутствии явной корреляции между погребением коня и предполагаемым высоким статусом погребенного человека. В большинстве балтских культурных традиций – как в курганных, так и в грунтовых могильниках – захоронение коней как признак высокорангового погребения относится скорее к римскому времени, в то время как в эпоху переселения народов этот ритуал демократизируется [35, с. 12–13]. В курганах восточнолитовского типа, за исключением нескольких «княжеских» погребений, сконцентрированных вокруг озера Таурагнас и представляющих собой трупоположения человека и коня в больших ямах, кремированные или несожженные останки коня сочетаются с кремациями людей с довольно скромным инвентарем, часто вовсе не включающим оружия. Число конских захоронений в восточнолитовских курганах заметно возрастает на поздних этапах развития этой культуры, начиная с VII в. Захоронения коней в культуре восточнолитовских курганов иногда сопровождаются удилами или металлическими деталями уздечного набора, реже – другими предметами (в том числе серпами – для нарезания корма?). В контексте конских захоронений рассматривается также присутствие в погребениях людей конского снаряжения, например, удил, что могло символизировать помещение в погребение коня (см., напр.: [27, с. 137, 141; 19, с. 184; 39, p. 127; 40, p. 160]).

В культуре псковских длинных курганов захоронения коней довольно многочисленны (См. Таблицу). Неоднократно встречены коллективные захоронения, где вместе с человеческими останками определены кости лошади, часто в сочетании с костями других животных. Известно также несколько захоронений только коней, без присутствия костей человека.

Захоронения коней в культуре псковских длинных курганов

Комплекс	*Находки*	*Останки людей*	*Кости животных*	*Источник*
Гринино I, курган 3, погр. 1	железная пряжка с рифленой В-образной рамкой и щитком на язычке	взрослый человек	Лошадь	[41, с. 454]
Гринино 1, курган 3, погр. 2	фрагмент крестовидной орнаментированной накладки	—	Лошадь	[41, с. 454, 457]
Гринино 1, курган 3, погр. 3	оплавленные бусы синего стекла	присутствуют	подавляющее большинство костей – лошадь	[41, с. 457]
Гринино II, курган 2, погр. 1	бляшки-скорлупки (17 экз.), зажим для ремня, костяные предметы (фрагменты рукояти ножа ?)	женщина 20–40 лет	свинья и лошадь?	[42, с. 483]

Комплекс	*Находки*	*Останки людей*	*Кости животных*	*Источник*
Жеребятино, курган 1, погр. 3	овальная пряжка, четыре прямоугольные тисненые обоймы, удила, бляшки-скорлупки, фрагменты керамики	—	лошадь	[43; 44, с.335]
Залахтовье, курган 154, погр. 10	удила, маленькая пряжка, заклепка	—	крупное животное (лошадь?)	[45, с. 183]
Заозерье (одиночный курган)	—	—	костяк лошади, у которой были связаны ноги и сломан в шейном отделе позвоночник	[46, с.15]
Квасильниково II, курган 29, погр. 2	бляшки-скорлупки	человек	крупное животное (лошадь?)	[47, с. 335]
Квасильниково III, курган 6, погр. 1	узкие накладки с заклепками	?	крупное животное (лошадь?)	[48]
Куреваниха III, курган 15, погр. 2	лировидная пряжка, кольцо с обоймой (зажим ремня)	человек	молодая лошадь (кости не сожжены)	[49, с.49]
Ладыгинский Бор, курган 3	фрагмент бляшки-обоймицы, долотовидный предмет, нож, два лепных сосуда	человек	ниже костей человека – погребение лошади	[50, с. 39–40]
Лаоссина V, курган 13, погр. 1	бляшки-скорлупки, оплавленные бронзовые фрагменты	человек	ниже костей человека – несожженные останки животного (лошади?)	[7, с. 97]
Лезги, курган 12, погр. 3	—	—	лошадь	[51, с.54]
Лезги, курган 12, погр. 4	—	человек	лошадь, собака	[51, с.54]
Линдора, курган 16, погр. 2	овальное огниво с оковкой, фрагмент накладки, колечко, фрагмент пинцета	взрослый мужчина	лошадь	[52, с.59]
Млевский Бор, курган 1	пряжка с В-образной рифленой рамкой, синие бусы, фрагменты неопределимых бронзовых предметов	человек	лошадь, есть бедренная кость птицы	[53]
Млевский Бор, курган 2, погр. 1	пряжка с овальной рамкой	человек	лошадь, когтевые фаланги медведя	[55]
Млевский Бор, курган 5, погр. 3	бляшки-скорлупки, оплавленные бронзовые фрагменты	—	лошадь	[53; 54, рис. 100]
Млевский Бор, курган 23	фрагмент гребня, трубочка-обоймица, фрагмент лепной керамики	подросток 10–15 лет и ребенок	лошадь	[53]
Потерпелицы I, курган 8, погр. 4	бляшки-скорлупки (25 экз.), умбоновидная бляха, обоймица, заклепки, проволочные кольца, удлиненные бляхи	—	лошадь	[55, л. 8]
Пуйга I, курган 20, погр. 1	прямоугольная пряжка	человек	лошадь	[56; 5, с. 53]
Сторожинец, курган 2, погр. 10	—	человек	лошадь, овца (?)	[57, с. 108]

Комплекс	*Находки*	*Останки людей*	*Кости животных*	*Источник*
Сторожинец, курган 11, погр. 3	бляшки-скорлупки (30 экз.), прямоугольная обойма, пластинчатая оковка с заклепкой	человек	лошадь и мелкий домашний скот, а также позвонок хвоста мелкого хищника	[58, л. 4]
Шихино, курган 1	фрагменты головного венчика из обоймиц и пронизок, 2 пряжки с четырехугольной рамкой, фрагмент гривны, четырехгранный стержень, пряслице, фрагменты бронзовых предметов, два сосуда (урны)	человек	лошадь, собака, птицы	[56]
Шихино, курган 6, погр. 2	костяная проколка	—	скелет лошади почти без следов огня	[59]
Шихино, курган 13, погр. 1	овальная пряжка, фрагмент проволоки, фрагменты лепной керамики, наконечник стрелы	молодая женщина и ребенок (в юго-западной части), пожилой мужчина (в северо-восточной части)	лошадь и птица (в северо-восточной части)	[59]
Шихино, курган 16, погр. 6	фрагмент браслета с утолщенными концами, бусы синего стекла, нож, лепной сосуд	женщина?	лошадь, когтевые фаланги медведя	[59]
Шихино, курган 24	синие бусы, проволочное кольцо, обломок костяной рукояти	взрослый и ребенок	Лошадь	[60]
Шихино, курган 25, погр. 1	пряжка с круглой рамкой и щитком-обоймой, крестовидные бляшки, обоймы, трубочка с продольной прорезью, долотовидный предмет, нож, скобель или скребница	—	лошадь, единичные кости собаки	[60; 54, рис. 100]
Шихино, курган 30, погр. 3	синие бусы, нож, обломок гривны	женщина и мужчина	единичные кости лошади и птицы	[59]
Шихино, курган 32	оселок, оплавленное стекло	женщина и ребенок	Лошадь	[59]

К сожалению, для памятников КПДК палеозоологические определения не многочисленны (как и для восточнолитовских курганов), но обращает на себя внимание тот факт, что в любой более или менее представительной выборке материала, с которой работали палеозоологи, присутствуют кости коней, и такие захоронения распространены по всей территории культуры. Интересно, что в некоторых случаях кости лошадей не обожжены. Однако большинство захоронений коней (как и все погребения, где определены вместе останки людей и животных), совершены по обычному для псковских длинных курганов обряду трупосожжения на стороне. Там, где при раскопках был прослежен порядок залегания костей в погребениях, кости лошади (и других животных) часто лежат ниже костей человека, что, кстати, характерно и для некоторых балтских культур, например, восточнолитовских курганов или самбийско-натангийской (культуры Долькайм-Коврово по терминологии польских археологов).

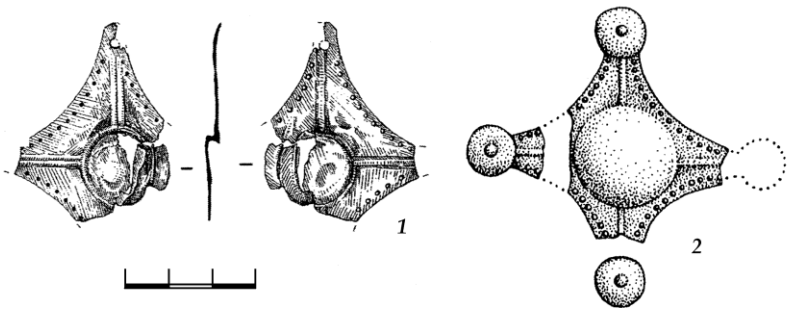


Рис. 3. Крестообразные уздечные бляхи

1 – Гринино I, к.3, п.2; 2 – Шихино, к.25, п.1. Бронза (по: [61, рис. 10]).

Некоторые захоронения лошадей в псковских длинных курганах сопровождались металлическим уздечным набором (Потерпелицы I, курган 8, погр. 4; Шихино, курган 25, погр. 1; Млевский Бор, курган 5, погр. 3) или комплектом из удил и небольшой бронзовой пряжки (Жеребятино, курган 1, погр. 1; Залахтовье, курган 154, погр. 10) (подробнее см.: [62, с. 73–82]). В кургане 1 могильника Дорохи I найдены двучастные удила; это единственная находка в погребении, костный материал из него остался не определен [63, с. 127, мал. 17: 1].

На этом фоне вряд ли случайны и параллели в конской сбруе. Наиболее очевидны западные, балтские параллели в накладных металлических украшениях узды – таких, как четырехконечные бляхи с выпуклым центром, служившие накладками на скрещивающиеся уздечные ремни. В культуре псковских длинных курганов они найдены в двух уже упомянутых захоронениях коней (Шихино, Гринино 1) (Рис. 3). Аналогичные бляхи хорошо представлены в могильниках Эльблонгской и Ольштынской групп, в памятниках Западной Литвы, иногда встречаются также в древностях меровингского круга и на Скандинавском полуострове, они датируются второй пол. VI – ранним VII в. [64, p. 101–102; 65, p. 208–210]. Возможно, сюда же следует причислить и менее выразительную находку с городища Варварина гора в Тверской области. Автор раскопок памятника соотнес маленькую крестовидную накладку с выпуклым полусферическим центром с дьяковским слоем, однако в ближайших окрестностях городища расположены несколько памятников КПДК, а сам В. А. Буров связал с длинными курганами ряд предметов из верхней части дьяковского слоя на Варвариной горе [66, с. 36, рис. 14].

Менее очевидны параллели другим предметам конского снаряжения: в псковских длинных курганах они представлены широко распространенными типами, известными в том числе и в балтских культурах. Таковы, например, шпоры с коротким шипом и крючками для крепления к обуви, пластинчатые пельтовидные лунницы – привески к узде, скребница (?) из захоронения лошади в Шихино (подробнее см.: [62]). Аналогичным образом дело обстоит и с целым рядом других находок, широко распространенных в Прибалтике и лесной зоне Восточной Европы в третьей четверти – второй половине I тыс. Среди них можно назвать колокольчатые привески, набранные из пронизок и пластинчатых обойм венчики, браслеты с утолщенными концами, пряжки с литыми клювовидными язычками и др. типы вещей. В этом обширном наборе следует отдельно остановиться на узколезвийных топорах и пряжках с В-образной рифленой рамкой – находках, чрезвычайно характерных для восточнолитовских курганов, где они регулярно совстречаются в мужских погребениях (на это обратила внимание еще Ф. Д. Гуревич [67, с.64]).

Узколезвийные топоры с парными щекавицами (так называемого «восточнолитовского типа») анализировались многими исследователями. Можно считать установленным, что этот тип топоров связан происхождением с Восточной Литвой, где узколезвийные топоры с парными щекавицами представлены наиболее ранними и многочисленными наход-

ками [68; 69, с. 74–81; 70, s. 170]. В течение последней четверти I тыс. аналогичные или очень похожие, но со слегка выгнутой спинкой, топоры распространяются на значительной территории (см., напр., [71, с. 122; 72, с. 41–42; 73, с. 39–40; 74, с. 75–76; 75, с. 56] и мн. др.). В культуре псковских длинных курганов топоры восточнолитовского типа представлены двумя целыми экземплярами – из могильника Плесо III в бассейне Мсты и из культурного слоя поселения Усть-Белая V в бассейне Мологи. Скорее всего, к этому же типу относятся и обломки узколезвийных топоров, найденные на ряде селищ и в одном из погребений могильника Лоози в Юго-Восточной Эстонии (подробнее о находках см.: [61, с. 33–34] – там же литература). Вероятно также, что с культурой длинных курганов связана и случайная находка целого топора этого типа близ деревни Обинитса (Овинчище), тоже в Юго-Восточной Эстонии, где известен могильник КПДК [76, lk. 98].

Пряжки с рифленой В-образной рамкой по своему происхождению связаны с центральноевропейскими древностями, где датируются в пределах V – нач. VI в. Из Центральной Европы такие пряжки попадают в Восточную, где в основном должны датироваться тем же временем [77; 78; 79; 80, s. 71, 73; 81, p. 54, N 105; 20, c. 63, 65]. Отдельные находки пряжек с рифленой В-образной рамкой в Восточной Европе позволяют считать, что здесь такие пряжки могут бытовать и немного позднее – еще в VII в. [61, с. 33–34; 82, с. 22, рис. 19: 22; 6, с. 106]. Вплоть до VII в. могут датироваться и некоторые комплексы восточнолитовских курганов, содержавших аналогичные пряжки (см., напр.: [83, p. 88, 25–26 pav.; 24, p. 107–108, 5: 1 pav.]). Примечательно, что ни в восточнолитовских, ни в псковских длинных курганах В-образные пряжки с рифлением не составляют единой серии, различаясь многими деталями (Рис. 4).

Перечисленные выше параллели не позволяют напрямую соотнести культуру псковских длинных курганов с какой-либо конкретно из балтских культур эпохи переселения народов, но достаточно ясно свидетельствуют о связях в пределах целого культурного круга. Наиболее многочисленны и выразительны, пожалуй, параллели с восточнолитовскими курганами, и вряд ли это является результатом только географической и хронологической близости двух культурных традиций. Скорее всего, здесь действительно имели место более тесные взаимодействия, но их характер станет ясен только в результате последующих исследований. Пока же можно только с уверенностью говорить, что культура псковских длинных курганов возникает на северо-восточной оконечности «курганной зоны» балтских культур в период активного распространения в них кремационного обряда, и именно курганный обряд выделяет КПДК на общем фоне большинства восточноевропейских культур.

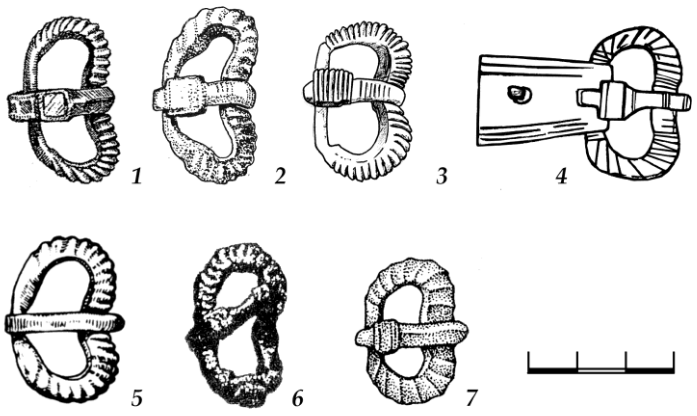


Рис. 4. Пряжки с В-образной рифленой рамкой из памятников КПДК

1 – Гринино I, к.3, п.1; 2 – Линдора I, к.9; 3 – Усть-Белая IV, к.6, п.1; 4 – Рысна-Сааре II, к.9, п.1; 5 – Полибино, к.21, п.1; 6 – Пуйга I, к. 20, п.2; 7 – Млевский Бор I, к.1 (1, 2, 5, 6 – железо; 3, 4, 7 – бронза). (по: [61, рис. 3]).

Балтские культуры – не единственный регион распространения традиции курганных захоронений, соприкасавшийся с культурой псковских длинных курганов. Северо-восточная окраина КПДК, занявшая территории в бассейне Мологи, сформировалась при весьма вероятном взаимодействии с более ранними «курганными» культурными группами Молого-Шекснинского междуречья, что нашло отражение в особенностях структуры насыпей КПДК на этой территории [61, с. 325–327]. В целом же причины и истоки распространения курганного обряда, принятия его одними коллективами и непринятия их соседями, возможные формы взаимодействия разных курганных традиций – одна из наиболее актуальных проблем изучения древностей эпохи переселения народов в лесной полосе, и ее надо рассматривать в общем контексте культур Прибалтики и лесной зоны Белоруссии и России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Щукин М. Б. Семь миров древней Европы и проблема этногенеза славян // Славяне. Этногенез и этническая история. Ленинград, 1989.

2. Исланова И. В. Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). Москва, 2016.

3. Шадыра В. І. Банцараўская культура // Археалогія Беларусі. Том 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск, 1999.

4. Штыхаў Г. В. Культура ранніх доўгіх курганоў (V–VII стст.) // Археалогія Беларусі. Том 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск, 1999.

5. Седов В. В. Длинные курганы кривичей. Москва: Наука, 1974.

6. Седов, В. В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. Москва: Языки русской культуры, 1999.

7. Аун М. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн: ОЛИОН, 1992.

8. Носов Е. Н. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. 1984. Вып. 179.

9. Михайлова Е. Р. К характеристике погребальной обрядности культуры псковских длинных курганов // АИППЗ. 2014. Вып. 29.

10. Конецкий В. Я. К вопросу о формировании культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 1997. Вып.11.

11. Носов Е. Н., Плохов А. В. Поселение и могильник на озере Съезжее // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). Москва, 2016.

12. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Москва: Наука, 1982.

13. Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. Санкт-Петербург, 1995.

14. Обломский А. М. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). Москва, 2016.

15. Кухаренко Ю. В. Славянские древности V–IX вв. на территории Припятского Полесья // КСИИМК. 1955. Вып. 57.

16. Поболь Л. Д. Древности Туровщины. Мінск: Наука и техника, 1969.

17. Михайлова Е. Р. Формирование культуры длинных курганов: процесс на фоне эпохи // Истоки славянства и Руси. Сборник статей по материалам X Чтений памяти Анны Мачинской. Санкт-Петербург, 2012.

18. Nowakowski W. Od Galindai do Galinditae. Z badań nad pradziejami bałtyjskiego ludu z Pojezierza Mazurskiego. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 1995.

19. Вайткявичюс В. Нестереотипный взгляд на культуру восточнолитовских курганов // Працы гістарычнага факультэта БДУ. 2008. Вып. 3.

20. Медведев А. М. Этнокультурная ситуация в бассейне Вилии во второй четверти I тыс. н. э. (К вопросу о происхождении культуры восточнолитовских курганов) // МАБ. 2010. Вып. 19.

21. Плавінскі М. А. Курганны могільнік Пагошча ў кантэксце сінхронных старажытнасцей Браслаўскага Паазер'я. Мінск: Выд. А. М. Янушкевіч, 2017.

22. Мядзведзеў А.М. Культура ўсходнелітоўскіх курганоў // Археалогія Беларусі. Том 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск, 1999.

23. Šimėnas V. Poviliškės pilkapynas // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2005 metais. Vilnius, 2006.

24. Kurila L. Turlojiškių pilkapynas // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2009 metais. Vilnius, 2010.

25. Спицын А. А. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. Санкт-Петербург, 1896.

26. Казанский М. М. Удила эпохи переселения народов в Доложском погосте // Stratum Plus. 2014. № 5.

27. Таутавичюс А.З. Восточнолитовские курганы // Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии. Москва, 1959.

28. Kurila L. Vladimiro Kaširskio kasinėjimai Vajuonio ir Žeimenio tarpežerio pilkapynuose 1906 ir 1907 metais // Lietuvos archeologijos šaltiniai Sankt Peterburge. Vilnius, 2011.

29. Bitner-Wróblewska A. North-eastern Poland in first centuries AD – a world apart // Worlds Apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age, Network Denmark-Poland (Nordiske Fortidsminder, C/7). Warszawa, 2010.

30. Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н. э. Москва: Ин-т археологии РАН, 2007.

31. Седов В. В. Литва и кривичи // Lietuvos archeologija. 2001. T 21.

32. Куликаускене Р. К. Погребения с конями у древних литовцев // СА. 1953. Т. XVII.

33. Jaskanis J. Obrądek pogrzebowy zachodnich Baltów u schyłku starożytności (I–V w. n.e.). Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im Ossolińskich, 1974.

34. Zinoviev A. Horses from Two Burials in Samland and Natangen (Second Century AD Kaliningradskaia Province, Russia) // Archaeologia Baltica. 2009. Vol. 11.

35. Казанский М. М., Зальцман Э. Б., Скворцов К. Н. Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии. Москва: ИА РАН, 2018.

36. Müller-Wille M., Vierck H. Pferdegrab und Pferdeopfer im frühen Mittelalter // Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek. Jg. 1970/71. Vol. 20/21.

37. Cross P. J. Horse burial in first millennium AD Britain: Issues of interpretation // European Journal of Archaeology. 2011. Vol. 14 (1–2).

38. Paust E., Karl H.-V. Untersuchungen zu Pferdebestattungen und Reitausrüstungen der Merowingerzeit // Warlords oder Amtsträger? Herausragende Bestattungen der späten Merowingerzeit. Nürnberg, 2018.

39. Bliujenė A. Alinkos (Raistinės) pilkapiai // Lietuvos archeologija. 1992. T. 8.

40. Bliujene A., Butkus D. Burials with Horses and Equestrian Equipment on the Lithuanian and Latvian Littorals and Hinterlands (from the Fifth to the Eighth Centuries) // Archaeologia Lituana. 2009. Vol. 11.

41. Черных И. Н., Олейников О. М., Исланова И. В. Курганный могильник Гринино 1 (по материалам исследований 1989–1990 гг.) // ТАС. 2013. Вып. 9.

42. Олейников О. М. Курганная группа Гринино 2 (Тверская область, Осташковский район) // ТАС. 2013. Вып. 9.

43. Кудряшов К. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде // ЗРАО. 1913. Т. IX.

44. Лопатин Н. В., Попов С. Г. Могильник Жеребятино // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). Москва, 2016.

45. Хвощинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (По материалам могильника Залахтовье). Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 2004.

46. Конецкий В. Я. Исследования в бассейне р. Мсты // АО 1985 г. Москва, 1987.

47. Конецкий В. Я., Иванов А. Ю., Сивохин С. Г., Торопов С. Е. Новые данные о погребальных памятниках в долине р. Белой // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 1996. Вып. 10.

48. Конецкий В. Я., Иванов А. Ю., Торопов С. Е. Новые исследования памятников культуры длинных курганов в долине р. Белой // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 1997. Вып. 11.

49. Башенькин А. Н., Васенина М. Г. Исследования комплекса памятников у д. Куреваниха на реке Мологе в 2004–2005 гг. // Археология Севера. 2007. Вып. 2.

50. Данилов И. Г. Раскопки слушателями Института курганов в Гдовском и Лугском уездах С.-Петербургской губ. и в Валдайском уезде Новгородской губ. // Сборник Археологического Института. Кн. 3, отделение I. Санкт-Петербург, 1880.

51. Александров А. А., Белецкий С. В. Памятники I тысячелетия н. э. у д. Лезги // Древний Псков: Исследования средневекового города. Санкт-Петербург, 1994.

52. Моора Х. А. Археологические работы в Эстонской ССР в 1951 и 1952 г. // КСИИМК. 1954. Вып. 55.

53. Фехнер М. В. Отчет о раскопках на территории Калининской области в 1968 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 3735.

54. Исланова, И. В. Верхнее Помостье в раннем средневековье. Москва: б.и., 2006.

55. Мильков В. В. Отчет к Открытому листу № 66 о проведении раскопок археологического комплекса у дд. Плесо–Потерпелицы Боровического р-на, жальника у д. Каплино в Мошенском районе, курганно-жальничного комплекса Бор–Заручевье в Окуловском районе, а также археологических разведок в Любытинском, Мошенском и Хвойнинском р-нах Новгородской области / Архив ИА РАН. Р–1. № 13742. 1989 г.

56. Мальм В. А., Фехнер М. В. Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во 2-й половине I тысячелетия н. э. // Экспедиции ГИМ. Москва, 1969.

57. Попов С. Г. Курганы второй половины I тысячелетия н. э. могильника Сторожинец (исследования 1998–1990 гг.) // Setumaa kogumik 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist. Tallinn–Värska, 2012.

58. Попов С. Г. Отчет о работах Гдовского отряда ИИМК РАН в 1991 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р-1.

59. Фехнер М. В. Отчет об археологических раскопках 1966 г. на территории Новгородской и Калининской областей / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 3258.

60. Фехнер М. В. Отчет об археологических раскопках в Калининской области в 1965 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 3098.

61. Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014.

62. Михайлова Е. Р. Снаряжение всадника и коня в псковских длинных курганах // Stratum Plus. 2014. № 6.

63. Штыхаў Г. В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск: Навука и тэхніка, 1992.

64. Kontny B., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M. Nowinka. Site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the Northern Poland. Gdańsk–Warszawa: Archaeological Museum in Gdańsk, 2011.

65. Reich Chr. The cemetery of Oberhof (Aukštkiemiai) – horsegraves and equestrian equipment // Archaeologia Baltica. 2009. Vol. 11.

66. Буров В. А. Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. Москва: Наука, 2003.

67. Гуревич Ф. Д. О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии // КСИИМК. 1958. Вып. 72.

68. Таутавичюс А. К вопросу о хронологии восточнолитовских боевых топоров // Pronksiajast varase feodalismini. Uurimusi Baltimaade ja naaberalade arheoloogiast. Таллинн, 1966.

69. Казакявичюс В. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас, 1988.

70. Malonaitis A. Schmaläxte mit Nacken in Litauen // Archaeologia Baltica. 2002. Vol. 5.

71. Леонтьев А.Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. Москва: Геоэко, 1994.

72. Воронина Р. Ф. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX – начало XI века. По материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 годов. Москва: Наука, 2007.

73. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. Москва; Ленинград: Наука, 1966.

74. Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2005.

75. Шмидт Е. А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск: Смоленский гос. университет, 2012.

76. Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani / Peatoimetaja M. Aun. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2009.

77. Вернер Й. К происхождению и распространению антов и склавинов // СА. 1972. № 4.

78. Werner J. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen im 4.–6. Jahrhundert // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. Bd 1. Berlin, 1981.

79. Бажан И. А., Каргапольцев С. Ю. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. 1989. Вып. 192.

80. Koch U. Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim. Stuttgart: Komissionverlag, Konrad Theiss Verlag, 2001.

81. Legoux R., Périn P., Vallet Fr. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Condé-sur-Noireau, 2006.

82. Исланова И. В. Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. Москва: Эдиториал УРСС, 1997.

83. Steponaitis V. Paduobės (Šaltaliūnės) III grupės pilkapynas Steponaitis // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2004 metais. Vilnius, 2006.

НОВЫЕ НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ КОНЦА XIV–XV ВВ. С ТЕРРИТОРИИ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ: К ВОПРОСУ О ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ НА ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПОГРАНИЧЬЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Ю. Ю. Петров

Государственный музей-заповедник «Куликово поле», г. Тула, Россия

Территория современной Тульской области в конце XIV – начале XV в. была пограничьем, где проходила активная борьба между Великим Княжеством Московским, Великим Княжеством Рязанским и Великим Княжеством Литовским (далее ВКЛ). Интереснейшим источником, позволяющим подробно рассмотреть эти процессы, являются нумизматические материалы.

Находки пражских грошей с этой территории уже являлись предметом отдельной публикации [1]. Коротко их можно представить следующим образом.

Во-первых, это монетные клады, обнаруженные во второй половине XIX в. Так, на водоразделе верховьев рек Дона и Осетра у д. Ольхов Колодец (Рис. 1: 3) в конце XIX в. было найдено 46 ½ пражских грошей весом 26 золотников 21 доля (около 111,84 гр.). Судя по весу (средний вес каждой монеты составляет примерно 2,4 гр.), это были монеты чешского короля Вацлава IV последнего периода его чеканки [2, с. 85; 3, с. 134, 135].

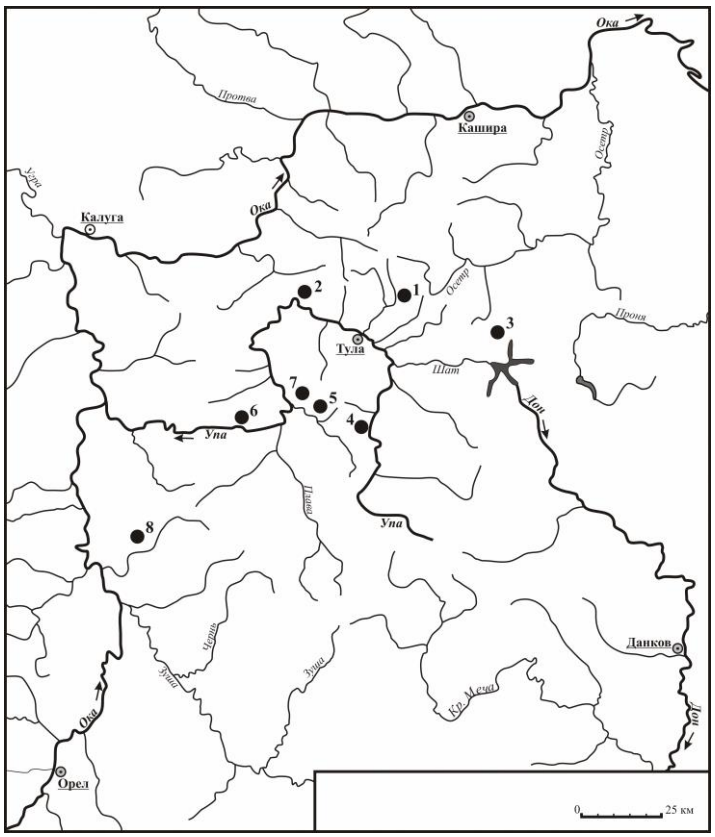


Рис. 1. Карта находок пражских грошей и монет ВКЛ на территории Тульской области

1 – городище у д. Торхово; 2 – клад пражских грошей, найденный у д. Варфоломеево; 3 – клад пражских грошей, найденный у д. Ольхов Колодезь; 4 – смешанный клад, включающий пражские гроши, найденный у д. Бухновка; 5 – поселение Малахово 5; 6 – находки около с. Большое Тризново; 7 – поселение Головеньки 3; 8 – поселение Байдино 2.

Также пражские гроши были найдены вместе с золотоордынскими монетами в составе клада, найденного в верхнем течении р. Упы в д. Бухновка бывшего Крапивенского уезда (Рис. 1: 4).

Из находок последних лет наиболее интересна находка фрагмента пражского гроша, сделанная в 1995 г. в ходе раскопок под руководством В. П. Гриценко на городище у д. Торхово Ленинского района. Археологический комплекс, включающий это городище и посады, достаточно надежно отождествляется с Тулой XIV–XV вв., в первых десятилетиях XVI в. перенесенной на современное место [4; 5]. Судя по весу фрагмента и плохо сохранившимся изображениям на монете, находка является частью гроша Вацлава IV.

В 2014 году в фонды Государственного музея-заповедника «Куликово поле» был передан клад пражских грошей, найденный в районе д. Варфоломеево Ленинского района Тульской области, в 20 км к северо-западу от современной Тулы (Рис. 1: 2). Клад состоял из 253 серебряных монет. Осенью 2014 г. место находки клада было локализовано и найдено еще 4 пражских гроша. Клад получил точную археологическую привязку. Он по большей части, состоит из монет последнего периода чеканки чешского короля Вацлава IV, кроме четырех монет, относящихся ко времени правления Карла I.

Целью настоящей статьи является публикация новых находок, найденных в ходе разведочных исследований 2017–2018 гг. и данных, полученных от краеведов.

Первая группа находок – это пять пражских грошей Вацлава IV (1378–1419 гг.) (Рис. 2: 1–5), вторая – две монеты ВКЛ – портретный денарий Великого князя Ягайло (1386–1387 гг. – выпуск монеты) и денарий Великого князя Витовта (Рис. 2: 6–7). Вероятно, находки пражских грошей и денария Витовта связаны с периодом вхождения Верхнего Поочья и Тулы в состав Великого Княжества Литовского при великих князьях Витовте и Свидригайло в 1427–1432 гг. [6, с. 139–142, 155, 156; 7, с. 145–153; 8, с. 11–119]. Денарий Великого князя Ягайло наиболее ранняя нумизматическая находка, которая, возможно, связана с вхождением Новосильского княжества в ВКЛ во второй половине XIV в.

Находки портретного денария Великого князя Ягайло и денария Великого князя Витовта уникальны не только для нашего региона, но и для всей территории ВКЛ. Ранее подобные находки на территории Тульской области известны не были.

Обстоятельства находок таковы. В 2016 г. отрядом Тульской археологической экспедиции Государственного музея-заповедника «Куликово поле» под руководством К. А. Столяровой была проведена археологическая разведка в Щекинском районе Тульской области. Объектом исследования стала разветвленная овражно-балочная система ручья Пироговка (правый приток р. Тросна, правого притока р. Солова, правого притока р. Упа) в районе д. Малахово. В результате было выявлено 7 объектов культурного наследия – селища 1, 2, 3, 3а, 4, 5 и 6 у д. Малахово [9].

На селище 5 у д. Малахово были найдены три пражских гроша. Все они относятся к времени правления Вацлава IV (1378–1419 гг.). Монеты имеют сильные потертости – следы долгого присутствия в торговом обороте, что затрудняет их определение по штемпелям.

В 2017 г. в фонды музея-заповедника были переданы два пражских гроша, происходящих из окрестностей села Большое Тризново Щекинского района Тульской области.

При разведочных работах по продолжению сплошного обследования притоков р. Воздремок у с. Головеньки в Щекинском районе были выявлены 5 селищ. С селища 3 у села Головеньки происходит находка денария Великого Литовского князя Витовта (Рис. 2: 7). Состояние монеты – удовлетворительное. Присутствуют потертости, следы обращения.

По данным краеведов, с селища 2 у деревни Байдино Арсеньвского района происходит уникальная находка портретного денария Ягайло (Рис. 2: 6). Пока монета находится в частной коллекции, удалось получить только ее фотографию и метрические данные. Необходимо отметить, что территория современного Арсеньевского района являлась частью

Новосильского княжества, которое во второй половине XIV в. находилось в вассальной зависимости от ВКЛ.

Каталог находок.

1. поселение Малахово 5.

Монета №1 (Рис. 2: 1). Диаметр: 2,5 см; толщина монеты 0,05 см; аверс: по центру в круге из точек трилистная корона, надпись по кругу «Wencezlavs Tercivs Dei Gratia Rex Boem»; реверс: лев на задних лапах влево, надпись:«Grossi Pragenses». Место чеканки: Богемия, Кутна Гора (1378–1419 гг.);

Монета № 2 (Рис. 2: 2). Диаметр: 2,6 см; толщина монеты 0,05 см; аверс: по центру в круге из точек трилистная корона, надпись по кругу «Wencezlavs Tercivs Dei Gratia Rex Boem»; реверс: лев на задних лапах влево, надпись:«Grossi Pragenses». Место чеканки: Богемия, Кутна Гора (1378–1419 гг.);

Рис. 2. Новые находки пражских грошей и монет ВКЛ с территории Тульской области

1–3 – поселение Малахово 5; 4–5 – находки около с. Большое Тризново; 6 – поселение Головеньки 3; 7 – поселение Байдино 2.

Монета № 3 (Рис. 2: 3). Диаметр: 2,65 см; толщина монеты 0,05 см; аверс: по центру в круге из точек трилистная корона, надпись по кругу «Wencezlavs Tercivs Dei Gratia Rex Boem»; реверс: лев на задних лапах влево, надпись:«Grossi Pragenses». Место чеканки: Богемия, Кутна Гора (1378–1419 гг.);

2. поселение у с. Большое Тризново

Монета № 4 (Рис. 2: 4). Диаметр: 2,5 см; вес монеты: 2,07 г; толщина монеты 0,05 см; аверс: по центру в круге из точек трилистная корона, надпись по кругу «Wencezlavs Tercivs Dei Gratia Rex Boem»; реверс: лев на задних лапах влево, надпись:«Grossi Pragenses». Место чеканки: Богемия, Кутна Гора (1378–1419 гг.);

Монета № 5 (Рис. 2: 5). Диаметр: 2,6 см; вес монеты:1,96 г; толщина монеты 0,05 см; аверс: по центру в круге из точек трилистная корона, надпись по кругу «Wencezlavs Tercivs Dei Gratia Rex Boem»; реверс: лев на задних лапах влево, надпись:«Grossi Pragenses». Место чеканки: Богемия, Кутна Гора (1378–1419 гг.);

3. поселение Головеньки 3

Денарий Великого Литовского князя Витовта (Рис. 2: 7) [10, с. 41–42]. Состояние монеты – удовлетворительное. Присутствуют потертости, следы обращения. Вес монеты: 1,03 г. Надчекан геральдического знака ВКЛ «Колюмны», выполнен на основе джучидского данга хана Пулада, отчеканенного в Каффе (год хиджры установить не представляется возможным из-за затертости монеты).

4. поселение Байдино 2

Портретный денарий Ягайло (Рис. 2: 6). Данную монету относят ко времени правления Ягайло (1386–1387 гг.). Известно около 20 монет этого типа. На реверсе изображен лев, а над его спиной татарский орнамент «связка». Хвост льва переходит в татарскую «плетенку». В вильнюсском кладе обнаружены экземпляры с читаемой легендой «REG IHA», что и позволило литовским исследователям сделать вывод о том, что первые монеты ВКЛ были отчеканены великим князем Ягайлой около 1386–1387 гг. после его коронации на польский престол. Лев, возможно, символизирует русские княжества, на которые претендовал новоиспеченный монарх. Сохранность монеты удовлетворительная: имеются потертости, следы хождения. Серебро, диаметр: 15,5 мм, вес монеты: 0,89 г, аверс: портрет князя в короне, легенда «+ REG IHA MAGNA», реверс: лев, над ним плетёнка. Место чеканки: Вильно 6009A. R3 [11, с. 477].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Воронцов А. М., Гриценко В. П., Столярова К. А., Фомин К. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Новые находки пражских грошей в Тульской области // Город Средневековья и раннего Нового времени II (V): археология, история. Тула, 2016.

2. Шебанин Г. А. Пражские гроши на территории Тульского края // Седьмая Всероссийская Нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. Москва, 1999.

3. Клянин Р. В., Шебанин Г. А. Монеты великих рязанских князей на территории тульского края // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000.

4. Воронцов А. М., Гриценко В. П., Фомин К. Н., Шеков А. В. Позднесредневековые слои Торховского городища // Позднесредневековый город III: археология и история. Тула, 2011.

5. Гриценко В. П., Наумов А. Н. Древняя Тула. Проблемы локализации и истории // Тульский краеведческий альманах. 2003. Вып. 1.

6. Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. Москва: Квадрига, Русская панорама, 2012.

7. Бурцев И. Г., Шеков А. В. О методе комплексного использования источников и исторической географии (на примере Окско-Донского водораздела в XIV–XVI вв.) // Проблемы исторической географии и демографии России. Москва, 2013. Вып. II.

8. Полехов С. В. «Список городов Свидригайла». Датировка и публикация // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. №4 (58).

9. Столярова К. А., Столяров Е. В., Петров Ю. Ю. Изучение северной периферии Майского археологического комплекса (Щекинский район) // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2016. Липецк–Воронеж, 2017.

10. Шталенков И. Редкие монеты Великого княжества Литовского в беларусских коллекциях // Банкаўскі веснік. Лістапад 2003. № 11.

11. Гулецкий Д. В., Петрунин К. М. Русские средневековые монеты. Москва: Возрождение, 2017.

ЗНАХОДКІ НАКАНЕЧНІКАЎ СТРЭЛ ПАЎНОЧНАЕЎРАПЕЙСКІХ ТЫПАЎ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ

У. А. Плавінскі

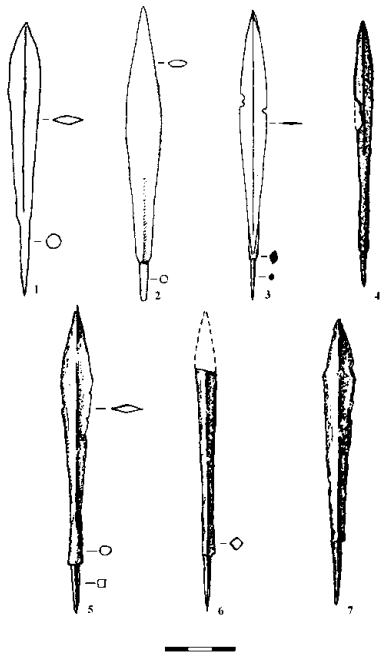
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

У комплексе прадметаў узбраення на тэрыторыі Беларусі вылучаецца зброя паўночнаеўрапейскага паходжання. Найбольш шырока ў гэтым комплексе прадстаўлены наканечнікі стрэл ланцэтападобнай формы.

Да нядаўняга часу ланцэтападобныя стрэлы з тэрыторыі Беларусі не станавіліся прадметам асобнага даследавання. У кантэксце публікацый матэрыялаў помнікаў асаблівая ўвага нададзена знаходкам наканечнікаў з Пруднікаў [1, с. 217–225], Лукомля [2, с. 110–135], Кульбачына [3, с. 190–202]. Металаграфічны аналіз 2-х стрэл быў праведзены М. Ф. Гурыным [4, с. 74–75; 2, с. 100]. Частка наканечнікаў з тэрыторыі Беларусі трапіла ў картаграфічны каталог ланцэтападобных стрэл з тэрыторыі Старажытнай Русі С. Ю. Каінава [5, мал. 7]. У апошні час да знаходак падобных стрэл звяртаўся С. Дз. Дзярновіч. У яго каталог паўночнаеўрапейскіх старажытнасцяў з тэрыторыі Беларусі трапілі 57 наканечнікаў [6, с. 58–60]. Прапанаваны артыкул мае на мэце абагульніць вядомыя на дадзены момант знаходкі.

Усяго на дадзены момант вядома не менш за 99 знаходак ланцэтападобных наканечнікаў стрэл.

Для пачатку разгледзім тыпалагічную прыналежнасць артэфактаў. У адпаведнасці з класічнай тыпалогіяй А. Ф. Мядзведзева [7] да ланцэтападобных наканечнікаў можна аднесці чатыры тыпы – тып 62 (які ўваходзіць у аддзел плоскіх наканечнікаў) і тыпы 75, 77, 78 (якія ўваходзяць у аддзел гранёных наканечнікаў).



Мал. 1. Ланцэтападобныя наканечнікі стрэл тыпу 62 з тэрыторыі Беларусі

1 – Полацк, Верхні Замак [8, мал. 30:1], 2, 3 – Віцебск, НіжніЗамак [9, мал. 45:5], 4 – гарадзішча Франопаль [10, мал. 1:6], 5–7 – гарадзішча Кульбачына [11, с. 31].

Тып 62. Ланцэтападобныя плоскія (79 экз., Мал. 1, 2, 3).

Вылучаецца два варыянты тыпу, якія адрозніваюцца паміж сабой наяўнасцю ўпора [7, с. 73]. Усяго на тэрыторыі Беларусі налічваецца не менш 79 экзэмпляраў.

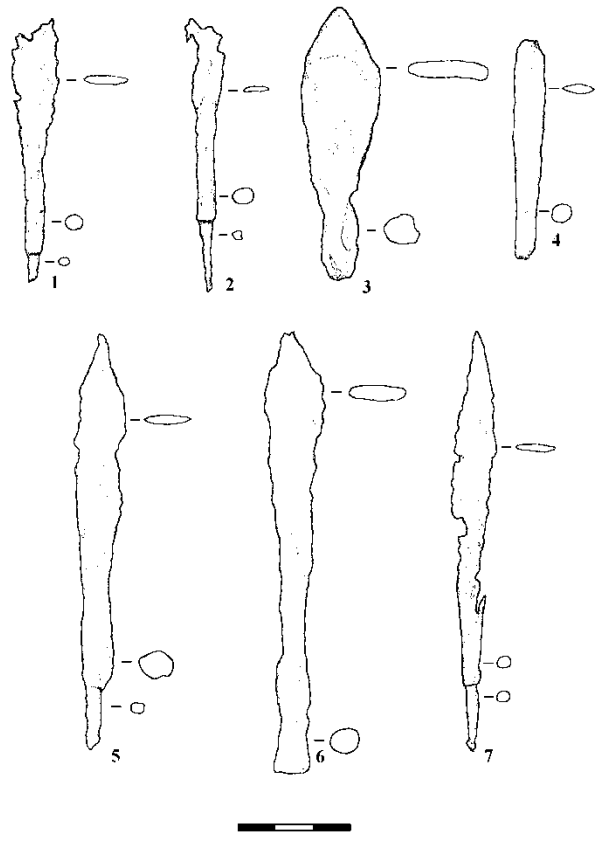
Да першага варыянту тыпу адносіцца ўсяго адзін наканечнік з тэрыторыі Беларусі (Мал 1: 1), знойдзены падчас раскопак Г. В. Штыхава на Верхнім замку ў Полацку ў 1965 г. [7, мал. 30:1].

Усе астатнія экзэмпляры адносяцца да другога варыянту.

Найбольшая колькасць наканечнікаў тыпу 62:2 знойдзена на тэрыторыі Беларускага Падзвіння. Два экзэмпляры паходзяць з тэрыторыі Ніжняга Замка ў Віцебску [8, мал 45:5; 6, мал 385:5]. Два наканечніка знойдзены ў пластах гарадзішча Кастрыца Лепельскага р-на Віцебскай вобласці [12, мал 34:5]. Адзін з іх захаваўся ў выглядзе фрагмента пяра даўжынёй 59 мм. Верагодна, у цэлым выглядзе даўжыня наканечніка складала прыкладна 110 мм. Напластаванні гарадзішча ўтрымліваюць матэрыялы ад днепра-дзвінскай культуры да старажытнарускай эпохі.

Найбольш цікавыя і шматлікія наканечнікі стрэл, якія паходзяць з археалагічных комплексаў Лукомль Чашніцкага р-на і Пруднікі Міёрскага р-на Віцебскай вобласці.

У напластаваннях археалагічнага комплексу Лукомль знойдзена 13 плоскіх ланцэтападобных стрэл (Мал. 2). Частка з іх паходзіць з раскопаў, якія закранаюць абарончыя збудаванні гарадзішча. З 13 стрэл 11 адзінак маюць значныя дэфармацыі пяра і чарашка, верагодна, атрыманыя ў выніку непасрэднага іх выкарыстання, альбо іншага кантакту з цвёрдай паверхняй [2, с. 111].



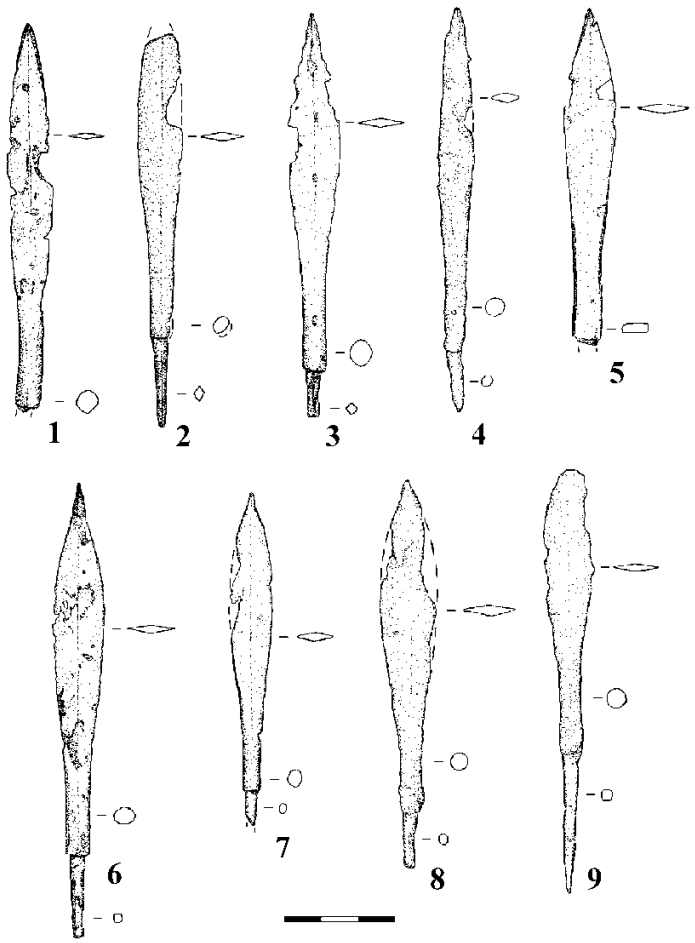
Мал. 2. Ланцэтападобныя наканечнікі стрэл тыпу 62 з археалагічнага комплекса Лукомль

малюнак аўтара

Самая значная калекцыя стрэл тыпу 62:2 паходзіць з напластаванняў археалагічнага комплексу Пруднікі – 30 адзінак. Наканечнікі маюць наступныя сярэднія памеры: агульная даўжыня – 80–125 мм, даўжыня пяра – 60–90 мм, шырыня пяра – 8–15 мм, даўжыня чарашка – 12–25 мм (Мал. 3). Пры гэтым абсалютная большасць разглядаемых стрэл у сваёй даўжыні пераўзыходзіць 90 мм, толькі 5 асобнікаў карацей. 22 наканечнікі паходзяць з гарадзішча, 8 – з селішча. Металаграфічны аналіз адной стрэлы быў зроблены М. Ф. Гурыным. Наканечнік выраблены з крычнага жалеза з невялікай колькасцю вугляроду [4, с. 74].

Ланцэтападобным наканечнікам тыпу 62:2 прынята лічыць у літаратуры, экзэмпляр з паселішча Свіла-1 Глыбоцкага р-на Віцебскай вобласці [13, мал1:3]. Наканечнік знойдзены ў запаўненні гаспадарчай ямы, якая змяшчае ляпную кераміку (верагодна, фрагменты адной пасудзіны).

З тэрыторыі гарадзішча Кульбачына Шчучынскага р-на Гродзенскай вобласці паходзяць 13 стрэл (Мал. 1: 5, 7). Іх даўжыня – 117–142 мм, даўжыня пяра – 90–122 мм. Найбольшая шырыня пяра – 14 мм, даўжыня чарашка – 19–25 мм. Знойдзены яны ў пластах другой паловы X – пач. XI ст. Сярод сінхронных прадметаў ўзбраення на гарадзішчы адзначаны 2 дзіды тыпу E па Петэрсану [11, мал. 1: 5–7; 18, с. 12]. Акрамя ланцэтападобных стрэл, знойдзены 3 наканечнікі тыпу 41 X–XI стст., а таксама каля 10 наканечнікаў стрэл розных тыпаў X–XIII стст.



Мал. 3. Ланцэтападобныя наканечнікі стрэл тыпу 62 з археалагічнага комплекса Пруднікі

малюнак М. А. Плавінскага

Шэсць наканечнікаў знойдзены на гарадзішчы Муравельнік ў Ваўкавыску, у пластах канца X – пачатку XI ст. Даўжыня іх 98–114 мм, даўжыня пяра – 74–97 мм, шырыня пяра – 14–17 мм. [14, с. 108]. У 150 км на поўнач ад гарадзішча Муравельнік, падчас раскопак 1969 г. пад кіраўніцтвам Я. Г. Звяругі быў даследаваны курган, які знаходзіўся на тэрыторыі прыватнага хутара. У кургане выяўлена пахаванне па абраду інгумацыі. У культурным пласце пад насыпам былі знойдзены некалькі жалезных прадметаў, сярод якіх серп X–XI стст., 2 двушыпныя стралы тыпу 2 X–XI стст. і 1 ланцэтападобны наканечнік тыпу 62: 2 [15, с. 212].

У матэрыялах, апублікаваных Ф. Д. Гурэвіч, налічваецца 7 наканечнікаў з Навагрудка. 5 з іх знойдзены на тэрыторыі Малога Замка. Даўжыня – 9–11 см [16, с. 169].

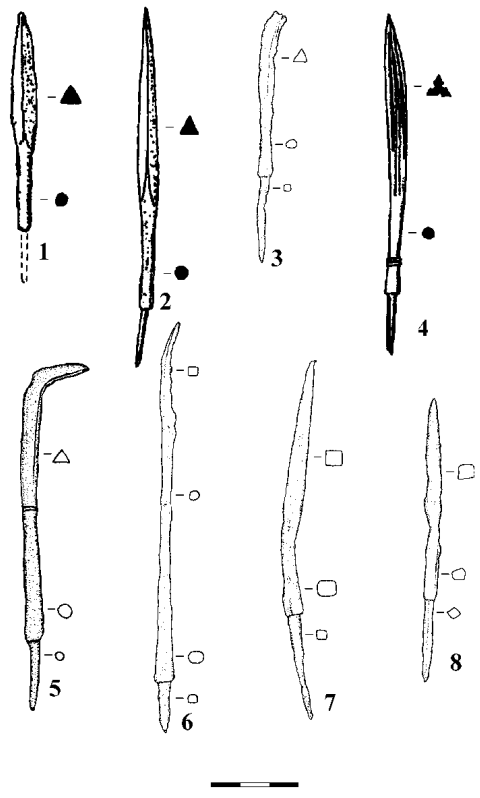
Некалькі стрэл знойдзены на поўдні сучаснай тэрыторыі Беларусі.

Два наканечнікі паходзяць з культурнага пласта гарадзішча Кімбараўка ў Мазыры. Адзін знойдзены ў 1982 г. у раскопе 2, у запаўненні пабудовы 3 у паўднёва-заходняй частцы гарадзішча, побач з валам. Таксама ў запаўненні пабудовы – фрагменты ляпной і кругавой керамікі, гліняныя і шыферныя прасліцы, наканечнік стралы тыпу 41:1 [17, с. 388–389]. Ланцэтападобны наканечнік пагнут па мяжы пяра і шыйкі, верагодна, у выніку яго непасрэднага выкарыстання. Другі наканечнік знойдзены ў 2005 г. у раскопе 5, у запаўненні пабудовы 4 ля падножжа вала. У комплексе з ім – фрагменты ляпной і кругавой керамікі [18, с. 11].

Адзін наканечнік паходзіць з раскопак А. В. Іова на гарадзішчы Франопаль Брэсцкага р-на [19, мал. 1:6].

Тып 75. Ланцэтападобныя трохкутнага сячэння (10 экз., Мал. 4. 1–5).

Вылучаюцца два варыянты тыпу: 1-ы – без валіка на шыйке, 2-і з валікам [7, с. 78–79].



Мал. 4. Ланцэтападобныя наканечнікі стрэл тыпаў 75 (1–5) і 77 (6–8)

1-4 – археалагічны комплекс Лукомль [2, мал, 14:3: 11–14], 5 – гарадзішча Кімбараўка, 6–7 – археалагічны комплекс Пруднікі, 8 – гарадзішча Лукомль

Да першага варыянту адносяцца 7 экзэмпляраў. Тры з іх паходзяць з гарадзішча Лукомль, усе тры дэфармаваныя (Мал. 4: 1–3). Адзін наканечнік знойдзены ў Полацку, на селішчы каля Чырвонага маста, так званага «селішча на Палаце», раннія пласты якога датуюцца X ст. [20, с. 70]. Акрамя ляпной керамікі, у пластах селішча, цікавасць выклікае наканечнік стралы тыпу 46 па А. Ф. Мядзведзеву. Так жа 3 экзэмпляры знойдзены ў адной кропцы на гарадзішчы Пруднікі [21, мал. 38: 2, 4]. Усе тры надзвычай дрэннай захаванасці, чарашкі наканечнікаў не захаваліся. Даўжыня іх пяра – 71, 81, 92 мм, шырыня – 8, 7, 9 мм адпаведна.

Тры наканечнікі маюць валік на шыйке. Адзін з іх знойдзены на гарадзішчы ў Лукомлі, лязо яго пагнута ў выніку ўдару аб цвёрдую паверхню.

Адзін наканечнік паходзіць з пабудовы 2, раскопу 1 1982 г. на гарадзішчы Кімбараўка (Мал. 4: 5). Пабудова размяшчалася побач з частаколам ля падножжа вала. Гэтак жа ў запаўненні пабудовы выяўлены 175 ляпных і 115 кругавых фрагментаў керамікі, палова дырхема (манетны двор аль-Мухамедыя, 798–799 гг.), падковападобная фібула і інш. [18, с. 10]. Вастрыё стралы моцна пагнута, верагодна, у выніку ўдару аб цвёрдую паверхню. Наканечнік быў падвергнуты металаграфічнаму аналізу М. Ф. Гурыным. У выніку аналізу было ўстаноўлена, што страла зроблена з некалькіх слаёў нізкавуглеродзістай сталі і жалеза [4, с. 100, мал. 1: 8].

Адзін наканечнік знойдзены на гарадзішчы Лукомль. Адзін на гарадзішчы Кульбачына [3, с. 195]. Яго даўжыня – 75 мм, даўжыня галоўкі – 58 мм, шырыня галоўкі – 6 мм.

Тып 77. Ланцэтападобныя квадратнага сячэння (8 экз., Мал. 4: 6–8).

А. Ф. Мядзведзеў вылучыў тры варыянты тыпу: 1 – з доўгай баявой галоўкай і кароткім чарашком, 2 – без ўпора для чарашка, 3 – з доўгім чарашком, позняя разнавіднасць [7, с. 79]. На тэрыторыі Беларусі знойдзены 8 стрэл тыпу 77, якія адносяцца да першага варыянту.

1 варыянт паходзіць з пабудовы 1, раскопу 1 1982 г. на гарадзішчы Кімбараўка. Пабудова размяшчалася побач з частаколам ля падножжа вала [18, с. 388]. Наканечнік дэфармаваны ў выніку прымянення.

Яшчэ адзін экземпляр знойдзены на тэрыторыі дзяцінца Гомеля ў запаўненні рва № 1. Сярод іншых знаходак выяўлена некалькі наканечнікаў стрэл X–XII стст., а таксама раннекругавая кераміка X–XI стст. Ланцетападобная страла моцна дэфармаваная, мае пагнутасць, а таксама аблом ляза, хутчэй за ўсё, у выніку яго выкарыстання.

З стралы тыпу 77: 1, знойдзеныя пры раскопках на Малым Замку ў Наваградку, згадваюцца ў публікацыях Ф. Д. Гурэвіч [16, с. 170].

У напластаванні гарадзішча Пруднікі знойдзены 2 наканечнікі, абодва маюць свае асаблівасці (Мал. 4: 6, 7). Даўжыня першага – 132 мм, што значна больш, чым звычайна. Даўжыня другога – 115 мм, пры гэтым чарашок яго – 37 мм, што адпавядае наканечнікам трэцяга варыянту па А. Ф. Мядзведзеву. Але, улічваючы шэраг абставінаў, гэты наканечнік аднясем таксама да першага, ранняга варыянту тыпу 77.

1 экземпляр знойдзены на гарадзішчы Лукомль [2, мал. 14:15].

Тып 78. Ланцэтападобныя рамбічнага сячэння (2 экз.)

Па прапорцыях пяра А. Ф. Мядзведзеў вылучыў два варыянты тыпу [7, с. 80]. На тэрыторыі Беларусі знойдзены два экземпляры, якія адносяцца да першай, ранняй разнавіднасці. Адзін з іх знойдзены ў Мінску, у праслойцы нанаснога рачнога пяску [22, мал. 27:19]. Другі – на паселішчы ля Чырвонага маста ў Полацку [20, с. 70].

Існуе мноства меркаванняў аб паходжанні і шляхах распаўсюджвання тых ці іншых варыянтаў ланцэтападобных стрэл. Праца па іх абагульненню была зробленая С. Ю. Каінавым [5, с. 49–62]. На дадзены момант можна сцвярджаць, што большасць ланцэтападобных наканечнікаў стрэл IX – пачатку XI ст., знойдзеных на тэрыторыі Старажытнай Русі, маюць паўночнаеўрапейскія карані.

Тыпалогія ланцэтападобных наканечнікаў са Швецыі была распрацавана Э. Вегрэ і дапоўненая П. Ліндбамам [23]. Імі былі вылучаны наступныя тыпы:

Тып А. Ланцэтападобныя плоскія (адпавядае тыпу 62 па А. Ф. Мядзведзеву).

Дзеляцца на два варыянты – А1 – з вузкім пяром і шыйкай карацей пяра і А2 – з шыйкай даўжэй пяра. Варыянт А1 дзеліцца на два падварыянты – AS1 – вузкі і лёгкі і AJ1 – шырокі і цяжкі. Наканечнікі AS1 выкарыстоўваліся ў баявых умовах, AJ1, гэтак жа як і А2 – на паляванні.

З усіх наканечнікаў тыпу А з тэрыторыі Беларусі, толькі адзін экземпляр з Пруднікаў можна сапраўды аднесці да падтыпаў AJ1. Адна страла з Навагрудка і адна з Лукомля адносіцца да тыпу А2 [16, мал. 65: 10; 5, мал. 14–3: 16]. Усе астатнія плоскія ланцэты адносяцца да падтыпаў AJ1.

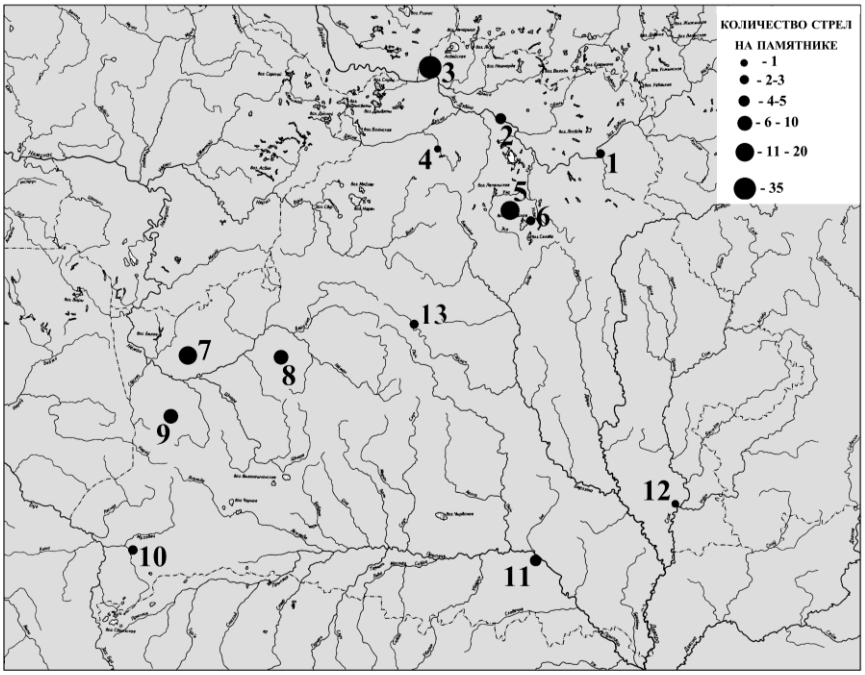
Тып D. ланцэтападобныя гранёныя (адпавядае тыпам 75, 77, 78 па А. Ф. Мядзведзеву).

Тып выключна баявых наканечнікаў. Дзеліцца на варыянты: D1 – гранёныя трохгранныя і D2 –гранёныя квадратныя.

Існуе адносна ўстоялівая храналогія тыпаў разглядаемых наканечнікаў стрэл. А. Ф. Мядзведзеў датаваў тып 62 – IX–X стст., тып 75–X ст., 77:1 – X–XI стст., 78:1 – IX–X стст. [7, с. 73–74, 78–80].

Знаходкі са Скандынавіі датуюцца наступным чынам: А1 – IX–X стст., А2, D1 – X – п.п. XI ст., D2 –др.п. X – п.п. XI ст. [23].

На тэрыторыі Старажытнай Русі ланцэтападобныя наканечнікі з'яўляюцца ў IX ст. і шырока распаўсюджваюцца ў X ст., зрэдку сустракаюцца ў XI ст. Пазнейшыя экземпляры ланцэтападобных стрэл адрозніваюцца скарочаным пяром і падоўжаным чарашком, што звязана з прыстасаваннем іх для стральбы са складанага лука [5, с. 55]. Сярод знаходак з тэрыторыі Беларусі класічных пазнейшых ланцэтаў няма.



Мал. 5. Распаўсюджанне ланцэтападобных стрэл на тэрыторыі Беларусі

1 – Віцебск, Ніжні Замак, 2 – Полацк, 3 – археалагічны комплекс Пруднікі, 4 – гарадзішча Свіла-1, 5 – археалагічны комплекс Лукомль, 6 – гарадзішча Кастрыца, 7 – гарадзішча Кульбачына, 8 – Навагрудак, 9 – Ваўкавыск, гарадзішча Муравельнік, 10 – гарадзішча Франопаль, 11 – гарадзішча Кімбараўка, 12 – Гомель, 13 – Мінск, Замчышча

У адпаведнасці з падлікамі С. Ю. Каінава на тэрыторыі Старажытнай Русі знойдзена 360 ланцэтападобных наканечнікаў ў 52 пунктах [5, с. 59]. З тэрыторыі Беларусі ў каталог С. Ю. Каінава трапіла каля 70 адзінак з 7 пунктаў. На дадзены момант можна казаць пра 99 стрэл з 14 пунктаў (безумоўна, улічваючы некаторыя неапублікаваныя матэрыялы, а таксама прадметы, якія ёсць у калекцыях «чорных археолагаў», колькасць гэтая ўзрасце). Улічваючы тапаграфію знаходак, заўважым, што шырокага распаўсюджвання ланцэтападобныя стрэлы на тэрыторыі Беларусі не мелі (Мал. 5).

Звяртаючыся да тапаграфіі, можна адзначыць, што знаходкі ланцэтападобных стрэл на тэрыторыі Беларусі маркіруюць асноўныя ваенна-гандлёвыя шляхі X–XI стст.

Можна вылучыць два рэгіёны, дзе знойдзена больш за ўсё ланцэтападобных наканечнікаў – Беларускае Падзвінне і Панямонне.

З 61 наканечніка з Падзвіння, 52 паходзяць з тэрыторыі ўсяго двух археалагічных комплексаў – Лукомль і Пруднікі.

Археалагічны комплекс Пруднікі Міёрскага р-на Віцебскай вобласці знаходзіцца на беларуска-латвійскім памежжы на левым беразе р. Вята за 1,5 км ад Заходняй Дзвіны. Комплекс складаецца з гарадзішча, якое функцыянавала з V па XVII стст., і селішча V – пач. XI ст.

Агульная колькасць знойдзеных у Прудніках ланцэтападобных стрэл – 35 адзінак. З экзэмпляраў з гарадзішча, месца знаходкі якіх дакладна зафіксавана, 12 наканечнікаў паходзяць з раскопаў, закранутых канструкцыямі вала на паўночна-ўсходнім схіле гарадзішча. 5 стрэл знойдзены ў раскопе 1983 г., у пласце са слядамі моцнага пажару, там, дзе магчыма знаходзіліся жылыя пабудовы. 8 наканечнікаў знойдзены ў пластах селішча.

26 стрэл (70 % калекцыі) маюць сляды непасрэднага выкарыстання, судакранання з цвёрдай паверхняй. На некалькіх маюцца сляды знаходжання ў агні. Пры гэтым, з 8 ланцэтападобных наканечнікаў, знойдзеных на селішчы, пяро і чарашок моцна дэфармаваны ў 4 адзінкі. З 11 стрэл, знойдзеных у раскопах, закранутых канструкцыямі вала, дэфармавана 9 экземпляраў. Улічваючы планіграфію і марфалогію артэфактаў, можна меркаваць, што абсалютная большасць ланцэтападобных стрэл трапіла ў культурны пласт гарадзішча ў выніку ваеннага нападу.

Па знешніх прыкметах (прысутнасць побач з плоскімі стрэламі класічных прапорцый гранёных наканечнікаў), можна аднесці калекцыю да др.п. X – пач. XI ст.

У X–XI стст. у рэгіёне Браслаўскага Паазер'я адбываюцца значныя змены. У курганах КСПДК з'яўляюцца пахаванні паводле абраду інгумацыі са зброяй старажытнарускіх і паўночнаеўрапейскіх тыпаў. Звязаныя гэтыя змены з прасоўваннем Полацкага княства ў рэгіён захаду Беларускага Падзвіння. У гэты ж час, у к. X – пач. XI ст., на гарадзішчы і паселішчы Пруднікі ў балцкія традыцыі матэрыяльнай культуры пранікаюць традыцыі старажытнарускія. Знаходкі зброі далёкага бою сведчаць, што на працягу стагоддзяў гарадзішча Пруднікі падвяргалася нападам неаднаразова. Вялікіх калекцый неланцэтападобных стрэл др. п. X – п. п. XI ст. не прасочваецца. Можна канстатаваць, што прыкладна ў той жа час, калі старажытнарускія традыцыі пранікаюць у матэрыяльную культуру Пруднікаў, у др. п. X – п. п. XI ст., на гарадзішча здзяйсняе напад дружына, у якой прысутнічалі выхадцы з Паўночнай Еўропы.

Ланцэтападобныя стрэлы з Лукомля апублікаваны І. І. Ерамеевым і Г. В. Штыхавым, таму ў дадзенай працы не будзем падрабязна на іх спыняцца. У пластах гарадзішча выразна прасочваецца разбуральны пажар у канцы X ст., які стаў вынікам ваеннага нападу. З прычыны гэтага нападу ланцэтападобныя стрэлы патрапілі ў культурны пласт комплексу. 14 з 16 стрэл наканечнікаў значна дэфармаваны. Іншага ўзбраення ў матэрыялах гарадзішча не прасочваецца.

Ланцэтападобныя наканечнікі ў Верхнім Панямонні выяўлены ў Ваўкавыску і Навагрудку – найбуйнейшых цэнтрах рэгіёну, а таксама на гарадзішчы Кульбачына.

Гарадзішча Кульбачына Шчучынскага р-на Гродзенскай вобласці было заснавана ў X ст. як крэпасць – апорны пункт каланізацыі правабярэжжа Нёмана. 13 ланцэтападобных наканечнікаў стрэл, 2 наканечнікі копій тыпу Е па тыпалогіі Я. Петэрсена, дзясятак іншых наканечнікаў стрэл з ромбічных пяром X–XI стст. сведчаць аб той ваеннай ролі, якую адыгрывала паселішча, а таксама аб прысутнасці тут носьбітаў паўночнаеўрапейскіх ваенных традыцый.

Адзінкавыя знаходкі ланцэтападобных наканечнікаў на поўдні сучаснай тэрыторыі Беларусі.

Гарадзішча Франопаль знаходзіцца ў Брэсцкім р-не на р. Рыта. У дыяметры плошча гарадзішча складае 30 м, яно мае круглую форму, акружана валам вышынёй ад 1,5 да 2,5 м. Акрамя керамікі, у пластах знойдзена значная колькасць прадметаў ўзбраення: наканечнікі дзід, сякеры, наканечнік ножан мяча мяжы X–XI стст. Гарадзішча ўзнікла ў 950–1000 гг. і, мяркуючы па маштабных слядах пажарышча, было разбурана ў выніку аднаго нападу на мяжы X–XI стст. [19, с. 80–81]. Таксама ў пластах гарадзішча прысутнічаюць розныя наканечнікі стрэл X–XI стст.

4 наканечнікі паходзяць з запаўненняў пабудоў гарадзішча Кімбараўка ў г. Мазыры. Г. М. Залашка і В. У. Булкін, якія даследавалі гарадзішча, датавалі яго пласты VIII – пач. XI ст. [18, с. 389]. Тры ланцэтападобныя наканечнікі моцна дэфармаваны ў выніку іх непасрэднага выкарыстання. Звяртае на сябе ўвагу прысутнасць у пласце шэрагу наканечнікаў стрэл розных тыпаў X–XI стст. Паселішча было буйным гандлёва-рамесным цэнтрам, у жыцці якога прымалі ўдзел выхадцы з Паўночнай Еўропы [18, с. 12]. Прысутнасць у запаўненні пабудоў, якія знаходзяцца побач з валам, вялікай колькасці наканечнікаў стрэл, частка з якіх моцна дэфармавана, сведчыць аб магчымым нападзе на гарадзішча.

Звяртае на сябе ўвагу склад калекцый наканечнікаў стрэл з помнікаў, на якіх знойдзены цікавыя нам ланцетападобныя стрэлы. Так, у раскопах Гомеля і Франопаля, дзе ланцэтападобныя экземпляры адзінкавыя, знойдзена больш за дзесятак ромбападобных стрэл к. X – пач. XI ст. У Кімбараўцы іх суадносіны прыкладна роўныя. У напластаваннях гарадзішча Муравельнік ў Ваўкавыску і Малога Замка ў Навагрудку колькасць ланцэтападобных стрэл не перавышае 15% ад агульнай колькасці наканечнікаў X–XI стст. На гарадзішчы Кульбачына ланцэтападобных стрэл на некалькі адзінак больш, чым іншых сінхронных наканечнікаў. Усе прыведзеныя вышэй факты яшчэ раз сведчаць аб тым, што шырокага распаўсюджвання ў разглядаемым рэгіёне цікавячыя нас тыпы стрэл не мелі. Верагодна, большасць ланцэтападобных стрэл патрапілі ў культурныя напластаванні помнікаў на тэрыторыі Беларусі з прычыны падзей др. п. X – пач. XI ст., звязанымі са станаўленнем межаў старажытнарускай дзяржавы. Можна меркаваць, што ў гэтых падзеях прымалі ўдзел выхадцы з Паўночнай Еўропы ці носьбіты паўночнаеўрапейскіх ваенных традыцый.

Факт знаходкі ў Беларускім Падзвінні большасці наяўных у нашым распараджэнні ланцэтападобных стрэл з тэрыторыі Беларусі не дзіўны. У сярэдзіне X – пач. XI ст. пачынаецца актыўнае выкарыстанне водных артэрый Заходнедзвінскага шляху. Гэты перыяд звязаны з узмацненнем у рэгіёне ролі Полацка. Наяўнасць ланцэтападобных наканечнікаў стрэл, а таксама іншых прадметаў узбраення паўночнаеўрапейскага паходжання, сведчаць аб удзеле ў гэтым працэсе выхадцаў з Паўночнай Еўропы. Аднак нешматлікасць знаходак прадметаў узбраення блізкага бою паўночнаеўрапейскіх тыпаў дазваляе меркаваць, што тэрыторыя Полацкай зямлі з'яўлялася адным з рэгіёнаў Усходняй Еўропы, слаба насычаным ў X–XI стст. зброяй скандынаўскага паходжання [24, с. 218]. Прычыны гэтай з'явы варта, верагодна, шукаць у асаблівасцях гістарычнага развіцця рэгіёну. На фоне адзінкавых знаходак ланцэтападобных наканечнікаў стрэл у комплексах з вялікай колькасцю іншых стрэл X–XI стст., вылучаюцца археалагічныя комплексы Лукомль і Пруднікі. Асабліва цікавыя Пруднікі, дзе знойдзена траціна ўсіх вядомых на тэрыторыі Беларусі ланцэтападобных

наканечнікаў. Верагодна, наканечнікі гэтыя патрапілі ў напластаванні помніка ў выніку нападу, які меў месца ў перыяд прасоўвання інтарэсаў Полацкага княства ў рэгіён Браслаўскага Паазер'я. Варта адзначыць, што на гарадзішчы «Замак», што знаходзіцца ў Дрысвятах (Браслаўскае Паазер'е), таксама маюцца сляды значнага разбурэння к. X – пач. XI ст. Аднак у напластаваннях помніка, якія змяшчаюць тры дзесяткі наканечнікаў гэтага перыяду, не знойдзена ніводнай ланцэтападобнай стралы [25, с. 301].

Такім чынам, мяркуючы па наяўных матэрыялах, можна меркаваць, што мясцовыя ваяры не выкарыстоўвалі шырока ланцэтападобныя наканечнікі. Позніх формаў разгледаных тыпаў стрэл, з доўгім чарашком і скарочаным пяром, у помніках рэгіёну не адзначана. Няма падстаў, каб казаць аб мясцовай вытворчасці ланцэтападобных стрэл. Гібрыдным тыпам можна лічыць ланцэтападобныя наканечнікі тыпу 78, якія сустракаюцца на ўсходнееўрапейскіх помніках, аднак, адсутнічаюць у Скандынавіі (на тэрыторыі Беларусі выяўлена 2 падобныя наканечнікі). Магчыма, найпознімі гібрыдамі з'яўляюцца некаторыя стрэлы тыпу 63 з доўгімі чарашкамі, якія сустракаюцца ў вялікай колькасці ў пластах XI–XIII стст. (аднак гэта тэма для іншага даследавання). Абсалютная большасць ланцэтападобных стрэл з тэрыторыі Беларусі патрапілі ў напластаванні помнікаў у выніку іх непасрэднага прымянення, з прычыны ваенных нападаў, звязаных з падзеямі X – пач. XI ст.

БІБЛІЯГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Шадыро В. И. Средневековые наконечники стрел лука и арбалета из поселения у д. Прудники // ГАЗ. 1994. № 4.

2. Еремеев И. И. Древний Лукомль. Лепная керамика и раннесредневековый культурный слой // Acta archeologica Albarutenica. 2007. Vol. 1.

3. Пивоварчик С. А. Вооружение и снаряжение всадника из раскопок понеманских городищ (X–XIII вв.). // ГАЗ. 1994. № 3.

4. Гурин М. Ф. Кузнечное ремесло Полоцкой земли. IX–XIII вв. Минск: Наука и техника, 1987.

5. Каинов С. Ю. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнёздова // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. 1999.

6. Дернович С. Д. Исследования на городище у д. Масковичи Браславского района Витебской области в 2001 г. // МАБ. 2003. № 6.

7. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. Москва: Наука, 1966. – 184 с.

8. Штыхов Г. В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.). – Минск: Наука и техника, 1975.

9. Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск: Наука и технка, 1978.

10. Іоў А. В. Кімбараўка // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2. Л-Я. Мінск, 2001.

11. Пивоварчик С. А. Отчет о проведении работ на городищах Белорусского Понемонья в 1990 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 1247.

12. Штыхов Г. В. Отчет об археологических исследованиях в Витебской области и Логойске в 1965 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 295.

13. Мітрафанаў А. Р. Археалагічны помнік расказвае // ПГКБ. 1975. № 4.

14. Зверуго Я. Г. Древний Волковыск (X–XIV вв.). Минск: Наука и техника, 1975.

15. Звяруга Я. Г. Раскопкі курганоў у вярхоўях Росі і Зэльвянкі // ГАЗ. Мінск.№ 22.

16. Гурэвіч Ф. Д. Летапісны Новгородок (Старажытнарускі Навградак). Санкт-Пецярбург: Агенство «РДК принт», 2003.

17. Залашко Г. М. Городище Кимбаровка // АО 1983 года. Москва, 1985.

18. Колосовский Ю. В. Средневековый город // Мазыр: гісторыя і сучаснасць. Мазыр, 2005.

19. Кулаков В. И. Наконечники ножен меча из кургана 174 могильника Кауп и с городища Франополь // КСИА. Москва. 2001. Вып. 211.

20. Плавінскі М. А. Ляпная кераміка полацкага селішча // ГАЗ. Мінск. 2006. № 21.

21. Шадыро В. И. Отчет о раскопках селища близ д. Прудники Миорского р-на Витебской обл. в 1997 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 1717.

22. Заяц Ю. А. Оборонительные сооружения Менска XI–XIII вв. Минск: Издатель В.Н. Милютин, 1996.

23. Wegraeus E. Die Pfeilspitzen von Birka // Birka II: 2 Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1986.

24. Плавинский Н. А. Оружие североевропейских типов в комплексе вооружения Полоцкой земли X–XI вв. // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: в 2 ч. Ч. I. Москва–Архангельск, 2008.

25. Семенчук Г. Н. Раннесредневековый археологический комплекс Дрисвяты // Lietuvos archeologija. 2001. T. 21.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРЕ БЕЛАРУСИ НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВА (ЛИНГВО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В. И. Шадыро

Институт истории НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь

Этнокультурная ситуация на территории Белорусского Подвинья во второй половине I – начале II тысячелетия н. э. в той или иной степени зависела от исторических процессов, которые происходили в Европе в связи с борьбой славянских и других народов с Римской империей (конец эпохи древнего мира и переход к средневековью). Падение Римской империи обусловило выход на широкую историческую арену европейских народов. Именно с середины I тыс. н. э. на этнической карте Европы можно увидеть почти все ее современные народы.

Этнообразовательные процессы так называемого «Великого переселения народов» (III–VIII вв.) не обошли и Беларусь. Они положили начало формированию раннесредневековых этнокультурных группировок, которые с течением времени способствовали созданию фундамента белорусской народности. Что касается территории Северной Беларуси, то если для эпохи железа, мы имеем здесь более менее однородный этнокультурный массив племен западно-двинского и верхнеднепровского бассейнов, то с середины I тыс. н. э. в некоторых регионах уже с III–IV вв. н. э. (Витебское Подвинье) археология фиксирует разнообразные сдвиги в социально-экономической жизни населения. Все эти ощутимые перемены происходили в результате различных культурных взаимоотношений, влияний, перемещения населения и прочих этнокультурных явлений. Различные этногруппировки населения являлись носителями разнообразных культурных традиций и своеобразных отличительных черт.

С течением времени, благодаря культурным влияниям и проникновениям инородных групп населения, формировались специфические особенности в языке, материальной и духовной культуре у многих этнокультурных группировках на территории Беларуси. Об этом свидетельствуют данные археологии, лингвистики, антропологии и других наук. Что касается населения Северной Беларуси накануне образования Полоцкого государства, то вполне правомерно, на наш взгляд, соотносить население территории как Белорусского Подвинья, так и соседних смежных территорий с известными ранними этнонимами, «кривичи», «полочане», «летьгола».

Кривичи. Кривичи считаются самой большой этногруппировкой в Восточной Европе. Они занимали огромную территорию: от Верхнего Понеманья на западе, до Костромского Поволжья на востоке и от Псковского озера на севере, до истоков Сожа и Десны на юге. Это территории, где позже образовались Псковская, Смоленская и Полоцкая земли. Впервые они упоминаются в IX в., а последний раз – в летописи под 1162 г. [1].

До середины IX в. кривичи платили дань варягам, потом в 862 году «Изгнали варяг за море и не дали им дани…» [1, с. 214]. Однако вскоре «пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью… И от тех варягов прозвалася Русская земля» [1, с. 214]. В этом же году Рюрик с варягами пришел в пределы северной части Восточной Европы «и сел…Рюрик в Новгороде» и подчинил своей власти территорию по Ладоге и Волхову, а в дальнейшем земли чуди, веси, кривичей. Тех кривичей, которые,видимо, проживали в Западно-двинском регионе и на смежных территориях. Далее, его преемник Олег в 882 году установил власть варягов (руси) в земле днепровских кривичей. «Выступил в поход Олег… и пришел к Смоленску с кривичами и принял власть в городе, и посадил в нем своих му-

жей» [1, с. 216]. Скорее всего, с теми же кривичами, которые обитали в указанном регионе. Из летописи видно, что варяжско-кривичская колонизация имела направление с запада, а точнее, с северо-запада на юго-восток.

Кривичей долгое время традиционно относили к «восточнославянским» племенным группировкам. Все объяснялось широкой миграцией славянского этноса и массовой ассимиляцией аборигенного населения. На сегодняшний день развития науки это выглядит как абстрактный, упрощенный и заангажированный подход, который иногда имеет политический подтекст. Миграционные теории все больше уступают место исследованиям, которые базируются на постулатах эволюционного развития материальной культуры автохтонного населения, с учетом роли разнообразных влияний, способствовавших окультурации населения без коренных этнических изменений. В случае с кривичами может стать полезным так называемый принцип «презумпции автохтонности», согласно которому каждое явление или новацию культуры нужно прежде всего рассматривать как результат эволюционного развития местной культуры, когда обратное не доказано или не может быть доказанным [2, с. 519–523].

Этническая принадлежность кривичей издавна вызывала много вопросов. Еще в летописные времена отмечалась их особенность, что отличало их от полян, древлян и других славян. Это дало повод летописцу не относить язык кривичей ни к славянским, ни к «инни языцы». Необходимо отметить одну особенность в летописи, на которую указывает Е. А. Шмидт [3, с. 115–116]. Летописец при описании кривичей использует совсем другие определения по сравнению с описанием славянских групп населения. Все славянские племена «пришли и сели» и, соответственно, назвались, получив свое имя: «...славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами» [1, с. 207]. Но про кривичей так не сказано. Неславянские племена охарактеризованы иначе. Они имеют свое название и уже «седят» на определенной территории: «А на Белозере сидит весь, а на Ростовском озере меря.... А на реке Оке мурома ...» [1, с. 207]. Также как неславянские племена, которые говорили на своих языках, охарактеризованы кривичи: «...кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра…» [1, с. 207]. В этом описании летописец как бы относит кривичей к аборигенам (уже «сидящие») и приравнивает их к неславянским племенам. Кроме того, летописец считал, что кривичи, в отличие от славян Поднепровья (полян, древлян, северян, дреговичей), имели свои обычаи и у них были свои традиции, особо проявлявшиеся в языческих обрядах погребения умерших. Он ставит кривичей как бы в один ряд не со славянами, а с прочими язычниками [3, с. 117].

Таким образом, основной письменный источник, отражающий уровень знаний времени его написания, определяет как территорию, на которой проживали тогда кривичи, так и их языковую неопределенность (для летописца – *В. Ш.*) даже еще в XII в.

Историография проблемы происхождения этнонима «кривичи» довольно объемная. В монографиях известных исследователей кривичских древностей, Г. В. Штыхова и смоленского археолога Е. А. Шмидта, дан подробный анализ этого вопроса [4; 3]. Лингвист Г. А. Хабургаев считает, что название «кривичи» балтского происхождения (балтский этноним «креиво», славянский патронимический суффикс «ич», «ичи»). По его мнению, этнонимы на «ичи», в том числе и кривичи, могли появиться в Восточной Европе не ранее IX в. Термину «кривичи» предшествовал этноним без суффикса «ич» [5, с. 196]. Эту точку зрения поддержал Э. М. Загорульский, который считает, что летописные группировки не предшествовали Руси, а были результатом ее более позднего этнического развития. Названия кривичей, дреговичей и радимичей могут быть объяснены на основании балтийских названий, говорит он, ссылаясь на С. М. Сердонина из «Исторической географии», что «...из местных названий IX в. летопись сделала» племена “восточного славянства”» [6, с. 10–15]. Таким образом, исследователь поддерживает Г. А. Хабургаева о дославянском происхождении названия «кривичи».

На наш взгляд, корни предков кривичей необходимо искать, прежде всего, в среде местного восточнобалтского населения, которое подверглось определенной ассимиляции, вызванной проникновением с середины и второй половины I тыс. н. э. сравнительно небольшой, но мощной в военно-политическом плане западнобалтийской (венедской) этнической группировки с Балтийского Поморья. С этого момента аборигенное восточнобалтское население Западно-двинского бассейна стало использовать курганные захоронения, правда, только на правобережье Западной Двины с тенденцией расширения в северном направлении пропорционально времени. Погребальный инвентарь, характер керамической посуды оставался по-прежнему идентичным местному балтскаму населению банцеровской археологической культуры, но уже в её атокинском варианте типа ранних длинных курганов 3-ей четверти I тыс. н. э. [7, с. 21]. Полагаем, что это и были предки летописных кривичей, а пока древние, так называемые «криевы», «кривы», которые и были вначале носителями культуры ранних длинных курганов V–VIII вв., а после унаследовали древности новой её модификации типа культуры – полоцко-смоленских длинных курганов IX–XII вв. (КПСДК).

Этногруппировки, которые находились в составе этих переселенцев, оказавшись в среде местного восточнобалтского населения на протяжении V–VIII стст., были фактически ассимилированы, однако, привнесли определенное своеобразие в этнокультурное развитие аборигенного населения. Сам характер курганного погребального обряда с соответствующим инвентарем и, в том числе, бронзовые женские украшения, находят, чаще всего, аналогии в древностях Литвы и Латвии. Это характерно как для территории Северной Беларуси, так и для региона Верхнего Поднепровья [4; 8; 9; 10; 7; 11; 12; 3; 13].

Можно с точностью утверждать, что мы тут наблюдаем элементы новой этнокультурной новации, которая сформировалась как на основе развития местной материальной культуры, так и за счет привнесенных новых элементов. Это явление широко распространилось на Подвинье, в Верхнем Поднепровье, включая сопредельные территории, и стало известной в летописях под именем кривичи. Поэтому и не случайно, и показательно, что летописцы не могли дать конкретную этническую и языковую идентификацию кривичам. Этническая составляющая кривичей, на наш взгляд, включает в себя симбиоз местных восточнобалтских и пришлых западнобалтских элементов на ранней стадии этнокультурного развития; с привнесением славянской окультурации (языковой и религиозной) на поздней стадии. Известный исследователь древностей кривичей, смоленский профессор Е. А. Шмидт, считает, что особенности культуры первоначальных кривичей (кревов) сформировались в пределах Восточной Литвы и сопредельных территорий Латвии, ибо вся материальная культура населения, начиная с середины I тыс. н. э., имела основные типы вещей, на грунте которых только и могла сформироваться культура смоленско-полоцких (или полоцко-смоленских – *В. Ш.*) длинных курганов (КСПДК) [3, с. 120].

Население эпохи культуры длинных курганов большинство ученых археологов называют кривичами. Как указывалось выше, лингвисты считают, что этноним «кривичи» по своему происхождению является не славянским, а балтским. Это обосновано в специальной научной литературе. Например, М. Фасмер выводил этот этноним от имени родоначальника «Крив» и находил этому слову аналогии в литовской, латышской и других языках балтских народов [14]. Также балтским рассматривает этноним «кривичи» лингвист Г. А. Хабургаев, но объясняет его происхождение иначе. Он считает, что термину «кривичи» предшествовал этноним без суффикса «ич-и». На его взгляд, необходимо исходить из «Krieva» или «Kreiuva», и что этот термин должен принадлежать дославянскому населению, которое в VIII–IX вв. подверглось славянизации, и поэтому этноним на «ичи» не мог появиться ранее IX в. Г. А. Хабургаев убедительно доказал, что была традиция называть термином на «ич-и» «ассимилируемые инородные группы» [5, с. 196].

Процесс этнокультурного развития кривичей (Krieve), по нашему мнению, имел два основных периода: балтский (дославянский) – вторая половина I тыс. н. э. – и балто-сла-

вянский – X–XII вв. – до момента исчезновения их со страниц летописей. Активная (в основном, языковая) ассимиляция местного населения развернулась позже, уже с широким притоком славянского населения, главным образом, в городских пунктах, а также с государственными процессами и христианизацией края, скорее всего, в конце X века. В этот отрезок времени происходит конвергенция культур местного населения и пришлого, преимущественно, славянского населения, с одновременным процессом ассимиляции или окультурации аборигенов. Так, постепенно все население в рамках одного Полоцкого государства стало называться кривичами. Надо отметить, что отдельные группы местного населения на разных стадиях ассимиляции, как и основные элементы их культуры, сохранялись и дальше, почти до XII–XIII вв. Археологически это заметно фиксируется на северо-западной окраине территории Беларуси, где в погребениях продолжает еще широко применяться набор балтских женских украшений. Наличие преобладающего количества балтских элементов в материальной культуре местного населения к XI в. н. э. свидетельствует о том, что этнокультурное развитие населения на севере Беларуси шло в родственной среде в течение длительного времени.

Что касается славянского заселения края, то здесь мы имеем существенные хронологические различия от восточной территории Верхнего Поднепровья, где уже на рубеже VIII–IX вв. наблюдается приток славянского населения, которое основало крупные поселения как опорные пункты славянской колонизации земель «Крево-Krieva». Это подтверждается и появлением ряда славянских могильников из круглых насыпей уже с ингумацией, которые датируются временем от IX до начала XII вв. н. э. В захоронениях этих курганах отсутствует набор балтских вещей, характерных для КСПДК. Это характерно для территории Смоленского Поднепровья, где выявлены славянские курганные насыпи в составе могильников кривичей КСПДК. Отсутствие этого синхронного явления на территории северо-запада Беларуси свидетельствует о более позднем процессе окультурации и конвергенции материальной культуры местного населения. Эти процессы, по-видимому, начались здесь с конца X в. н. э. Они усиливались и становились необратимыми с момента вхождения местного населения в состав Полоцкого государства.

С конца X в. в ходе процесса окультурации (главным образом, языковой) населения КСПДК (Крево), их начинают называть как кривичами, так и полочанами. Видно, в конце этого периода этноним кривичи распространяется на широком пространстве восточнобалтских и финно-угорских племен, приобретая славянский патронимический суффикс «чи». Что касается территории Полоцкого Подвинья, то здешние Кревы стали называться полочане, но суть и сходство физического облика лето-литовского (восточнобалтского – *В. Ш.*) населения сохраняется, что объясняется, «проявлением единого антропологического субстрата» [15, с. 253]. Кстати, известный белорусский антрополог А. И. Микулич в процессе исследований установил, что белорусский, украинский и русский этносы сформировались в различном территориальном пространстве, на разных субстратных праосновах, сохранили до сегодняшнего времени собственные генофонды, которые имели свои особые признаки [16, с. 96].

Кривичи, расселившись по верховьях Немана, Западной Двины, Днепра и Волги, держали в своих руках узлы всех главных путей Восточной Европы. Это способствовало их еще большему расселению, но, с другой стороны, различные речные бассейны, которые они заняли, и различные этнокультурные влияния, которые они впитали в себя, разрушили их единство и племенную связь, поставив их в различные этнические, экономические и политические условия.

Полочане. Говоря о населении территории Полоцкого Подвинья, письменные источники и историческая литература называют «полочан». Сосредоточим внимание на весьма важных моментах, связанных с размещением «полочан», их происхождением по данным письменных и археологических источников. Для начала отметим, что это, прежде всего, этноним, а не просто жители Полоцка, и на это указывает текст летописи: «...а друзии се-

доша на Двине и нарекошася Полочане, речьки ради, яже втечеть в Двину, имянем Полота от сея прозвашася Полочане...» [1, с. 11]. Потом уже возникает «княжение на Полоте иже полочане» с центром в Полоцке (Полотеск – *В. Ш.*). Расселив славянские племена, летописец сообщает «...и тако разидеся словеньский языкь, тем же и грамота прозвася словеньская...» [1, с. 11]. Здесь среди славянских племен, владеющих славянским языком, кривичи не названы. Они, как упоминалось выше, уже сидят на своих территориях до прихода славян. В другом месте летописи указывается, что «...первии насельници в Полотьски кривичи...» [1, с. 18], а не славяне-полочане или варяги.

Рассмотрим трактовку следующего сообщения летописи «...полочане...От них же кривичи...» [1, с. 13]. Как известно, вопрос о происхождении кривичей в летаписи не рассматривается, однако, в наше время при переводе текста «Повести временных лет» на современный русский язык, сделанным Д. С. Лихачевым сказано «...полочане. От этих последних произошли кривичи…» [1, с. 209]. С таким переводом и трактовкой нельзя согласиться. В летописи «...полочане...От них же кривичи иже седят на верх Волги» [1, с. 13]. Здесь словосочетание «От них же» означает точную географическую последовательность при описании расселения славян от юга на север по правобережью Днепра, потом через Двину к озеру Ильмень и потом снова в бассейн Днепра на р. Десну. И это географическая последовательность дает полное основание эту часть летописи, относящейся к кривичам и полочанам, понимать так «...княжение другое на Полоте, где полочане. От них находятся кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра... ». Это означает местоположение кривичей в отношении полочан, а не их происхождение от последних. Подобное можно утверждать и о северянах, происхождение которых переводчиком выводится от кривичей. В летописи говорится «...туде бо седять кривичи. Таже север от нихь» [1, с. 13]. В переводе это звучит так: «Именно там сидят кривичи, от них же происходят и северяне...» [1, с. 209]. На самом же деле северяне не происходят от кривичей, а находились от них юго-восточнее, в Поднепровье, как соседи. Вот как перевод может влиять на очень важные моменты характеристики населения.

П. Н. Третьяков считал,что полочане – это одно из территориальных объединений, возникших не в результате расселения славян, а в результате распада первобытнообщинного строя [17, с. 222–234]. Скорее всего, здесь результат распада кривичского, а, точнее, еще кривского союза племен. Выделение особенностей в западном регионе племен можно относить к началу второй половины 1 тыс. н. э. На городище Полоцка зафиксированы материалы 3-й четверти I тыс. н. э. Поэтому первоначальную историю предков полочан надо увязывать с этим фактором, а не с IX в., когда уже славяне-полочане создают здесь «княжение» и превращают свой племенной центр в хорошо укрепленный город-крепость, который известен по летописям как Полотескь.

На наш взгляд, прав Г. А. Хабургаев [5, с. 112], когда соотносит полочан не столько с территориальным термином, сколько с диалектно-этнографической группой Среднего Подвинья (Центральный регион Белорусского Подвинья – *В. Ш.*). Поэтому особенности кривичей-полочан в археологической интерпретации связаны, как уже мы отмечали, со специфичностью культуры ранних длинных курганов V–VIII вв. Полоцкого Подвинья и банцеровской культуры в ее атокинском варианте. Эту особенность можно связывать, главным образом, с межплеменной дифференциацией в восточнобалтском массиве населения Белорусского Подвинья.

Латгалы. На территории Полоцкого Подвинья к аборигенному населению можно относить и предков латгалов (летописной «летьголы»).

Еще в XIX в. высказывалось мнение, что летописная «летьгола» жила гораздо выше по Западной Двине [18, с. 43]. Данные топонимики свидетельствуют о том, что на севере Беларуси довольно широко распространены топонимы с формантом «лат» (Латанишки, Латавщина, Латушко, Латыгово, Латыголь, Латыголичи, Латышка, Латышова, Латыши, Латышонки). Таких названий здесь можно насчитать более 30 [19, с. 224–225]. Они разбро-

саны по всему Подвинью, но наибольшая концентрация их наблюдается в Витебском Подвинье. Особо отметим топоним «Латыголь» (производные – Латыговка, Латыголичи и др.), что, как известно, означает «конец лоты» [14, с. 466]. Эти названия чаще встречаются в Витебском Подвинье: Чашникском, Толочинском, Сенненском, Витебском, Городокском районах. Носители днепро-двинской археологической культуры эпохи железа были предками лоты, лотвы, латыголы («летьголы»). Они населяли не весь ареал данной культуры, а ее западную часть. Выделенный нами в Подвинье западный вариант этой культуры и соответствует территориальному расселению предков «летьголы». С течением времени это население продвинулось на запад, а название закрепилось за восточной частью современной Латвии – Латгалии [7, с. 110].

На сегодняшний день существует твердое убеждение латышских исследователей, что латгалы как этнос сформировались в 3-й четверти I тыс. н. э., и толчок этому процессу дали миграции с юго-востока, в основном с территории Витебского Подвинья и Верхнего Поднепровья [20, с. 72–73; 21, с. 207–220]. Так, Я. Циглис отмечает, что специфика латгальской культуры носит ярко выраженный восточнобалтский характер и отличается от местных предшествующих культур. В VI–VII вв. н. э. на территории Латгалии появляются украшения, которые имеют более ранние аналогии в Поднепровье (трапециевидные подвески, подковообразные фибулы со спиральными концами, браслеты с круглой дугой и утолщенными концами, посоховидные булавки и т. д.) [22, с. 87–88].

Если развивать эту мысль, то необходимо упомянуть данные по миграции в Верхнее Поднепровье (на Посожье – *В. Ш.*) ляхов, в составе которых были галинды (голядь) и ятвяги. Возможно и название летьгола происходит от ранних этнонимов, а именно, ляхов и галиндов (голяди), которые оказались на Посожье. Трансформация этнонима возможна в следующем варианте: *ляхголядь-лятголядь-латгола-летыгола-летгола-летописная летьгола*. Продвижение их из Верхнего Поднепровья в бассейн Западной Двины и на территорию современной Восточной Латвии фиксируется археологически как курганами с каменными оградками, так и наборами типично латгальских украшений в погребениях, выявленных в днепро-двинском междуречье и Белорусском Подвинье [7, с. 112]. Таким образом, утверждение о миграции предков латгалов из Верхнего Поднепровья потверждается белорусскими материалами.

В свое время, еще Е. Ф. Карский обратил внимание на большое количество в белорусском языке латышских и литовских слов [23, с. 384–398]. Изучая белорусские диалекты Поднепровья и Подвинья, С. М. Прохорова выявила распространение в этих районах латышских изоглос [24, с. 16].

Выше отмечалось, что этнонимы на «ичи» не могли появиться раньше славянской колонизации этих районов. Повторим, что подобными терминами называли именно те этнические группировки, которые были ассимилированы славянами. В отличие от этнонима «кривы», этноним «латыголь» не успел получить славянский суффикс «ич» (исключение «Латыголичи» в Чашницком районе – *В. Ш.*), так как значительная часть этой этнической группировки мигрировали на территорию Восточной Латвии (современный этнорегион Латгале – *В. Ш.*). И это миграция, скорее всего, была связана с широкой активностью славяноязычного этнического компонента на Подвинье и Верхнем Поднепровье. Она была связана с активизацией процессов становления государственности и христианизацией края, что, в свою очередь, способствовало окультурации, или вытеснению балтской группировки «летьголы» с Белорусского Подвинься в сторону современной Латвии. Сохранившиеся названия без славянского суффикса объяснить можно сохранением отдельных островков чисто балтского населения среди окружающих их славянского или уже славянизированного населения.

Э. М. Зайковский, указывая на то, что в белорусских говорах слово латыгаль обозначает голое место в лесу (поляна, пустошь, опушка), и отсюда название племени можно объяснять как аналог славянскому поляне. Он предполагает, что латыголью, вероятно, называ-

лось население банцеровской культуры, которое занимало северную часть современной территории Беларуси [25, с. 54–55].

В гипотетическом плане можно высказать мысль, что предки латгалов это те же ранние кривичи, которые не подверглись славянизации и постепенно вытеснялись в западном направлении. Археологическим подтверждением этому предположению может служить факт почти абсолютного сходства древностей IX–XI вв. (особенно женских украшений – *В. Ш.*) кривичей (КПСДК) и собственно латгалов [7, табл. 31; 3].

Таким образом, со второй половины I тыс. н. э. на территории Северной Беларуси археологически зримо наблюдается проникновение, развитие и конвергенция разнообразных материальных и культурных элементов, носителями которых были древние западнобалтские «кревы, кривы», славянские полочане, местные балтские группировки (летьгола).

С течением времени, эти процессы способствовали возникновению характерных особенностей в языке, материальной и духовной культуре населения, которое вошло в состав Полоцкого государства. Это и легло впоследствии в основу процесса формирования белорусского этноса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Повесть временных лет: в 2 ч. Ч. 1: Текст и перевод / подг. текста Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Андриановой-Перетц. Москва–Ленинград: АН СССР, 1950.

2. Дермант А., Санько С. Этногенез белорусов: наука и идеология // Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века. Минск, 2011.

3. Шмидт Е. А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск: Б. и., 2012.

4. Штыхаў Г. В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск: Навука і тэхніка, 1992.

5. Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. Москва: МГУ, 1979.

6. Загорульский Э. М. О летописных «племенах» восточных славян // Веснік БДУ. Серыя III. 1992. № 3.

7. Шадыра В. І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.). Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2006.

8. Штыхаў Г. В. Культура ранніх доўгіх курганоў (VI–VII стст.) // Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск, 1999.

9. Штыхаў Г. В. Лужаснянскі археалагічны комплекс каля Віцебска // МАБ. 2003. № 8.

10. Дучыц Л. У. Браслаўскае Паазер'е ў IX–XIII стст. Мінск: Навука і тэхніка, 1991.

11. Шмидт Е. А. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. Москва, 1968.

12. Шмидт Е. А. Особенности этнокультурного развития племен Смоленского Поднепровья и смежных территорий в VIII–X веках н. э. // ГАЗ. 2006. № 22.

13. Вайцяховіч, А. В. Распаўсюджванне пахавальнага абраду інгумацыі на тэрыторыі Полацкай зямлі ў канцы X–XII ст. // МАБ. 2011. Вып. 20.

14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 (Е – Муж) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Москва: Прогресс, 1967.

15. Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. Москва: МГУ, 1973.

16. Микулич А. Беларусы в генетическом пространстве (антропология этноса) // Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века. Минск, 2011.

17. Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. Москва: АН СССР, 1953.

18. Барсов П. Н. Очерки русской исторической географии. 2-е издание. Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1885.

19. Рапановіч Я. Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці. Мінск: Навука і тэхніка, 1977.

20. Денисова Р. Я. География антропологических типов балтских племен и этногенетические процессы в начале тысячелетия н. э. на территории Литвы и Латвии // Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетические процессы. Рига, 1990.

21. Радиньш А. К вопросу об этнической истории латгалов // ГАЗ. 1997. №12.

22. Циглис Я. Роль юго-восточных связей в процессе формирования латгальской культуры // Беларусь у сістэме трансеўрапейскіх сувязяў у 1 тысячагоддзі н.э. Мінск, 1996.

23. Карский Е. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. Москва: АН СССР, 1962.

24. Прохарава С. М. Славяна-балтыйскія сінтаксічныя ізаглосы. Мінск: Навука і тэхніка, 1993.

25. Зайковский Э. М. Балто-славянские контакты в Центральной и Восточной Беларуси в средневековье (по данным археологии и письменных источников) // Acta Baltico-Slavica. 2006. Т. XXX.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баюк Виктор Геннадиевич – заместитель директора Государственного историко-культурного заповедника в городе Луцк (Луцк, Украина).

Белявец Вадзім Георгіевіч – дацэнт кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін БДУ, кандыдат гістарычных навук (Мінск, Беларусь).

Ваганова Алла Николаевна – доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин БГУ, кандидат исторических наук, доцент (Минск, Беларусь).

Войтюк Алексей Петрович – заведующий отделом реставрации Ровенского областного краеведческого музея (Ровно, Украина).

Воронцов Алексей Михайлович – ученый секретарь Государственного музея-заповедника «Куликово поле», кандидат исторических наук (Тула, Россия).

Гурьянов Валерий Николаевич – начальник отдела научных исследований Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, начальник Курганного отряда Брянской древнерусской экспедиции (Брянск, Россия).

Егарэйчанка Аляксандр Андрэевіч – загадчык кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін БДУ, доктар гістарычных навук, прафесар (Мінск, Беларусь).

Загорульский Эдуард Михайлович – археолог, доктор исторических наук, профессор (Минск, Беларусь).

Зыль Алеся Віктараўна – аспірант кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін БДУ (Мінск, Беларусь).

Иов Олег Вильгельмович – старший научный сотрудник отдела археологии Средних веков и раннего Нового времени Института истории НАН Беларуси, кандидат исторических наук (Минск, Беларусь).

Касюк Алена Фёдараўна – навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі Сярэдніх вякоў і ранняга Новага часу Інстытута гісторыі НАН Беларусі (Мінск, Беларусь).

Клімаў Марат Васільевіч – старшы навуковы супрацоўнік аддзела захавання і выкарыстання археалагічнай спадчыны Інстытута гісторыі НАН Беларусі, кандыдат гістарычных навук (Мінск, Беларусь).

Колединский Леонид Владимирович – старший научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, кандидат исторических наук, доцент (Минск, Беларусь).

Курловіч Паліна Сяргееўна – навуковы супрацоўнік аддзела захавання і выкарыстання археалагічнай спадчыны Інстытута гісторыі НАН Беларусі, выкладчык кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін БДУ, кандыдат гістарычных навук (Мінск, Беларусь).

Левко Ольга Николаевна – заведующая Центром археологии и древней истории Беларуси Института истории НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор (Минск, Беларусь).

Линденков Дмитрий Николаевич – заведующий отделом археологии и охраны историко-культурного наследия Государственного историко-культурного учреждения «Гомельский дворцово-парковый ансамбль».

Ліпніцкая Вольга Львоўна – дацэнт кафедры крыніцазнаўства, кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін БДУ, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (Мінск, Беларусь).

Милашевский Александр Степанович – научный сотрудник отдела археологии ранних славян и региональных полевых исследований Института археологии НАН Украины, кандидат исторических наук (Киев, Украина).

Михайлова Елена Робертовна – заведующая Лабораторией археологии, исторической социологии и культурного наследия СПбГУ, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия).

Мядзведзева Вольга Уладзіміраўна – старшы навуковы супрацоўнік Цэнтральнага навуковага архіва НАН Беларусі, кандыдат гістарычных навук (Мінск, Беларусь).

Петров Юрий Юрьевич – сотрудник отдела археологических исследований Государственного музея-заповедника «Куликово поле» (Тула, Россия).

Плавінскі Уладзімір Аляксандравіч – выкладчык кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін БДУ (Мінск, Беларусь).

Почобут Наталья Александровна – ведущий научный сотрудник Учреждения культуры «Гродненский государственный историко-археологический музей», кандидат исторических наук (Гродно, Беларусь).

Прищепа Богдан Анатолиевич – доцент кафедры истории Украины Ровенского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук (Ровно, Украина).

Столяров Евгений Васильевич – заведующий отделом археологических исследований Государственного музея-заповедника «Куликово поле», кандидат исторических наук (Тула, Россия).

Теплова Валентина Анатольевна – доцент кафедры истории Беларуси Нового и Новейшего времени, кандидат исторических наук, доцент (Минск, Беларусь).

Ткач Виталий Викторович – заместитель главы совета Межрегиональной общественной научной организации «Дубенський археологічний осередок» (Дубно, Украина).

Чубур Артур Артурович – директор Научно-исследовательского центра комплексного изучения Среднеснинского региона, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, кандидат исторических наук, профессор Российской академии естествознания (Брянск, Россия).

Шадыро Вадим Иосифович – ведущий научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия Института истории НАН Беларуси, кандидат исторических наук, доцент (Минск, Беларусь).

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений……. 5

Егарэйчанка А. А., Мядзведзева В. У., Ліпніцкая В. Л. Кароткі нарыс навуковай, навукова-арганізацыйнай, педагагічнай, грамадскай дзейнасці прафесара Э. М. Загарульскага…… 6

Теплова В. А. Бремя собирать камни…….. 32

Загорульский Э. М. Другого Минска не было…….. 36

Загорульский Э. М. Полоцкий князь Борис Всеславич …….. 42

Белявец В. Г. Новыя знаходкі фібул тыпу Грудэк-47: да пытання аб фінале помнікаў вельбарскай культуры на тэрыторыі Беларусі …… 48

Ваганова А. Н. Палеоантропологические открытия XXI века …….. 60

Воронцов А. М., Столяров Е. В. Группа селищ мощинской культуры на р. Воздремок …….. 67

Гурьянов В. Н., Чубур А. А. Ландшафтный фактор в славянском освоении Среднего и Верхнего Подесенья в IX–XI веках…….. 77

Иов О. В. Особенности этнической структуры населения раннегородских центров Южной Беларуси в X – начале XI в.……. 83

Касюк А. Ф. Славянскія старажытнасці VIII–X ст. на тэрыторыі Беларускага Палесся……. 93

Клімаў М. В. Праблема храналагічнай стратыфікацыі XVI ст. (па матэрыялах з Полацкага Падзвіння)...……...……... 101

Колединский Л. В. К вопросу о планировке и застройке городов XI–XVII вв. на территории Беларуси (по данным раскопок Верхнего замка Витебска и Слуцка)……. 110

Колединский Л. В., Почобут Н. А. Колты XII в. из раскопок детинца летописного Слуцка…….. 135

Курловіч П. С., Зыль А. В. Гутныя шкляныя вырабы з Копысі (па матэрыялах раскопак Э. М. Загарульскага ў 1972 г.)…….. 142

Левко О. Н. Ранние славяне Центральной и Северной Беларуси по археологическим данным…… 151

Линденков Д. Н. Керамика в погребальном обряде курганного могильника у д. Новый Кривск…… 158

Милашевский А. С., Ткач В. В., Баюк В. Г., Прищепа Б. А., Войтюк А. П. Хронологические индикаторы финального этапа памятников вельбарской культуры на территории Украины …… 164

Михайлова Е. Р. «Балтский след» в культуре псковских длинных курганов?……. 173

Петров Ю. Ю. Новые нумизматические находки конца XIV–XV вв. с территории Тульской области: к вопросу о денежном обращении на юго-восточном пограничье

Великого княжества Литовского……185

Плавінскі У. А. Знаходкі наканечнікаў стрэл паўночнаеўрапейскіх тыпаў на тэрыторыі Беларусі…….. 190

Шадыро В. И. Этнокультурная ситуация на севере Беларуси накануне образования Полоцкого государства (лингво-археологический аспект) ……. 200

Сведения об авторах…… 208

На первой сторонке обложки – денежно-вещевой клад середины XIII в. из Городища Вищин Рогочевского района Гомельской области, раскопки Э. М. Загорульского, 1979 г. (фото А. А. Алексеева и А. В. Лукашевича).

Научное издание

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В I – НАЧАЛЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ

Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Э. М. Загорульского

Минск, 6–7 декабря 2018 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *П. С. Курлович*

Подписано в печать 16.11.2018. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 24,64. Уч.-изд. л. 13,7.
Тираж экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.